

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

6 (42) 2015

**Журнал выходит по решению руководителей экономических институтов РАН:
Северо-Западного федерального округа**

Институт экономики Карельского научного центра РАН (Республика Карелия)
Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Мурманская область)
Институт социально-экономического развития территорий РАН (Вологодская область)

руководства

Санкт-Петербургского государственного экономического университета
Череповецкого государственного университета (Вологодская область)

других регионов РФ

Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Республика Башкортостан)
Институт экономики Уральского отделения РАН (Свердловская область)

Редакционный совет:

Решением Минобрнауки России журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Журнал включен в Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Журнал включён в базы данных ВИНТИ РАН, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, а также в Российский индекс научного цитирования и представлен в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки (<http://www.elibrary.ru>).

С 2014 года Германская национальная экономическая библиотека включила журнал в свой фонд.

Журнал также направляется в Библиотеку Конгресса США.

Макаров В.Л., академик РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва, Россия)
Ивантер В.В., академик РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)
Окрепилов В.В., академик РАН, генеральный директор Центра испытаний и сертификации (ТЕСТ-Санкт-Петербург, Россия)
Татаркин А.И., академик РАН, директор Института экономики УРО РАН (Екатеринбург, Россия)
Витязь П.А., академик, руководитель Аппарата НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Никитенко П.Г., академик НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Лажнев В.Н., член-корреспондент РАН, советник РАН, гл.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)
Сапир Ж., проф., директор Высшей школы социальных наук (HESS), Центра исследований индустриализации (СЕМИ) (Париж, Франция)
Валентей С.Д., д.э.н., проф., научный руководитель Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия)
Гайнанов Д.А., д.э.н., проф., директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Уфа, Россия)
Дайнеко А.Е., д.э.н., проф., директор Института экономики НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Ильин В.А., д.э.н., проф., научный руководитель Института социально-экономического развития территорий РАН (Вологда, Россия)
Кибиткин А.И., д.э.н., проф., заместитель ректора по науке и стратегическому развитию Мурманского государственного технического университета (Мурманск, Россия)
Кивинен М., проф., директор Александровского института Хельсинского университета (Хельсинки, Финляндия)
Котляров И.В., д.с.н., проф., директор Института социологии НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Кузнецов С.В., д.э.н., проф., директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Россия)
Ларичкин Ф.Д., д.э.н., проф., директор Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Апатиты, Россия)
Максимцев И.А., д.э.н., профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия)
Полтерович В.М., академик РАН, зав. лаб. ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
Путилов А.В., д.т.н., проф., декан факультета управления и экономики высоких технологий Научно-исследовательского ядерного университета МИФИ (Москва, Россия)
Чукреев Ю.Я., д.т.н., директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН (Сыктывкар, Россия)
Штомпка Пётр, профессор, декан факультета теоретической социологии Ягеллонского университета (Краков, Польша)
Чжан Шухуа, доктор, проф., зам. начальника научного центра информации и документации Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)
Уэнюань, проф., Институт российских, восточно-европейских и центрально-азиатских исследований Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай)
Афанасьев Д.В., к.с.н., доцент, ректор Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

д.э.н., проф. Л.А. Аносова, д.э.н., проф. А.Г. Воробьев,
д.э.н., проф. Е.С. Губанова, к.э.н. К.А. Задумкин,
д.э.н. К.А. Гулин (зам. главного редактора), к.э.н. М.Ф. Сычев (зам. главного редактора),
к.филол.н. О.В. Третьякова (зам. главного редактора, отв. секретарь),
д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова, к.э.н. Г.В. Леонидова, к.э.н. С.В. Терёбова

Все статьи проходят обязательное рецензирование.

*Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.*

ISSN 1998-0698

Адрес в Интернете: <http://esc.vscac.ac.ru>

© ИСЭРТ РАН, 2015

FEDERAL AGENCY
FOR SCIENTIFIC ORGANIZATIONS

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES
OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

6 (42) 2015

The journal is published according to the decision of RAS economic institutions' administration in the North-West Federal District

Institute of Economics of Karelian Scientific Centre of RAS (Karelia Republic)
G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of RAS (the Murmansk Oblast)
Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS (the Vologda Oblast)

and according to the decision of the administration of

Saint Petersburg State University of Economics and Finance
Cherepovets State University (the Vologda Oblast)

and RAS institutions of other RF regions

Institute of Social and Economic Research of Ufa Science Centre of RAS (Bashkortostan Republic)
Institute of Economics of the Ural RAS Department (the Sverdlovsk Oblast)

According to the decision of the Russian MES the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

The Journal is covered in Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI).

The journal is included into databases: VINITI RAS, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, and also into the Russian Science Citation Index, and is presented in the open access on the platform of the Scientific e-Library (<http://www.elibrary.ru>).

In 2014 the German National Library of Economics included the Journal into its fund.

The journal is also sent to the Library of Congress, the USA.

Editorial Council:

Makarov V.L., RAS Academician, Director of the Central Economic Mathematical Institute of the RAS (Moscow, Russia)
Ivanter V.V., RAS Academician, Director of the Institute of Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)
Okrepilov V.V., RAS Academician, General Director of State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (St. Petersburg, Russia)
Tatarkin A.I., RAS Academician, Director of the Institute of Economics, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)
Vityaz P.A., Academician, Head of Academy Staff of the NASB (Minsk, Belarus)
Nikitenko P.G., Academician of the NASB (Minsk, Belarus)
Lazhentsev V.N., RAS Corresponding Member, RAS Advisor, Senior Research Associate of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
Sapir J., Professor, Director of Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Head of the Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMI-EHESS) (Paris, France)
Valentey S.D., Doctor of Economics, Professor, Supervisor of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)
Gaynanov D.A., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of the RAS (Ufa, Russia)
Dayneko A.E., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the NASB (Minsk, Belarus)
Ilyin V.A., Doctor of Economics, Professor, Scientific Director of the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the RAS (Vologda, Russia)
Kibitkin A.I., Doctor of Economics, Professor, Vice Rector for Science and Strategic Development of the Murmansk State Technical University (Murmansk, Russia)
Kivinen M., Professor, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Kotlyarov I.V., Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of NASB (Minsk, Belarus)
Kuznetsov S.V., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Regional Economics (St. Petersburg, Russia)
Larichkin F.D., Doctor of Economics, Professor, Director of Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of the RAS (Apatity, Russia)
Maksimtsev I.A., Doctor of Economics, Professor, Rector of the Saint Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia)
Putilov A.V., Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean at the Department of Management and Economics of High Technologies of National Research Nuclear University MEPhI (Moscow, Russia)
Polterovich V.M., RAS Academician, Head of Laboratory of the Central Economics and Mathematics Institute (Moscow, Russia)
Chukreev Yu.Ya., Doctor of Technical Sciences, Director of the Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)
Sztompka, P., Professor, Dean at the Department of Theoretical Sociology of the Jagiellonian University (Kraków, Poland)
Zhang Shuhua, Doctor, Professor (Beijing, China), Deputy Director of the Center for Documentary and Information of the Chinese Academy of Social Sciences
Wu Enyuan (Beijing, China), Professor, the Institute of Russian, Eastern European & Central Asian Studies of the Chinese Academy of Social Sciences
Afanashev D.V., Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Rector of Cherepovets State University (Cherepovets, Russia)

Chief Editor - V.A. Ilyin

Editorial Board:

Doctor of Economics, Professor L.A. Anosova, Doctor of Economics, Professor A.G. Vorobyov,
Doctor of Economics, Professor E.S. Gubanova, Ph.D. in Economics K.A. Zadumkin,
Doctor of Economics K.A. Gulin (Deputy Chief Editor), Ph.D. in Economics M.F. Sychev (Deputy Chief Editor),
Ph.D. in Philology O.V. Tretyakova (Deputy Chief Editor, Executive Editor),
Doctor of Economics T.V. Uskova, Doctor of Economics A.A. Shabunova,
Ph.D. in Economics G.V. Leonidova, Ph.D. in Economics S.V. Terebova

*All research articles submitted to the Journal are subject to mandatory peer-review.
Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view.
Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.*

ISSN 1998-0698

Internet address: <http://esc.vsc.ac.ru>

© ISED T RAS, 2015

VII Международная научно-практическая конференция

4 декабря 2015 г. ИСЭРТ РАН отметил 25-летие со дня основания. К этой дате была приурочена VII Международная конференция «Стратегия и тактика социально-экономических реформ: региональный аспект». Её организаторами выступили Федеральное агентство научных организаций, Российская академия наук, Правительство Вологодской области, Департамент стратегического планирования Вологодской области, Администрация города Вологды и Институт социально-экономического развития территорий РАН. Цель конференции – развитие теории и практики социально-экономического реформирования и перспектив развития российских регионов в контексте модернизационных преобразований. В этом значительном событии научной жизни региона приняли участие свыше 300 человек.

В ходе пленарных заседаний были заслушаны и обсуждены доклады академика Горшкова М.К. – директора Института социологии РАН; члена-корреспондента РАН Гринберга Р.С. – научного руководителя Института экономики РАН; члена-корреспондента РАН Лаженцева В.Н. – советника РАН, главного научного сотрудника Института социально-экономических и энергетических проблем Севера КНЦ УрО РАН; Шерлыгина А.И. – первого заместителя Губернатора Вологодской области; Локосова В.В. – директора Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, д.э.н.; Афанасьева Д.В. – ректора Череповецкого государственного университета, к.с.н.; Маркина В.В. – руководителя Центра региональной социологии и конфликтологии ИС РАН, д.с.н.; Шулупова Е.Б. – Главы города Вологды, Губанова С.С. – главного редактора журнала «Экономист», д.э.н.; Кувалина Д.Б. – заместителя директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, д.э.н.; Валентя С.Д. – научного руководителя Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, главного редактора журналов «Федерализм» и «Общественные науки и современность», д.э.н.; Пономаревой С.А. – начальника Департамента стратегического планирования Вологодской области, к.э.н.; Янкова К.В. – зав. лабораторией ИНП РАН, члена Экспертного совета при Правительстве РФ, к.э.н.; Егорова В.К. – ученого секретаря Центра исследования проблем безопасности РАН, к.и.н.; Гулина К.А. – заместителя директора ИСЭРТ РАН, д.э.н.

Выступающие констатировали, что социально-экономическое положение страны по-прежнему характеризуется большой зависимостью от сырьевой конъюнктуры, технической отсталостью промышленного производства, опасным уровнем социально-экономического неравенства, наличием серьезной проблемы для инициативы в бизнесе, существенными проблемами в управлении социальной сферой.

Последняя сессия «Формирование и развитие академического подразделения Российской академии наук в регионе. 25-летие ИСЭРТ РАН» в рамках конференции прошла в Вологодской областной филармонии им. В.А. Гаврилина.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» вошел в самую авторитетную международную базу научных публикаций Web of Science

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» (англоязычная версия; ISSN: 2307-0331), издаваемый Институтом социально-экономического развития территорий РАН, вошел в индекс цитирования **Emerging Sources Citation Index** (Индекс цитирования появляющихся источников; ESCI), который является новой базой данных в составе Универсальной коллекции **Web of Science (Web of Science Core Collection)**.

Индекс цитирования ESCI создан компанией Thomson Reuters с целью увеличить масштабное собрание публикаций Web of Science за счет качественных рецензируемых публикаций в недавно появившихся научных источниках. Это восьмой по счету индекс в Универсальной коллекции наряду с такими индексами, как Расширенный научный индекс цитирования (Science Citation Index Expanded – SCIE), Индекс цитирования в общественных науках (Social Sciences Citation Index – SSCI), Индекс цитирования в гуманитарных науках и искусстве (Arts & Humanities Citation Index – A&HCI) и Индексы цитирования материалов конференций и книг (4 индекса).

В компании Thomson Reuters поясняют, что новый индекс цитирования ESCI был открыт, потому что возникла необходимость представить информацию для проведения оценки и анализа исследований в большем объеме, охватить региональный контент, имеющий важное значение, а также не упустить ранние стадии развития появляющихся (или недавно появившихся и развивающихся) областей знаний и тенденций.

Журнал, представленный в индексе цитирования ESCI, расценивается редакцией Thomson Reuters как журнал востребованный и цитируемый. Все издания, включенные в индекс, соответствуют базовым критериям отбора Web of Science. Включение журнала в ESCI предоставляет возможность оценить вклад каждого автора для продвижения научной темы.

Всего в перечень включены уже 2400 научных журналов. Среди них 16 российских журналов, в том числе и журнал ИСЭРТ РАН.

Ссылка для быстрого поиска журнала в WoS:

<http://ip-science.thomsonreuters.com/cgi-bin/jrnlst/jlresults.cgi?PC=EX&Alpha=E>

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А.* Эффективность государственного управления и накапливающиеся проблемы социального здоровья 11
- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 30

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

- Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Калачикова О.Н.* Дети и молодежь в России: глобальные вызовы современности 36

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА

- Гулин К.А., Ермолов А.П.* Национальная промышленная политика России в рамках неоиндустриального вектора развития: концептуальные подходы 58

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Крошилин С.В., Леонова Ж.К., Медведева Е.И., Иванина В.М.*
Типологические особенности экономического развития регионов России в условиях развития непрерывного образования 78
- Панов А.М.* Эффективность регулирования рынка труда региона (на примере антикризисных мероприятий) 91

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

- Красова Е.В., Ма Инсинь.* Свободный порт Владивосток: условия развития, перспективы, риски 108

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Лаврикова Ю.Г., Суворова А.В., Котлярова С.Н.* Учет мультипликативного эффекта как обязательный элемент оценки последствий реализации социальных программ 123
- Селин В.М.* Методологические аспекты анализа и оценки среднелюдиного потребления рыбы и морепродуктов населением РФ 139

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Чекавинский А.Н., Ворошилов Н.В. Территориальное общественное самоуправление как институт развития на муниципальном уровне 153

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Гусаков М.А., Федорова А.В. Выявление характерных черт структурных изменений научно-инновационного процесса 169

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Мазикова Е.В., Юманова Н.Н. Инвестиции банков в ценные бумаги: сущностный аспект и тенденции развития в современных условиях 185

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Чэнь Нин. Исследование участия общественности в охране окружающей среды Китая 203

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Козырева О.В. Феномен социального института и его теоретическое определение 214

Бийжанова Э.К. Российско-казахстанское приграничье: социологический анализ 224

Русанов А.В. Специфика дачной субурбанизации в России на примере Московского региона 232

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ. НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

Локосов В.В. Рецензия на монографию «Анализируя прошлое, думать о будущем» (под науч. рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина) 246

Список статей, опубликованных в 2015 году 249

Требования к оформлению статей 253

Информация о подписке 258

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

- Ilyin V.A.* Public Administration Efficiency and the Aggravation of Public Health Issues11
Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society..... 30

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

- Shabunova A.A., Leonidova G.V., Kalachikova O.N.* Children and Young People
in Russia: Global Challenges of Modernity 36

INDUSTRIAL POLICY

- Gulin K.A., Ermolov A.P.* National Industrial Policy of Russia in the Framework
of Neo-Industrial Vector of Development: Conceptual Approaches..... 58

SOCIAL DEVELOPMENT

- Kroshilin S.V., Leonova Zh.K., Medvedeva E.I., Ivanina V.M.* Typological Features
of Economic Development in Russian Regions under the Conditions
of Development of Continuous Education 78
Panov A.M. Effectiveness of Labor Market Regulation in the Region
(Case Study of Crisis Response Measures) 91

REGIONAL ECONOMICS

- Krasova E.V., Ma Yingxin.* Free Port of Vladivostok: Development Conditions,
Prospects, Risks 108

BRANCH-WISE ECONOMICS

- Lavrikova Yu.G., Suvorova A.V., Kotlyarova S.N.* Accounting of Multiplier Effect
as a Required Element in Assessing the Effects of Social Programs 123
Selin V.M. Methodological Aspects of Analyzing and Assessing the Per Capita
Consumption of Fish and Seafood in the Russian Federation 139

DEVELOPMENT OF MUNICIPAL FORMATIONS

- Chekavinskii A.N., Voroshilov N.V.* Territorial Public Self-Government
as a Development Institution at the Municipal Level 153

INNOVATION DEVELOPMENT

- Gusakov M.A., Fedorova A.V.* Identification of Characteristic Features
of Structural Change in the Research and Innovation Process 169

CRITICAL ECONOMIC ISSUES

- Mazikova E.V., Yumanova N.N.* Investments of Banks in Securities: the Essence
and Development Trends under Current Conditions 185

FOREIGN EXPERIENCE

- Chen Ning.* Research on Issues of Public Participation in Environmental 203

YOUNG RESEARCHERS

- Kozyreva O.V.* The Phenomenon of Social Institution and Its Theoretical Definition 214
- Biiizhanova E.K.* Russia-Kazakhstan Border-Zone: Sociological Analysis 224
- Rusanov A.V.* Russian Specifics of Dacha Suburbanization Process: Case Study
of the Moscow Region 232

SCIENTIFIC REVIEWS. OPINIONS

- Lokosov V.V.* Review of the Monograph: “While Analyzing the Past, to Think about
the Future” (under the scientific supervision of Doctor of Economics,
Professor V.A. Ilyin) 246

Index of articles published in 2015 249

Requirements to manuscripts 253

Subscription information 258

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc/2015.6.42.1
УДК 338(470), ББК 65.050.11(2Рос)

© Ильин В.А.

Эффективность государственного управления и накапливающиеся проблемы социального здоровья

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ilin@vscc.ac.ru

3 декабря 2015 г. Президент РФ В.В. Путин в очередной раз обратился к Федеральному Собранию с Посланием. По итогам его анализа эксперты отметили встревоженность и озабоченность главы государства в отношении эффективности выполнения озвученных им приоритетных задач развития.

В.В. Путин уже неоднократно призывал Правительство в кратчайшие сроки реализовать действенные меры по конкретным проблемам. Однако этого не происходит, и поэтому, на наш взгляд, озабоченность Президента вполне оправданна.

Большую тревогу вызывают тенденции социального здоровья регионального общества, отмечаемые по результатам последних исследований ИСЭРТ РАН.

В настоящее время Россия является страной, от которой во многом зависит решение важнейших международных вопросов, поэтому она не может оставаться в стороне от глобальных вызовов, связан-

ных не только с активизацией международного терроризма, но и с постепенным изживанием себя капиталистической системы (в рамках которой привыкли существовать большинство развитых стран)¹, с перехо-

¹ «Сегодня в мире накапливаются причины для кризиса именно структурного, то есть неразрешимого в пределах стандартных политических и инвестиционных решений наших дней. Этот кризис будет куда более серьезным, чем Великая рецессия, начавшаяся в 2008 г... Пределы роста капитализма обозначились на практике еще в начале 1970-х гг., и с тех пор кризисы не преодолевались, а перекладывались из одной сферы в другую, перебрасывались из одного района мира в другой. Бесконечно такое продолжаться не может, и в течение следующих трех или четырех десятилетий мировой капитал, переполняя глобальный рынок и подвергаясь при этом с разных сторон непреодолимому давлению налоговых, социальных и экологических издержек, может столкнуться со структурной невозможностью находить достаточно надежные и выгодные инвестиционные решения» (Есть ли будущее у капитализма? / И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн, Г. Дерлугьян, К. Калхун // Информационный портал «Русский бастион» аналитического центра мир-системных исследований. — Реж. дост.: <http://tower-libertas.ru/library/est-li-budushhee-u-kapitalizma/>).

дом государств к новому технологическому укладу (а значит, с обострением конкуренции в ближайшем будущем)², с угрозой «глобального ресурсного кризиса»³.

Ответом на эти вызовы может быть только создание условий для эффективного развития и реализации человеческого потенциала. Однако в нашей стране существуют объективные обстоятельства, препятствующие решению этой задачи. Речь идет о глубоко укоренившихся в российском обществе проблемах социального здоровья, вызванных многолетней практикой ведения экономической политики в интересах узких олигархических групп.

Казалось бы, с начала 2000-х гг. в стране начался период стабилизации, характеризующийся постепенным преодолением кризисных явлений в экономике и других отраслях народного хозяйства. Со временем преодоление последствий «лихих 90-х» в реальной экономике стало оказывать положительное влияние и на демографическую ситуацию. Так, в 2000 г. в среднем по стране отмечалась естественная убыль населения (-6,6 на 1 тыс. чел.), в 2015 г. — естественный прирост (0,2 на 1 тыс. нас.; табл. 1).

² «Переживаемый в настоящее время глобальный кризис, сменивший длительный экономический подъем развитых стран, является закономерным проявлением длинных циклов экономической активности, известных как волны Кондратьева... В периоды глобальных технологических сдвигов передовым странам трудно сохранить лидерство, так как на волне роста нового технологического уклада вперед вырываются развивающиеся страны, преуспевшие в подготовке предпосылок его становления» (источник: Глазьев С.Ю. Как не проиграть в войне // Официальный сайт С.Ю. Глазьева. — Реж. дост.: http://www.glazev.ru/sodr_ssn/368/).

³ «Человечество стоит на пороге глобального ресурсного кризиса. Начиная с 1980-х гг., потребности человечества превысили возможности планеты. В 1999-е гг. величина выхода за эти пределы составила более 20%. Недавно выполненные расчёты показали, что если страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) довели бы подушевое потребление до уровня США, то человечеству потребовалось бы пять таких планет, как Земля (источник: Малинецкий Г.Г. Междисциплинарные идеи в социологии и вызовы будущего // Социс. — 2015. — №4(372). — С. 157).

Наиболее наглядно динамику адаптации общества к изменившимся после распада СССР условиям существования отражают тенденции суицидальной смертности. Не случайно именно самоубийство является центральным понятием в научных концепциях классиков отечественной и мировой социологии П. Сорокина и Э. Дюркгейма. «Главная общая причина роста самоубийств — это рост одиночества личности, ее оторванность от общества, в свою очередь представляющая результат нашего беспорядочно организованного общества. На этой-то общей почве и развивается самоубийство. Ей мы обязаны тем, что достаточно малейшей неудачи, чтобы человек свел счеты с жизнью»⁴. Сегодня эти взгляды не утратили своей актуальности.

В динамике самоубийств на территории Российской Федерации можно выделить 2 периода (рисунок):

1. С 1990 по 2000 г. уровень смертности испытывал значительные колебания. В 1999 г. по отношению к 1990 г. рост уровня смертности от самоубийств составил 146%.

2. С 2000 г. по настоящее время смертность от самоубийств постепенно снижается. За 2000–2013 гг. уровень суицидов в стране уменьшился в 2 раза, в Вологодской области — в 2,5 раза. По данным Всемирной организации здравоохранения в 2014 г. уровень суицидов в России составил 19,5 случая (14 место в мире). При этом среди мужчин — 35,1 случая (8 место в мире), среди женщин — 6,2 случая (47 место в мире)⁵.

⁴ Сорокин П.А. Самоубийство как общественное явление [Эл. рес.] // Население и общество / Институт демографии НИУ «Высшая школа экономики»; Демоскоп Weekly. — Реж. дост.: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/stati/stati03.html>

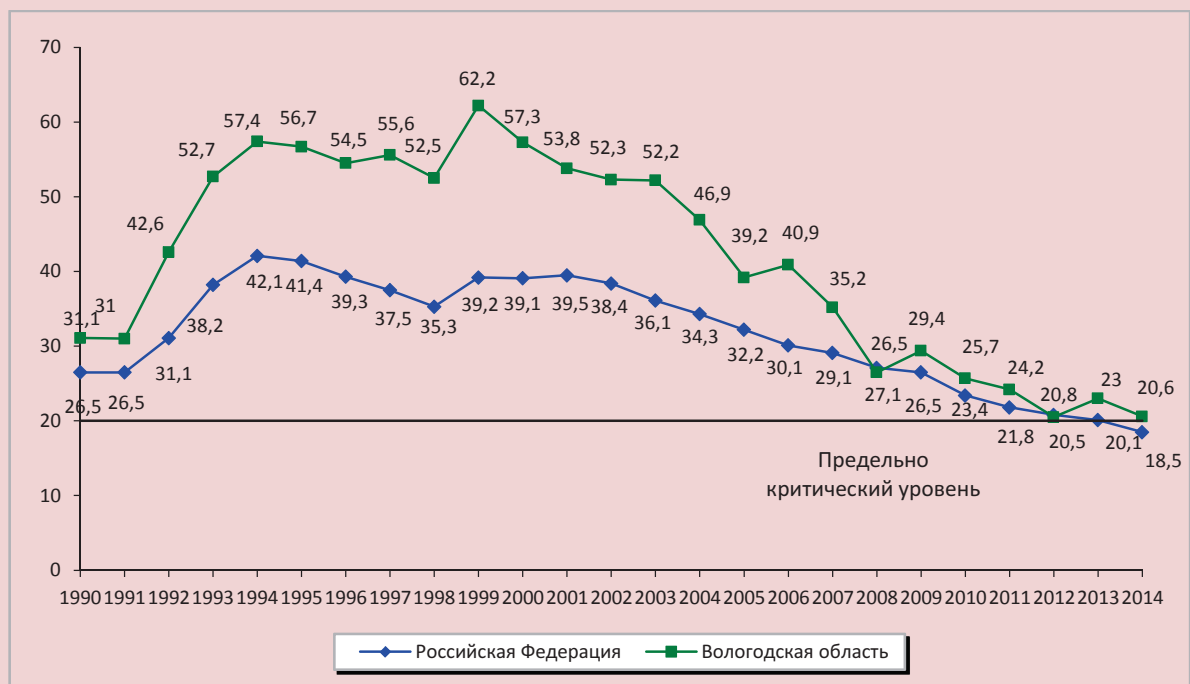
⁵ Предотвращение самоубийств: глобальный императив // Официальный сайт Европейского регионального бюро ВОЗ. — Реж. дост.: http://www.who.int/mental_health/suicide-prevention/world_suicide_report_russian.pdf

Таблица 1. Динамика показателей, характеризующих состояние экономической и демографической ситуации в России и Вологодской области в период 1998–2015 гг.

Показатели	1998		2000		2005		2008		2010		2014		2015	
	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО	РФ	ВО
<i>Показатели, характеризующие развитие экономической ситуации в России и Вологодской области</i>														
Реальные располагаемые доходы населения, в % к предыдущему году	-	82,3	112	118,8	112	106,4	102,4	98,7	105,9	109,3	99,3	103,1	96,5*	103,1
Реальная начисленная заработная плата 1 работника, в % к предыдущему году	-	94,1	121	128,0	112,6	112,3	111,5	108,3	105,2	105,6	101,3	98,2	90,3*	89,2*
Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, в % от общей численности населения	23,4	22,7	84,96	25,5	87,76	18,3	100,5	15,7	12,5	16,8	16,1	12,9	14,1	-
<i>Показатели, характеризующие развитие демографической ситуации в России и Вологодской области</i>														
Численность постоянного населения на 1 января соответствующего года, млн. чел.	147,8	1,339	146,9	1,324	143,8	1,245	142,8	1,219	142,8	1,202	1,437	1,193	146,3	1,191
Естественный прирост населения, убыль (-), на 1000 человек населения	-4,8	-6,2	-6,6	-7,2	-5,9	-8,3	-2,5	-4,4	-1,7	-4,2	0,2	-1,2	0,2	-1,1*
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, число лет	67	67	65	66	65	63	68	67	69	67	70,9	69,7	-	-

* Данные за январь – октябрь 2015 г.

Уровень смертности от самоубийств в России и Вологодской области, на 100 тыс. нас.

Источник: База данных Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru).

Аналогичные тенденции характерны и для Вологодской области, причем на региональном уровне в большей степени проявилось негативное влияние мирового финансового кризиса. Вологодская область оказалась в числе наиболее пострадавших от кризиса, превратившись из региона-донора в регион-реципиент с самым значительным в России дефицитом бюджета (в 2010 г. – 28%). Это было вызвано спадом в металлургическом производстве, от которого почти на 90% зависят налоговые доходы бюджета области. Однако негативное влияние финансового кризиса 2008 г. не имело «долгоидущих» последствий именно потому, что не сопровождалось ломкой духовно-нравственных основ общества.

Постепенный рост уровня жизни в период с 2000-х по 2010-е гг. отмечается не только по данным официальной статисти-

стики, но и по субъективным оценкам населения. Например, по результатам опросов общественного мнения, проводимых ИСЭРТ РАН, среди самых низкодоходных слоев населения Вологодской области увеличилась обеспеченность не только товарами первой необходимости (одеждой, обувью, посудой), но и такими вещами, как DVD-проигрыватель (с 9 до 43%), компьютер (с 7 до 50%), мебель (с 18 до 39%), автомобиль (с 6 до 26%) и т.д. (табл. 2). То же самое можно сказать и о самых высокодоходных слоях населения.

Однако улучшение статистических показателей и данных социологических опросов в 15-летней ретроспективе является лишь свидетельством того, что российское общество выходит из кризиса, в котором находилось десятилетие 1990-х.

Таблица 2. Уровень обеспеченности жителей Вологодской области промышленными товарами и недвижимостью* (в % от числа опрошенных)

Виды промышленных товаров; недвижимость	10% наименее обеспеченных		10% наиболее обеспеченных	
	2000 г.	2015 г.	2000 г.	2015 г.
Верхняя одежда	10,9	40,7	56,4	78,5
Лёгкая одежда	12,4	45,2	64,2	83,0
Обувь	8,1	43,0	57,1	79,3
Спортивная одежда и обувь	9,4	29,6	51,1	66,7
Средства бытовой химии	67,6	82,2	90,4	94,8
Посуда	64,7	80,0	85,3	91,9
Телевизор (ч/б)	31,9	38,9	40,9	36,5
Телевизор (цветной)	14,5	60,0	73,0	80,0
Магнитофон/муз. центр	20,3	40,0	67,2	61,5
Видеомагнитофон/ DVD проигрыватель	9,4	43,0	62,0	62,2
Компьютер	7,4	49,6	53,7	80,0
Мобильный телефон	8,8	64,4	76,5	85,9
Пылесос	15,9	50,4	67,2	80,7
Стиральная машина	33,3	54,1	66,4	83,7
Холодильник	26,1	59,3	68,6	85,2
Мебель	18,1	39,3	63,5	75,6
Автомобиль	5,8	25,9	40,9	51,1
Квартира	19,4	26,7	54,7	69,6

* Формулировка вопроса: «Оцените потребность Вашей семьи в промышленных товарах, недвижимости». В таблице использован вариант ответа: «Обеспечены в достаточной мере».

Варианты ответа «Компьютер», «Мобильный телефон», «Средства бытовой химии», «Посуда» включены с 2005 г., вариант ответа «Квартира» включен с 2007 г. Вариант ответа «Телевизор ч/б» исключен в 2003 г. Варианты ответа «Спортивная одежда и обувь», «Средства бытовой химии», «Посуда», «Магнитофон / муз. центр», «Видеомагнитофон / DVD проигрыватель» исключены с 2013 г.

Ещё в 1985 г. СССР опережал большинство развитых стран мира (кроме ГДР и Японии) по темпам роста национального дохода, а также производительности труда в промышленности. При этом Советский Союз имел лидирующие позиции по производству отдельных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции: чугуна, стали, молока, животного масла и др. (табл. 3).

Сегодня эксперты отмечают усиливающуюся зависимость российской эконо-

мики от импорта по основным видам промышленных и продовольственных товаров (табл. 4).

Между тем экономика должна соответствовать требованиям времени, что, на наш взгляд, предполагает решение таких важных задач, как:

А. Удовлетворение потребностей населения, которые всё более возрастают по мере улучшения условий жизни, а сами люди при этом становятся всё более требовательными к власти.

Таблица 3. Некоторые показатели народного хозяйства СССР в сравнении с развитыми странами мира в 1985 г.

Показатели	СССР	ГДР	ФРГ	США	Великобритания	Италия	Франция	Китай	Япония
<i>Темпы роста национального дохода, промышленной продукции и производительности труда (по сравнению с 1960 г., раз)</i>									
Национальный доход на душу населения	3,0	3,1	2,0	1,7	1,6	2,2	2,2	2,6	4,2
Темп роста промышленной продукции	4,8	3,9	2,2	2,6	1,6	2,7	2,2	5,9	6,5
Темп роста производительности труда в промышленности	3,0	3,4	2,5	2,0	2,5	2,5	2,4	–	4,3
<i>Объемы производства некоторых видов промышленной и сельскохозяйственной продукции</i>									
Чугун, млн. т	110	2,6	32	44	10,5	12	16	44	82
Сталь, млн. т	155	7,9	41	81	16	24	19	4,5	105
Железная руда, млн. т	248	–	1,0	52	0,4	–	15	122	0,3
Минеральные удобрения, млн. т	33,2	4,8	4,2	21	2,1	1,8	4,7	13,4	1,8
Мясо, млн. т	17,1	2,1	5,5	28	3,6	3,9	6,0	17,6	3,7
Молоко, млн. т	98,6	7,7	25	65	16	12	34	2,9	7,4
Животное масло, тыс. т	1605	–	510	540	190	81	560	–	85
Рыба и морепродукты, млн. т	10,7	0,3	0,3	4,1	0,8	0,5	0,8	7,0	11
Картофель, млн. т	73,0	12,2	7,7	16,5	7,5	2,5	6,2	142	3,7
Шерстяные ткани, млн. м ²	666	91	78	150	98	520	125	294	330
Обувь, млн. пар	788	84	90	300	120	415	190	184	115
Источник: Народное хозяйство СССР в 1985 г.: статистический ежегодник. – М.: Финансы и статистика, 1985. – С. 582-591.									

Таблица 4. Объем импорта основных промышленных и продовольственных товаров в России (млрд. долл., в фактических ценах)

Виды промышленных и продовольственных товаров	2000 г.	2012 г.
Продукты питания и сельскохозяйственное сырье	7,4	40,2
Текстиль, текстильные изделия, обувь	2,0	17,4
Лекарственные средства	1,15	10,8
Источник: Важенина И.С. Социально-экономическая суверенизация России: проблемы и пути реализации // Журнал экономической теории. – 2015. – №2. – С. 9.		

Б. Поддержка военно-промышленного комплекса. В период, когда Россия является одним из центральных участников событий в Сирии и Украине, когда продолжается «гибридная» война с США, а в целом мировая цивилизация оказалась лицом к лицу с общим врагом – международным терроризмом, данная «статья» экономических расходов приобретает первостепенное значение.

В. Обеспечение развития науки и технологий, соответствующего новому технологическому укладу. Чтобы через 5–10 лет Россия не оказалась в списке отсталых государств.

По мнению экспертов, самый опасный период для России наступит в начале 2020-х гг., когда начнется технологическое перевооружение развитых стран и Китая, а США и другие западные страны выйдут из депрессии 2008–2018 гг. и совершат новый технологический скачок. Именно в период 2021–2025 гг. Россия снова может резко отстать в технологическом и экономическом отношении, что обесценит ее оборонный потенциал и резко усилит внутренние социальные и межэтнические конфликты, как это произошло с СССР в конце 1980-х годов⁶.

Таким образом, новые глобальные вызовы для российской экономики уже не те (точнее, не только те), что были в начале и середине 2000-х. Это вызывает необходимость кардинальных изменений во всех ее аспектах. Прежде всего, в управленческом. Тем не менее «у руля» экономического блока Правительства стоят всё те же люди, с тем же политическим сознанием и экономической платформой. Среди экспертов, ученых-обществоведов, экономистов, финансистов, руководителей производств,

⁶ Глазьев С.Ю. Как победить в войне [Эл. рес.] // Газета «Взгляд». – 2014. – 24 июля. – Реж. дост.: <http://www.vz.ru/opinions/2014/7/24/697063.html>.

В 2007–2013 гг. валовые внутренние расходы на научные исследования выросли в мире почти на треть. Больше всех вкладывают США (в 2013 г. – 28,1%) и Китай (19,6%), обогнавший ЕС (19,1%). **Весь остальной мир приносит примерно 33% от общей суммы (Россия – 1,7%). Россия потратила в 2013 г. на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки 24,8 млрд. долларов (1,7% от мировых расходов, в 2008 году было 2%).**

Для сравнения: США израсходовали 396,7 млрд., Китай – 290,1, Япония – 141,4, Южная Корея – 64,7, Франция – 45,7, Бразилия – 31,3.

Источник: России мешает «ресурсное проклятие»: опубликованный Доклад ЮНЕСКО по науке – [Эл. рес.] // Новая Газета. – 2015. – 10 нояб. – Реж. дост.: <http://www.novayagazeta.ru/society/70666.html>

думающих о развитии экономической и политической самостоятельности страны, сложилось твердое мнение, что до сих пор в правительственных структурах осталось немало представителей тех кругов, для которых приоритетным является дележ и проедание национального имущества. Пожалуй, это главная на сегодняшний день проблема, которая служит причиной глубоких внутренних противоречий в российском обществе. Она не просто не соответствует целям модернизации страны и перехода ее к новому технологическому укладу, а ставит под угрозу национальную безопасность.

Сегодня уже ни у кого не возникает сомнений в том, что корни существующих демографических, социально-экономических проблем уходят в период 1990-х гг., когда на смену эпохе Советского Союза (на закате его существования в качестве одной из сверхдержав мира) пришло время перестройки и либеральных реформ. Смена общественного строя сопровождалась непродуманными правительственными

решениями (прежде всего, «грабительская» приватизация⁷), которые отбросили российское общество на десятки лет назад, предопределив тотальное отставание России по уровню экономического и научно-технического развития от развитых стран.

Либеральное крыло Правительства по-прежнему проводит экономическую политику не в интересах большинства населения, а в интересах узких групп, потребности которых противоречат общегосударственным целям развития и ментальным представлениям россиян о справедливости, законности и порядке. Приходится констатировать, что у нынешнего Правительства нет свежих идей и целостной стратегии. Да, оно вооружено технократическими документами вроде Основных направлений его деятельности до 2018 года и т.п., но фактически ни глубокого понимания проблем страны, ни ясного видения ее будущего у правительственных министров и чиновников нет. Помимо низкого уровня компетентности многих из них, негативную роль играет неспособность выйти за рамки представлений о том, что будто бы либерально-монетаристские подходы — это единственно возможный, безальтерна-

⁷ «В 90-е годы, активно противодействуя формированию в новой России системы независимого государственного контроля и параллельно энергично запуская априори мошеннические и грабительские механизмы тотальной форсированной приватизации, стоявшие за федеральной исполнительной властью социальные силы одновременно развернули и соответствующую идеологическую кампанию, включая пропаганду идеи неизбежности и даже полезности коррупции. Проводившаяся в 90-е гг. приватизация повлекла за собой криминализацию как механизмов управления, так и сознания новоявленных частных собственников. Это была высокотехнологичная реализация тщательно продуманного, в том числе в отношении идеологического обеспечения, многоходового алгоритма, причем не в последнюю очередь предусматривавшего сопряжение интересов внешних заказчиков «уменьшения» нашего государства с интересами утвердившейся отечественной криминальной «элиты»» (источник: Болдырев Ю.Ю. Коррупция — системное свойство постсоветского российского капитализма: научно-публицистические заметки // Российский экономический журнал. — 2011. — №2. — С. 24).

тивный вариант, а все, что выходит за их рамки, — заведомая ересь и популизм. Ну и плюс ко всему на работе нынешнего состава правительства сказывается, конечно, явная ангажированность интересами крупного бизнеса и прочей так называемой элиты⁸.

Последствия, которые влекут за собой не продуманные на дальнюю перспективу управленческие решения, не ограничиваются технологическим и экономическим отставанием России от развитых стран мира. Они отражаются на качественных характеристиках российского общества, проявляются в деформации социальной структуры, общественного сознания и поведения, то есть выражаются в глубоких системных проблемах социального здоровья, на решение которых требуются десятилетия — время, которого у России нет.

Одной из таких проблем является недоверие органам власти. С одной стороны, это тенденция, которая отмечается во всем мире. Так, по данным авторитетного международного исследования Edelman Trust Barometr⁹, за период с 2011 по 2015 г.

⁸ Миронов С.М. Новая реальность и старые иллюзии [Эл. рес.] // Независимая газета. — 2015. — №247. — 18 нояб. — Реж. дост.: http://www.ng.ru/ideas/2015-11-18/5_illusions.html

⁹ Результаты исследования Edelman Trust Barometer ежегодно озвучиваются на Всемирном экономическом саммите. Edelman Trust Barometer—2015 представляет ситуацию на 2014 г. Опрашивается online 33 тыс. респондентов в 27 странах мира (в 2011 г. — 25 стран). Опрашивается как всё население старше 18 лет, так и «информированные респонденты» (по 500 респондентов в США, Китае и по 200 — в остальных странах), которые соответствуют следующим критериям: возраст: 25–64 лет; образование: высшее; уровень дохода: верхняя 25%-я доходная группа для каждого возраста в каждой стране; интересующиеся новостями бизнеса и политики.

Формулировка вопроса: «Внизу представлен список институтов. Пожалуйста, обозначьте, в какой степени Вы доверяете данному институту, используя 9-балльную шкалу, где 1 означает “совсем не доверяю”, 9 — “доверяю в значительной степени”». «Доверяющими» признаются респонденты с оценкой доверия от 6 до 9 баллов. Страны, в которых доля таковых ниже 50%, признаются «не доверяющими», от 50 до 59% — «нейтральными», 60% и выше — «доверяющими» (источник: Официальный сайт компании Edelman Trust Barometr. — URL: <http://www.edelman.com/>).

уровень доверия власти в среднем по 27 странам мира снизился на 4 п.п. (с 52 до 48%). При этом в некоторых государствах падение данного показателя является весьма существенным (на 10–50 п.п.): например, в Нидерландах (на 85 п.п., с 75 до -10), Японии (на 62 п.п., с 51 до -11), Италии (на 67 п.п., с 45 до -12), Испании (на 60 п.п., с 43 до -17), Аргентине (на 87 п.п., с 54 до -33), Бразилии (на 133 п.п., с 85 до -48) и др. (табл. 5).

Казалось бы, в России за период с 2008 по 2015 г. уровень доверия власти возрос на 16 п.п. (с 38 до 54%), однако нельзя сказать,

что это изменение носит устойчивый, «проверенный временем» характер. Очевидные позитивные сдвиги наблюдаются только в 2015 г. (уровень доверия власти по сравнению с 2014 г. возрос на 27 п.п.), что, вероятно, связано с успешными действиями Президента РФ В.В. Путина по укреплению международных позиций России.

Однако в предыдущий период (2008 – 2014 гг.) в России наблюдалось снижение уровня доверия власти (на 11 п.п., с 38 до 27%). В то время как в некоторых странах-лидерах отмечается постепенный, но стабильный рост показателя на протяжении

Таблица 5. Уровень доверия власти в мире*

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015 к 2011, +/-
Индия	49	43	43	44	53	57	53	82	+38
Германия	27	35	43	33	33	48	49	50	+17
Россия	38	43	38	39	26	29	27	54	+15
Индонезия	н.д.	52		62	40	47	53	72	+10
Ирландия	35	35		20	35	32	21	26	+6
ОАЭ				88	78	73	88	90	+2
США	39	30	46	40	43	53	37	41	+1
Канада	39	51		52	56	58	51	49	-3
Австралия	н.д.	53		52	47	43	56	49	-3
Малайзия					49	60	54	45	-4**
Швеция	63	39		64	62	65	63	59	-5
Китай	79	80	74	88	75	81	76	82	-6
Сингапур				77	73	82	75	70	-7
Франция	35	36	43	49	31	49	32	42	-7
Мексика	49	41		42	35	41	28	33	-9
Нидерланды	64	74		75	61	62	60	65	-10
Япония	45	45	42	51	25	32	45	40	-11
Польша	11	33		42	28	30	19	30	-12
Италия	29	32	36	45	31	35	24	28	-17
Южная Корея		38		50	33	44	45	33	-17
Испания	37	34		43	20	20	18	26	-17
Гонконг					62	63	45	42	-20**
Аргентина				54	36	19	23	21	-33
Бразилия	22	51	39	85	32	33	34	37	-48
Великобритания	34	41	38	43	38	47	42	43	0
Турция						40	43	41	-
ЮАР							17	16	-
Среднее	42	45		52	43	50	45	48	-4

* Зеленой заливкой выделены страны, в которых уровень доверия власти за период с 2011 по 2015 г. возрос на 10 п.п. и более; красной заливкой – страны, в которых уровень доверия власти снизился на 10 п.п. и более.

** Изменение 2015 г. к 2012 г., +/-.

Источник: Официальный сайт Edelman Trust Barometer URL: <http://www.edelman.com/>

последних трёх лет (в Индонезии: в 2012 г. – 20 п.п., в 2013 г. – 47 п.п., в 2014 г. – 53 п.п., в 2015 г. – 72 п.п.; в Германии: в 2012 г. – 33 п.п., в 2013 г. – 48 п.п., в 2014 г. – 49 п.п., в 2015 г. – 50 п.п.).

Доверие к власти сконцентрировано исключительно на самом верхнем уровне властной иерархии – на Президенте. Однако, как показывают результаты опросов, люди четко разделяют успехи Президента в решении международных политических вопросов и в решении проблемы роста уровня жизни (табл. 6). «Граждане осознают тяжесть ситуации в экономике и не верят, что власть в состоянии вывести страну из кризиса. Но те же граждане поддерживают внешнюю политику власти, которая вернула державе величие».

Ощущение неопределенности будущего в сочетании с кризисом доверия власти вынуждают людей самостоятельно планировать свои жизненные перспективы и достигать их, рассчитывая исключительно на собственные силы. Как следствие, «мельчают» жизненные цели людей. Они приобретают сиюминутный, ориентированный

на потребительские нужды характер; концентрируются в рамках самого близкого социального окружения.

Данное явление, получившее в науке название «социальный атомизм», отмечается как ведущими российскими учеными (М.К. Горшков, В.И. Жуков и др.), так и по результатам региональных социологических исследований. Его суть состоит в том, что интересы, потребности и надежды россиян концентрируются на микроуровне – ближайшем социальном окружении (семья, самые близкие друзья и родственники). Например, результаты социологических измерений, проводимых ИСЭРТ РАН в Вологодской области, показывают, что *одновременно с ростом уровня жизни происходит «измельчание» жизненных планов, они становятся более потребительскими, рассчитанными на сегодняшний день, а не на дальнюю перспективу.*

Так, за период с 2001 по 2014 г. представители самых низкодоходных категорий населения стали реже планировать на год осуществление необходимого медицинского лечения (доля «непланирующих»

Таблица 6. Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами? (в % от числа опрошенных)

Показатель	2000	2003	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Изменение 2015 г. +/- к		
													2000	2007	2014
<i>Укрепление международных позиций России</i>															
Успешно	42,3	44,9	47,9	58,4	55,1	49,5	49,9	46,2	43,1	45,6	50,4	51,4	-7	+1	
Неуспешно	30,9	30,1	33,8	24,9	23,7	30,4	29,3	33,7	37,9	36,2	32,4	31,2	+6	-1	
<i>Наведение порядка в стране</i>															
Успешно	31,4	37,5	41,9	53,2	48,2	39,1	41,1	36,6	35,4	39,4	48,0	50,1	+19	-3	+2
Неуспешно	49,2	45,1	45,1	34,0	34,2	43,5	42,5	50,0	50,7	47,5	39,1	37,9	-11	+4	-1
<i>Защита демократии, укрепление свобод граждан</i>															
Успешно	23,5	29,9	33,6	44,4	39,9	36,7	36,3	32,4	28,8	31,8	37,5	40,3	+17	-4	+3
Неуспешно	43,8	42,4	47,0	37,0	35,9	41,5	42,6	48,3	52,3	51,0	45,4	41,0	-3	+4	-4
<i>Подъем экономики, рост благополучия граждан</i>															
Успешно	25,6	29,6	35,1	47,2	36,7	31,6	33,5	30,7	28,5	31,3	34,8	34,8	+9	-12	0
Неуспешно	52,9	51,4	50,8	39,1	46,0	52,4	51,6	56,1	57,9	56,8	53,4	51,6	-1	+13	-2

Источник: мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН.

¹⁰ Граждан не волнует рост бедности. Внутренние проблемы страны выведены из политической повестки [Эл. рес.] // Ведомости. – 2015. – 14 июня. – Реж. дост.: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/06/15/596296-grazhdan-ne-volnuet-rost-smertnosti-i-bednosti>

увеличилась на 22 п.п., с 23 до 45%; табл. 7), обеспечение детей качественным образованием (на 17 п.п., с 32 до 49%), улучшение качества питания (на 15 п.п., с 10 до 25%). Однако за этот же период представители этой же группы населения стали чаще планировать приобретение автомобиля (доля «непланирующих» снизилась на 9 п.п., с 48 до 40%); доля непланирующих проведение отпуска за рубежом возросла всего лишь на 4 п.п. (с 54 до 57%), отдых в России – на 7 п.п. (с 43 до 50%).

Разница очевидна (2–3 раза), и это, напомним, касается 10% самых низкодоходных жителей Вологодской области. Потребительский характер, «измельчание» жизненных планов отмечается и среди наиболее обеспеченных людей, то есть среди тех, кого вроде бы не должны сильно

волновать такие вопросы, как проведение отпуска за границей или приобретение автомобиля; у кого потенциально гораздо больше возможностей подумать о своем здоровье и образовании своих детей.

Таким образом, социальный атомизм – это результат не только низкого уровня дохода, но и глубоко укоренившейся в общественном сознании психологической неуверенности в завтрашнем дне, недоверия власти. Во всех децильных группах (кроме 10% самых обеспеченных жителей области) доля людей, испытывающих неуверенность в завтрашнем дне, была и остается очень значительной (от 46 до 63%; табл. 8). И во всех децильных группах удельный вес людей, с тревогой смотрящих в завтрашний день, увеличился в 2015 г. по сравнению с 2014 г.

Таблица 7. Доля представителей наименее и наиболее обеспеченных слоев населения, не планирующих... (в % от числа опрошенных в каждой децильной группе)*

Планы на год	2001 г.	2014 г.	Изменение +/-
<i>10% наименее обеспеченных</i>			
Осуществить необходимое медицинское лечение	22,5	44,9	+22
Обеспечить детям получение качественного образования	31,9	48,5	+17
Улучшить качество питания	10,1	25,0	+15
Приобрести загородный дом, дачный участок	46,4	61,8	+15
Получить работу	19,6	33,1	+14
Приобрести новую одежду, обувь	6,5	19,9	+13
Улучшить жилищные условия	22,5	33,1	+11
Провести отпуск в санатории (доме отдыха) в пределах России	42,8	50,0	+7
Провести отпуск за рубежом	53,6	57,4	+4
Повысить зарплату	16,7	19,9	+3
Приобрести автомобиль	48,6	40,4	-9
<i>10% наиболее обеспеченных</i>			
Улучшить качество питания	19,0	41,2	+22
Приобрести загородный дом, дачный участок	63,5	81,6	+18
Осуществить необходимое медицинское лечение	46,0	62,5	+17
Провести отпуск в санатории (доме отдыха) в пределах России	53,3	67,6	+14
Получить работу	54,0	66,9	+13
Обеспечить детям получение качественного образования	59,1	72,1	+13
Приобрести новую одежду, обувь	7,3	16,9	+10
Улучшить жилищные условия	41,6	50,0	+8
Повысить зарплату	19,7	27,9	+8
Приобрести автомобиль	46,7	54,4	+8
Провести отпуск за рубежом	62,0	39,0	-23

* Красной заливкой выделены те планы, которые люди стали чаще «не планировать» в своей жизни (на 15 п.п. и более).

Ощущение непредсказуемости будущего «соседствует» с низким уровнем межличностного доверия: по данным опросов, 79% жителей области считают, что в настоящее время нельзя доверять никому или, в крайнем случае, можно доверять самым близким друзьям и родственникам (табл. 9).

Особые опасения вызывает тот факт, что неуверенность в завтрашнем дне, «измель-

чание» жизненных планов, недоверие людей друг к другу всё больше становятся привычным для россиян образом жизни. Эти явления вполне мирно уживаются с прекрасным настроением и удовлетворенностью жизнью, которые в 2000-е гг. испытывали от 20 до 60% людей, а сегодня – уже от 50 до 90% (табл. 10).

Таблица 8. Доля людей, испытывающих неуверенность в завтрашнем дне (в % от числа опрошенных в каждой децильной группе)

Децильные группы	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2011	2012	2013	2014	2015
10% наименее обеспеченных	62,3	70,6	77,2	65,1	36,8	41,0	43,2	53,7	49,3	75,9	70,5	66,7	62,5	67,4
30% наименее обеспеченных (включая 10% наименее обеспеченных)	65,6	63,8	71,6	58,1	36,0	42,3	42,2	46,0	49,3	67,4	64,1	64,0	54,4	63,5
30% менее обеспеченных	61,4	63,6	59,4	37,5	34,2	41,1	50,6	41,9	49,3	61,7	55,3	49,8	47,7	56,0
30% более обеспеченных	63,4	53,9	54,7	37,2	30,4	45,7	45,8	36,6	43,7	63,7	50,0	43,6	45,5	52,2
10% наиболее обеспеченных	47,4	46,8	30,7	17,8	29,4	42,4	38,1	30,8	30,4	40,9	39,4	31,9	24,3	37,8

Таблица 9. Кому Вы можете доверять? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2010 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
В наше время никому нельзя доверять	26,1	24,7	27,9	27,9	23,5
Только самым близким друзьям и родственникам	58,1	56,5	52,5	53,4	55,7
Большинству знакомых мне людей можно доверять	12,8	16,1	15,2	12,2	12,6
Доверять нужно всем людям без исключения	2,3	2,5	1,6	3,1	2,5

Таблица 10. Динамика показателей социального самочувствия (в % от числа опрошенных в каждой децильной группе)

Децильные группы	2000	2007	2010	2011	2012	2013	2014	2015
<i>Доля людей, испытывающих «прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние»</i>								
10% наименее обеспеченных	26,5	49,1	42,7	41,3	44,6	40,1	44,9	48,4
30% наименее обеспеченных (включая 10% наименее обеспеченных)	30,7	53,8	48,6	49,3	54,9	51,5	54,2	56,2
30% менее обеспеченных	46,3	60,6	59,3	61,8	66,1	70,0	71,7	68,8
30% более обеспеченных	54,1	70,1	72,0	74,2	76,5	80,4	80,9	78,9
10% наиболее обеспеченных	65,5	77,1	80,4	76,7	85,1	84,7	84,8	81,9
<i>Доля людей, чья существующая жизнь «устраивает; отчасти устраивает, отчасти нет»</i>								
10% наименее обеспеченных	22,9	59,5	63,5	58,2	70,6	46,2	43,3	35,1
30% наименее обеспеченных (включая 10% наименее обеспеченных)	34,0	59,5	71,1	67,7	75,0	54,6	58,4	53,4
30% менее обеспеченных	42,5	65,7	79,9	86,7	84,7	74,3	76,6	77,6
30% более обеспеченных	61,1	73,8	81,4	91,3	89,2	88,4	85,5	86,0
10% наиболее обеспеченных	73,5	85,5	86,9	94,9	92,7	90,9	96,3	87,8

Другими словами, социальный атомизм — это продукт современной цивилизации; часть нашей жизни, не воспринимаемая рядовыми гражданами как глобальная проблема, в которой таится потенциальная опасность тотальных последствий для всех сфер общественной жизни. Между тем эксперты предупреждают о том, что последствия атомизации общества могут быть самыми пессимистическими — «от утраты готовности переносить без жестких протестов личные проблемы в ходе новых вероятных экономических кризисов до отказа отдать долг стране службой в армии, при этом сами понятия «государство», «отечество» как высшие гаранты устойчивого развития и удовлетворения потребностей, обесцениваются, а граждане перестают себя чувствовать ответственными за их судьбу»¹¹.

Не менее глобальные деформации происходят и в социальной структуре российского общества. В первую очередь в том социальном слое, который сегодня играет особую роль в жизне- и конкурентоспособности страны — в среднем классе.

По мере укрепления властной вертикали (а этот процесс в России идет с начала первого президентского срока В.В. Путина, то есть с начала 2000-х гг.) положение среднего класса приобретает всё более важное значение. «Усиление государства всегда приводит к закупорке каналов связи между обществом и властью. Система «окукливается», забюрокративается, даже вопреки воле правящих элит. Движение по вектору демократии замедляется. Чтобы вновь наладить «кровоток», необходимо

¹¹ Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. — 2012. — №12. — С. 3; Чугуенко В.М., Бобкова Е.М. Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения // Социологические исследования. — 2013. — №1. — С. 23.

давление среднего класса как наиболее ответственного, состоятельного и образованного слоя населения и части элит»¹². «Факт формирования и развития среднего класса является важнейшим критерием эффективности социально-экономического развития и прочности всей системы экономических, социальных, политических и гражданских институтов. Вместе с тем, развитие среднего класса — не только результат, но и источник экономического роста»¹³.

Средний класс — это социальная прослойка, которая обладает наиболее сильными задатками для ведения диалога с властью. Это среднеобеспеченные люди, которые следят за положением дел в стране, готовы не только критиковать власть, но и договариваться с ней. Давление, которое могут и должны оказывать представители среднего класса на власть, — это активное участие в политической и общественной жизни, легитимное сопротивление неоднозначным инициативам власти, создание механизмов и объединений, то есть инструментов влияния. **Если активная часть населения делает это всё вне площадок для диалога с властью, возникает революционный потенциал. Но если коммуникация со средним классом налажена, это создает перспективу стремительного развития страны.**

В связи с важностью роли, которую играет средний класс в построении диалога между властью и обществом, его трансформация привлекает внимание всё большего числа исследователей. Эксперты отмечают, что за последние 15 лет российский средний класс стал предсказуемо обеспеченнее,

¹² Скоробогатый П. Тревожный и лояльный [Эл. рес.] // Эксперт. — 2015. — №45. — 2 нояб. — Реж. дост.: <http://expert.ru/expert/2015/45/trevozhnyy-i-loyalnyy/>

¹³ Малеева Т.М., Бурдяк А.Я., Тындик А.О. Средние классы на различных этапах жизненного пути // Журнал новой экономической ассоциации. — 2015. — №3. — С. 109.

но его численность сократилась; в нем происходят процессы внутренней дифференциации по доходам и идеологическим убеждениям (одни представители выступают за стабильность общества, другие — за его «мягкое» реформирование); активное потребление в среднем классе перекрыло все иные запросы.

За период с 2003 по 2014 г. в среднем классе заметно сократилась доля тех, кто смог повысить уровень своего образования или квалификации (с 36 до 15%), и тех, кто смог получить повышение на работе или найти новую, более подходящую работу (с 31 до 10%). Данные исследований последних лет позволяют говорить о наличии в российском обществе своеобразного «социального дисбаланса», проявляющегося в противоречии между относительно спокойным, по данным статистики, состоянием рынка труда с низким уровнем безработицы и ощущением вероятности оказаться в ближайшие два-три года безработными, характерным для более чем 40% работающих россиян. Специалисты убеждены: при всей своей иррациональности подобное тревожное ощущение имеет под собой объективные и веские основания, к разряду которых, несомненно, относятся социальная незащищенность россиян и низкая эффективность системы государственной социальной защиты от безработицы¹⁴.

Негативные тенденции в многолетней трансформации российского среднего класса приводят к тому, что его представители высказывают значительный негатив в адрес Правительства. **«Критикуемая внутренняя политика остается в ведении кабинета министров, а одобряемый внешний курс ассоциируется с первым лицом. Кроме того,**

¹⁴ Средний класс в России: 10 лет спустя : аналитический доклад ИС РАН. — 2014. — С. 23, 27.

важный маркер: гнев среднего класса прежде всего направлен против чиновников регионального звена. То есть именно той власти, которая ответственна за порядок и качество жизни на местах»¹⁵.

Сегодня общество (в лице среднего класса) достаточно четко формулирует свои запросы перед государством. При этом даже самые критично настроенные слои социума не желают протестов и революций, а стараются найти возможности для конструктивного диалога с государством. Так, по данным ВЦИОМ и Левада-Центра, 76% россиян считают протесты против падения уровня жизни маловероятными, а 77–80% россиян не готовы принимать участие в митингах и других акциях протеста¹⁶. По данным ИСЭРТ РАН, уровень протестного потенциала на территории Вологодской области в 1998 г. составлял 40%, в 2005 г. — 32%, а с 2007 г. не превышает 20%.

Однако отдельные представители экономического блока Правительства, то есть те люди, которые занимаются внутренними экономическими вопросами, не слышат общество; их интересы связаны лишь с отдельными социальными группами, далекими от общенациональных и общенародных интересов. «...Власть, взяв курс на госкапитализм, подавляет своей экономической политикой малый и средний бизнес. Делается это осознанно или нет — трудно сказать. Но очевидно, что разбогатевший средний класс неудобен для власти: он выставляет свои требования, защищает свои имущественные и гражданские права, требует гласности. При большом массиве

¹⁵ Скоробогатый П. Тревожный и лояльный [Эл. рес.] // Эксперт. — 2015. — №45. — 2 нояб. — Реж. дост.: <http://expert.ru/expert/2015/45/trevozhnyj-i-lojalnyj/>

¹⁶ Аргументы и факты. — 2015. — 23 янв. [Эл. рес.]. — Реж. дост.: <http://www.aif.ru/politics/russia/1431347>; Официальный сайт Левада-Центра. — Реж. дост.: <http://www.levada.ru/old/16-09-2015/rossiyane-gotovy-protestovat-tolko-za-kompaniyu>

среднего класса с ним пришлось бы договариваться, выделять ему политическую «делянку». Но «новая советская власть» к этому не привыкла»¹⁷.

В результате клубок противоречий накапливается. Эксперты неоднократно обращали внимание на эту ситуацию, но их мнение не учитывалось. Поэтому сегодня уже звучат варианты конкретных действий¹⁸:

- наделение Совета безопасности РФ полномочиями гражданского Генштаба, формирующего адекватный стратегический план противодействия угрозам, в реализации которого участвуют все органы управления экономикой страны;

- создание в силовых структурах специального подразделения по борьбе с коррупцией, обусловленное жесткой необходимостью «чистки» элит в условиях угрозы войны;

- учреждение Центра управления развитием, который должен объединять ведущих российских экспертов независимо от их взглядов на срочные меры, необходимые для «оздоровления» российской экономики;

- создание правительства народного доверия, состоящего из представителей разных конструктивных политических сил.

¹⁷ Костиков В. Укрощение строптивых. Как бедность убивает волю к демократии [Эл. рес.] // Аргументы и факты. — 2015. — №32. — 5 авг. — Реж. дост.: http://www.aif.ru/society/opinion/ukroshchenie_stroptivyh_kak_bednost_ubivaet_volyu_k_demokratii

¹⁸ См., напр.: 1. *Глазьев С.Ю.* О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России: доклад на заседании Совета безопасности 15.09.2015 // Бизнес online: деловая электронная газета. — 2015. — 15 сент. — Реж. дост.: <http://www.business-gazeta.ru/article/140998/> 2. *Тихонов С.* Хотели посадок? [Эл. рес.] // Эксперт. — 2015. — № 40 (959). — 28 сент. — Реж. дост.: <http://expert.ru/expert/2015/40/hoteli-posadok/> 3. Дальше «сушить» экономику некуда [Эл. рес.] // Эксперт. — 2015. — 2 нояб. — Реж. дост.: <http://expert.ru/expert/2015/45/dalshе-sushit-ekonomiku-nekuda/> 4. *Миронов С.М.* Новая реальность и старые иллюзии [Эл. рес.] // Независимая газета. — 2015. — №247. — 18 нояб. — Реж. дост.: http://www.ng.ru/ideas/2015-11-18/5_illusions.html

Варианты, которые предлагаются, различны по своему содержанию, но объединяет их одно — подотчетность непосредственно Президенту. Это говорит о том, что внутри страны созрело понимание истинных причин, лежащих в основе накопившихся проблем социального здоровья. В политическом и научном мире созрела готовность к проработке различных форм их устранения. Сложилось понимание того, что неэффективность внутренней политики Правительства является сегодня главным препятствием для улучшения качества жизни населения России и обеспечения ее конкурентоспособности на мировой арене.

Таким образом, проблемы социального здоровья — это вопрос не тактики, а стратегии; не настоящего, а будущего. Сегодня это не угроза роста протестных настроений, а в первую очередь проблема ослабления человеческого потенциала — главного фактора национальной безопасности в конкурентной борьбе на ближайшие годы — десятилетия.

Ложные парадигма, концепция и отсутствие научного стратегического планирования обусловили низкие показатели роста и развития России. Отсюда пренебрежение достижениями и рекомендациями экономической науки, мировым опытом. Отсюда, при богатейших природных и иных ресурсах, низкое качество жизни населения. А это — главный критерий низкой эффективности власти, правящей элиты¹⁹.

За последние 20 лет изменился сам российский социум. Сегодня общественное сознание, потребности, как и требования к власти, совершенно иные, чем в начале 2000-х гг., поэтому решение внутренних

¹⁹ Корчагин Ю.А. Экономическая наука РФ в заоне // Электронная библиотека Viperson.ru. — Реж. дост.: <http://viperson.ru/articles/ekonomicheskaya-nauka-rf-v-zagone>

экономических и политических вопросов требует такого же кардинального изменения в системе управления. И у России для этого не так много времени, поскольку на мировой арене продолжается конкурентная борьба за доминирующее положение в условиях нового технологического уклада, а во внутренней жизни страны близится смена политического цикла (2018 г.).

Обеспечить устойчивое развитие человеческого потенциала можно только с помощью эффективного управления, стратегического планирования и адекватного восприятия правящей элитой глобальных тенденций — многолетних трендов в сферах здравоохранения, образования, культуры, уровня и качества жизни населения разных стран. При этом под термином «адекватное восприятие» мы имеем в виду не только объективную оценку ситуации, складывающейся в вышеперечисленных аспектах человеческого потенциала, но и формирование соответствующей политики, т.е. комплекса тщательно продуманных, научно обоснованных решений, нацеленных как на среднесрочную (3, 5, 10 лет), так и на дальнюю (20, 30, 40 лет) перспективу.

В том числе переход к стратегическому планированию, который осуществляют многие развитые страны²⁰ и который

²⁰ «Япония, Китай. КНР в течение тридцати лет развивается очень высокими темпами... Кстати, в Китае создана и работает система индикативного планирования. Китайские власти при разработке планов привлекают очень много организаций, среди которых научно-исследовательские институты, общественные организации и бизнес, и в результате создаётся самое главное — обстановка доверия... Такие инструменты модернизации, как масштабные заимствования технологий и методов хозяйствования, индикативное планирование, импорт-замещение и активная поддержка экспорта были на определённых этапах модернизации характерны для всех стран, сумевших из «развивающихся» стать развитыми» (источник: Полтерович В.М. Вопросы о системе, порождающей рост, не обойти : интервью [Эл. рес.] // Эксперт Юг. — 2015. — 24 февр. — Реж. дост.: <http://mse-msu.ru/v-m-polterovich-voprosa-o-sisteme-porozhdayushhej-rost-ne-objiti-intervyu-zhurnal-ekspert-yug/>).

в России пока что «сводится к проведению Олимпийских игр, чемпионатов мира»²¹.

Не менее важным шагом является расширение полномочий и ответственности Федерального Собрания. В Правительстве должна быть сформирована коалиция из представителей всех партий. В нее должны входить люди, которые могут не только предлагать решения в интересах большинства населения, но и брать на себя ответственность за их реализацию. Гражданские расследования, которые в настоящее время проводит Общероссийский народный фронт, должны быть организованы на федеральном уровне. Только в этом случае они примут системный характер и их результаты будут реально ощутимыми по всем направлениям внутренней политики.

Управленческое сознание должно быть, с одной стороны, гибким, адаптивным к изменяющимся реалиям, с другой стороны, жестким, готовым проявить политическую волю в решении самых сложных вопросов. Требуется традиция смены элит, способных дать эффективный ответ динамично сменяющимся друг друга внутренним и внешним вызовам. Крайне важно создать общий идеологический вектор внутренней и внешней политики.

Отсутствие этих шагов будет неизбежно приводить к отчуждению власти от общества, нарастанию социальной напряженности, к новым и более жестким требованиям населения. Это может стать фактором усугубления проблем социального здоровья, которые в России и так имеют нарастающий, затяжной характер; затрагивают социальную структуру (деформации

²¹ Антонов М. Перед правительством не стоит задача развивать экономику (заметки с Московского экономического форума) [Эл. рес.] // Правда. — 2015. — №115(30321). — 16–19 окт. — Реж. дост.: <http://kprf.ru/pravda/issues/2015/115/article-52966/>

среднего класса, прекариат²²) и духовно-ценностные основы российского общества (социальный атомизм, доминирование потребительских интересов). По мнению экспертов, в долгосрочной перспективе это может привести к крайне тяжелым последствиям для страны, вплоть до утраты национальной идентичности.

В.В. Путин на протяжении всех президентских сроков, и особенно в последние годы, проводит самостоятельную внешнюю политику, регулярно обращая внимание мирового сообщества на угрозы, которые несет в себе однополярное устройство мира; на неизбежный закат цивилизации, в которой господствует одна доминирующая сила. Это является лейтмотивом всех его публичных выступлений. При этом концептуальные теоретические послы и конкретные действия Президента способствуют повышению статуса России на международной политической арене и, как показывают результаты социологических опросов, находят широкую поддержку в российском обществе.

Нет сомнений в том, что россияне разделяют взгляды главы государства на геополитическое устройство цивилизации и на место России в многополярном мире. Поэтому нет сомнений и в том, что отсутствие такого же самостоятельного курса внутренней политики Правительства вызывает непонимание и беспокойство со стороны населения. Российское общество осознает необходимость перемен и готово мобилизовать свои усилия для того, чтобы

²² Прекариат — «принципиально новое, устойчивое социально-классовое образование, которое объединяет огромные массы людей и закрепляет их в статусе постоянной временности социального положения и отчетливого понимания ущербности и ограниченности в реализации своих возможностей и способностей» (источник: Тощенко Ж.Т. Прекариат — новый социальный класс // Социс. — 2015. — №6 (374). — С. 7).

страна стала одной из наиболее влиятельных держав мира в ближайшем будущем. Однако пока что речь по-прежнему идет не о каком-то «рывке», а хотя бы о выходе российской экономики на устойчивый тренд роста.

В своих ежегодных Посланиях Федеральному Собранию Президент РФ неоднократно подчеркивал необходимость повышения эффективности управления по наиболее острым вопросам, касающимся внутренней жизни в стране: в частности, по развитию системы здравоохранения и образования, функционированию контрольных и надзорных органов в сфере малого и среднего бизнеса, оптимизации агропромышленного комплекса и т.д.

При этом важно отметить, что в 2012 г. (первый год третьего президентского срока) контекст выступления главы государства был достаточно мягким — речь шла о длительности существования проблем и необходимости активизировать усилия по их решению. В последующих Посланиях Федеральному Собранию всё чаще фигурируют такие фразы, как *«Давайте посмотрим на эти проблемы ещё раз со всех сторон, чтобы наконец привести ситуацию в соответствие со здравым смыслом, с требованием времени»* (2013 г.), *«Все всё уже понимают, что надо делать, надо только начать это делать»* (2014 г.) и *«Мы уже сколько лет об этом говорим? А воз и ныне там»* (2015 г.; см. приложение). Таким образом, отчетливо проявляется неудовлетворенность В.В. Путина ходом реализации поставленных в 2012 г. задач и приоритетов, а по сути — неэффективностью государственного управления. Ощущается то, что глава государства вынужденно мирится с некомпетентным исполнением его указов.

«Находясь на вершине вертикали власти, глава государства не может реализовать свои инициативы, сталкиваясь с дисфункцией институтов и низким качеством государственного управления, поэтому тон его последнего Послания «встревоженный и озабоченный»²³.

Однако насколько долгим окажется терпение Президента и всего российского общества? Особенно если учесть приближающуюся смену политического цикла... Способно ли Правительство осознать, что проводимая им с 2008 г. финансово-денежная политика уже привела к стагнации экономики, а в

перспективе может отбросить российское общество на десять лет назад, вернув его обратно в 1990-е годы? Способна ли властвующая элита понять, что в сложившихся геополитических условиях это будет губительно для страны? Или всё-таки найдется в России политическая воля на то, чтобы переориентировать экономический курс на интересы широких слоев населения, а не узких олигархических групп? От этого в конечном итоге будет зависеть будущее России, ее национальная безопасность и конкурентоспособность в ближайшие десятилетия.

Сведения об авторе

Владимир Александрович Ильин – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ilin@vscc.ac.ru)

Ilyin V.A.

Public Administration Efficiency and the Aggravation of Public Health Issues

Vladimir Aleksandrovich Ilyin – Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, ilin@vscc.ac.ru)

²³ Послание озабоченного человека // Независимая газета. – 2015. – 4 дек. [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://www.ng.ru/editorial/2015-12-04/2_red.html

Выдержки из Посланий Президента РФ Федеральному Собранию за период 2012–2015 гг. (третий президентский срок В.В. Путина)

Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г.	Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г.
<p>1. «Мы не в первый раз говорим о необходимости новых подходов в работе надзорных, контрольных, правоохранительных органов. Но изменения происходят очень медленно. По-прежнему доминирует обвинительный уклон. Вместо того чтобы пресекать отдельные нарушения, закрывают дорогу, создают проблемы тысячам законопослушных, инициативных граждан».</p> <p>2. «Надо, наконец, отказаться от самого принципа тотального, бесконечного контроля. Отслеживать ситуацию нужно там, где действительно есть риски или признаки нарушений. Ведь, понимаете, даже когда мы сейчас уже провели определённую работу по ограничениям, и эти ограничения работают вроде бы неплохо, но проверяющих органов так много, что если каждый из них хоть один раз придёт – всё, можно любую фирму закрывать. Правительство в 2015 году должно принять все необходимые решения по переходу к такой системе, системе ограничений, что касается проверок».</p> <p>3. «Предприниматели справедливо говорят о необходимости стабильного законодательства и предсказуемых правил, включая налоги. Полностью с этим согласен. Предлагаю на ближайшие четыре года зафиксировать действующие налоговые условия и к этому вопросу больше не возвращаться, не менять их».</p> <p>4. «Прошу Правительство максимально оперативно провести эту работу. Также прошу депутатов не затягивать с рассмотрением закона о территориях опережающего развития. Кроме того, предлагаю распространить режим ТОРов на новые проекты в ряде моногородов, в тех моногородах страны, где социально-экономическая ситуация наиболее сложная, и не ждать три года, как это сейчас предусмотрено законопроектом (он уже прошёл, по-моему, первое чтение), а внести в этот законопроект изменения и начать работу уже сейчас по моногородам».</p> <p>5. «К сожалению, мы по-прежнему обучаем значительную часть инженеров в вузах, которые давно оторвались от реальной производственной базы, от передовых исследований и разработок в своих областях. Пора перестать гнаться за количеством и сосредоточиться на качестве подготовки кадров, организовать подготовку инженеров в сильных вузах, имеющих прочные связи с промышленностью, и лучше, конечно, в своих регионах».</p> <p>6. «...Это о чём говорит? Это говорит о том, что, во-первых, у нас есть хорошие заделы, есть молодые люди очень талантливые и перспективные. Но это говорит также и о том, что нам нужно многое сделать по изменению системы подготовки рабочих кадров. То, о чём я говорил. Нужно только подойти к этому неформально. Все всё уже понимают, что надо делать, надо только начать это делать. Начать и никогда не сбавлять темпа по этому направлению, потому что, как известно, как было раньше, так и сейчас, просто качество рабочих специальностей и подготовка рабочих людей изменились, но всё равно самое базовое условие развития экономики – это, конечно, высокоподготовленный и квалифицированный рабочий класс, инженерные кадры. Об этом мы никогда не должны забывать. И нужно, конечно, создать сеть сертификационных центров, где каждый работник смог бы подтвердить свою квалификацию».</p>	<p>1. «Нужно добиться сбалансированности бюджета. Это, конечно, не самоцель, а важнейшее условие макроэкономической устойчивости и финансовой независимости страны. Напомню, по итогам исполнения федерального бюджета 2016 года его дефицит не должен превышать трёх процентов, даже если наши доходы окажутся ниже ожидаемых. Обращаю на это ваше внимание, уважаемые коллеги, депутаты Госдумы и члены Федерального Собрания, в целом Совета Федерации. Это важный вопрос. Я только что сказал, что финансовая устойчивость и независимость страны абсолютно связаны между собой. Пожалуйста, исходите из этих ключевых, базовых соображений».</p> <p>2. «Опросы показывают, что предприниматели пока не видят качественных подвижек в деятельности контрольных и надзорных ведомств. Все поручения на этот счёт давно и не единожды даны. Уж сколько мы говорим на этот счёт, всё сокращаем и сокращаем эти полномочия. Где-то сокращаем, они где-то опять вырастают. Целая армия контролёров по-прежнему мешает работать добросовестному бизнесу. Это не значит, что контролировать не нужно. Конечно, надо контролировать. Но я прошу Правительственную комиссию по административной реформе совместно с деловыми объединениями представить до 1 июля 2016 года конкретные предложения по устранению избыточных и дублирующих функций контрольно-надзорных органов».</p> <p>3. «Нужно ввести в оборот миллионы гектаров пашни, которые сейчас простаивают, находятся в руках крупных землевладельцев, причём заниматься сельским хозяйством многие из них не спешат. Слушайте, мы уже сколько лет об этом говорим? А воз и ныне там. Предлагаю изымать у недобросовестных владельцев сельхозземли, которые используются не по назначению, и продавать их на аукционе тем, кто хочет и может возделывать землю».</p> <p>4. «Послушайте, когда мы делали это десять лет назад, я же хорошо помню, мы договаривались: мы вольём федеральные деньги, а потом регионы должны подхватить и держать на определённом уровне. Но этого не произошло. Очень жаль. Я понимаю, что есть проблемы, но, как много раз уже говорил, надо приоритеты определять правильно. Нельзя было опять ждать: вот сейчас всё развалится, и нам опять дадут денег из федерального бюджета. Судя по всему, придётся это сделать, конечно. Но это не то, о чём мы договаривались. Во всяком случае, прошу и Правительство, и регионы сейчас к этому вернуться и вместе эту задачу порешать и решить».</p>

Окончание приложения

Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 г.	Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г.
<p>1. <i>«Всем очевидны и главные проблемы, ничего нового здесь тоже не скажу, – это низкая эффективность государственной власти и коррупция.</i> Без качественного современного госуправления, без высокой персональной ответственности тех, кто этим занимается, мы не решим задач, стоящих перед обществом и страной».</p> <p>2. «Надо последовательно двигаться к тому, чтобы все российские регионы без исключения стали экономически самостоятельными и в полном смысле слова субъектными. <i>Поэтому нам нужно немного менять логику межбюджетных отношений.</i> Пусть Минфин не пугается этих слов».</p> <p>3. «Вместе с тем, уважаемые коллеги, – сейчас обращаюсь прежде всего к Правительству, вы знаете, о чём я сейчас говорю: мы будем лишать льгот наши, скажем, инфраструктурные компании, инфраструктурные монополии. Это значит, что они должны будут больше платить. Но не все готовы начать платить новые средства, потому что мы тогда можем их напрочь лишить инвестиционных возможностей. <i>Мы с вами договаривались раньше, что предусмотрим мягкий переходный период и компенсации для этих компаний. Обязательно над этим нужно подумать. С кондачка такие решения не принимают, но двигаться в этом направлении, конечно, нужно, и мы будем это делать».</i></p>	<p>1. «...Местная власть должна быть устроена так – а ведь это самая близкая власть к людям, – чтобы любой гражданин, образно говоря, мог дотянуться до неё рукой. В этой связи обращаюсь к Всероссийскому совету местного самоуправления, Конгрессу муниципальных образований, к губернаторам, членам Федерального Собрания, Правительству Российской Федерации. <i>Давайте посмотрим на эти проблемы ещё раз со всех сторон, чтобы наконец привести ситуацию в соответствие со здравым смыслом, с требованием времени.</i></p> <p>Повторю, считаю важнейшей задачей уточнение общих принципов организации местного самоуправления, развитие сильной, независимой, финансово состоятельной власти на местах. И такую работу мы должны начать и в основном законодательно обеспечить уже в следующем, 2014 году – в год 150-летия знаменитой Земской реформы».</p> <p>2. «Считаю, что нельзя строить политику по формальному принципу. <i>Да, конечно, мы с вами хорошо знаем, экономическая конъюнктура может меняться, она и меняется. Но это не повод говорить о ревизии целей. Нужно заниматься делом и искать решения, чётко расставлять бюджетные и другие приоритеты. Прошу актуализировать все государственные программы.</i></p> <p>Уже в течение ближайших двух лет на программный принцип должны перейти бюджеты всех уровней. Это не означает механического переписывания всего. Это значит <i>закрепление персональной ответственности каждого управленца за достижение результата. Нацелить ресурсы на содержательные изменения в конкретных секторах – вот что нужно.</i></p> <p>Так, мы повышаем зарплаты в образовании и здравоохранении, чтобы работа учителя, преподавателя, врача вновь стала престижной, привлекла сильных выпускников вузов. Но достойная оплата труда, <i>как мы и договаривались,</i> должна обеспечиваться не только исключительно за счёт бюджетных вливаний, а благодаря реформам, которые призваны повысить эффективность расходов, а главное – качество услуг в социальной сфере, чтобы люди видели, как меняется к лучшему работа наших школ, университетов, поликлиник и больниц».</p>
<p>* Курсивом выделены слова и выражения, употребляемые В. Путиным для того, чтобы подчеркнуть необходимость конкретных действий, перехода от слов к делу.</p>	

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ИСЭРТ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в октябре–декабре 2015 г., а также в среднем за 2015 г. (6 опросов, проведенных с февраля по октябрь 2015 г.). Дается сопоставление их с данными за 2013–2014 гг., а также за 2007-й (последний год второго президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности) и 2011 г. (последний год президентства Д.А. Медведева).

Оценка деятельности власти

В октябре – декабре 2015 г. оценка деятельности Президента РФ существенно не изменилась: уровень одобрения составляет 69–70%, доля отрицательных характеристик – 17–18%. Это лучше, чем в начале года, когда уровень поддержки В. Путина составлял 66%, а доля отрицательных характеристик – 21%.

В целом по итогам 2015 г. следует отметить стабильный рост удельного веса жителей области, одобряющих деятельность главы государства, на протяжении последних трех лет: в 2013 г. – 55%, в 2014 г. – 64%, в 2015 г. – 69%. Тем не менее уровень поддержки Президента РФ в 2007 г. (75%) пока еще не достигнут.

За последние три года отмечается некоторое увеличение поддержки Председателя Правительства РФ (в 2013 г. – 49%, в 2014 г. – 54%, в 2015 г. – 58%). Однако в текущей динамике существенных изменений не отмечается: в феврале 2015 г. уровень поддержки Председателя кабинета министров составил 56%, в октябре и декабре – 58%.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше.

Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru/>.

Для справки: в целом по стране за период с октября по ноябрь 2015 г. поддержка деятельности Президента РФ существенно не изменилась: по данным ВЦИОМ – 87%, по данным Левада-Центра – 85–86%.

Такой же уровень одобрения деятельности главы государства был отмечен ВЦИОМ и Левада-Центром в феврале 2015 г. (88 и 86 % соответственно).

За период с 2014 по 2015 год² поддержка В. Путина в среднем по стране увеличилась на 5–6 п.п. (по данным ВЦИОМ – с 81 до 87 %, по данным Левада-Центра – с 81 до 86 %).

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Изменение (+/-), 2015 по отношению к...		
												2014	2011	2007
Президент РФ														
Одобряю	75,3	58,7	55,3	64,1	69,1	66,3	67,5	69,5	72,0	69,3	69,7	+5	+10	-6
Не одобряю	11,5	25,6	29,4	22,3	17,5	20,5	16,2	16,1	17,8	18,1	16,5	-5	-8	+6
Председатель Правительства РФ*														
Одобряю	-	59,3	48,9	54,2	58,1	56,1	56,5	59,1	60,7	58,1	57,9	+4	-1	-
Не одобряю	-	24,7	32,8	27,6	21,7	24,7	20,5	19,5	22,5	21,0	21,7	-6	-3	-
Губернатор														
Одобряю	55,8	45,7	44,4	40,1	39,3	38,3	37,1	40,5	41,5	38,7	39,7	-1	-6	-17
Не одобряю	22,2	30,5	33,2	38,9	36,2	37,4	37,5	35,4	35,4	36,0	35,3	-3	+6	+14

* Вопрос задается с 2008 г.

Оценка успешности действий главы государства по решению ключевых проблем страны за последние два месяца существенно не изменилась:

- доля жителей области, считающих, что Президент успешно справляется с проблемой укрепления международных позиций России, сохраняется на уровне 51–53% (удельный вес отрицательных оценок составляет 32–33%);

- доля людей, положительно оценивающих действия главы государства по наведению порядка в стране, составляет 49–51%, при этом стабильным остается удельный вес отрицательных характеристик (38–39%);

- 31–32% населения отмечают, что Президент успешно справляется с задачей подъема экономики и роста благосостояния граждан (доля отрицательных суждений выше и сохраняется на уровне 54–56%).

За последние 2 месяца незначительно увеличилась доля тех, кто считает успешной деятельность Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан (с 38 до 41 %).

² Данные ВЦИОМ и Левада-Центра приводятся за период с января по ноябрь 2015 года.

По сравнению с началом 2015 г. в декабре оценка успешности деятельности главы государства остается стабильной по большинству ключевых проблем. Однако за последние 12 месяцев увеличилась доля жителей области, недовольных тем, как Президент РФ справляется с задачей подъема экономики и роста благосостояния граждан: в феврале – 52%, в декабре – 56%.

В целом за 2015 г. по сравнению с 2014 г. оценки населения существенно не изменились. Жители области чаще, чем в 2011–2013 гг., отмечают успешность деятельности В. Путина по укреплению международных позиций России, защите демократии, подъему экономики (на 5–6 п.п.) и особенно по наведению порядка в стране (на 11–12 п.п.).

В среднем за последние 6 опросов оценка успешности действий Президента по решению ключевых проблем страны остается более высокой, чем в 2013–2014 гг.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?*

(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Изменение (+/-), 2015 по отношению к...		
												2014	2011	2007
Укрепление международных позиций России														
Успешно	58,4	46,2	45,7	50,4	51,7	50,4	52,7	51,1	52,2	50,7	53,2	+1	+6	-7
Не успешно	24,9	33,7	36,2	32,4	31,3	29,5	28,7	32,5	32,4	33,1	31,5	-1	-2	+6
<i>Индекс успешности</i>	133,5	112,5	109,5	118,0	120,4	120,9	124,0	118,6	119,8	117,6	121,7	+2	+8	-13
Наведение порядка в стране														
Успешно	53,2	36,6	39,4	48,0	50,2	50,3	50,1	49,9	51,7	48,6	50,5	+2	+14	-3
Не успешно	34,0	50,0	47,5	39,1	37,9	37,3	37,5	38,0	37,9	38,7	38,0	-1	-12	+4
<i>Индекс успешности</i>	119,2	86,6	91,9	108,9	112,3	113,0	112,6	111,9	113,8	109,9	112,5	+3	+26	-7
Защита демократии и укрепление свобод граждан														
Успешно	44,4	32,4	31,8	37,5	40,4	39,5	39,2	42,2	42,6	38,1	41,0	+3	+8	-4
Не успешно	37,0	48,3	51,0	45,4	41,5	40,9	39,9	38,3	41,7	44,3	43,7	-4	-7	+4
<i>Индекс успешности</i>	107,4	84,1	80,8	92,1	99,0	98,6	99,3	103,9	100,9	93,8	97,3	+7	+15	-8
Подъем экономики, рост благосостояния граждан														
Успешно	47,2	30,7	31,3	34,8	34,2	34,4	34,7	36,2	36,6	32,1	30,9	-1	+3	-13
Не успешно	39,1	56,1	56,8	53,4	52,3	51,5	49,9	49,9	52,6	54,3	55,7	-1	-4	+13
<i>Индекс успешности</i>	108,1	74,6	74,5	81,4	81,8	82,9	84,8	86,3	84,0	77,8	75,2	0	+7	-26

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2015 г.

В структуре партийно-политических предпочтений населения за период с октября по декабрь 2015 г. существенных изменений не произошло: поддержка «Единой России» составляет 38–39%, КПРФ и ЛДПР – 6–7%, «Справедливой России» – 3–4%. Такое распределение оценок сохраняется на протяжении всего 2015 года.

В годовой динамике следует отметить устойчивый рост поддержки «Единой России»: в 2013 г. – 29%, в 2014 г. – 33%, в 2015 г. – 39%. Это заметно выше, чем в 2007 г. (30%).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партия	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2013	2014	2015	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Изменение (+/-), 2015 по отношению к...		
														2014	2011	2007
«Единая Россия»	30,2	60,5	31,1	33,4	29,4	32,8	38,8	38,8	38,2	40,3	38,5	38,0	39,0	+6	+8	+9
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,2	7,6	6,2	6,7	6,1	5,4	5,9	6,1	7,1	-1	-2	-1
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	11,3	9,7	7,1	7,7	7,8	6,8	7,1	6,9	6,5	-3	-3	0
«Справедливая Россия»	7,8	8,8	5,6	27,2	4,6	3,5	3,6	4,1	3,7	3,3	3,5	3,3	3,7	0	-2	-4
Другая	1,8	–	1,9	–	0,6	0,3	0,2	0,3	0,1	0,2	0,1	0,1	0,4	0	-2	-2
Никакая	17,8	–	29,4	–	34,9	34,4	31,8	30,3	31,5	32,5	33,8	32,3	30,5	-3	+2	+14
Затрудняюсь ответить	21,2	–	13,2	–	10,2	11,7	12,2	12,0	12,5	11,6	11,1	13,3	12,9	+1	-1	-9

В октябре–декабре 2015 г. оценки социального состояния жителей области существенно не изменились:

- 70% людей позитивно характеризуют своё настроение;
- 78% считают, что «всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть»;
- 39% относят себя к категории людей «среднего достатка»;
- индекс потребительских настроений сохранился на уровне 78 пунктов.

По сравнению с началом года в декабре доля положительных оценок социального настроения увеличилась на 8 п.п. (с 62 до 70 %), запаса терпения – на 4 п.п. (с 74 до 78 %). Тем не менее позитивных изменений в динамике социальной самоидентификации не отмечается: как и в феврале 2015 г., около половины жителей области (51–53%) относит себя к категории «бедных и нищих», доля людей «среднего достатка» составляет 36%.

В целом за 2015 г. оценки социального настроения и запаса терпения лучше, чем в 2007–2011 гг. (на 5 п.п.) и примерно соответствуют уровню 2014 г. В то же время отмечается ежегодное увеличение доли «бедных и нищих» жителей области: в 2007 г. – 42%, в 2011 г. – 44%, в 2013 г. – 47%, в 2014 г. – 49%, в 2015 г. – 51%. Постепенно снижается уверенность людей в будущем (индекс потребительских настроений в 2007 г. составлял 106 пунктов, в 2011–2013 гг. – 90 п., в 2014 г. – 88 п., в 2015 г. – 77 п.).

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	Фев. 2015	Апр. 2015	Июнь 2015	Авг. 2015	Окт. 2015	Дек. 2015	Изменение (+/-), 2015 по отношению к...		
												2014	2011	2007
Настроение														
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	61,8	67,6	69,5	73,1	70,4	69,6	-1	+6	+5
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	26,2	24,9	25,9	31,3	26,6	24,4	23,5	25,4	24,3	+1	-3	-2
Запас терпения														
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	79,3	80,8	78,4	74,3	78,9	79,0	82,2	78,2	78,0	-2	+4	+4
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	14,2	12,6	14,5	17,3	14,9	14,7	13,3	13,9	12,7	+2	-1	+1
Социальная самоидентификация*														
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	43,9	43,2	38,7	38,3	36,7	39,4	39,9	39,2	38,9	-4	-4	-9
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	46,9	49,1	50,7	53,3	51,6	48,0	50,5	50,2	50,5	+2	+6	+8
Индекс потребительских настроений														
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	90,3	87,6	77,1	75,7	73,4	80,1	77,9	77,7	77,7	-11	-13	-29

* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

Заключение

Результаты опроса, проведенного в декабре 2015 г., свидетельствуют о том, что отношение населения к деятельности органов власти остается на стабильном уровне, причем более высоком, чем в начале года. За 2015 г. улучшилось социальное настроение людей, повысился запас терпения. Жители области поддерживают деятельность Президента по укреплению международных позиций и наведению порядка в стране (доля положительных суждений выше, чем отрицательных, на 12–20 п.п.). Сохраняется стабильной структура партийно-политических предпочтений.

Тем не менее результаты социологических измерений наглядно показывают, что главной проблемой для российского общества остается неэффективность внутренней экономической политики. В восприятии населением своего материального положения преобладают негативные оценки, и за 2015 г. существенных изменений в этом вопросе не произошло:

- доля жителей области, считающих себя «бедными и нищими», превосходит, как и в начале года, удельный вес людей «среднего достатка» на 12–15 п.п. (38–39% против 51–53%);
- индекс потребительских настроений, свидетельствующий о прогнозных ожиданиях населения, остается крайне низким (77 пунктов, то есть ниже нейтрального уровня);

- деятельность Президента по подъему экономики и росту благосостояния граждан оценивается хуже, чем его работа по укреплению международных позиций России, наведению порядка в стране и защите демократии. В отношении её преобладают негативные характеристики (34% положительных суждений против 52% отрицательных);

- уровень поддержки главы государства продолжает увеличиваться (с февраля по декабрь 2015 г. — на 4 п.п., с 66 до 70 %), однако очевидно, что этот рост связан с его международной деятельностью. Увеличения поддержки Председателя Правительства Д. Медведева, ответственного прежде всего за проведение независимого курса внутренней экономической политики, в 2015 г. не наблюдается (56–58%).

Негативные тенденции в восприятии материального положения отмечаются и в годовой ретроспективе, что свидетельствует о затяжном, нарастающем характере экономических проблем:

- доля «бедных и нищих» в 2007 г. составляла 42%, в 2011 г. — 44%, в 2013 г. — 47%, в 2014 г. — 49%, в 2015 г. — 51%;

- индекс потребительских настроений в 2007 г. составлял 106 пунктов, в 2011–2013 гг. — 90 п., в 2014 г. — 88 п., в 2015 г. — 77 п.

Таким образом, многолетняя негативная динамика восприятия людьми своего уровня жизни, перспектив развития материального положения является прямым следствием и очевидным доказательством неэффективности внутренней экономической политики, проводимой Правительством.

Не случайно, что именно по этому вопросу общество предъявляет претензии к власти³. И не случайно, что большая часть Послания, с которым Президент обратился к Федеральному Собранию в декабре 2015 г., была связана не с борьбой против международного терроризма, не с геополитическими интересами России и США, а именно с внутренними экономическими проблемами, с проблемами эффективности управления⁴. Причем тон обращения Президента «получился встревоженным и озабоченным»⁵.

Дальнейшая динамика общественного мнения будет зависеть от того, насколько ответственно кабинет министров воспримет основные тезисы, изложенные В. Путиным в Послании Федеральному Собранию. Насколько эффективно будут реализовываться поручения главы государства, на что он уже неоднократно обращал внимание в период своего третьего президентского срока.

О наличии или отсутствии каких-либо изменений во внутренней экономической политике будут свидетельствовать оценки субъективного восприятия населением уровня и качества жизни, которые будут выявлены в ходе следующих этапов мониторинга ИСЭРТ РАН.

³ Скоробогатый П. Тревожный и лояльный [Электронный ресурс] // Журнал «Эксперт». — 2015. — №45. — Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2015/45/trevozhnyj-i-lojalnyj/>

⁴ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/50864>

⁵ Послание озабоченного человека [Электронный ресурс] // Независимая газета. — 2015. — 4 дек. — Режим доступа: http://www.ng.ru/editorial/2015-12-04/2_red.html

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc/2015.6.42.2

УДК 314.044, ББК 60.561.6

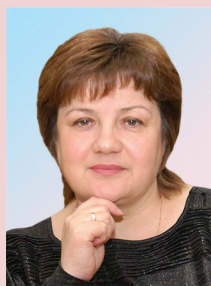
© Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Калачикова О.Н.

Дети и молодежь в России: глобальные вызовы современности*

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

доктор экономических наук, доцент
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
aas@vscc.ac.ru

**Галина Валентиновна
ЛЕОНИДОВА**

кандидат экономических наук, доцент
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
galinaleonidova@mail.ru

**Ольга Николаевна
КАЛАЧИКОВА**

кандидат экономических наук
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
onk82@yandex.ru

Аннотация. Современное мировое развитие становится все более неравномерным, формируются глобальные вызовы. Для Российской Федерации, обладающей огромной территорией, значительными запасами природных ресурсов, важнейшими геополитическими вызовами являются повышение конкурентоспособности экономики, сохранение и преумножение численности населения и повышение человеческого потенциала, прежде всего потенциала детей и молодежи. Формирование численности населения России находится под двойным «прессом» — высокой

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-03120 «Качество детского населения в контексте модернизации России»).

смертности и низкой рождаемости, а естественное движение (убыль) не восполняется механическим. Кроме того, определено, что происходит снижение доли молодых когорт в общей численности населения. Впервые в истории России удельный вес детей стал ниже удельного веса населения пожилых возрастов. В 2013 г. в 56 регионах на долю детей и подростков приходилось менее 20% жителей (на начало 2000 г. таких регионов было 41, в 1990 г. — 3). Помимо снижения численности детей ухудшается потенциал их здоровья: около 35% российских детей рождаются больными или заболевают в первые месяцы жизни (в Вологодской области этот показатель составляет около 30%). Неуклонно растет численность подростков 15–17 лет, состоящих на учете по поводу тяжелых психических расстройств. Наибольший социально-экономический ущерб обществу несут суициды, широко распространённые в молодых когортах: на молодое поколение — до 24 лет — приходится треть суммарной величины потерянных лет потенциальной жизни (ПППЖ) вследствие самоубийств. При этом ценность здоровья в оценках молодых выше, чем у населения в целом (4,5 против 4,4 балла по пятибалльной шкале). В то же время важность самосохранительного поведения недооценивается молодыми. Как свидетельствует мировой опыт, эффективное развитие и продуктивное использование потенциала молодых является главным преимуществом стран с инновационной экономикой. В статье показано, что более высокий уровень развития профессиональных компетенций обеспечивает и более высокую инновационную активность: у студентов, чей уровень развития компетенций оценивается в 3,93 балла по пятибалльной шкале, в наличии имеются проекты, разработки и изобретения, которые отсутствуют у студентов с оценкой уровня компетенций в 3,69 балла.

Ключевые слова: дети, молодежь, население, здоровье, инновационные навыки, ПППЖ.

Современное мировое развитие становится все более неравномерным, формируются глобальные вызовы: неравномерность экономического роста, демографические дисбалансы, снижение доли молодых в общей численности населения, мощные миграционные потоки из зон распространения терроризма, экологические проблемы, рост числа природных катастроф. Кроме того, в мировой экономике и политике возникают новые региональные экономические союзы (ВТО, ОПЕК, ЕвразЭС, АТЭС, Таможенный союз ЕАЭС и др.), которые начинают активно менять принципы мирохозяйственного регулирования. Происходит активизация инновационной деятельности стран, обуславливающая нарастание скорости изменения ряда ключевых мирохозяйственных тенденций¹, что требует нового качества человеческого потенциала.

¹ Долгосрочный прогноз научно-технологического развития Российской Федерации (до 2025 года).

Во всех регионах мира отмечается снижение темпов роста численности населения при значительной территориальной дифференциации. По данным Всемирного банка, в тех регионах, где сконцентрированы преимущественно развивающиеся государства (Южная и Северная Африка, Ближний Восток, Южная Азия, Латинская Америка), темпы роста численности населения значительно выше по сравнению с территориями, на которых преобладают развитые государства (табл. 1).

Общий коэффициент рождаемости в мире в период с 1960 по 2013 год снизился с 32 до 20‰ (суммарный — с 5,0 до 2,5), общий коэффициент смертности — с 18 до 8‰ соответственно². Наиболее существенное снижение рождаемости за этот период

² Национальная безопасность России: внутренние угрозы реализации стратегии / кол. авт. под рук. д.э.н., профессора В.А. Ильина. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. — 132 с.

Таблица 1. Численность населения (млн. человек) и темпы роста, %

Мир, регион	Численность, млн. чел.							Темпы роста, %				
	1960	1970	1980	1990	2000	2010	2012	1970 / 1960	1980 / 1970	1990 / 1980	2000 / 1990	2010 / 2000
Весь мир	3032	3699	4451	5295	6124	6987	7052	122,0	120,3	119,0	115,7	114,1
Европа	605	657	693	721	729	738	740	108,6	105,5	104,0	101,1	101,2
Африка	282	364	480	637	821	1051	1070	129,1	131,9	132,7	128,9	128,0
Азия	1704	2139	2636	3181	3705	4216	4250	125,5	123,2	120,7	116,5	113,8
Латинская Америка	220	288	364	444	523	596	603	130,9	126,4	122	117,8	114,0
Северная Америка	204	232	256	284	316	346	351	113,7	110,3	110,9	111,3	109,5
Австралия и Океания	16	20	23	27	31	37	38	125	115	117,4	114,8	119,4
<i>Справочно: Россия</i>	<i>119</i>	<i>130</i>	<i>138</i>	<i>138</i>	<i>146</i>	<i>143</i>	<i>143</i>	<i>109,2</i>	<i>106,2</i>	<i>100</i>	<i>105,8</i>	<i>97,9</i>

Источники: Europe in figures – Eurostat yearbook 2009 [El. res.]. – P. 130. – URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu> (дата обращения: 25.10.2010); Демографический ежегодник России. – 2001. – С. 19; 2011 World Population Data Sheet. The World at 7 billion. – Population Reference Bureau. – P. 6-9.

зафиксировано в Европейском (с 21,5 до 10,5‰), Азиатском (с 42,3 до 19‰) регионах и в Австралии (с 23,0 до 12,9‰). То есть снижение уровней рождаемости и смертности – общемировая тенденция (рис. 1).

Позитивной тенденцией последних лет является наблюдаемое относительно улучшение показателей состояния здоровья населения. С начала 2000-х годов зафиксирован рост ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) – с 65,3 в 2000 г. до 70,8 года в 2013-м и ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ) – соответственно с 58 до 61 года.

В то же время отставание России от развитых стран мира по продолжительности жизни остается весьма ощутимым: в 2013 г. ОПЖ в странах Евросоюза на 10 лет превышала среднероссийский показатель, аналогична ситуация и с продолжительностью здоровой жизни. Характерно, что динамика параметров здоровья россиян уникальна. В рассмотренный период при заметно более низких позициях «на старте», сходных со значениями развивающихся стран, России удалось

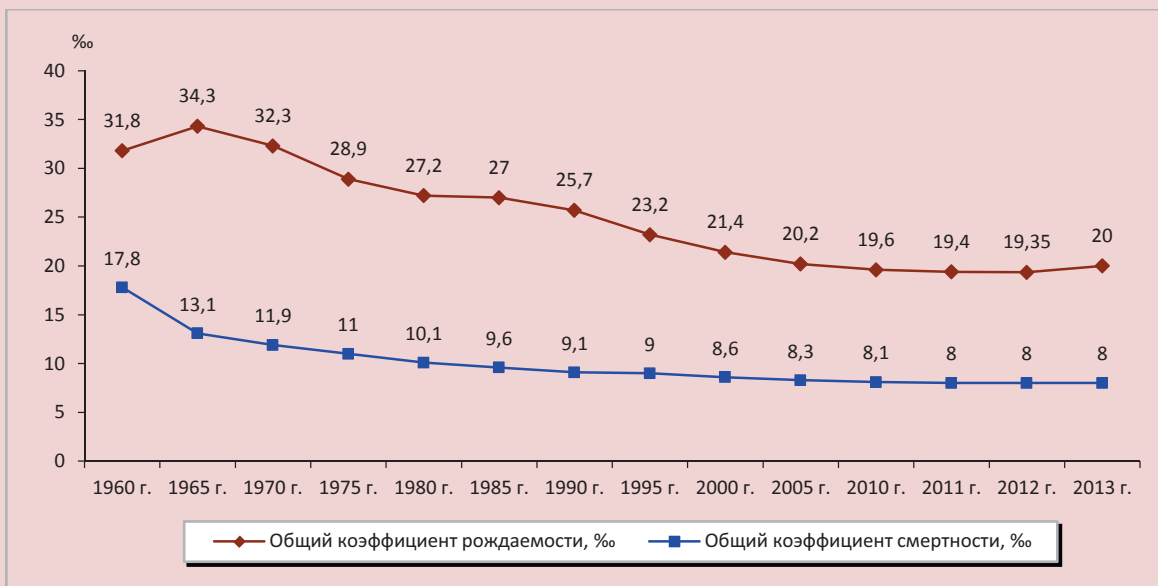
приблизиться к уровню развитых, где динамика была несущественна.

Хотя с начала столетия в России наметились некоторые позитивные сдвиги (с 2000 по 2014 г. общий коэффициент рождаемости увеличился с 8,7 до 13,1 промилле; общий коэффициент смертности снизился с 15,3 до 13,3; с 2013 г. имеется естественный прирост населения – 54 тыс. человек за 2013–2014 гг.), прогнозные оценки экспертов указывают на предстоящее ухудшение трендов (рис. 2), поскольку структурный ресурс повышения рождаемости исчерпан.

В период с 1999 по 2009 г. число женщин в возрасте от 18 до 34 лет выросло более чем на 2 млн., что способствовало росту числа рождений после 1999 года. По прогнозу Института демографии НИУ ВШЭ, к 2020 г. численность женщин в активном репродуктивном возрасте сократится на 4,7 млн., а к 2025 г. – более чем на 7 миллионов³.

³ Вишневыский А. Россия: демографические итоги двух десятилетий и ближайшие перспективы // Мир России. Социология. Этнология. – 2012. – №3. – Т. 21. – С. 3-40.

Рисунок 1. Глобальные показатели рождаемости и смертности в 1960–2013 гг., промилле (на 1 тыс. чел. населения)

Источник: The World Bank. World Development Indicators [El. res.]. – Available at: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx>

Рисунок 2. Динамика общих коэффициентов рождаемости и смертности населения России, промилле (факт и прогноз) (по данным Росстата)

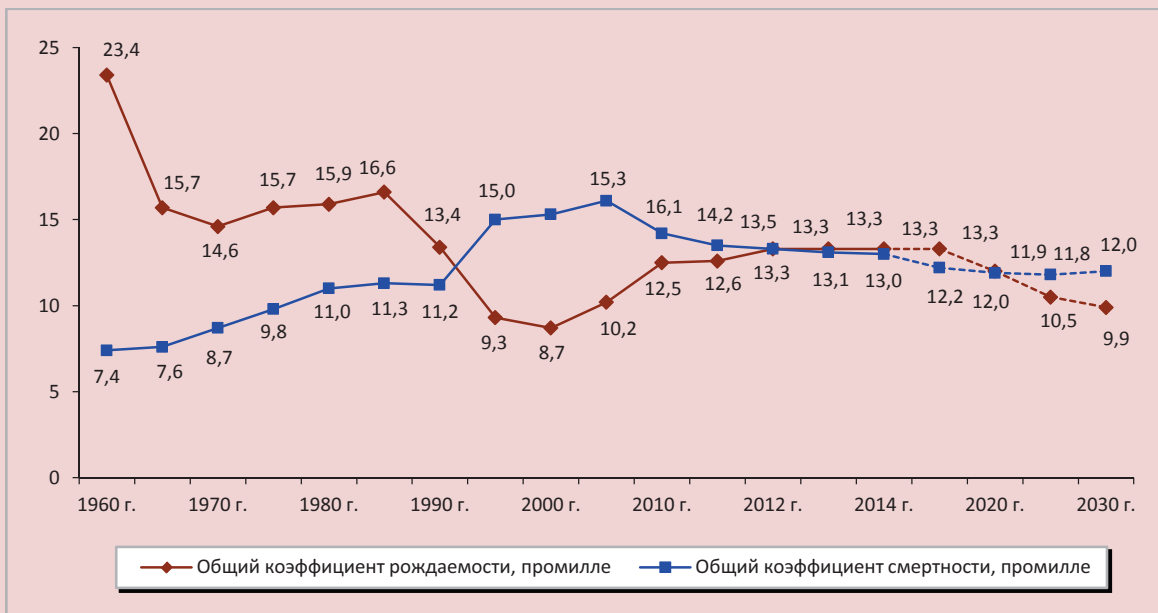

Таблица 2. Младенческая смертность, случаев на 1000 родившихся живыми

Страны	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Мир	62,8	60,0	53,1	44,3	37,5	36,2	34,9	33,7	32,6	31,7
Россия	21,9	22,2	19,7	14,4	10,3	9,8	9,3	8,9	8,5	8,2
Развитые страны мира										
США	9,4	8,0	7,1	6,8	6,3	6,1	6,1	5,9	5,7	5,6
Англия	7,9	6,1	5,6	5,1	4,4	4,2	4,1	3,9	3,7	3,5
Швеция	5,8	4,0	3,4	3,0	2,5	2,4	2,4	2,4	2,4	2,4
Канада	6,8	5,7	5,2	5,3	4,9	4,7	4,7	4,6	4,4	4,3
Дания	7,3	5,4	4,6	4,1	4,1	3,3	3,2	3,1	3,0	2,9
Норвегия	7,0	4,6	4,0	3,2	2,6	2,5	2,3	2,3	2,2	2,0
Франция	7,4	4,8	4,4	3,8	3,5	3,5	3,5	3,6	3,6	3,5
Италия	8,3	6,4	4,7	3,7	3,4	3,3	3,2	3,1	3,0	2,9
Германия	7,0	5,3	4,4	3,9	3,5	3,4	3,3	3,3	3,2	3,1
Япония	4,6	4,1	3,3	2,7	2,4	2,3	2,2	2,1	2,1	2,0

Источник: World Health Organization. Global Health Observatory Data Repository [El. res.]. – Available at: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.CM1320R?lang=en>

Вместе с тем особую тревогу вызывает то, что, несмотря на рост ОПЖ и ОПЗЖ, высоким остается уровень младенческой и детской смертности (табл. 2). Сокращение доли молодых в населении как европейских государств, так и России – один из серьезных глобальных вызовов современности.

Основными причинами изменения пропорций возрастной структуры послужили снижение рождаемости и увеличение продолжительности жизни. Демографы с тревогой отмечают, что впервые в истории России удельный вес детей стал ниже удельного веса населения пожилых возрастов. В 2013 г. в 56 регионах страны на долю детей и подростков приходилось менее 20% жителей (на начало 2000 г. таких регионов было 41, в 1990 г. – 3).

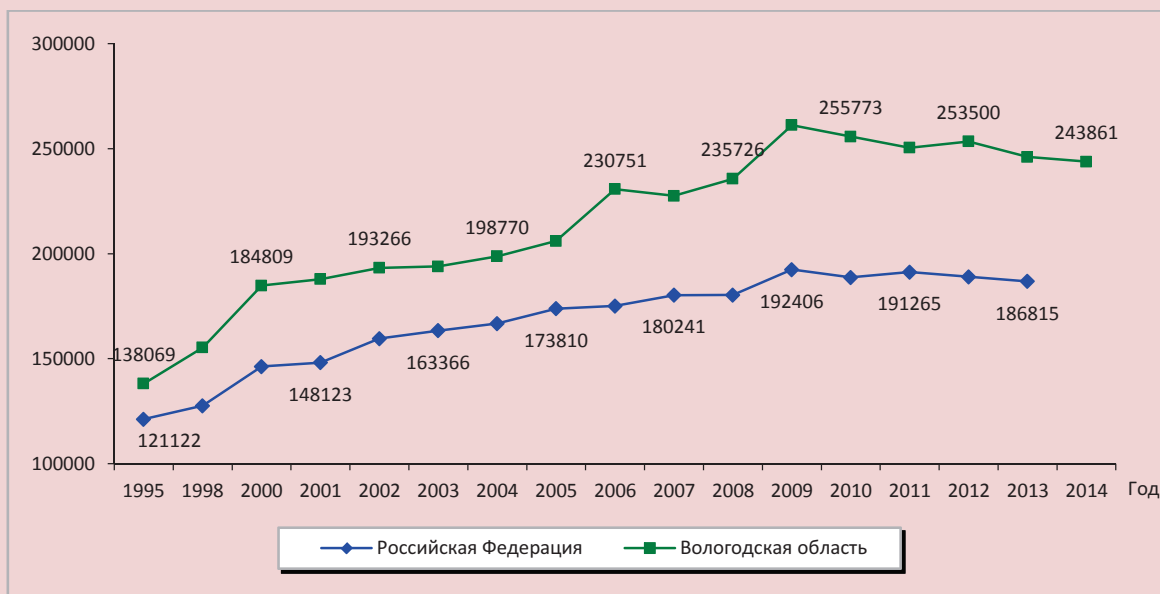
В этой связи важным вызовом для России является сохранение здоровья подрастающего поколения. Потенциал здоровья детей снижается с самого раннего детства, о чем свидетельствует рост их заболеваемости. В стране около 35% детей рождаются больными или заболевают в ближайшее время, в Вологодской области этот показатель составляет около 30% (рис. 3).

Материалы государственной статистики характеризуют состояние и тенденции изменения здоровья детской популяции в целом и позволяют оценить его как компонент здоровья общественного. Понять изменения индивидуального здоровья детей помогают специальные исследования. С этой целью в Вологодской области с 1995 г. проводится медико-социологический мониторинг здоровья и развития детей в режиме реального времени. В нем участвуют четыре когорты семей, в которых родились дети весной 1995, 1998, 2001, 2004 и 2014 годов (рис. 4). Исследование дает уникальную возможность выяснить, как меняется здоровье детей, понять, какие факторы оказывают большее влияние на его формирование. Медико-социологический мониторинг позволяет увидеть детское здоровье и нездоровье на качественно ином уровне и более подробно обсуждать проблему.

В исследовании выявлено, что ухудшение здоровья происходит поэтапно, ступенчато. Установлены основные критические периоды детства:

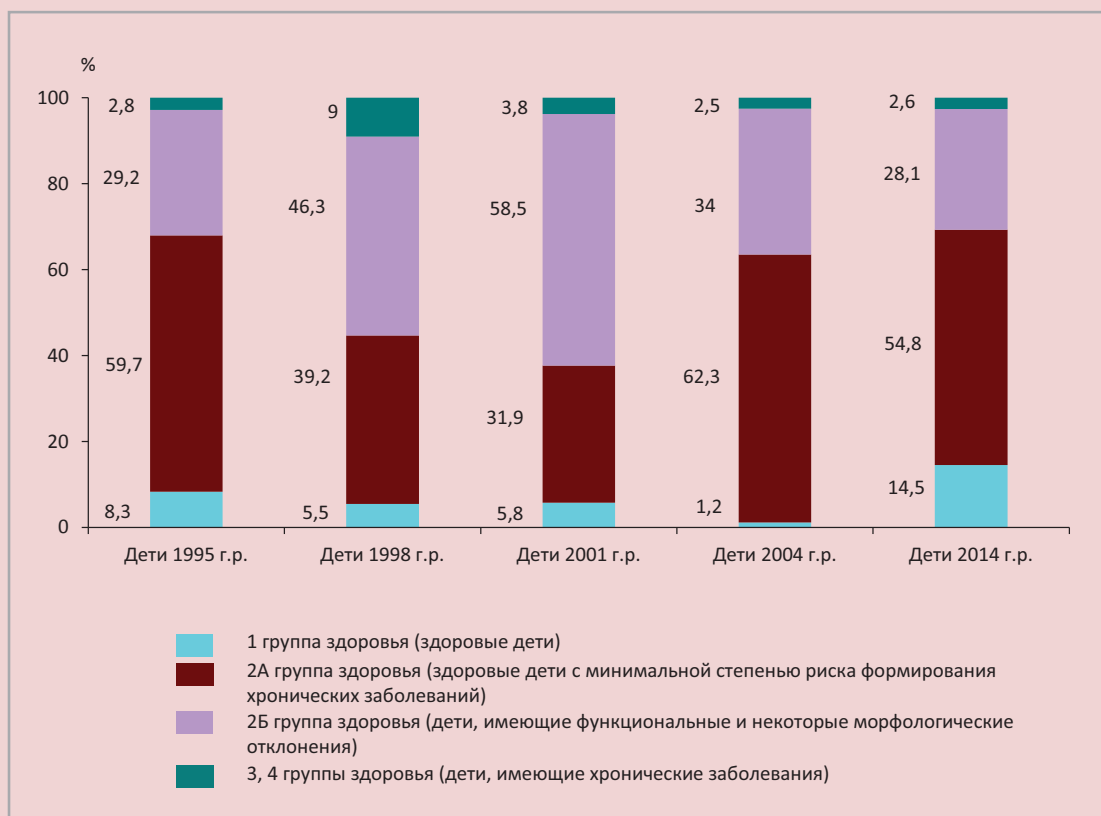
- первый год жизни (среди новорожденных доля здоровых детей и детей с ми-

Рисунок 3. Заболеваемость детей в возрасте от 0 до 14 лет (на 100 тыс. детей)

Источники: Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. – М., 2001–2014.; Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 1999–2014 гг.: стат. сб. – Вологда: Департамент здравоохранения Вологодской области, ГУЗ ДЗ ВО МИАЦ, 1999–2014.

Рисунок 4. Здоровье новорожденных детей (по материалам мониторинга), %

нимальным риском потери здоровья составляет 60–40%, к одному году она снижается до 20–15%);

- 6–7 лет (удельный вес детей, имеющих хронические заболевания, увеличивается в среднем на 5–6%), что связано с наиболее ответственными моментами социальной адаптации;

- 12 лет (к этому возрасту, в силу физиологических особенностей, укрепляется иммунная система детей, сокращается удельный вес часто болеющих простудными заболеваниями, однако увеличивается заболеваемость опорно-двигательного аппарата, желудочно-кишечного тракта, снижается острота зрения, т.е. растет число хронических патологий).

Особенно тревожным на этом фоне выглядит ослабление внимания медицинского персонала к категории детей, имеющих вторую группу здоровья. Часты случаи отнесения их к группе здоровых только на основании редкой обращаемости в медицинские учреждения⁴.

По наблюдениям медицинских работников 70% расстройств, сформировавшихся у детей в начальных классах, к моменту окончания школы перерастают в хронические заболевания, при этом в 4–5 раз возрастает заболеваемость органов зрения, в 3 раза — органов пищеварения и опорно-двигательного аппарата, в 2 раза — заболеваемость нервно-психическими расстройствами⁵.

Распространенность вышеперечисленных факторов риска довольно высока. Лишь 6% семей благополучны в этом отношении, в остальных риски присутствуют

в различных сочетаниях. Более чем в трети семей отмечаются два каких-либо фактора риска, примерно в 20% семей сочетаются три. Наибольшая доля здоровых детей выявлена в семьях, где негативные воздействия отсутствуют или минимальны (около 30%). Наиболее велика доля детей, имеющих хронические заболевания, в семьях, сочетающих четыре (25%) и пять (33%) факторов риска. При этом факторы риска сконцентрированы в семьях с низкими доходами. Распространенность выявленных факторов риска в популяции представлена в *таблице 3*.

Полученные данные свидетельствуют о формировании определенной закономерности: широкая распространенность факторов риска в популяции ведет к ухудшению здоровья детей, это в свою очередь ведет к низкому уровню здоровья молодежи и в конечном счете отражается на здоровье взрослых, плохое здоровье родителей становится причиной нездоровья детей. Формируется так называемая «социальная воронка», куда всё активнее втягиваются молодые когорты: проблемы здоровья перемещаются из групп населения старшего возраста в группы детей и молодежи⁶.

Негативные условия и факторы жизни вызвали ослабление иммунной защиты, развитие патологических процессов, депрессии и другие психические отклонения. Состояние «износа» и «усталости» населения приводит к тому, что поколение детей не воспроизводит поколение родителей не только количественно, но и качественно⁷.

⁴ Шабунова А.А. Здоровье и здоровьесбережение подрастающего поколения // Дети и общество: социальная реальность и новации : сб. докладов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, г. Москва, 23–24 октября 2014 г. — М. : РОС, 2014. — С. 851–861.

⁵ Шабунова А.А. Там же.

⁶ Римашевская Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России // Вестник Российской академии наук. — 2004. — Т. 74. — №3. — С. 209–218.

⁷ Аналитический материал к разработке концепции государственной миграционной политики РФ [Эл. рес.]. — Реж. дост.: http://www.proektnoegosudarstvo.ru/materials/analiticheskij_material_k_razrabotke_kontceptcii_gosudarstvennoj_migracionnoj_politiki_rf/

Таблица 3. Распространенность факторов риска в популяции

Факторы	Распространенность в популяции
Неудовлетворительное здоровье матери	В 2014 г. в Вологодской области 8% женщин в репродуктивном возрасте оценивают свое здоровье как плохое и очень плохое; 43% – как удовлетворительное.
Низкий уровень гемоглобина у женщин в период беременности	Анемии составляют 33% заболеваемости беременных женщин.
Курение матери	Распространенность курения среди беременных женщин значительно возросла (с 3% в 1995 году до 10% в когорте 2014 г.). В Вологодской области в репродуктивном возрасте курит 29% женщин. Их доля увеличивается.
Условия труда будущей матери, не соответствующие санитарным нормам	В Вологодской области в 2006 г. 26% женщин трудились в не отвечающих санитарным нормам условиях, в то время как в 2000 г. этот показатель не превышал 7% (по данным Вологдастата).
Низкие доходы семей	Около 20% детей в возрасте до 16 лет в России проживают в условиях бедности. Выявлено и некоторое улучшение в данный период субъективных оценок покупательной способности семей, участвующих в мониторинге. Отмечено увеличение доли респондентов, которым денег хватает на все текущие расходы, с 27 до 38% соответственно. Число семей, считающих, что денег им хватает только на ежедневные расходы, но покупка одежды и других вещей представляет трудности, уменьшилось соответственно с 53 до 37%.
Неблагоприятные жилищные условия	13–18% семей, участвующих в мониторинге, проживают в плохих либо требующих капитального ремонта домах и квартирах.
Неудовлетворительные экологические условия в районе проживания	28% детей (по оценке родителей) проживают в плохих или очень плохих экологических условиях.

В России неуклонно растет численность подростков 15–17 лет, состоящих на учете по поводу тяжелых психических расстройств (шизофрения, шизоаффективные психозы, шизотипические расстройства и аффективные психозы). С 2000 г. она выросла на 45% (с 50,8 до 73,3 случая на 100 тыс. подростков)⁸. Данный показатель среди детей от 0 до 14 лет также увеличился – на 20% (с 12,7 до 15,2 случая на 100 тыс. детей соответственно)⁹.

О распространении среди подростков 15–17 лет психических расстройств и расстройств поведения, связанных с употреблением психоактивных веществ, свидетельствует следующая тенденция. Если в начале 1990-х годов наиболее острой была проблема токсикомании, во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов – проблема быстрого роста наркомании, то в 2000-е годы на первый план стала выхо-

дить, как и для взрослого населения, проблема алкоголизма¹⁰. Зарегистрированная заболеваемость наркоманией достигла пика в 2000 году, когда под наблюдение было взято 6122 подростка (82 в расчете на 100 тысяч человек данного возраста), на учете в лечебно-профилактических учреждениях к концу года состояло 9062 подростка (121 на 100 тыс. подростков), а на профилактическом учете – еще 16 тысяч (218 на 100 тысяч). Заболеваемость подростков наркоманией резко снизилась к 2003 году, а затем продолжала снижаться умеренными темпами. В 2012 году под наблюдение с впервые в жизни установленным диагнозом наркомания было взято лишь 143 подростка (3,4 в расчете на 100 тысяч человек в возрасте 15–17 лет), на конец года в лечебно-профилактических учреждениях состояло на учете 284 подростка (6,9).

⁸ Здравоохранение в России. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 147.

⁹ Там же. – С. 131.

¹⁰ Щербакова Е. Число состоящих на учете с диагнозом алкоголизм и алкогольные психозы, наркомания и токсикомания, в 2011 году продолжало сокращаться // Демоскоп Weekly. – 2013. – №547–548. – 18-31 марта 2013.

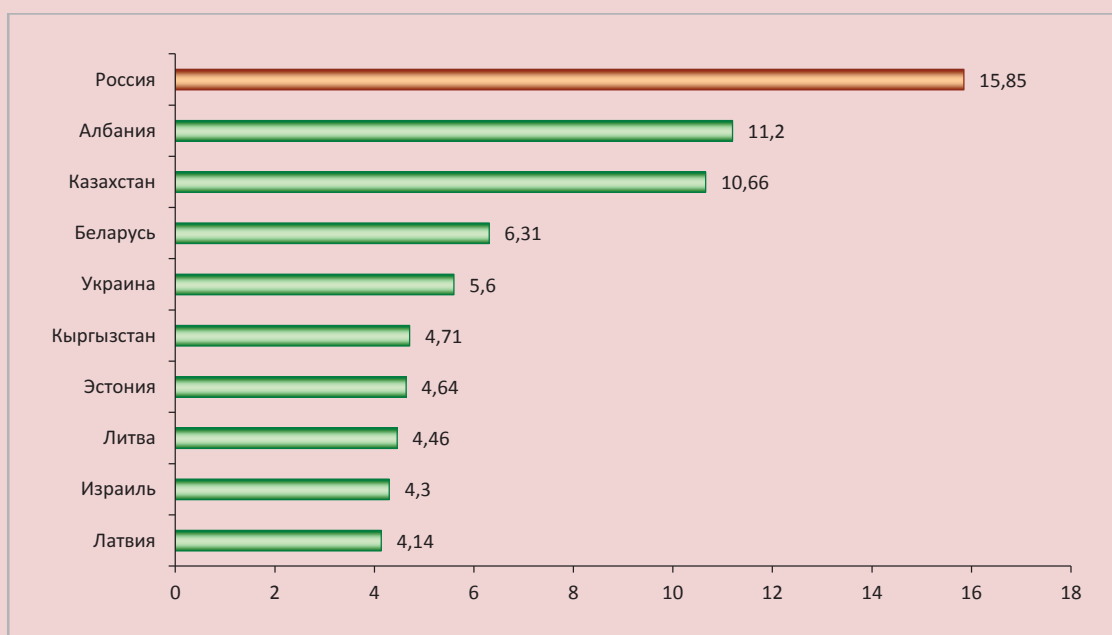
Психические расстройства и расстройства поведения, связанные с употреблением психоактивных веществ, регистрируются и у детей в возрасте до 14 лет. В 2000 г. под наблюдение было взято 216 детей. Начиная с 2010 г. их число составляет в среднем 7–8 в год¹¹. В 2012 г. на учете в лечебно-профилактических организациях с диагнозом наркомания состояло 13 детей до 14 лет. Кроме того, 427 детей состояли на профилактическом учете в связи с употреблением наркотических средств с вредными последствиями.

Российская Федерация возглавляет список европейских стран с максимальным уровнем смертности от насильственных причин среди молодежи в возрасте от 10 до

29 лет (рис. 5). По данным ВОЗ ежедневно в Европе в результате насилия погибают примерно 40 молодых людей в возрасте от 10 до 29 лет, или более 15 тыс. человек в год¹². Насилие является третьей по значению причиной смертности в этой возрастной группе. Для сравнения: в странах Западной Европы уровень смертности лиц в возрасте от 10 до 29 лет несоизмеримо меньше – например, по 0,5 случая на 100 тыс. населения в Германии и Австрии.

В 2013 г. уровень самоубийств в Вологодской области уменьшился во всех возрастных категориях населения (табл. 4). Следует отметить, что в группе 10–19 лет снижение идет наименьшими темпами.

Рисунок 5. Государства с наиболее высоким уровнем смертности от насильственных причин среди лиц в возрасте от 10 до 29 лет в Европе (число умерших на 100 тыс. населения)

Источник: Доклад о предотвращении насилия и преступности среди молодежи / Европейское региональное бюро ВОЗ, 2010.

¹¹ Здравоохранение в России. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 380 с.

¹² Европейский доклад о предотвращении насилия и преступности среди молодежи (European report on preventing violence and knife crime among young people) / World Health Organization, 2010.

Таблица 4. Возрастная структура смертности населения Вологодской области от самоубийств (умерших на 100 тыс. населения данной возрастной группы)

Возрастная группа	Год											2013 к 1998
	1998	1999	2000	2002	2004	2006	2007	2008	2009	2010	2013	
10–19 лет (с 1998 по 2000 г. – 0-19 лет)	6,7	6,3	8,8	15,2	12,8	8,8	11,9	7,2	7,0	9,7	4,5	67,2%
20–39 лет	59,8	68,4	61,0	57,0	55,6	43,2	37,5	25,3	33,7	27,8	26,0	43,5%
40–59 лет	88,2	94,7	84,5	74,7	64,3	56,0	46,8	37,8	38,6	33,8	30,7	34,8%
60 и более лет	54,8	81,0	71,4	63,0	62,0	57,8	47,3	36,7	45,3	38,1	29,7	54,1%

Источник: база данных Федеральной службы государственной статистики [Эл. рес.]. – Реж. дост: www.gks.ru

Это можно объяснить тем, что представители данных категорий (в первую очередь дети и подростки) имеют повышенный уровень лабильности психики и, одновременно, не обладают жизненным опытом, достаточным для конструктивного реагирования на психотравмирующие ситуации, что повышает риск совершения суицида. Только в 2013 г. наблюдается значительное улучшение данного показателя.

Таким образом, мы видим, что проблема суицидального поведения актуальна для всего российского общества, и особенно в отношении детей и подростков. Самоубийства среди детей и подростков несут в себе комплекс угроз общественному развитию¹³, важнейшими из которых мы считаем следующие.

1. Социально-психологическая угроза.

Социальная дезадаптация, по сути, — это невозможность индивида приспособиться к условиям социальной реальности, то есть это определенная негативно окрашенная реакция индивида на воздействие социальных условий. В детском возрасте такой реакции вообще не должно быть, поскольку представители данной возрастной группы только познают мир, их взаимодействие

¹³ Морев М.В., Шматова Ю.Е. Социальные патологии в детско-подростковом возрасте (на примере исследований суицидального поведения) [Эл. рес.] // Вопросы территориального развития. — 2014. — №10 (20). — Реж. дост.: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1456>

с социумом «прикрыто» родительской опекой, семьей. Тот факт, что в детско-подростковом возрасте имеют место проявления социальной дезадаптации, причем находящиеся в такой степени, что выражаются на физическом уровне, на уровне социальных патологий, вызывает особую тревогу относительно будущего молодого поколения и всей страны в целом.

2. Экономическая угроза. Чем моложе возраст смерти от самоубийства, тем больше потери человеческого и трудового потенциала территории. Это показала оценка экономического ущерба от преждевременной смертности вследствие различных причин¹⁴, в т.ч. и некоторых форм деструк-

¹⁴ Одним из ключевых показателей при расчете стоимости социально-экономических последствий преждевременной смертности выступает стоимость экономического ущерба от потери члена общества, выраженная стандартизованными единицами «Потерянные годы продуктивной жизни (ППЖ)». В качестве меры стоимостного выражения данного ущерба использовался подушевой размер валового регионального продукта (ВРП) Вологодской области, рассчитанный исходя из численности населения, занятого в экономике в данном году. Это позволило определить размер упущенной выгоды региона вследствие смертности населения, находящегося в трудоспособном возрасте, при допущении, что всё оно является экономически активным. По каждому случаю смерти было определено количество лет «недожития» до пенсионного возраста (мужчины до 60, а женщины до 55 лет), просуммированы все случаи и умножено полученное число недожитых человеко-лет на среднегодовой валовой региональный продукт (ВРП) на одного занятого в экономике. В результате получался упущенный ВРП вследствие смертности от самоубийств.

тивного и аутодеструктивного поведения, проведенная в Вологодской области ИСЭРТ РАН в 2013 году¹⁵.

Общие потери человеко-лет продуктивной жизни от смертности вследствие самоубийств составили в 2013 г. 3241 ПГПЖ (табл. 5), в денежном эквиваленте – около 2 млрд. рублей, или 0,6% ВРП (для сравнения: ущерб от убийств – 2096 ПГПЖ, или 0,4% ВРП). Злоупотребление спиртными напитками наносит еще более значительный урон трудовому потенциалу региона. Исследование показывает необходимость более пристального внимания к проблеме в целях предотвращения аутодеструктивного и деструктивного поведения, особенно среди подростков.

В сравнении с другими причинами смертности при самоубийствах максимальные потери ПГПЖ имеют место в молодом возрасте (20–29 лет; табл. 6). В целом на

данную группу приходится до 37% всех потерь ПГПЖ. Аналогичная ситуация наблюдается только в отношении транспортных несчастных случаев. Наибольшие потери от убийств зафиксированы в группе от 25 до 35 лет, от алкогольных отравлений – 30–39 лет, от новообразований и ишемической болезни сердца – 45–55 лет.

Среди молодежи (возрастная группа от 15 до 24 лет) потери от самоубийств составляют почти 207 тысяч человеко-лет, что выше, чем потери вследствие всех рассматриваемых причин смертности (рис. 6).

В целом на молодое поколение (до 24 лет) приходится треть суммарной величины ПГПЖ от самоубийств. Для сравнения: потери от ишемической болезни сердца составляют 2%, от новообразований – 15%, от алкогольных отравлений – 7%, от транспортных несчастных случаев – 43%. Следовательно, самоубийства несут наибольший

Таблица 5. Структура бремени вследствие смертности населения Вологодской области в 2013 г. от различных групп причин

Причина смерти в 2013 г.	Смертность				ПГПЖ			Ущерб	
	Мужчин, в %	Женщин, в %	Всего случаев	% к общей смертности	Мужчин, в %	Женщин, в %	Всего	В млн. руб.	% к ВРП
Все причины	81,5	18,5	4783	100,0	80,9	19,1	54684	32667,1	9,4
Злокачественные новообразования	72,8	27,2	691	14,4	69,9	30,1	5818	3475,6	1,0
Сердечно-сосудистые заболевания	86,1	13,9	1550	32,4	86,6	13,4	13555	8097,5	2,3
Заболевания органов пищеварения	97,3	2,7	258	5,4	99,0	1,0	4889	2920,6	0,8
Алкоголь*	86,3	13,7	388	8,1	88,1	11,9	5109	3052,0	0,9
Внешние причины:	83,9	16,1	1327	27,7	85,6	14,4	23511	14045,0	4,0
суициды	87,6	12,4	177	3,7	89,8	10,2	3241	1936,1	0,6
убийства	84,3	15,7	102	2,1	88,9	11,1	2096	1252,1	0,4
ДТП	78,7	21,3	183	3,8	80,9	19,1	4119	2460,6	0,7

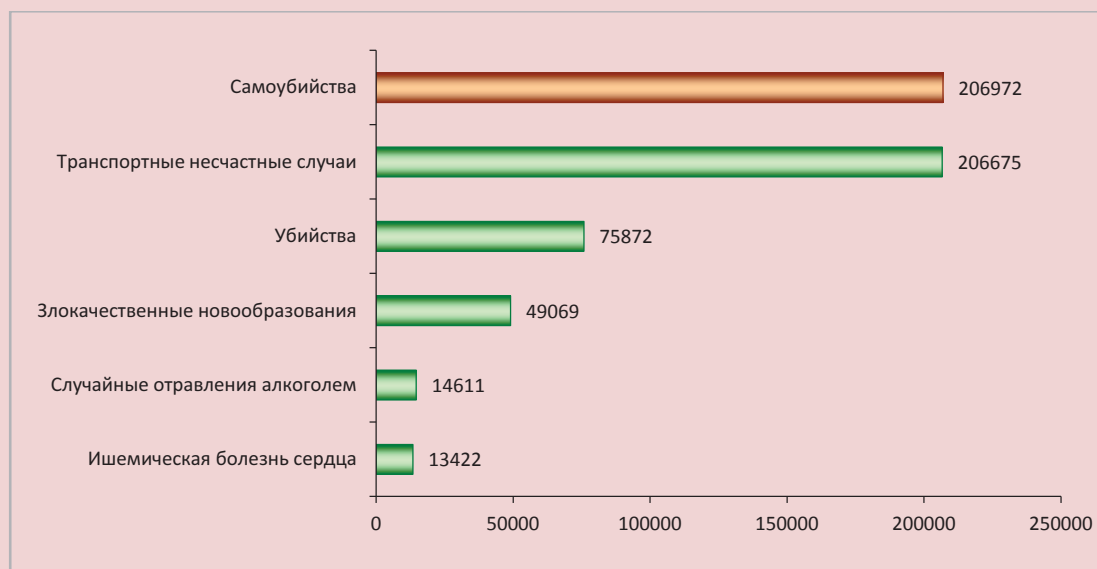
* Данная группа причин смерти включает психические расстройства (алкогольные психозы), дегенерацию нервной системы, вызванную алкоголем, алкогольную полиневропатию, алкогольную миопатию, алкогольную кардиомиопатию, алкогольный гастрит, алкогольную болезнь печени, хронический панкреатит алкогольной этиологии, алкогольный синдром у плода, случайное отравление алкоголем, преднамеренное отравление алкоголем, отравление и воздействие алкоголем с неопределенными намерениями.

¹⁵ Короленко А.В. Динамика смертности населения России в контексте концепции эпидемиологического перехода // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – №4(40). – DOI: 10.15838/esc/2015.4.40.14 – С. 192-210.

Таблица 6. Динамика ПГПЖ в различных возрастных группах населения Российской Федерации

Причина смерти	Возрастные группы										
	5–9	10–14	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59
Ишемическая болезнь сердца	47	42	3146	10276	25922	48541	72757	109537	175137	169830	60134
Злокачественные новообразования	12715	10881	20656	28413	40380	53263	63737	84667	132767	125041	44832
Случайные отравления алкоголем	0	136	2077	12534	29580	42136	42833	36123	37503	21740	4758
Транспортные несчастные случаи	13342	16119	68327	138348	113427	82378	52997	37639	29036	13881	2634
Убийства	2631	2408	21944	53928	64600	65788	52168	35366	28861	13749	2578
Самоубийства	515	10613	71571	135401	133027	105111	71107	48737	41590	22823	4566

Рисунок 6. Потери ПГПЖ в возрастной группе от 15 до 24 лет, лет

социально-экономический ущерб вследствие широкого распространения среди людей молодого возраста.

3. *Демографическая угроза.* Смертность от самоубийств является не только психологической и социально-экономической угрозой, но и влечет демографические потери. Так, согласно нашим расчетам¹⁶, потери ОПЖ вследствие смертности от суицидов, убийств и причин, связанных с упо-

¹⁶ Методика описана в книге: Вальчук Э.А., Гулицкая Н.И., Антипов В.В. Заболеваемость населения: методы изучения. – Минск, 2000. – С. 23.

реблением алкоголя, составляют 1,3 года. При этом пик демографического ущерба приходится на возрастную группу до 19 лет (табл. 7), в случае смертности от спиртных напитков – на молодежь 20–24 лет.

Обобщая всё вышесказанное, можно сделать вывод о том, что суицидальное поведение в детско-подростковой среде несет в себе угрозы: социально-психологическую, демографическую и экономическую. И это негативно отражается на формировании трудового и человеческого потенциала.

Таблица 7. Потери ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) вследствие смертности населения от причин, связанных с ухудшением социального здоровья, 2012 г., лет

Возраст	Средняя ОПЖ	Общая потеря лет вследствие смертности от				ОПЖ без учета смертности от суицидов, убийств, причин, связанных с алкоголем
		суицидов	убийств	употребления алкоголя*	суицидов, убийств и причин, связанных с алкоголем	
0–1	70,35	0,32	0,19	0,62	1,13	71,48
1–4	69,7	0,32	0,19	0,62	1,13	70,83
5–9	65,73	0,32	0,19	0,62	1,13	66,86
10–14	60,79	0,32	0,18	0,62	1,12	61,91
15–19	55,86	0,32	0,18	0,62	1,12	56,98
20–24	50,98	0,3	0,17	0,63	1,1	52,08
25–29	46,26	0,26	0,14	0,62	1,02	47,28
30–34	41,6	0,23	0,11	0,6	0,94	42,54
35–39	37,18	0,2	0,1	0,56	0,86	38,04
40–44	33,13	0,15	0,07	0,46	0,68	33,81
45–49	28,87	0,12	0,05	0,36	0,53	29,4
50–54	24,77	0,09	0,04	0,27	0,4	25,17
55–59	21,13	0,05	0,02	0,18	0,25	21,38
60–64	17,88	0,02	0,01	0,1	0,13	18,01
65–69	14,84	0,01	0	0,02	0,03	14,87
70 и более	11,88	0	0	0	0	11,88

Предотвратимость данного явления определяет важность разработки и принятия превентивных мер.

Сокращение численности молодых когорт сопряжено со значительным риском для развития страны, что проявляется прежде всего в снижении творческого потенциала, основным носителем которого выступает молодая часть трудовых ресурсов.

Молодое поколение современной России – один из тех ресурсов модернизации, потенциал которого пока используется не в полной мере. Молодежь представляет своеобразный накопитель исторического опыта и, в определенном смысле, показатель устойчивости общества и мощный инновационный фактор. Президент РФ В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г. отметил: «...Сбережение нации, воспитание детей и раскрытие их талантов – то, что определяет силу и будущее любой страны, в том числе и нашей»¹⁷.

¹⁷ Послание Президента РФ Федеральному собранию от 03.12.2015.

Молодое поколение¹⁸ в новых общественно-экономических условиях претерпевает значительные изменения в своих интересах, взглядах, ценностях [6, с. 5–6], а выбранные им социальные ориентиры во многом определяют будущее общества. Молодежный возраст сегодня – это понятие не столько демографическое, сколько социальное и политическое. Отношение общества к молодежи, ее положение и роль в обществе являются индикатором способности социума к быстрому развитию. Молодежь – носитель новых идей, значительного интеллектуального потенциала, расширенных способностей к творчеству (в силу присущих ей повышенных чувственности, восприятия, образности мышления

¹⁸ В Российской Федерации молодежным официально считается возраст от 14 до 30 лет (в Европе – от 15 до 29 лет), но при этом исследователи дифференцированно подходят к определению возрастных границ молодого населения. Так, например, при изучении потребления психотропных веществ в молодежной среде возрастные рамки определяются от 11 до 24 лет; профессиональной ориентации – от 15 до 26 лет; а при изучении экономических и политических вопросов – от 18 до 30 лет (учитываются избирательные права населения).

и т.п.), критических взглядов и настроений в отношении существующей действительности, особенно необходимых в период преобразований в обществе. Являясь по природе противником консерватизма, молодежь способствует ускорению внедрения в практику новых идей, инициатив, новых форм жизни. В молодом возрасте человек легко приобретает основные знания, умения и навыки. Значимость и ценность молодости в современном мире повышается и в связи с необходимостью расширения объемов и глубины профессиональной подготовки, что неизбежно в условиях модернизации общества.

Анализируя молодежь как будущий трудовой потенциал страны, следует учитывать, что она по законам преемственности (по закону отрицания отрицания) осваивает наследуемые общественные отношения, духовные и материальные ценности конкретного общества, а в последующем осуществляет их воспроизводство. Будет это простое или расширенное воспроизводство — зависит в том числе и от уровня социального развития молодежи, ее формирующихся ценностей.

Итоги социологического опроса²⁰ молодежной когорты населения Вологодской

²⁰ Исследование проводилось в виде формализованного опроса молодежи. Форма исследования — поквартирный опрос в городах Вологде и Череповце и восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Шекснинском и Тарногском). В выборку исследования вошли 1000 чел. в возрасте 16–29 лет включительно (генеральная совокупность — 217 841 чел.). Выборка целенаправленная, квотная. Квоты выборки составлены в соответствии со следующими параметрами: 1) место проживания; 2) половозрастные характеристики. В выборку опроса вошло молодое население:

— г. Вологды — 32,8%; г. Череповца — 28,1%; районов области — 39,1%;
— в возрасте 16–18 лет — 14,7%; 19–24 — 39,2%; 25–29 — 46,1%;
— мужчины — 51%; женщины — 49%.

области свидетельствуют о том, что молодые вологжане проявляют достаточно высокую политическую и информационную активность, заинтересованы в самореализации в культурном и социально-экономическом пространстве региона. Наиболее важными для себя ценностями молодежь отмечает *здоровье*, материальную обеспеченность, семью, любовь (4,5 балла из 5-ти; табл. 8). Для младшей группы (16–18 лет), в основной массе еще не приступившей к профессиональной деятельности, характерна большая привязанность к традиционным ценностям (семья, счастье). Для средней группы (19–24 года), в основной массе получающей профессиональное образование, на первый план выходят ценности свободы и независимости, что отражает реальную ситуацию — они определились с профессией, многие начали самостоятельную жизнь в отрыве от родителей. С возрастом (25–29 лет) увеличивается приоритет труда.

Здоровье занимает лидирующие позиции в ранжированном перечне ценностей молодежи. Оценка важности здоровья среди молодых в целом выше, чем у всего населения региона (4,5 против 4,4 балла по пятибалльной шкале). Однако, по мнению молодежи, умение поддерживать свое здоровье наименее важно для людей, входящих в круг их общения, что говорит о недостаточной культуре самосохранительного поведения. В исследовании выявлено, что, выстраивая стратегию поведения при трудоустройстве, молодые люди не соотносят требования рабочих мест к здоровью и собственные возможности, вследствие чего происходит дальнейшее ухудшение здоровья, потеря производительности и оплаты труда (различия в производительности труда у молодежи с разным состоянием

Таблица 8. Степень важности для молодежи различных аспектов жизни в разрезе возрастных групп (в баллах; где 1 – совсем не важно, 5 – очень важно)

Вариант ответа	Среднее по опросу		По возрасту					
			16–18		19–24		25–29	
	Балл	Ранг	Балл	Ранг	Балл	Ранг	Балл	Ранг
Здоровье	4,5	1	4,5	1	4,5	1	4,5	1
Материальная обеспеченность	4,5	1	4,4	2	4,5	1	4,4	2
Счастливая семейная жизнь	4,5	1	4,5	1	4,5	1	4,5	1
Любовь	4,5	1	4,4	2	4,5	1	4,5	1
Наличие хороших и верных друзей	4,4	2	4,4	2	4,4	2	4,3	3
Свобода, независимость	4,3	3	4,3	3	4,4	2	4,3	3
Интересная работа	4,2	4	4,1	5	4,3	3	4,2	4
Достоинство, честь	4,2	4	4,1	5	4,2	4	4,2	4
Эмоциональное спокойствие, внутренняя гармония	4,2	4	4,1	5	4,2	4	4,2	4
Развлечения	4,1	5	4,2	4	4,1	5	4	6
Социальная справедливость	4,1	5	4,1	5	4,2	4	4,1	5
Активная деятельная жизнь	4,0	6	3,9	7	4	6	4	6
Познание	4,0	6	3,9	7	4	6	4	6
Общественное положение, статус	4,0	6	4,1	5	4	6	4	6
Постоянное физическое и духовное совершенствование	4,0	6	4	6	4	6	4	6
Общественное признание, авторитет	3,9	7	4	6	3,9	7	3,9	7
Одобрение окружающих	3,8	8	3,9	7	3,8	8	3,8	8
Творчество, искусство	3,7	9	3,7	8	3,8	8	3,7	9

Источник: данные социологического опроса молодежи Вологодской области, 2015 г., № = 1000 чел.

здоровья достигают 19%, в оплате – 34%). По мере взросления трудоустройство чаще осуществляется в соответствии с потенциалом, а отсутствие необходимого состояния здоровья частично восполняется высоким профессионализмом, что положительно влияет на результативность труда (различия в производительности труда – 11%, в оплате – 6%; табл. 9).

А вот ценность творчества у всех групп находится на одном из последних мест. С одной стороны, это связано с большей значимостью для современной жизни материальных приоритетов: ценность творческих проявлений для тех, кто не имеет финансовых затруднений (64%), на 10 процентных пунктов актуальнее, чем для тех, кому доходов хватает лишь на повседневные затраты (54%).

С другой стороны, это связано с распространённым явлением не востребоваваемости данного качества работника на его рабочем месте. Около 20% опрошенных молодых людей проявляют себя творчески лишь в том случае, если получают соответствующее задание от начальства, еще столько же – в условиях возникновения практической необходимости, и лишь малая часть населения занимается творчеством и изобретательством на постоянной основе²⁰. То есть возникает двоякая ситуация: молодые люди имеют определенный запас креативности и изобретательства (это будет показано ниже), а экономика еще не успела перестроиться на инновационные запросы к молодым кадрам.

²⁰ Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации / кол. авт.; под общ. ред. А.А. Шабуновой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 151 с.

Таблица 9. Результативность трудовой деятельности
в зависимости от возраста и состояния здоровья населения

Возраст	Состояние здоровья	Производительность труда, средний балл	Средний размер зарботной платы, руб.	Индекс социальной дееспособности, ед.	
		2014 г.	2014 г.	2000 г.	2014 г.
До 30 лет	Отличное, хорошее	7,7	18008	0,700	0,710
	Удовлетворительное	7,0	14606	0,662	0,676
	Плохое, очень плохое	6,2	11850	0,613	0,597
После 30 лет	Отличное, хорошее	8,0	20829	0,676	0,701
	Удовлетворительное	7,4	17991	0,641	0,654
	Плохое, очень плохое	7,1	19535	0,581	0,582

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, N=1500 чел.

Как свидетельствует мировой исторический опыт модернизации, отсутствие государственной политики в сфере управления молодежным ресурсом формирует в обществе разнонаправленные тенденции. С одной стороны, возможность для участия молодых людей в общественной жизни, с другой – «размывание и утечку данного ресурса». Стране требуется эффективная программа модернизации, в которой была бы определена его роль. В этом случае вовлечение молодежи в социально-экономическое развитие государства видится одним из наиболее вероятных сценариев становления её как субъекта модернизации.

В то же время эффективное развитие и продуктивное использование потенциала молодых становится главным преимуществом стран с инновационной экономикой. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г. сказано: «Российскую школу, дополнительное и профессиональное образование, поддержку детского творчества нужно настроить на будущее страны, на запросы как... молодых людей в данном случае, так и на запросы экономики, имея в виду перспективы её развития. Им, ребятам, предстоит решать ещё более сложные задачи, и они должны быть готовы стать первыми, стать не толь-

ко успешными в профессии, но и просто порядочными людьми с прочной духовной и нравственной опорой»²¹.

Успешность молодых поколений, занятие ими достойного места в российском обществе в значительной мере зависит от своевременного поощрения инициативы каждого ученика в школе, студента в вузе, степени их адаптации к постоянно меняющемуся миру и социуму. В нормативную и практическую канву образования (новые ФГОС) одновременно с принятием Закона «Об образовании в РФ» (2012 г.) была введена задача формирования компетенций²², которая позволяет учащимся совместить теоретические знания и их практическое применение для решения не только конкретных жизненных задач, но и проблемных ситуаций. Современному обществу нужны работники, которые хорошо ориентируются в профессиональном пространстве, а их образовательный потенциал может способствовать общественному признанию и востребованности в социуме²³.

²¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г.

²² В переводе с латинского «компетенция» означает круг вопросов, в которых человек хорошо осведомлён, обладает познаниями и опытом.

²³ Королёва Л.В. Социальные компетенции и воспитание успешности // Начальная школа плюс До и После. – 2010. – №12. – С. 30-37.

Исследование сформированности компетенций у молодого населения, проведенное с использованием данных опроса молодежи Вологодской области²⁴, показало, что более высокий уровень развития компетенций обеспечивает инновационную активность (наличие проектов, разработок и изобретений) студентов (3,93 против 3,69 балла – при отсутствии разработок; табл. 10).

Свою принадлежность к инновационно активному обществу отметили 9% студентов, обучающихся в вузах и колледжах региона. На вопрос: «Приходилось ли в течение последнего года что-либо изобре-

тать?» – положительно ответили около 1% студентов, имеющих патенты на изобретения, и 8% от числа тех, у кого есть изобретения, но нет патентов (табл. 11). Это в целом соотносится со статистическими данными об уровне инновационной активности населения.

В 60% случаев наличие изобретений обеспечивалось за счет участия в инновационном процессе студентов с уровнем развития компетенций «выше среднего» (3,71–4,25 балла по пятибалльной шкале). Зависимость изобретательской активности молодежи в большей степени связана с уровнем развития инновационных навыков

Таблица 10. Распределение молодых людей по наличию изобретений в зависимости от уровня развития компетенций, %

Уровень развития компетенций (средний балл)	Есть изобретения	Вид изобретений			
		Устройство	Способ	Компьют. программы	Методы и технологии
<i>Разбиение на основании среднего и стандартного отклонения</i>					
До 3,18	9,3	0,0	0,0	8,3	20,0
От 3,18 до 3,71	11,6	11,1	8,4	16,7	0,0
От 3,71 до 4,25	60,5	77,8	58,3	58,3	60,0
Больше 4,25	18,6	11,1	33,3	16,7	20,0
<i>Разбиение на 3 группы (деление шкалы от 1 до 5 на 3 равные группы)</i>					
Низкий уровень (до 2,33)	2,3	0,0	0,0	0,0	20,0
Средний уровень (2,33...3,66)	16,3	11,1	8,3	16,7	0,0
Высокий уровень (выше 3,66)	81,4	88,9	91,7	83,3	80,0

Источник: Пилотный социологический опрос по оценке уровня развития компетенций студентов ВПО и СПО, г. Вологда, 2015 г., N=500 чел.

Таблица 11. Наличие изобретений и их патентование, в % от числа ответивших

Вариант ответа	Среднее	ВПО, всего	в том числе:		СПО, всего	в том числе:	
			первый курс	последний курс		первый курс	последний курс
Да, у меня есть изобретения и они запатентованы	0,8	1,1	1,7	0,6	0,0	0,0	0,0
Да, у меня есть изобретения, но они не запатентованы	8,3	7,2	7,8	6,7	12,3	13,1	11,3
Нет, у меня нет никаких изобретений	90,9	91,6	90,6	92,7	87,7	86,9	88,7

Источник: Пилотный социологический опрос по оценке уровня развития компетенций студентов ВПО и СПО, г. Вологда, 2015 г., N=500 чел.

²⁴ Пилотный опрос (октябрь 2015 г.) был направлен на определение уровня развития компетенций студентов высших и средних профессиональных образовательных организаций г. Вологды (500 чел.) и влияния его на инновационную активность молодежи. Выборка сформирована с учетом удельного веса студентов той или иной образовательной организации в общей численности обучающихся и разной успеваемости для исключения смещённости данных.

(способность к исследовательской работе, навыки управления проектами, проявление креативности; табл. 12).

Для Российской Федерации важнейшими геополитическими вызовами, таким образом, являются сохранение и преумножение численности населения и повышение человеческого потенциала. Происходит снижение доли молодых в общей численности населения. Впервые в истории России удельный вес детей стал ниже удельного веса населения пожилых возрастов. В 2013 г. в 56 регионах страны на долю детей и подростков приходилось менее 20% жителей (на начало 2000 г. таких регионов было 41, 1990 г. – 3). Кроме снижения численности, ухудшается потенциал детского здоровья: в стране около 35% детей рождаются больными или заболевают в ближайшее время (в Вологодской области этот показатель около 30%).

Неуклонно растет численность подростков 15–17 лет, состоящих на учете по поводу тяжелых психических расстройств. Наибольший социально-экономический ущерб обществу несут самоубийства людей молодого возраста вследствие широкого распространения в этой среде (на молодое поколение – до 24 лет – приходится треть всех потерь ПППЖ от самоубийств). В то же время важность самосохранительного поведения недооценивается молодежью.

Эффективное развитие и продуктивное использование потенциала молодых является главным преимуществом стран с инновационной экономикой. Более высокий уровень развития профессиональных компетенций обеспечивает и более высокую инновационную активность.

Внимание к проблемам детей и молодежи в современной России приобретает особый импульс развития в свете новых глобальных вызовов. Ожидаемый результат представляется в актуализации интеллектуального, профессионально-трудового, демографического, социокультурного, личностного потенциалов подрастающих поколений.

Необходима активизация мер по минимизации демографических потерь, как количественных, так и качественных. Основные мероприятия, направленные на здоровьесбережение, важно организовать так, чтобы наибольший эффект от их реализации приходился на возрастную группу 20–24 лет.

Требуется ввести задачу социализации детей в предметное поле воспитательной работы образовательных организаций как одну из ключевых. В основу воспитательных и образовательных программ в рамках федерального государственного образовательного стандарта, а также специальных вариативных курсов по нравственно-

Таблица 12. Уровень развития некоторых навыков и наличие (отсутствие) изобретений (средний балл по пятибалльной шкале)

Компетенции в ...	Есть изобретения	Нет изобретений
Управлении проектами	3,9	3,4
Проявлении креативности (творчество, изобретательство)	4,2	3,8
Построении профессиональных перспектив	4,0	3,6
Способности определять цели деятельности	4,0	3,8
Способности к общению, взаимодействию	4,1	4,0
Способности учитывать нормы и ценности других культур	4,1	4,0

Источник: Пилотный социологический опрос по оценке уровня развития компетенций студентов ВПО и СПО, г. Вологда, 2015 г., N=500 чел.

моральному воспитанию должны быть заложены принцип и задача формирования этической нормы как интегрирующей общефилософский, гуманистический, теологический, аксиологический, правовой компоненты понимания мира. На уровне образовательных организаций следует реализовывать постоянный мониторинг психоэмоционального состояния обучающихся и профилактическую деятельность по формированию благоприятного психологического климата в школе и семье.

Приобретает актуальность и задача формирования системы мониторинга текущих и перспективных потребностей работодателей в кадрах необходимой квалификации, востребованности тех или иных профессиональных компетенций. Это требует активизации сотрудничества между образовательными организациями и работодателями, усиления профориентационной работы среди молодежи образовательных организаций разного уровня, в том числе предоставления услуг по диагностике способностей учащихся с акцентом на выборе направления деятельности в соответствии с уровнем развития навыков, и осуществления прогноза социально-экономических

последствий трудоустройства не по специальности и без учета функциональных возможностей организма.

Для повышения инновационной активности молодежи целесообразным представляется увеличение вовлеченности студентов в научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, усиление их практической направленности, создание «площадок» для разработки и реализации междисциплинарных исследовательских проектов, формирование условий для накопления общей эрудированности, исследовательских способностей, умения анализировать конкретные ситуации, способности общаться со специалистами из других областей.

Необходимо выработать эффективные механизмы модернизации, в которых были бы определены стратегии «выживания» современной молодежи. В этом случае процесс вовлечения молодых людей в социально-экономический потенциал государства видится как вероятный сценарий становления группы в качестве субъекта модернизации в рамках формирования адекватного ответа на глобальные вызовы современности.

Литература

1. Аналитический материал к разработке концепции государственной миграционной политики РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.proektnoegosudarstvo.ru/materials/analiticheskij_material_k_razrabotke_kontseptcii_gosudarstvennoj_migratcionnoj_politiki_rf/
2. Вишневский, А. Россия: демографические итоги двух десятилетий и ближайшие перспективы / А. Вишневский // Мир России. Социология. Этнология. — 2012. — №3. — Т. 21. — С. 3-40.
3. Вальчук, Э.А. Заболеваемость населения: методы изучения / Э.А. Вальчук, Н.И. Гулицкая, В.В. Антипов. — Минск, 2000. — 23 с.
4. Гудков, Л.Д. Молодежь России / Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая. — М. : Московская школа политических исследований, 2011. — 96 с.
5. Долгосрочный прогноз научно-технологического развития Российской Федерации (до 2025 года).
6. Доброхлеб, В.Г. Человеческий потенциал и модернизация / В.Г. Доброхлеб // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. — 2014. — № 4–5. — С. 84-88.
7. Римашевская, Н.М. Основные направления совершенствования демографической и семейной политики в современной России / Н.М. Римашевская, В.Г. Доброхлеб // Народонаселение. — 2013. — № 1 (59). — С. 30-41.

8. Европейский доклад о предотвращении насилия и преступности среди молодежи // European report on preventing violence and knife crime among young people / World Health Organization 2010.
9. Здоровоохранение в России. 2013: стат.сб. / Росстат. – М., 2013.
10. Короленко, А.В. Динамика смертности населения России в контексте концепции эпидемиологического перехода / А.В. Короленко // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – №4(40). – С. 192-210.
11. Королёва, Л.В. Социальные компетенции и воспитание успешности / Л.В. Королёва // Начальная школа плюс До и После. – 2010. – № 12. – С. 30-37.
12. Леонидова, Г.В. Социокультурные характеристики современной молодежи: некоторые результаты пилотного исследования / Г.В. Леонидова, М.А. Головчин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 5. – С. 113-126.
13. Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации / кол. авт.; под общ. ред. А.А. Шабуновой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 151 с.
14. Морев, М.В. Социальные патологии в детско-подростковом возрасте (на примере исследований суицидального поведения) / М.В. Морев, Ю.Е. Шматова // Вопросы территориального развития. – 2014. – № 10 (20). – URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1456/full>
15. Национальная безопасность России: внутренние угрозы реализации стратегии / кол. авт. под рук. В.А. Ильина – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 132 с.
16. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г.
17. Римащевская, Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России / Н.М. Римащевская // Вестник Российской академии наук. – 2004. – Т. 74. – № 3. – С. 209-218.
18. Финансовый макроанализ в здравоохранении: рекомендации для использования на региональном и муниципальном уровнях / С.П. Ермаков, М.Д. Дуганов, А.Н. Макеев, А.А. Колинко. – М., 2000.
19. Шабунова, А.А. Здоровье и здоровьесбережение подрастающего поколения / А.А. Шабунова // Дети и общество: социальная реальность и новации : сб. докладов на Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, г. Москва, 23-24 октября 2014 г. – М. : РОС, 2014. – С. 851-861.
20. Щербакова, Е. Число состоящих на учете с диагнозом алкоголизм и алкогольные психозы, наркомания и токсикомания в 2011 году продолжало сокращаться // Демоскоп Weekly. – 2013. – № 547–548. – 18-31 марта.

Сведения об авторах

Александра Анатольевна Шабунова – доктор экономических наук, доцент, Врио директора, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, aas@vscc.ac.ru)

Галина Валентиновна Леонидова – кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией проблем развития трудового потенциала, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, galinaleonidova@mail.ru)

Ольга Николаевна Калачикова – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией исследования проблем управления в социальной сфере отдела исследования уровня и образа жизни населения, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, onk82@yandex.ru)

Shabunova A.A., Leonidova G.V., Kalachikova O.N.

Children and Young People in Russia: Global Challenges of Modernity

Aleksandra Anatol'evna Shabunova – Doctor of Economics, Interim Director, Federal Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, aas@vscc.ac.ru)

Galina Valentinovna Leonidova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of the Laboratory for the Studies of Labor Potential Development, Federal Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, galinaleonidova@mail.ru)

Ol'ga Nikolaevna Kalachikova – Ph.D. in Economics, Head of the Laboratory for the Studies of Management Issues in the Social Sphere at the Department for the Studies of Lifestyles and Standards of Living, Federal Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, onk82@yandex.ru)

Abstract. The present-day world's development is becoming more and more uneven and new global challenges are emerging. Russia should respond to them by enhancing its economic competitiveness, preserving and increasing its population and human potential, first of all, that of children and young people. The paper points out that for the Russian Federation with its vast territory and substantial reserves of natural resources the most important geopolitical challenges consist in the preservation and increase of population and human potential. The authors prove that the formation of the population of Russia is under double “pressure” of high mortality and low fertility; therefore, natural movement (decline) is not completed by mechanical movement. In addition, the article determines that the share of young people in the total population is decreasing. For the first time in the history of Russia the share of children has become lower than the proportion of the elderly. In 2013 in 56 Russian regions, the proportion of children and adolescents accounted for less than 20% of the population (in the early 2000s, there were 41 such regions, and in 1990 – three). In addition to the reduction in the number of the population, child health potential is also deteriorating: about 35% of children in Russia are born ill or become ill in the near future (the figure is 30% in the Vologda Oblast). The number of adolescents aged 15–17 who are accounted for severe mental disorders is continuously increasing. The greatest socio-economic damage to the society comes from suicides that are widely spread among young people (the younger generation (persons up to 24 years old) accounts for one third of all the potential years of life lost from suicides). At the same time, young people consider health more valuable than does the population as a whole (4.5 points vs 4.4 points on a five-point scale). But young people underestimate the importance of self-preservation behavior. World experience shows that efficient development and productive use of the youth potential is the main advantage of the countries with innovation economy. The article shows that if the level of development of professional competencies is high, the level of innovation activity (projects, developments and inventions) among students is also high (3.93 points vs 3.69 points – in the absence of developments).

Key words: children, young people, population, health, innovation skills, years of potential life lost.

References

1. *Analiticheskiy material k razrabotke kontseptsii gosudarstvennoy migratsionnoy politiki RF* [Analytical Material for the Development of the Russian Federation State Migration Policy Concept]. Available at: http://www.proektnogogosudarstvo.ru/materials/analiticheskij_material_k_razrabotke_kontseptcii_gosudarstvennoj_migratsionnoj_politiki_rf/

2. Vishnevskii A. Rossiya: demograficheskie itogi dvukh desyatiletii i blizhaishie perspektivy [Russia: Demographic Results of Two Decades and the Near-Term Prospects]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology], 2012, vol. 21, no. 3, pp. 3-40.
3. Val'chuk E.A., Gulitskaya N.I., Antipov V.V. *Zabolevaemost' naseleniya: metody izucheniya* [Morbidity: Methods of Study]. Minsk 2000. 23 p.
4. Gudkov L.D., Dubin B.V., Zorkaya N.A. *Molodezh' Rossii* [Youth of Russia]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2011. 96 p.
5. *Dolgosrochnyi prognoz nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii (do 2025 goda)* [Long-Term Forecast of Scientific and Technological Development of the Russian Federation (up to 2025)].
6. Dobrokhleb V.G. Chelovecheskii potentsial i modernizatsiya [Human Potential and Modernization]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Scientific Review. Series Two: the Humanities], 2014, no. 4-5, pp. 84-88.
7. Rimashevskaya N.M., Dobrokhleb V.G. Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya demograficheskoi i semeinoi politiki v sovremennoi Rossii [Main Areas of Improvement of Demographic and Family Policy in Modern Russia]. *Narodonaselenie* [Population], 2013, no. 1 (59), pp. 030-041.
8. *Evropeiskii doklad o predotvrashchenii nasiliya i prestupnosti sredi molodezhi* [European Report on Preventing Violence and Knife Crime among Young People]. World Health Organization, 2010.
9. *Zdravookhranenie v Rossii. 2013: stat.sb.* [Health Care in Russia. 2013: Statistics Collection]. Rosstat. Moscow, 2013.
10. Korolenko A.V. Dinamika smernosti naseleniya Rossii v kon-tekste kontseptsii epidemiologicheskogo perekhoda [Dynamics of Mortality in Russia in the Context of the Epidemiologic Transition Concept]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2015, no. 4(40), pp. 192-210.
11. Koroleva L.V. Sotsial'nye kompetentsii i vospitanie uspeshnosti [Social Competences and Training to Be Successful]. *Nachal'naya shkola plus do i posle* [Primary School Plus Before and After], 2010, no. 12, pp. 30-37.
12. Leonidova G.V., Golovchin M.A. Sotsiokul'turnye kharakteristiki sovremennoi molodezhi: nekotorye rezul'taty pilotnogo issledovaniya [Socio-Cultural Characteristics of the Modern Youth: Some Results of the Pilot Study]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 5, pp. 113-126.
13. *Molodezh' sovremennoi Rossii – klyuchevoi resurs modernizatsii* [The Young People of Modern Russia – a Key Resource of Modernization]. Under the general editorship of A.A. Shabunova. Vologda: ISERT RAN, 2013. 151 p.
14. Morev M.V., Shmatova Yu.E. Sotsial'nye patologii v detsko-podrastkovom vozraste (na primere issledovaniy suitsidal'nogo povedeniya) [Social Pathologies in Childhood and Adolescence (Case Study of Suicidal Behavior Research)]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial Development Issues], 2014, no. 10 (20).
15. *Natsional'naya bezopasnost' Rossii: vnutrennie ugrozy realizatsii strategii* [Russia's National Security: Domestic Threats to the Implementation of the Strategy]. Under the supervision of V.A. Ilyin. Vologda: ISERT RAN, 2015. 132 p.
16. *Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 3 dekabrya 2015 g.* [Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on December 3, 2015].
17. Rimashevskaya N.M. Sotsial'no-ekonomicheskie i demograficheskie problemy sovremennoi Rossii [Socio-Economic and Demographic Issues of Modern Russia]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2004, vol. 74, no. 3, pp. 209-218.
18. Ermakov S.P., Duganov M.D., Makeveev A.N., Kolin'ko A.A. *Finansovyi makroanaliz v zdravookhranении: rekomendatsii dlya ispol'zovaniya na regional'nom i munitsipal'nom urovnyakh* [Financial Macroanalysis in Health Care: Recommendations for the Use on the Regional and Municipal Levels]. Moscow, 2000.
19. Shabunova AA Zdorov'e i zdorov'esberezhenie podrastayushchego pokoleniya [Health and Health Protection of the Younger Generation]. *Deti i obshchestvo: sotsial'naya real'nost' i novatsii: sb. dokladov na Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem, g. Moskva, 23-24 oktyabrya 2014 g.* [Children and Society: Social Reality and Innovations: the Collection of Reports at the All-Russian Research-to-Practice Conference with International Participation, Moscow, October 23-24, 2014]. Moscow: ROS, 2014. pp. 851-861.
20. Shcherbakova E. Chislo sostoyashchikh na uchete s diagnozom alkogolizm i alkogol'nye psikhozy, narkomaniya i toksikomaniya, v 2011 godu prodolzhalo sokrashchat'sya [The Number of Those Registered with the Diagnosis of Alcoholism and Alcoholic Psychosis, Drug Addiction and Toxic Substances Addiction Continued to Decline in 2011]. *Demoskop weekly* [Demoscope Weekly], 2013, no. 547-548, March 18-31.

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА

DOI: 10.15838/esc/2015.6.42.3

УДК 338.23, ББК65.30-18(2Рос)

© Гулин К.А., Ермолов А.П.

Национальная промышленная политика России в рамках неоиндустриального вектора развития: концептуальные подходы

**Константин Анатольевич
ГУЛИН**

доктор экономических наук, доцент
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
gulin_k@mail.ru

**Александр Петрович
ЕРМОЛОВ**

Департамент экономического развития Вологодской области
160000, Россия, г. Вологда, ул. Герцена, д. 27
ermolovap@gov35.ru

Аннотация. В настоящее время значительной частью научно-экспертного сообщества и политиков признается ключевая роль «новой индустрии» в обеспечении экономического роста стран мира и их конкурентоспособности на мировых рынках. Новая промышленная политика ряда ведущих стран (после глобального финансового кризиса 2008 г.), характеризующаяся как «промышленный ренессанс», сочетает в себе приоритет на развитии прорывных технологий и новый подход к взаимодействию в рамках формирования и реализации промышленной политики. Существующая в России практика ее формирования и реализации слабо связана с национальными приоритетами и задачами обеспечения устойчивого экономического роста и увеличения благосостояния. Это блокирует возможности эффективного использования собственных ресурсов в целях повышения конкурентоспособности и поступательного развития. Под «национальной промышленной политикой» авторы понимают комплекс мер, направленных на развитие промышленного сектора и повышение его конкурентоспособности, реализуемый посредством системного взаимодействия

власти, бизнеса и общества и нацеленный на обеспечение устойчивого экономического роста и увеличение национального благосостояния. Для России, особенностями которой являются возникшие в хаосе постсоветского реформирования разрывы вертикальных (внутрисекторальных) и горизонтальных (межсекторальных) связей, а также антагонизм между интересами основных акторов, необходим конвергентный подход, сочетающий в себе, в определенной пропорции, преимущества вертикальных и горизонтальных мер. Выстраивание промышленной политики должно осуществляться с позиций системного целеполагания, связанного с решением общеэкономических задач, и предусматривать создание конкретных продуктивно работающих механизмов ее реализации в рамках «сетевых» подходов.

Ключевые слова: неоиндустриализация, промышленная политика, национальные интересы, сетевой подход.

Мировой финансовый кризис, пик которого пришелся на период 2008–2009 гг., отчетливо продемонстрировал уязвимость экономической модели, оторванной от реального производства. В кризисные годы высокие темпы роста сохранили только те страны, которые отказались от деиндустриализации и догоняющей модели модернизации (Китай, Индия, Индонезия, Вьетнам, Чили, Турция, Тайвань, Малайзия, Сингапур и др.) [1].

Россия с нашей точки зрения исчерпала возможности роста на базе действующей экономической модели. Переход к новой модели требует радикального преобразования промышленной политики. В связи с этим актуальным становится рассмотрение сущности новой модели экономического роста, принципов и инструментов современной промышленной политики, основных направлений и проблем её формирования и реализации в России, а также разработка подходов к изменению сложившейся ситуации.

Цель настоящей публикации состоит в представлении концептуальных подходов к формированию и реализации промышленной политики, направленной на развитие промышленного сектора и повышение его конкурентоспособности, обеспечивающее устойчивый экономический рост и увеличение национального благосостояния.

Исходя из этого решаются следующие задачи: анализ современных трендов в промышленном развитии и промышленной политике различных стран мира; изучение опыта формирования и реализации промышленной политики в различных конкретно-исторических и общественно-экономических условиях; выявление основных проблем, связанных с формированием и реализацией промышленной политики в России; разработка предложений по совершенствованию существующих подходов и управленческих механизмов.

В настоящее время значительной частью научно-экспертного сообщества и политиков признается ключевая роль «новой индустрии» в обеспечении экономического роста стран мира и их конкурентоспособности на мировых рынках [4]. Для неоиндустриализации характерны такие технико-технологические тренды, как: сокращение количества персонала, занятого в промышленном производстве, при одновременном росте уровня автоматизации и использования современной техники, повышении квалификации рабочей силы; увеличение производительности станочного парка, улучшение его характеристик и применение робототехники; рост интенсивности инновационного процесса и сокращение времени смены новых поко-

лений техники, средств производства, рост доли наукоёмких секторов; интенсификация движения в сторону «безотходности» и «безлюдности» в области технологического развития.

В посткризисный период в ведущих странах мира активизировались, политически и организационно оформились процессы, связанные с развитием «новой индустрии» и «возвращением рабочих мест». Новая промышленная политика ряда ведущих стран мира (после глобального финансового кризиса 2008 г.), характеризующаяся как «промышленный ренессанс», сочетает в себе приоритет на развитии прорывных технологий и новый подход к взаимодействию в рамках её формирования и реализации.

Отдельным, особенно важным пунктом является задача обеспечения энергетической и ресурсной эффективности, в том числе за счет все большего перехода на «альтернативные» источники энергии. В этих условиях позиции России как топливно-энергетического экспортера будут ослабевать.

В 2010 г. Европейская комиссия заявила о новом подходе к экономическому развитию, в процессе которого особое внимание будет уделяться обрабатывающей промышленности и «экономике знаний». Стратегия развития ЕС до 2020 г. определила шесть основных приоритетных направлений инновационного развития европейской промышленности на ближайшее десятилетие: передовые производственные процессы (3D технологии, энерго- и материало-эффективные процессы, возобновляемые энергоресурсы и рециклинг материалов, устойчивые и гибридные бизнес-модели); ключевые стимулирующие технологии (микро- и нанoeлектроника, новые материалы, промышленная биотехнология, фотоника, нанотехнологии,

новые производственные системы); продукция на основе биотехнологии; устойчивое строительство и сырьевые материалы; «чистые» транспортные средства; «интеллектуальные» энергосистемы.

В целях формирования европейской промышленности на качественно новой основе планируется реализация комплекса мероприятий, в том числе функционирование новых координирующих структур, включая рамочные регуляторы Единого рынка, скоординированное развитие инфраструктуры, координация научной, инновационной, кадровых политик, обеспечение кадрами.

В 2014 г. вышло совместное коммюнике руководящих структур Евросоюза «К европейскому промышленному ренессансу», в котором мощная индустриальная база рассматривается в качестве ключевого фактора европейской конкурентоспособности и европейского экономического возрождения [23].

В 2009 г. правительством Франции инициирована широкомасштабная стратегия по созданию мощной конкурентоспособной промышленности, которая должна стать локомотивом экономического развития и процветания страны. Ее ключевой элемент – национальная программа «Инвестиции в будущее» (2010). В правительстве Ф. Олланда было создано специализированное Министерство промышленного возрождения [30].

В 2013 г. объявлено о вступлении в силу новой стратегии «Новая промышленная Франция» [24]. Этот документ включает 34 плана реконструкции промышленности на базе новейших достижений науки и техники. Планы закладывают основу промышленной политики на предстоящие 10 лет, а их главная цель – вернуть Францию в ряды передовых индустриальных стран.

Основные черты рассматриваемого документа: объединение усилий государства и частного промышленного сектора при определении тех секторов деятельности, где Франция может стать лидером; активное участие бизнеса в разработке и реализации заявленных планов. Большая часть проектов (около 80%) были выбраны на основе предложений промышленников и будут управляться крупными предпринимателями.

Делается ставка на такие рычаги стимулирования бизнеса, как государственный заказ, регулирование различных норм и стандартов, предоставление налогового кредита в том случае, если компания активно проводит исследования. В этих условиях ключевую роль в реализации планов, по замыслу правительства, должны сыграть частные инвестиции.

В 2012 г. в Великобритании обнародована долгосрочная промышленная стратегия (с «говорящим» названием: «Промышленная стратегия. Партнерство государства и промышленности») [25]. Новая комбинированная («матричная») промышленная политика коалиционного правительства впервые представляет собой сочетание секторальных мер, поддержку развития ключевых технологий и мероприятий «горизонтального» характера.

Приоритетные промышленные сектора – «локомотивы» британского промышленного роста и конкурентоспособности на мировых рынках – включают три типа отраслей:

1. Прогрессивные отрасли, создающие продукт с наиболее высокой ДС: автомобильная и авиакосмическая, медико-биологический и агротехнический сектора.

2. Сектора, обеспечивающие, в том числе, новые возможности среды обитания: ветровая, нефтегазовая, атомная энергетика и строительство.

3. «Когнитивные» услуги: международное образование, информационная экономика, профессиональные и бизнес-услуги.

Основные черты промышленной политики – партнерство с частным сектором в формировании секторальных стратегий с учетом отраслевой специфики в русле общей тенденции «решоринга» и разработки «национальных» компетенций; значительное увеличение масштабов государственного финансирования приоритетных направлений, в т.ч. через систему государственного заказа для создания новых возможностей для компаний и эффективного функционирования производственных цепочек; создание на базе университетов инновационных центров, способствующих коммерциализации результатов ИР, повышение профессионального уровня кадров в ключевых секторах.

Основными чертами новой промышленной политики являются:

– расширительный подход к промышленной политике, позиционирование неоиндустриальной парадигмы в качестве ядра общей социально-экономической политики;

– акцент на развитии «новых» отраслей промышленности при сохранении поддержки базовых отраслей производства;

– интегрированный подход к промышленной политике, конструктивно сочетающий в себе секторальные и институциональные меры поддержки, нацеленный на развитие сетевых структур и увеличение мультипликативного эффекта;

– «консенсусный» принцип формирования и реализации промышленной политики, сочетание интересов равноправных акторов, направленное на достижение общих целей.

Концепции новой промышленной политики: в современной модели промышленной политики центральным становится диалог между государственными и частными агентами посредством инструментов ГЧП. Это полезно для выявления проблем и возможностей и решения конкретных вопросов на индивидуальной основе, на основе взаимодействия между сетями, акторами и институтами с непрерывным процессом обучения (Д. Родрик [11], Н. Крафтс и А. Хьюз [27], К. Айгингер и С. Зибер [26], К. Уорвик [8] и др.).

Анализ внешнеторгового оборота в разрезе видов экономической деятельности РФ показывает, что за последние десять лет импорт машиностроения в страну увеличился в 10 раз. Экспорт продукции топливно-энергетического комплекса вырос в 7 раз. Продолжается рост экспорта сырьевых низкотехнологичных товаров и импорта высокотехнологичной продукции машиностроения (табл. 1).

По показателю «Доля средне- и высокотехнологичных производств в структуре промышленного производства и в объеме экспорта стран «Большой восьмерки» и Китая» Россия, как в структуре промышленного производства (23% в 2011 г.), так и в объеме экспорта (22%), занимает последнее место со значительным отставанием (для сравнения: первый показатель в остальных странах этой группы находится в диапазоне от 37 до 57%, второй – от 54 до 79%) [22].

В период с 2000 по 2013 г. объем поступлений от технологического экспорта увеличился (в текущих ценах) в 3,8 раза (с 204 до 771 млн. долл. США), объем выплат по импорту соответствующих товарных групп – в 13,5 раза (со 183 до 2464 млн. долл. США). Сальдо внешнеторгового оборота сменилось с положительного на отрицательное (с 21 млн. до -1693 млн. долл. США), то есть степень технологической зависимости страны продолжает возрастать [2].

Таблица 1. Внешнеторговый оборот по видам экономической деятельности РФ (экспорт/импорт/сальдо; в млрд. долл. США)

Вид экономической деятельности	2000 г.			2010 г.			2014 г.		
	Экс.	Имп.	Сал.	Экс.	Имп.	Сал.	Экс.	Имп.	Сал.
Машиностроение	9,1	10,6	-1,5	21,3	102,0	-80,7	26,3	136,0	-109,7
Агропродовольственная сфера	1,6	7,4	-5,8	8,8	36,4	-27,6	18,9	39,7	-20,8
Лёгкая промышленность	1,1	2,1	-1,0	1,1	15,3	-14,2	1,5	17,6	-16,1
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	4,5	1,3	3,2	9,6	5,9	3,7	11,6	5,9	5,7
Топливо-энергетический комплекс	55,5	2,1	53,4	272,0	5,2	266,8	350,0	7,2	342,8
Химическая промышленность	7,4	6,1	1,3	24,5	37,0	-12,5	29,1	46,4	-17,3
Металлургическая промышленность	22,4	2,8	19,6	50,3	16,8	33,5	52,4	20,3	32,1
Сфера услуг	9,6	16,2	-6,6	49,1	75,2	-26,1	65,8	121,0	-55,2
Прочие	1,6	1,4	0,2	9,6	10,5	-0,9	6,9	12,6	-5,7

Источник: рассчитано на основе данных Федеральной службы государственной статистики [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>

Таблица 2. Рейтинги стран мира по уровню «экономической сложности» [3]

1995 г.			2003 г.			2013 г.		
Страна	Ранг	Инд.	Страна	Ранг	Инд.	Страна	Ранг	Инд.
Япония	1	3,05	Япония	1	2,74	Япония	1	2,35
Германия	2	2,64	Германия	2	2,40	Швейцария	2	2,33
Швейцария	3	2,48	Швеция	3	2,29	Германия	3	2,04
Швеция	4	2,37	Швейцария	4	2,21	Южная Корея	4	1,93
Финляндия	5	2,29	Финляндия	5	2,12	Швеция	5	1,82
Австрия	6	2,26	Великобритания	6	1,97	Финляндия	6	1,80
Великобритания	7	2,06	Австрия	7	1,93	Австрия	7	1,77
США	8	2,04	США	8	1,84	Чехия	8	1,76
Франция	9	1,95	Чехия	9	1,72	Великобритания	9	1,71
Италия	10	1,77	Франция	10	1,69	Словакия	10	1,66
Россия	34	0,45	Россия	29	0,70	Китай	22	1,11
Китай	50	0,16	Китай	37	0,37	Россия	43	0,40

Согласно рейтингу, составленному на основе индекса экономической сложности, разработанного учеными Гарвардского университета Рикардо Хаусманном и Сесаром Идальго, в 2013 г. Россия находилась на 43 месте. Причем по сравнению с 1995 г. страна переместилась ниже на 9 пунктов (табл. 2).

Комментируя эти расчеты, В. Коровкин отмечает, что в России большой разброс по отраслям в экспорте: экспортируются товары из разных отраслей с невысокой добавленной стоимостью. Это не дает возможности достигнуть « сетевого эффекта », когда расходы на однородные статьи экспорта объединяются. Например, это целесообразно было бы сделать с расходами на маркетинг и логистику. Чтобы создавать товары с высокой добавленной стоимостью, необходимо учитывать « сетевой эффект ». Это наглядно видно на примере сравнения экспорта химической продукции России и Великобритании. Если Россия экспортирует разрозненные продукты из не связанных между собой областей производства, то Великобритания – фактически целостные технологические цепочки, все виды продуктов, получаемых в рамках одного процесса [9].

Основными причинами низкого уровня показателей « экономической сложности » в России, на наш взгляд, являются слабые интеграционные связи внутри производственного сектора (выражаясь языком социологии, можно говорить об « атомизации » производства), а также недостаточно системный подход к управлению промышленностью.

В настоящее время существует значительное количество подходов к определению промышленной политики. Исходя из задач настоящей статьи, приведем их группировку по критерию целеполагания: с позиции структурной модернизации; с позиций отраслевой конкурентоспособности; с позиций экономического роста и повышения благосостояния (табл. 3).

С учетом данных подходов под « национальной промышленной политикой » мы будем понимать комплекс мер по развитию промышленного сектора и повышению его конкурентоспособности, реализуемый посредством системного взаимодействия власти, бизнеса и общества, направленный на обеспечение устойчивого экономического роста и увеличение национального благосостояния. Исходя из этого, « региональные промышленные политики », «

Таблица 3. Группировка подходов к определению промышленной политики (по критерию целеполагания)

Тип	Характеристика	Типичный пример
Структурная модернизация	Направлена на поддержание существующей структуры производства или ее изменение	Совокупность государственных мер, предпринимаемых для <u>перераспределения ресурсов между отраслями или изменения организационно-предпринимательской структуры отрасли</u> ... когда рыночный конкурентный механизм оказывается неспособным обеспечить достижение этой цели [6].
Отраслевая конкурентоспособность	Направлена на повышение устойчивости и конкурентоспособности промышленного сектора в целом	Комплекс правовых, экономических, организационных и иных мер, направленных на <u>развитие промышленного потенциала Российской Федерации, обеспечение производства конкурентоспособной промышленной продукции</u> [7].
Экономический рост и повышение благосостояние	Направлена на обеспечение экономического роста и повышение благосостояния	Любой тип вмешательства или государственной политики, направленный на улучшение бизнес-среды или изменение структуры экономической деятельности в отношении секторов, технологий или задач, который, как ожидается, предлагает <u>лучшие перспективы для экономического роста или общественного благосостояния</u> [8].

с одной стороны, являются необходимой системной составляющей национальной политики, обеспечивая ее продуктивность; с другой стороны, они служат полному раскрытию социально-экономического потенциала территорий.

В системе национальных стратегических интересов промышленная политика служит одним из основных элементов и должна быть взаимоувязана с социально-экономической и научно-инновационной политикой. Обязательным условием с нашей точки зрения является сочетание и баланс национальных интересов и интересов человеческого развития (рис. 1).

Существует три типа промышленной политики: вертикальная, горизонтальная, интегрированная. Их сравнительные характеристики представлены в *таблице 4*.

Каждый тип промышленной политики имеет свои достоинства и недостатки, вопрос адекватности выбора каждого из них зависит от конкретно-исторических и общественно-экономических условий.

Недостатки вертикальных алгоритмов в российских условиях:

1. Вертикальные меры воспроизводят дисбалансы, существующие в структуре экономики и промышленного производства. Как отмечает президент ГК «Энер-

гия» Сергей Гуськов, помощь крупнейшим компаниям в ущерб остальным – это один из самых больших перекосов в нынешней системе господдержки. Такой подход вызывает много вопросов: большинство этих компаний созданы по итогам приватизации, т.е. достались собственникам практически даром. Непонятно, зачем помогать неэффективному собственнику, который даже при нулевой стоимости приобретения не способен организовать эффективную деятельность. Правильнее помогать среднему бизнесу, который зачастую создан с нуля и больше мотивирован к росту и эффективности [12].

2. Отсутствуют механизмы, осуществляющие действенный контроль социально-экономической эффективности расходования выделяемых средств. Проводимые Счетной палатой РФ проверки показывают значительные нарушения с расходованием бюджетных средств, выделяемых на развитие крупных производственных инфраструктурных проектов, в связи с низким качеством администрирования и различного рода нарушениями (из последних фактов – Внешэкономбанк [32], проекты Минкомсвязи РФ [20, 21]). Однако каких-либо процессуальных действий по данным фактам не применяется.

Таблица 4. Сравнительные характеристики типов промышленной политики

Тип ПП	Пример реализации	Преимущества	Недостатки
Вертикальная	Япония СССР (индустриализация 1930-х гг.)	Поддержка устойчивости «базовых» секторов Сравнительно низкие организационные издержки.	Низкая эффективность при отсутствии жесткого контроля Дестимулирование конкуренции.
Горизонтальная	США	Равные возможности доступа к преференциям и инфраструктуре Развитие конкуренции.	«Распыление» ресурсов Низкая управляемость: расчет на действие рыночных регуляторных механизмов.
Интегрированная	Республика Корея	Сочетание (баланс) национальных, корпоративных и частных интересов Стратегическая управляемость	Сравнительно высокие организационные издержки (на начальном этапе).

3. В сложившихся экономических отношениях на российский бюджет накладываются обязательства, связанные с покрытием издержек международного бизнеса. Как отмечают эксперты, в России крупные компании не могут определять промышленную политику, поскольку их владельцы не являются россиянами

по месту нахождения активов, постоянного проживания и совокупности экономических интересов. Только 10% компаний зарегистрировано в российской юрисдикции, более 50% договоров и 57–90% контрактов оформлено за рубежом. В 2011 г. 65% российских компаний разместили акции и депозиты на зарубежных

площадках (в Китае таких фирм 8%, в Бразилии – 4%, в Индии – 14%). До 90% крупных частных компаний принадлежат оффшорным холдингам. В итоге капитализация 30 крупнейших российских компаний в 2012 г. была ниже одной Apple (530 млрд долл.) [13].

Имеют свои ограничения в российских условиях и горизонтальные алгоритмы.

1. Негативная специфика рыночных регуляторных механизмов.

Постсоветская «рыночная стихия» привела к тому, что экономически целесообразной оказалась предпринимательская деятельность в секторах, обеспечивающих быструю оборачиваемость капиталов. Производство является финансово и инвестиционно малопривлекательным видом деятельности.

Ввиду низкой рентабельности обрабатывающих производств и высоких процентных ставок по заемным средствам, кредит как инструмент развития промышленного комплекса является практически недоступным. Наиболее рентабельную продукцию в России производят предприятия добывающей промышленности, производства нефтепродуктов, металлургические компании, а также химические производства. Именно отрасли, производящие данную продукцию, имеют наибольшую долю в структуре промышленности, объем отгруженной продукции, а также наибольший объем экспорта.

2. Слабость институтов, способных обеспечить самостоятельно конкурентоспособность промышленного производства.

Разрушение сферы НИОКР в 1990-е годы привело к тому, что в настоящее время на крайне низком уровне находится изобретательская активность в обществе и слабы механизмы, обеспечивающие внедрение технических и технологических разработок в производство. Отсутствие

необходимых связей между наукой и производством обуславливает непродуктивность государственных расходов на НИОКР.

3. Устойчивые глубокие противоречия между бизнесом, властью и третьим сектором.

В условиях отсутствия четкой стратегии и межсекторального взаимодействия, слабо развитой и неэффективной коммуникационной инфраструктуры, хаотичной и непрозрачной налоговой системы сохраняются антагонистические отношения между государством и частным бизнесом, основанные на взаимном недоверии сторон.

При выборе типа промышленной политики важно учитывать имеющийся мировой опыт. Классическим примером «как не надо делать» в литературе признается опыт стран ряда Латинской Америки, имеющих опыт «неоднократного наступания на грабли» в виде непродуманной реализации как вертикальных, так и горизонтальных мер. Как отмечает Луис Альберто Морено, президент Межамериканского банка развития, «опыт промышленной политики в латиноамериканских странах свидетельствует о том, что главный залог успешной промышленной политики – умение властей дистанцироваться от частных и политических интересов, которые не должны влиять на формирование промышленной политики» [10].

По мнению Л.А. Морено, «фундаментальные вопросы, на которые должно отвечать государство, прежде чем начать проводить промышленную политику, таковы: имеется ли очевидный провал рыночного саморегулирования, который оправдывает вмешательство государства; помогут ли предлагаемые меры эффективно устранить недостатки рынка; есть ли в стране институты, необходимые для проведения промышленной политики?» [10].

По словам одного из наиболее авторитетных специалистов в сфере промышленности Д. Родрика, в настоящее время все более широкую поддержку получает мнение о том, что в развивающихся странах частная инициатива должна быть встроена в комплекс государственных мер, способствующих реструктуризации, диверсификации, технологическому развитию в большей степени, чем это происходило бы при полной свободе рынка. Это наиболее очевидно в тех странах, где рыночные реформы зашли дальше всего и разочарование в их результатах является наибольшим. Смягчение и сближение крайних позиций формирует «средний курс» экономической политики. Рыночные силы и частное предпринимательство должны играть в нем ведущую роль, а правительство, кроме обеспечения прав собственности, размещения контрактов и макроэкономической стабильности, также должно брать на себя исполнение стратегических и координационных функций в производственной сфере [11].

На наш взгляд, выбор между различными формами промышленной политики (вертикальная, горизонтальная или некий их симбиоз) должен осуществляться не по критерию «правильности/неправильности», а по критерию пригодности (эффективности) в тех или иных экономических/конкретно-исторических условиях. Так, например, в США, где имеется мощный регуляторный потенциал рынка, эффективно работают горизонтальные алгоритмы. В Японии, традиционно ориентированной на внешний рынок и выращивание «национальных чемпионов», высокую результативность показывают вертикальные подходы.

Вне зависимости от существующего подхода государство выступает ключевым

игроком в промышленной политике. При этом объем государственного участия не связан с её типом. Так, в США, где сам термин «промышленная политика» негласно табуирован, регуляторная и стимулирующая роли государства «по факту» чрезвычайно высокие.

Для России, особенностями которой являются, возникшие в хаосе постсоветского реформирования, разрывы вертикальных (внутрисекторальных) и горизонтальных (межсекторальных) связей, а также антагонизм между интересами основных акторов, необходим конвергентный подход, сочетающий в себе, в определенной пропорции, преимущества вертикальных и горизонтальных мер. В связи с этим нами предлагается сетевой подход. Концепция социальных сетей сформировалась в западных исследованиях в последние 30 лет. Можно назвать самых известных в этой области современных ученых: Л. Фримана, Д. Ноука, П. Марседена, С. Вассермана, К. Фауста, Б. Веллмана, С. Берковица [5]. В отечественной науке есть опыт применения сетевого подхода к исследованиям в различных областях гуманитарного знания. Так, О.Н. Яницким рассмотрена экологическая политика как сетевой процесс [15]; А.В. Курочкиным изучены вопросы институционализации сетей в управлении российской системой образования [16].

Мы выделяем следующие специфические признаки промышленной политики, основанной на сетевом подходе:

1. Формируется и реализуется не с позиций частных или отраслевых интересов, а строго в контексте национальной социально-экономической политики.

2. Носит стратегический характер: вектор на поддержку видов деятельности (проектов), имеющих потенциал долгосрочных эффектов.

3. Не противоречит принципам конкурентной политики: поддержка наиболее конкурентных видов деятельности (или проектов).

4. Характеризуется переходом от субъектно-объектного к ресурсно-акторному принципу: государство выступает не в роли «начальника», а в роли одного из акторов, выполняющего значимые функции (распоряжение общественными ресурсами, развитие инфраструктуры, в т.ч. коммуникативной, и т.д.).

5. На смену привычному бюрократическому подходу «проекты под финансы» приходит подход «финансы под проекты».

6. Обеспечивается максимизация мультипликативного эффекта за счет приоритетной поддержки комплексных проектов в рамках цепочек добавленной стоимости.

7. При сетевом подходе региональная промышленная политика превращается из «бедной родственницы» в одно из ключевых звеньев высокопродуктивной общенациональной промышленной политики, поскольку именно регионы выполняют функции по «сшивке» ресурсов.

Сущность сетевого подхода заключается в оптимальном сочетании различных (материальных и нематериальных) ресурсов, направленных на реализацию производственных проектов различного рода, снижение транзакционных издержек, максимизацию мультипликативного эффекта и повышение добавленной стоимости продукции.

Применение сетевого подхода нацелено на создание условий для формирования «промышленно-ориентированных сетей»: различным образом формализованные взаимодействия трех и более акторов с целью реализации наиболее эффективных форм организации производства, сбыта и сервисного обслуживания промышленной продукции.

Основные характеристики промышленно-ориентированных сетей можно сформулировать следующим образом.

Элементы сетей: *базовые* (предприятия производственного сектора); *обеспечивающие* (финансово-инвестиционные структуры, образовательные учреждения, логистические организации и т.д.), *связующие* (органы государственной и муниципальной власти, институты развития, консалтинговые структуры и т.д.).

Масштаб сетей: *локальные* (в рамках отдельных территорий); *межрегиональные* (в рамках двух и более смежных регионов); *национальные* (объединяющие различные элементы сетей из большого количества регионов, федеральные структуры); *транснациональные* (в них входят предприятия, обеспечивающие и связующие структуры из различных стран).

Тип сетей: *внутриотраслевые* (взаимодействие предприятий в рамках одного вида экономической деятельности); *межотраслевые* (взаимодействие предприятий в рамках разных видов экономической деятельности); *кластеры* (производственно-сбытовые цепочки – сложные сетевые структуры); *глобальные цепочки добавленной стоимости (GVC)* на основе неакционерных форм организации международного производства (NEMs).

Сети можно разделить также на проблемные (формируются с целью решения той или иной проблемы и, чаще всего, имеют недолговременный характер), проектные (создаются для реализации того или иного проекта или серии проектов).

В последние годы государством приняты важные шаги, связанные с активизацией промышленной политики: разработан комплекс государственных программ и ряд нормативно-правовых документов «антисанкционного характера».

Система государственных программ поддержки промышленного комплекса РФ включает в себя следующие программы: «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» на 2012–2020 годы; «Развитие авиационной промышленности» на 2013–2025 годы; «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности» на 2013–2025 годы; «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности» на 2013–2020 годы; «Развитие судостроения» на 2013–2030 годы.

Реализуется также система контрсанкционных мер РФ в области импортозамещения, выраженная в таких документах, как:

– Указ Президента РФ «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» от 6 августа 2014 года № 560;

– 4 постановления Правительства РФ об установлении запрета на допуск товаров легкой промышленности и машиностроения, происходящих из иностранных государств, в целях осуществления закупок для обеспечения федеральных нужд, а также продукции для нужд обороны страны и безопасности государства;

– 20 приказов министра промышленности и торговли РФ об утверждении планов по импортозамещению в приоритетных отраслях промышленности. В настоящее время министерством организуется работа по реализации отраслевых планов, в том числе через обеспечение коммуникации между потребителями и производителями импортозамещающей продукции. Предполагается, что меры поддержки по линии министерства будут привязаны к конкретным проектам импортозамещения.

Значительным и долгожданным событием стало вступление в силу в 2015 г. Федерального закона «О промышленной политике РФ» [7]. В качестве одной из целей промышленной политики в нем обозначено формирование высокотехнологичной, конкурентоспособной промышленности, обеспечивающей переход экономики государства от экспортно-сырьевого типа развития к инновационному.

Закон предусматривает различные формы стимулирования деятельности в сфере промышленности: предоставление финансовой, информационно-консультационной поддержки предприятиям, поддержка научно-технической деятельности и инновационной деятельности в сфере промышленности, поддержка развития кадрового потенциала предприятий, осуществляемой ими внешнеэкономической деятельности, предоставление государственных и муниципальных преференций, иные меры поддержки. Среди конкретных форм поддержки можно выделить государственные фонды развития промышленности, специальный инвестиционный контракт, индустриальные парки, промышленные кластеры.

В то же время, как нам видится, закон не в полной мере отвечает вызовам и задачам, актуальным на современном этапе развития страны. Так, в тексте закона четко не определены место и роль промышленной политики в экономическом развитии страны. В должной мере не отражены вопросы соотношения промышленной политики со стратегией общегосударственного развития.

В этой связи представляется, что закон целесообразно дополнить статьей «Основные документы стратегии промышленной политики», которая регламентировала бы включение промышленной политики

в систему документов государственного стратегического планирования путем создания таких документов, как Доктрина промышленного развития (Промышленная доктрина) РФ; Основные направления (Концепция) промышленной политики РФ; Государственная программа развития промышленности РФ; Национальный доклад о реализации Государственной программы развития промышленности [29].

С целью обеспечения работоспособности системы требуется включить в закон нормы, обязывающие правительство регулярно (не реже 1 раза в год) отчитываться о результатах выполнения Государственной программы. При этом важно, чтобы данные отчеты содержали информацию не только об объемах бюджетных затрат на те или иные мероприятия, но и о достигнутых результатах промышленного развития и их влиянии на социально-экономическое положение страны.

Изменения необходимо также внести в Бюджетный, Налоговый, Таможенный, Гражданский кодексы, федеральные законы, объект регулирования которых затрагивает сферу промышленной деятельности. Требуется разработать и принять Федеральный закон «О внесении изменений в законодательство РФ в связи с принятием ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» [29].

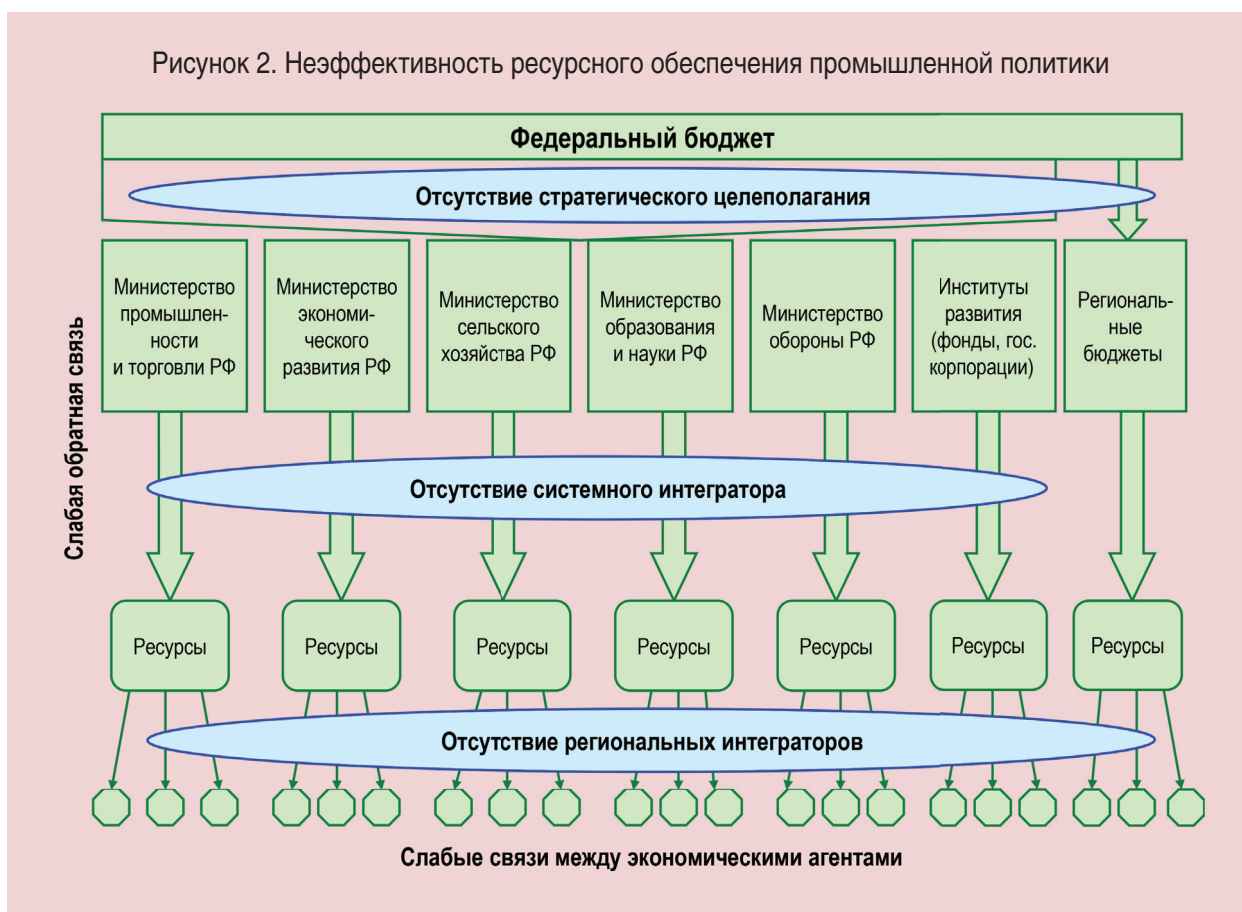
Новым Федеральным законом РФ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» регламентируется разработка стратегических и программно-целевых документов различного уровня [31]. Отсюда актуальной задачей представляется включить в Стратегию социально-экономического развития РФ на период до 2030 г. базовый раздел, связанный с промышленной политикой. Кроме того, необходима разработка и принятие отраслевого документа стратегического планирования Российской Федерации – Стра-

тегии промышленного развития, которую целесообразно выстроить на принципах сетевой интеграции с учетом требований неоиндустриальной парадигмы.

В настоящее время бюджетно-ресурсное обеспечение мероприятий в сфере промышленной политики осуществляется различными министерствами, институтами развития, региональными правительствами. Однако эту практику нельзя признать эффективной. Ключевыми причинами такой неэффективности, на наш взгляд, являются: отсутствие стратегического целеполагания; отсутствие «системного интегратора»; отсутствие «региональных интеграторов»; слабые «вертикальные» и «горизонтальные» связи (рис. 2).

Следует отметить, что данная проблема признается на политическом уровне, появляются первые шаги в направлении ее решения, но эти действия пока не имеют системного характера.

Так, в 2015 г. создано АО «Государственная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства». Как отметила директор департамента развития малого и среднего предпринимательства и конкуренции Министерства экономического развития РФ Н. Ларионова, «у корпорации появляется задача, которая до настоящего времени не решалась ни одной из структур – это формирование совместно с крупными государственными компаниями программ по развитию системы поставщиков среди малого и среднего бизнеса. Надо посмотреть и воспринять, как живет мир, как там производят конкурентоспособную продукцию. Это всегда широкая сеть поставщиков, конкурирующих за доступ к заказам крупных предприятий, и в данной конкуренции быстрее развиваются инновации. В ближайшее время надо перейти к используемым в мире технологиям выстраивания действенных и устойчивых бизнес-моделей. Задача ближайшего года – чтобы

мы с крупными компаниями выстроили партнерские отношения и сформировали совместные программы... научились понимать друг друга, видеть одну цель и сформировали линейку инструментов, с применением которых мы придем к ней» [17].

В 2015 г. Министерство промышленности и торговли РФ заявило о разработке государственной информационной системы промышленности, с помощью которой будут формироваться меры поддержки и стимулирования на всех уровнях управления, обеспечиваться обратная связь для контроля востребованности и эффективности применяемых мер стимулирования. Обозначены основные задачи: создание и развитие современной промышленной инфраструктуры; стимулирование внедрения результатов интеллектуальной деятельности и освоения производства

инновационной продукции; поддержка технологического перевооружения промышленности; модернизация основных производственных фондов [18].

Эти факты показывают, что различными ведомствами предпринимаются шаги в правильном направлении. Однако при отсутствии взаимосвязанности в рамках единой системы стратегического управления эти меры вряд ли смогут принести ощутимый положительный эффект.

Выстраивать данную систему необходимо с учетом существующего теоретического и практического опыта.

Интересный и продуктивный пример органичного сочетания промышленной и региональной политики являет собой Республика Корея. Южнокорейский опыт рассматривается как своего рода эталон в данном отношении.

Цель новой промышленной политики Республики Корея – осуществление перехода на новые движущие силы социально-экономического развития. Это предполагает системное и комплексное решение вопросов непрерывной модернизации экономики в соответствии с высокотехнологичным укладом, принципиально новый подход к раскрытию источников роста и размещению производительных сил. Реализуется программа мер, сформулированная на локальном уровне, при активном участии деловых кругов, НИИ, вузов, общественности, и строящаяся на сотрудничестве и координации действий центральных и местных органов власти.

Некоторые черты «территориально-ориентированной» промышленной политики [28]:

- отказ от узкоотраслевого подхода в пользу межотраслевого с целью укрепления межотраслевых связей при осуществлении НИОКР и внедрении их результатов;

- выявление перспективных в долгосрочном плане видов производств и разработка целевых программ инвестирования в их развитие;

- смена функционального подхода при формировании национальной инновационной системы (НИС) и механизмов промышленных инноваций на территориальный, создание региональных инновационных систем с организационно-управленческой структурой, механизмами взаимодействия участников как друг с другом, так и на межрегиональном уровне;

- поиск новых форм обмена знаниями, коммерциализации результатов НИОКР и содействие их широкому внедрению в хозяйственную практику;

- структурирование на базе аутсорсинга и субподряда механизмов трансфера технологий в области промышленного производства и вовлечения в них субъектов

МСБ с закреплением за крупными предприятиями функций агентов при разработке и распространении инноваций;

- повышение мобильности квалифицированных трудовых ресурсов в сфере НИОКР и промышленных инноваций и обеспечение непрерывного обучения занятых в экономике.

В качестве примера теоретической проработки данного вопроса следует отметить также концепцию системы интерактивного управления ростом, предложенную академиком В.М. Полтеровичем [14]. По его словам, социально-экономическая ситуация не может быть существенно улучшена в рамках имеющихся административных структур. Для формирования эффективных индикативных планов и мониторинга их реализации действующую систему управления необходимо на всех уровнях дополнить институтами-посредниками, обеспечивающими взаимодействие между администрациями, бизнесом, наукой и гражданским обществом. На региональном уровне эту функцию могли бы выполнять региональные агентства экономического развития (РАР). Их задачи: обеспечение взаимодействия правительства, ассоциаций бизнеса и общества; институциональное экспериментирование; информационные и консультационные услуги; центр региональное прогнозирование и планирование; координация институтов развития в регионе.

В отличие от частно-государственного партнерства или технологической платформы агентство развития не привязано к конкретному проекту или к выполнению узкой цели, а решает более масштабные задачи. Главные функции агентства: обеспечение доверия основных акторов друг к другу и на этой основе – выявление их предпочтений и отбор наиболее эффективных путей повышения общественного

благополучия. При этом извлечение прибыли может быть лишь вспомогательной целью агентства [14].

Можно допустить, что широкомасштабная стратегия будет предусматривать на начальном этапе активизацию немногих центров. Важно заранее определить механизмы диффузии полученных результатов в другие регионы или отрасли. Здесь нельзя уповать на рынок: он, как правило, усиливает неравномерность развития. Отсутствие эффективных диффузионных механизмов – одна из существенных причин неудачи модернизации во многих странах.

Наши предложения по организационной системе сетевой промышленной политики заключаются в следующем:

1. Создание сети принятия эффективных решений. Решение: национальный промышленный совет; региональные промышленные советы.

2. Создание «системного интегратора». Решение: Федеральный комитет по национальной промышленной политике.

3. Создание сети «региональных интеграторов». Решение: сеть региональных центров по реализации национальной промышленной политики.

Функции «региональных интеграторов» (региональных центров по реализации национальной промышленной политики):

1. Функции, связанные с обеспечением сетевого сотрудничества, встраиванием малых и средних предприятий в цепочки добавленной стоимости, снижением транзакционных издержек:

- взаимодействие с «системным интегратором» (Федеральным комитетом по национальной промышленной политике);
- сотрудничество с государственными корпорациями, крупными компаниями с государственным участием и иными акционерными обществами;

– взаимодействие с региональными администрациями и подведомственными им организациями;

– сотрудничество с институтами развития, инвестиционными структурами;

– работа с высокотехнологичными компаниями, осуществляющими деятельность в регионе;

– выявление, поддержка и сопровождение start-up проектов, имеющих перспективы производства hi-tech продукции и потенциал вхождения в цепочки добавленной стоимости.

2. Функции, связанные с привлечением финансовых ресурсов под различные нужды, обусловленные реализацией проектов: проведение НИОКР, пополнение оборотных средств, осуществление модернизации и технического перевооружения производственных мощностей, ввод в строй современных конкурентоспособных производств по выпуску высокотехнологичной импортозамещающей и экспортно-ориентированной продукции и пр.

При этом центры будут оказывать предприятиям услуги по содействию в получении финансовой поддержки, предоставляемой по линии федеральных министерств и ведомств, а также предоставляемой на льготной основе российскими кредитными организациями и институтами развития; в получении безвозвратных средств на инновационные проекты; налоговых льгот и различных субсидий субъектов РФ и т.д.

Переходя к заключению, можно сделать следующие основные выводы.

1. В настоящее время в социально-экономической, общественно-политической и технико-технологической сферах авторами отмечается ряд трендов, позволяющих говорить о новом качественном этапе в развитии промышленности и промышленной политике, который можно определить как неоиндустриальную парадигму.

2. Практика формирования и реализации промышленной политики в современной России слабо связана с национальными приоритетами и задачами обеспечения устойчивого экономического роста и повышения благосостояния. В итоге это блокирует возможности эффективного использования собственных ресурсов в целях обеспечения конкурентоспособности и поступательного развития.

3. Выстраивание промышленной политики должно осуществляться с позиций системного целеполагания, связанного с решением общеэкономических задач, а

также предусматривать создание конкретных продуктивно работающих механизмов ее реализации в рамках «сетевых» подходов.

4. Национальная промышленная политика должна дополняться системой мер по развитию промышленности, реализуемых на региональном уровне. Региональные промышленные политики, с одной стороны, являются необходимой системной составляющей национальной политики, обеспечивая ее продуктивность; с другой стороны, они служат полноценному раскрытию социально-экономического потенциала территорий.

Литература

1. Федотова, В. Конец догоняющей модели модернизации и поиски новых путей / В. Федотова // Экономические стратегии. – 2012. – №3. – С. 14-23.
2. Наука, инновации, информационное общество: 2014 : крат. стат. сб. – М.: ГУ ВШЭ, 2014. – С. 54.
3. The Atlas of Economic complexity [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://atlas.cid.harvard.edu/rankings/>
4. Губанов, С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция / С.С. Губанов. – М., 2012. – 224 с.
5. Градосельская, Г.В. Сетевой анализ как метод исследования современных трансформаций / Г.В. Градосельская // Социально-экономическая трансформация в России. Научные доклады / Московский общественный научный фонд. – М., 2001. – С. 43-76.
6. Okuno-Fujiwara, M. Economic Analysis of Industrial Policy: A Conceptual Framework through the Japanese Experience / M. Okuno-Fujiwara, K. Suzumura. – Tokyo: Asahi. 1985. – P. 35-41.
7. Федеральный закон РФ от 31.12.2014 №488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации».
8. Warwick, K. Beyond Industrial Policy / K. Warwick // OECD STI Policy Paper. – 2003. – No. 2. – P. 16-17.
9. Страна без производства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/growth/2015/02/19_a_6418757.shtml
10. Moreno, L.A. Getting Industrial Policy Right / L.A. Moreno [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.project-syndicate.org/commentary/latin-america-industrial-policy-failures-by-luis-a--moreno-2015-01>
11. Dani Rodrick. Industrial policy for the twenty-first century / Dani Rodrick. – Harvard University. – 2004. – September. – P. 1-2.
12. Десерт для голодающего. Какой должна быть промышленная политика в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/growth/2015/05/22_a_6699949.shtml
13. Бляхман, Л.С. Промышленная политика – основа перехода к новой модели экономического роста / Л.С. Бляхман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4414>
14. Полтерович, В.М. Региональные институты модернизации / В.М. Полтерович // Экономическая наука современной России. – 2011. – №4. – С. 17-29.
15. Яницкий, О.Н. Экологическая политика как сетевой процесс / О.Н. Яницкий // Полис. – 2002. – №2. – С. 44.
16. Курочкин, А.В. Институционализация сетей в управлении российской системой образования / А.В. Курочкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/137/30/>
17. Кому нужна новая федеральная корпорация? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bfm.ru/news/297379>
18. Минпромторг России разрабатывает государственную информационную систему промышленности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/news/627800/>

19. Толкачев, С. Закон «О промышленной политике в Российской Федерации»: от обороны к наступлению / С. Толкачев, К. Андрианов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://expert.ru/2014/11/11/zakon-o-promyshlennoj-politike-v-rossijskoj-federatsii_-ot-oboronyi-k-nastupleniyu/
20. Минкомсвязи установило «Иннополису» фиктивные показатели, чтобы не пришлось возвращать деньги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cnews.ru/news/top/2015-11-20_minkomsvyazi_ustanovilo_innopolisu_fiktivnye
21. Государство потратило 4,9 млрд. на неиспользуемые суперЭВМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cnews.ru/news/top/2015-11-13_gosudarstvo_potratilo_49_mlrd_na_neispolzuemye
22. Industrial Development Report 2013. United Nations Industrial Development Organization. – 2013. – P. 196-203.
23. Communication from the Commission to the European Parliament, The Council, The European Economic and Social Committee and The Committee of the Regions. For a European Industrial Renaissance [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52014DC0014>
24. La nouvelle France Industrielle [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economie.gouv.fr/files/la-nouvelle-france-industrielle.pdf>
25. Industrial strategy. Government and industry in partnership. Progress Report. April 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/306854/bis-14-707-industrial-strategy-progress-report.pdf
26. Aiginger, K. The Matrix Approach to Industrial Policy / K. Aiginger, S. Sieber // International Review of Applied Economics. – 2006. – Vol. 20. – Issue 5. – P. 573-601. DOI:10.1080/02692170601005507.
27. Crafts, N., Hughes, A. Industrial Policy for the medium to long-term. Future of Manufacturing Project: Evidence Paper 37. Foresight, Government Office for Science [Электронный ресурс]. – 2013. – October. – Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/283911/ep37-industrial-policy-medium-to-long-term.pdf
28. Абдурасулова, Д. Промышленная политика Южной Кореи / Д. Абдурасулова // Экономист. – 2009. – №1. – С. 57-65.
29. Толкачев, С. Закон «О промышленной политике в Российской Федерации»: от обороны к наступлению / С. Толкачев, К. Андрианов [Электронный ресурс] // http://expert.ru/2014/11/11/zakon-o-promyshlennoj-politike-v-rossijskoj-federatsii_-ot-oboronyi-k-nastupleniyu/
30. Кондратьев, В.Б. Свежее дыхание промышленной политики / В.Б. Кондратьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/ekob/svezheje_dyhanije_promyshlennoj_politiki_2014-05-22.htm
31. Федеральный закон Российской Федерации от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html>
32. Внешэкономбанк России находится на грани банкротства? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://argumentiru.c>

Сведения об авторах

Константин Анатольевич Гулин – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, заведующий отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, gulin_k@mail.ru)

Александр Петрович Ермолов – начальник управления отраслевого развития, науки и инноваций, Департамент экономического развития Вологодской области (Россия, 160000, г. Вологда, ул. Герцена, д. 27)

Gulin K.A., Ermolov A.P.

National Industrial Policy of Russia in the Framework of Neo-Industrial Vector of Development: Conceptual Approaches

Konstantin Anatol'evich Gulin – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director, Head of the Department, Federal Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, gulin_k@mail.ru)

Aleksandr Petrovich Ermolov – Head of the Directorate for Sectoral Development, Science and Innovation, Vologda Oblast Department of Economic Development (27, Herzen Street, Vologda, 160000, Russian Federation, ermolovap@gov35.ru)

Abstract. Currently, the majority of scientific and expert community and politicians recognize the key role of “new industry” in economic growth of countries and their competitiveness in world markets. The new industrial policy – characterized as “industrial Renaissance” – of some leading countries (after the 2008 global financial crisis) combines focus on the development of breakthrough technology and a new approach to cooperation in the framework of formation and implementation of industrial policy. The existing Russian practice of formation and implementation of industrial policy is poorly linked to national priorities and the objectives of ensuring sustainable economic growth and increase in welfare. This hampers the effective use of the country’s own resources in order to ensure competitiveness and progressive development. The author considers “national industrial policy” to be a set of measures that aim to develop the industrial sector and increase its competitiveness through the system interaction between the government, business and society; this set of measures also aims to provide sustainable economic growth and increase national welfare. Russia needs a convergent approach that combines, in definite proportions, the advantages of vertical and horizontal measures, because the break-up of vertical (inter-sectoral) and horizontal (cross-sectoral) relationships and the antagonism between the interests of the main actors became Russia’s specific features resulting from the chaos of post-Soviet reforms. Industrial policy should be carried out with the use of system-wide target-setting associated with the solution of economic tasks, and also establish specific effective mechanisms of its implementation in the framework of the “network” approach.

Key words: neo-industrialization, industrial policy, national interests, network approach

References

1. Fedotova V. Konets dogonyayushchei modeli modernizatsii i poiski novykh putei [End of Catch-Up Model of Modernization and Search for New Ways]. *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies], 2012, no. 3, pp. 14-23.
2. *Nauka, innovatsii, informatsionnoe obshchestvo: 2014: krat. stat. sb.* [Science, Innovation, Information Society: 2014: Concise Statistics Collection]. Moscow: GU VShE, 2014. P. 54.
3. *The Atlas of Economic Complexity*. Available at: <http://atlas.cid.harvard.edu/rankings/>
4. Gubanov S.S. *Derzhavnyi proryv. Neoindustrializatsiya Rossii i vertikal'naya integratsiya* [A Breakthrough of the Power. Russia’s Neoindustrialization and Vertical Integration]. Moscow, 2012. 224 p.
5. Gradosel'skaya G.V. Setevoi analiz kak metod issledovaniya sovremennykh transformatsii [Network Analysis as a Method of Research into Modern Transformations]. *Sotsial'no-ekonomicheskaya transformatsiya v Rossii. Nauchnye doklady* [Socio-Economic Transformation in Russia. Scientific Reports]. Moscow, 2001. Pp. 43-76.
6. Okuno-Fujiwara M., Suzumura K. *Economic Analysis of Industrial Policy: A Conceptual Framework through the Japanese Experience*. Tokyo: Asahi, 1985. Pp. 35–41.
7. *O promyshlennoi politike v Rossiiskoi Federatsii: federal'nyi zakon RF ot 31.12.2014 g. №488-FZ* [About Industrial Policy in the Russian Federation: Federal Law of December 31, 2014 No. 488-FZ].
8. Warwick K. Beyond Industrial Policy. *OECD STI Policy Paper*, 2003, no. 2, pp. 16-17.
9. *Strana bez proizvodstva* [The Country without Production]. Available at: http://www.gazeta.ru/growth/2015/02/19_a_6418757.shtml
10. Moreno L.A. *Getting Industrial Policy Right*. Available at: <http://www.project-syndicate.org/commentary/latin-america-industrial-policy-failures-by-luis-a--moreno-2015-01>
11. Rodrik D. *Industrial Policy for the Twenty-First Century*. Harvard University. September 2004. Pp. 1-2.

12. *Desert dlya golodayushchego. Kakoi dolzhna byt' promyshlennaya politika v Rossii* [A Dessert for a Hungry. What Should the Industrial Policy in Russia Be]. Available at: http://www.gazeta.ru/growth/2015/05/22_a_6699949.shtml
13. Blyakhman L.S. *Promyshlennaya politika – osnova perekhoda k novoi modeli ekono-micheskogo rosta* [Industrial Policy – the Basis of Transition to a New Model of Economic Growth]. Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4414>
14. Polterovich V.M. Regional'nye instituty modernizatsii [Regional Modernization Institutions]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economics of Contemporary Russia], 2011, no. 4, pp. 17-29.
15. Yanitskii O.N. Ekologicheskaya politika kak setevoi protsess [Ecological Politics as a Network Process]. *Polis* [Polis. Political Studies], 2002, no. 2, p. 44.
16. Kurochkin A.V. *Institutsionalizatsiya setei v upravlenii rossiiskoi sistemoi obrazovaniya* [Institutionalization of Networks in the Russian System of Education]. Available at: <http://www.politex.info/content/view/137/30/>
17. *Komu nuzhna novaya federal'naya korporatsiya?* [Who Needs a New Federal Corporation?]. Available at: <http://www.bfm.ru/news/297379>
18. *Minpromtorg Rossii razrabatyvaet gosudarstvennyuyu informatsionnyuyu sistemu promyshlennosti* [The Ministry of Industry and Trade of Russia Is Developing a State Information System of Industry]. Available at: <http://www.garant.ru/news/627800/>
19. Tolkachev S., Andrianov K. *Zakon "O promyshlennoi politike v Rossiiskoi Federatsii": ot oborony k nastupleniyu* [The Law "On Industrial Policy in the Russian Federation": from Defense to Attack]. Available at: http://expert.ru/2014/11/11/zakon-o-promyshlennoj-politike-v-rossijskoj-federatsii_-ot-oboronyi-k-nastupleniyu/
20. *Minkomsvyazi ustanovilo "Innopolisu" fiktivnye pokazateli, chtoby ne prishlos' vozvrashchat' den'gi* [The Ministry of Communications Set Out Fictitious Indicators for "Innopolis", so That It Would Not Be Necessary to Return the Money]. Available at: http://www.cnews.ru/news/top/2015-11-20_minkomsvyazi_ustanovilo_innopolisu_fiktivnye
21. *Gosudarstvo potratilo 4,9 mlrd. na neispolzuyemye superEVM* [The Government Spent 4.9 Billion on Unused Supercomputers]. Available at: http://www.cnews.ru/news/top/2015-11-13_gosudarstvo_potratilo_49_mlrd_na_neispolzuyemye
22. Industrial Development Report 2013. *United Nations Industrial Development Organization*. 2013. Pp. 196-203.
23. *Communication from the Commission to the European Parliament, The Council, The European Economic and Social Committee and The Committee of the Regions. For a European Industrial Renaissance*. Available at: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52014DC0014>
24. *La nouvelle France Industrielle*. Available at: <http://www.economie.gouv.fr/files/la-nouvelle-france-industrielle.pdf>
25. *Industrial strategy. Government and industry in partnership. Progress Report*. April 2014 Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/306854/bis-14-707-industrial-strategy-progress-report.pdf
26. Aiginger K., Sieber S. The Matrix Approach to Industrial Policy. *International Review of Applied Economics*, 2006, vol. 20, no. 5, pp. 573-601. DOI:10.1080/02692170601005507
27. Crafts N., Hughes A. *Industrial Policy for the Medium to Long-Term. Future of Manufacturing Project: Evidence Paper 37*. Foresight, Government Office for Science, 2013. (October). Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/283911/ep37-industrial-policy-medium-to-long-term.pdf
28. Abdurasulova D. Promyshlennaya politika Yuzhnoi Korei [Industrial Policy of South Korea]. *Ekonomist* [Economist], 2009, no. 1, pp. 57-65.
29. Tolkachev S., Andrianov K. *Zakon "O promyshlennoi politike v Rossiiskoi Federatsii": ot oborony k nastupleniyu* [The Law "On Industrial Policy in the Russian Federation": from Defense to Attack]. Available at: http://expert.ru/2014/11/11/zakon-o-promyshlennoj-politike-v-rossijskoj-federatsii_-ot-oboronyi-k-nastupleniyu/
30. Kondrat'ev V.B. *Svezhee dykhanie promyshlennoi politiki* [Fresh Breath of Industrial Policy]. Available at: http://www.perspektivy.info/rus/ekob/svezheje_dyhanije_promyshlennoj_politiki_2014-05-22.htm
31. *Federal'nyi zakon Rossiiskoi Federatsii ot 28.06.2014 № 172-FZ "O strategicheskom planirovanii v Rossiiskoi Federatsii"* [Federal Law of the Russian Federation of June 28, 2014 No. 172-FZ "On Strategic Planning in the Russian Federation"]. Available at: <http://www.rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html>
32. *Vneshekonombank Rossii nakhoditsya na grani bankrotstva?* [Is the Bank for Development and Foreign Economic Affairs (Vnesheconombank) of Russia on the Verge of Bankruptcy?]. Available at: <http://argumentiru.c>

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc/2015.6.42.4

УДК 332.14 (37.014), ББК 65.9

© Крошилин С.В., Леонова Ж.К., Медведева Е.И., Иванина В.М.

Типологические особенности экономического развития регионов России в условиях развития непрерывного образования*

**Сергей Викторович
КРОШИЛИН**

кандидат технических наук, доцент
Государственный социально-гуманитарный университет
140410, Россия, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30
kafedraeim@yandex.ru

**Жанна Константиновна
ЛЕОНОВА**

доктор экономических наук, доцент
Государственный социально-гуманитарный университет
140410, Россия, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30
kafedraeim@yandex.ru

**Елена Ильинична
МЕДВЕДЕВА**

доктор экономических наук, доцент
Государственный социально-гуманитарный университет
140410, Россия, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30
kafedraeim@yandex.ru

**Вера Михайловна
ИВАНИНА**

аспирант
Государственный социально-гуманитарный университет
140410, Россия, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30
mgosgi-ok@mail.ru

* Материал подготовлен при поддержке РГНФ, грант № 15-02-00066 «Непрерывное образование в условиях рецессии и демографической трансформации как фактор повышения конкурентоспособности России».

Аннотация. В современных условиях изменяется социально-экономическая парадигма, что обусловлено, с одной стороны, переходом к экономике знаний, с другой – необходимостью развития инноваций, которые определяют конкурентоспособность и уровень развития национальных экономик мира. Очевидно, что поступательное развитие и совершенствование производственных процессов (смена технологических укладов) не может осуществляться без повышения уровня человеческого капитала в обществе, повышения потенциала и квалификации рабочей силы. Эти перемены в значительной степени зависят от системы образования. Практически во всех странах мира идет активный процесс модернизации и изменения системы подготовки кадров. Появляются новые формы и подходы, такие как: непрерывное образование (концепция «Образование через всю жизнь»), неформальные формы обучения, самообразование и т.д. Без развития данных подходов невозможно в динамически меняющейся социальной, политической и экономической среде стать конкурентоспособным государством. В особой степени это касается стран, в которых меняется технологический уклад и есть необходимость перехода к новым технологиям. К таким странам сегодня относится и Россия. На наш взгляд, современные реформы не позволяют реализовать главную задачу образования – обеспечить и создать условия для самоопределения и самореализации личности в обществе, достижения необходимого уровня знаний для развития инноваций в регионах. В рамках проведенного исследования получена классификация всех регионов России по критериям «инновационность» и «инвестиционная привлекательность» с учетом уровней образования. Данный подход, с одной стороны, показал неоднородность социально-экономического развития регионов страны, с другой – позволил выявить тот факт, что один и тот же федеральный округ может включать в себя и регионы-локомотивы, и проблемные регионы. В связи с неоднородностью полученных результатов были намечены перспективы модернизации предложенной классификации регионов.

Ключевые слова: типология регионов, непрерывное образование, экономическое развитие регионов, классификация регионов, социально-экономическое развитие регионов.

Современное общество изменяет социально-экономическую парадигму развития страны в связи с переходом к экономике знаний. Мировое хозяйство определяет конкурентоспособность национальных экономик в зависимости от уровня развития инноваций и знаний, что, в свою очередь, стимулирует рост инвестиционных потоков.

Сегодня образование является важнейшим фактором национальной безопасности и благосостояния страны, а также благополучия каждого гражданина. Под давлением новых условий осложняется рациональный выбор, что, вероятно, приведет к невозможности правильной оценки индивидуумом социально-экономических перспектив собственного развития.

Дж. Ролз называет подобную ситуацию «занавесом неведения» [5]. Выбор как общества в целом, так и отдельного индивидуума в краткосрочной перспективе может оцениваться как верный – в разрезе получения краткосрочных преимуществ, но в долгосрочном периоде – как непродуктивный [3]. Отказ от образования в конкретный промежуток времени может стать более рациональным, так как ресурсы будут перераспределены в пользу повышения доходов данного человека, но в долгосрочном периоде это может привести к потере профессиональной конкурентоспособности индивидуума и общества в целом [4]. Это связано с тем, что затраты на образовательные услуги окупаются в течение нескольких производственных циклов.

Период актуальности полученных знаний можно определить как срок окупаемости инвестиций в образование, а изменение продолжительности востребованности знаний приводит к сдерживанию роста уровня профессиональных компетенций [2].

Согласно оценке, проведенной Всемирным Банком, человеческий капитал, который включает в себя образование, составляет около 64% общего объема богатства страны [6]; в таких странах, как Германия, Япония и Швейцария, на его долю приходится 80% общего объема капитала. Одной из важнейших составляющих человеческого капитала является образование, при этом имеется в виду не только всеобщий охват населения, но и качество услуг.

Целый ряд международных организаций ведут собственный рейтинг стран мира по уровню образования. Наиболее известен индекс (Education Index), регулярно публикуемый ООН при помощи ЮНЕСКО. Для этой структуры он является одной из составляющих оценки общего индекса развития человеческого потенциала (Human Development Index), по которому судят о развитии стран в целом. Согласно данным за 2014 год наша страна занимает 57 место среди стран с высоким уровнем индекса человеческого развития (Беларусь – 53, Латвия – 48, Литва – 35, Грузия – 79, Украина – 83). По индексу уровня образования в странах мира (Education Index) в 2013 году Россия была на 36 месте (Беларусь – 21, Латвия – 24, Литва – 8, Грузия – 40, Украина – 30).

Однако следует понимать, что этот широко известный индекс в реальности характеризует не столько качество образования, сколько его доступность. С точки зрения индивида, выбирающего зарубежные высшие учебные заведения, гораздо интереснее рейтинги общественных организаций. В качестве примера

можно привести рейтинг Universitas 21 [12], формируемый консорциумом ведущих академических университетов мира. При его составлении учитывается общая эффективность систем образования различных стран, а также их популярность среди иностранных студентов. На общую оценку страны влияют четыре основные категории [12]:

- доступные образовательные ресурсы (25% в рейтинге);
- образовательная среда (15%);
- сотрудничество в образовании (20%);
- результативность (40% в рейтинге).

Соответственно, по-иному распределились и лидеры рейтинга. В 2013 году первые пять мест заняли США, Швеция, Швейцария, Канада и Дания. Лидирующая в рейтинге ООН Новая Зеландия заняла 14 место, Россия – 32-е.

Очевидно, что качество образования в определенной степени зависит от уровня расходов, затраченных на его развитие. По данным The World Bank: World Development Indicators 2014 (Рейтинг стран мира по уровню расходов на образование) [13], Россия находится на 98 месте (4,1% национального дохода), Беларусь – 83 (4,5%), Латвия – 42 (5,7%), Литва – 46 (5,6%), Грузия – 119 (3,2%), Украина – 57 (5,3%). Приведенные данные рассчитаны по состоянию на 2010–2012 годы (опубликованы в 2014 году). Однако, согласно данным Федерального казначейства, в России за последние 10 лет расходы на образование составляют в среднем чуть больше 11% (по отношению к расходам консолидированного бюджета). Несмотря на достаточно серьезные вложения в отечественное образование за этот период, конкурентоспособность на мировом рынке образовательных услуг остается весьма низкой. Исключение составляют лишь физико-математические и химические направления подготовки.

Исследования зарубежных (Э. Денисон, Р. Истерлин, У. Швекке, Х. Хэйнс) и отечественных (С.Ю. Глазьев, Н.Д. Кондратьев, Н.М. Римашевская) учёных позволяют сделать вывод, что население с более высоким уровнем образования делает экономику более производительной.

Кроме того, такие важнейшие атрибутивные характеристики человеческого капитала, как степень его квалификации, компетентность работников и управленческого персонала, т.е. так называемые «мягкие факторы» экономического роста [1], носят дуалистический характер и являются институциональными детерминантами наряду с капиталом и трудом в инновационной экономике.

Образовательный процесс постоянно переосмысливается и новая социально-экономическая парадигма будет преобразовываться, формируя предпосылки для развития системы непрерывного профессионального образования (*таблица*).

Современные темпы и качественные характеристики научно-технического прогресса обусловили развитие когнитивных и нематериальных факторов производства, что, в свою очередь, актуализирует модернизацию организации труда и прогнозирование последствий НТП.

Очевидно, что для оценки перспектив среднесрочного и долгосрочного развития национальной экономики в современных условиях необходимо определить роль системы непрерывного образования, являющейся значимым элементом формирования интеллектуального капитала в стране в целом и в регионах в частности.

Спрос на современном рынке труда зависит не только от масштаба производства той или иной деятельности, но и от уровня качества трудовых ресурсов. В совокупности формальные и неформальные социальные детерминанты, влияющие на совокупный спрос на рынке труда, связаны с институциональными изменениями [7],

Эволюция парадигмы образовательного процесса

Парадигма	Парадигма I	Парадигма II		Парадигма III
	Научная	Системная		Сетевая
Тип образовательной организации	Научно управляемая	Открытая		«Знающая» (эффективная)
Период		Адаптивная	Предпринимательская	
Структура организации	60–70-е гг. XX в	80-е гг. XX в	90-е гг. XX в	Начало XXI века
Тип выпускника	Иерархическая, дивизиональная, функциональная	Адаптивная (матричная), органическая	Глобальная, предпринимательская, малая	Сетевая, эдохократическая
Ключевые компетенции	Дженералист	Новатор	Предприниматель	Управляющий знаниями
Доминирующие программы	Широкие профессиональные знания	Способность к адаптации	Способность к лидерству и изменениям	Способность к лидерству и обучению
Учебные заведения	Каноническая	Гибкая	Клиенто-ориентированные программы	Программа непрерывного обучения
Доминирующие подразделения	Классический университет	Диверсифицированный университет	Корпоративный университет, учебно-консультационный центр	Виртуальный университет, тренинг-центр
	Кафедры	Программы-кафедры (матрицы)	Дизайнеры–программы–кафедры	НИР, обучающие сети, тренинговые центры
Источник: составлено Ж.К. Леоновой.				

которые иллюстрируют гипотезу об изменении внешних факторов в одной сфере и о проявлении институциональных изменений в другой. Исходя из концепции смены технологических укладов, можно предположить, что появление принципиально новых средств производства повлияет и на институциональные факторы развития рынка труда.

Реформирование российской системы образования весьма затянулось и начинает «пробуксовывать». Главная задача образования – обеспечить и создать условия для самоопределения и самореализации личности в обществе, так как полученный образовательный уровень позволит человеку не только адаптироваться в социальных, экономических условиях, но и даст возможность совершенствовать социум и повышать конкурентоспособность страны. Само реформирование системы в стране заставляет регионы по-новому взглянуть на проблему оптимизации учебных учреждений – их количества и качества. Современный подход к получению знаний требует развития новых форм обучения, таких как самообразование и неформальное образование, которые становятся определяющими в реализации концепции непрерывного образования.

На основе вышесказанного можно определить, что концепция непрерывного образования предполагает как адаптацию к изменениям в профессиональной деятельности, так и формирование способности современного человека к выполнению своей социальной и экономической роли. Модернизация российской экономики, реализация направления по импортозамещению и уход от «сырьевого» вектора развития невозможны без анализа системы образования, четкого представления половозрастной динамики населения, которая

определяет не только характер и особенности рынка труда, но и инвестиционную и инновационную привлекательность регионов. При этом необходимо учитывать дифференциацию российских территорий по многим направлениям и разные подходы к их типологизации (классификации).

При существующем многообразии моделей социально-экономического развития регионов России нужно понимать, что и уровень образования является неоднородным. В рамках проведенного исследования (грант РГНФ № 15-02-00066 «Непрерывное образование в условиях рецессии и демографической трансформации как фактор повышения конкурентоспособности России») проанализированы темпы экономического развития ряда территорий РФ с различным уровнем образования населения и отличиями в демографической структуре населения.

В анализе были использованы различные классификации регионов [8, 9, 10, 11]. Наиболее актуальной в условиях импортозамещения и необходимости развития собственного производства в регионах является классификация по инновационному и инвестиционному признакам. При классификации российских регионов по инновационному признаку выделяют три типа [8].

1. Статичные регионы. Эти субъекты находятся на стадии экономического роста, который происходит в рамках сложившейся технологической системы. Побуждения к формированию новой траектории экономического и технологического развития в таких регионах слабые или отсутствуют вовсе. Как правило, необходимость перехода на инновационный путь развития встречает сопротивление со стороны действующей (сложившейся) системы.

2. *Инновационно развивающиеся регионы* (или растущие регионы). В этих субъектах формируются инновационные подходы, обеспечивающие замещение элементов старой системы. Есть стремление к развитию новых внутрирегиональных связей. Для развития инвестиционных процессов в таких регионах необходима поддержка со стороны федерального центра.

3. *Депрессивные регионы* — эти субъекты находятся на низкой стадии социально-экономического развития, они не способны к глубоким преобразованиям, делают основной акцент на получении поддержки государства.

Под наши задачи была адаптирована методика классификации регионов по инвестиционному признаку, основанная на разработке отечественных ученых [9, 10, 11]. Согласно данному подходу регионы разделены на семь категорий: «локомотивы», «опорные регионы», «полюса роста», «точки роста», «проблемные регионы», «регионы с неопределившимися перспективами» и «регионы особого внимания».

Проведенный нами анализ инвестиционной привлекательности российских регионов на данный момент времени позволил сгруппировать их следующим образом [9, 10, 11]:

1. *«Локомотивы», «опорные регионы» и «полюса роста»* — это субъекты, имеющие высокий инвестиционный потенциал и существенные внутренние ресурсы (31 регион, такие как Московская область, Москва, Ростовская область и др.), что позволяет им развиваться без значительной поддержки федерального центра. Если бы вся Россия обладала такими же, как у «локомотивов», социально-экономическими показателями и политическими пристрастиями, то она давно бы приблизилась к самым передовым странам мира.

2. *«Точки роста»* — это небольшие по численности населения и экономической мощи регионы с низким инвестиционным риском, которые в ближайшие 10–15 лет достигнут «потолка» в своем развитии (8 субъектов, такие как Липецкая область, Республика Мордовия и др.).

3. *«Проблемные регионы»*. При повышении инвестиционной привлекательности они могут даже «перескочить» «точки роста» и оказаться среди устойчиво развивающихся субъектов РФ (13 регионов, таких как Брянская область, Республика Коми и др.).

4. Самая многочисленная группа — *«Регионы с неопределившимися перспективами»* — находится в полной зависимости от квалификации и управленческого профессионализма региональных властей (20 регионов, такие как Мурманская область, Рязанская область и др.).

5. *«Регионам особого внимания»*, по всей видимости, придется «вечно пребывать» в малоутешительной зоне повышенного внимания (11 регионов, такие как Магаданская область, Камчатская область и др.).

В *приложении* приведено сопоставление классификаций всех регионов России по критериям «инновационность» и «инвестиционная привлекательность».

В современных условиях становится актуальным рассмотрение вопроса об инвестиционной и инновационной зависимости. В данной статье осуществлена классификация регионов РФ в зависимости от этих показателей и проведен анализ уровня образования в регионах на основе показателей состава занятого населения по уровню образования (по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости; в процентах к итогу) за 2011–2013 годы.

В результате проведенного исследования четко прослеживается, с одной сто-

роны, неоднородность социально-экономического развития регионов страны, с другой стороны, один и тот же регион может включать в себя как регионы-локомотивы, так и проблемные регионы:

1. Центральный регион, в который входит 2 проблемных региона, 8 регионов с неопределившимися перспективами, 4 региона – полюса роста, 2 региона-локомотива, 3 региона, являющихся точками роста.

2. Северо-Западный федеральный округ включает: 1 проблемный регион, 4 региона с неопределившимися перспективами, 1 регион – полюс роста, 1 регион-локомотив, 2 региона из группы «точки роста».

3. Южный федеральный округ составляют: 2 региона с неопределившимися перспективами, 1 регион, относящийся к полюсам роста, 2 опорных региона.

4. В Северо-Кавказский федеральный округ входят: 1 проблемный регион, 5 регионов особого внимания, 1 регион, являющийся полюсом роста.

5. Приволжский федеральный округ включает: 1 проблемный регион, 4 региона с неопределившимися перспективами, 5 опорных регионов, 2 региона, являющихся «точками роста», 2 региона из группы «полюса роста».

6. В Уральском федеральном округе: 1 проблемный регион, 2 региона-локомотива, 1 опорный регион, 1 регион, относящийся к полюсам роста, 1 регион из группы «точки роста».

7. Сибирский федеральный округ: 1 проблемный регион, 1 регион особого внимания, 2 региона с неопределившимися перспективами, 2 опорных региона, 4 региона из группы «полюса роста».

8. В Дальневосточный федеральный округ входят: 4 проблемных региона, 2 региона особого внимания, 3 региона, являющихся полюсами роста.

Очевидно, что такая неоднородность полученных результатов требует дополнительного изучения и анализа с целью выявления причин и показателей, которые приводят к таким результатам. Для выявления зависимости инновационной и инвестиционной привлекательности от уровня образования и развития непрерывного образования было принято решение в будущем расширить предложенную классификацию: добавить к указанным признакам зависимость уровня экономического развития региона от уровня образования экономически активного населения. Наиболее интересным представляется анализ возможной реализации принципов непрерывного образования и уровня безработицы в регионе, так как данная проблема имеет тесную взаимосвязь с необходимостью развития системы переподготовки и подготовки кадров именно с учетом региональных особенностей. Совокупный спрос на рынке труда в современных условиях зависит не только от масштаба производства, но и от уровня инноваций. Активно развивающиеся регионы повышают совокупный спрос на рынке труда посредством производства товаров и услуг. Поэтому можно сказать, что инновационное развитие, как особый способ производства благ, характеризуется специфичным содержанием общественного воспроизводства, своеобразной системой экономических отношений. Любой современный потребитель стремится, чтобы продукция была инновационной, а такую продукцию нельзя создать специалисту с низким уровнем образованности (НПО, СПО). Новации создаются профессионалами, на подготовку которых следует затрачивать значительные ресурсы. Для осуществления продуктивной инновационной политики Правительство РФ должно обеспечить общедоступную возможность получения необходимого уровня образования не

только в центральных, но и во всех других регионах. Уход от сырьевой зависимости, реализация импортозамещения и переход российской экономики на инновационный путь развития в значительной степени определяются человеческим потенциалом: уровнем и качеством образования и подготовки специалистов, возможностью

реализации непрерывного процесса повышения квалификации, всех форм самообразования и неформального образования. Освоение новых профессий и получение необходимой квалификации определяют границы технологической, экономической и социальной модернизации российских регионов и страны в целом.

Приложение

Классификация регионов РФ по инвестиционным, инновационным признакам и уровню образования

Классификация по признакам		Нахождение субъекта	Нахождение субъекта	Уровень образования экономически активного населения			
Инновационность	Инвестиционная привлекательность	Область	Федеральный округ	Основное общее	НПО	СПО	ВПО
Статичный регион	Полюс роста	Белгородская область	ЦФО	2,7	22,3	25,5	28,8
	Регион с неопределившимися перспективами	Владимирская область	ЦФО	4,5	23,4	25,2	23,9
	Регион с неопределившимися перспективами	Ивановская область	ЦФО	4,6	23,3	21,9	26,2
	Полюс роста	Калужская область	ЦФО	3,6	22,6	28,3	26,8
	Регион с неопределившимися перспективами	Костромская область	ЦФО	5,0	23,7	33,6	25,2
	Регион с неопределившимися перспективами	Рязанская область	ЦФО	4,2	22,6	30,6	26,2
	Регион с неопределившимися перспективами	Смоленская область	ЦФО	3,9	16,9	32,4	28,6
	Регион с неопределившимися перспективами	Тамбовская область	ЦФО	4,6	17,7	29,7	23,9
	Полюс роста	Тульская область	ЦФО	3,7	14,7	30,3	25,7
	Регион-локомотив	г. Москва	ЦФО	0,6	16,2	27,2	49
	Проблемный регион	Республика Коми	СЗФО	5,1	32,8	22	24,8
	Полюс роста	Ленинградская область	СЗФО	3,1	26,3	25,2	25,9
	Регион с неопределившимися перспективами	Псковская область	СЗФО	4,9	20,8	30,1	23,1
	Регион с неопределившимися перспективами	Астраханская область	СЗФО	5,5	18,3	30	27,6
	Проблемный регион	Республика Марий Эл	ПФО	4,1	22,9	27,3	26,3
	Регион с неопределившимися перспективами	Удмуртская Республика	ПФО	3,5	28,4	22,1	25
	Полюс роста	Оренбургская область	ПФО	5,1	21,4	30,2	22,9
	Проблемный регион	Курганская область	УФО	6,7	22,6	25,9	24,6
	Опорный регион	Челябинская область	УФО	4,0	16,5	35,4	28,2
	Проблемный регион	Республика Алтай	СФО	6,7	18,3	25,8	30
	Полюс роста	Алтайский край	СФО	5,3	21	23,6	22,2
		Томская область	СФО	3,5	21,4	20,4	31,9
	Полюс роста	Приморский край	ДФО	4,2	22	24,2	30,4
	Полюс роста	Хабаровский край	ДФО	4,9	19	25,7	31,9

Продолжение приложения

Классификация по признакам		Нахождение субъекта	Нахождение субъекта	Уровень образования экономически активного населения			
Инновационность	Инвестиционная привлекательность	Область	Федеральный округ	Основное общее	НПО	СПО	ВПО
Растущий регион (или инновационно развивающийся регион)	Полюс роста	Воронежская область	ЦФО	2,9	11,8	26,4	27,4
	Регион – точка роста	Липецкая область	ЦФО	2,56	24	28,1	25,1
	Регион-локомотив	Московская область	ЦФО	1,8	12,2	27,5	38,7
	Регион – точка роста	Орловская область	ЦФО	3,1	25,8	23,8	29,6
	Регион с неопределившимися перспективами	Тверская область	ЦФО	4,36	23,6	31,1	23,2
	Регион – точка роста	Ярославская область	ЦФО	4,8	27,8	30	23,5
	Регион – точка роста	Новгородская область	СЗФО	6,7	21,2	27,2	23,9
	Регион-локомотив	г. Санкт-Петербург	СЗФО	0,83	15,2	23,2	44,5
	Регион с неопределившимися перспективами	Республика Адыгея	ЮФО	4,03	13,4	22,6	33,7
	Полюс роста	Волгоградская область	ЮФО	3,6	18,5	29,6	27,3
	Опорный регион	Ростовская область	ЮФО	5,2	15,8	27,3	29,6
	Регион особого внимания	Республика Дагестан	СКФО	5,2	6,2	16,6	29,2
	Регион особого внимания	Кабардино-Балкарская Республика	СКФО	5,6	12,7	19,6	29,6
	Регион особого внимания	Карачаево-Черкесская Республика	СКФО	2,3	18	19,2	34,8
	Регион особого внимания	Чеченская Республика	СКФО	7,2	4,6	11,4	25,2
	Плюс роста	Ставропольский край	СКФО	4,5	11,5	25,1	31,2
	Опорный регион	Республика Башкортостан	ПФО	3,3	28,8	25,9	23,6
	Регион – точка роста	Республика Мордовия	ПФО	2,2	19,4	23,5	28,8
	Опорные регионы	Республика Татарстан	ПФО	2,6	21,3	19,4	30,8
	Регион – точка роста	Чувашская Республика	ПФО	3,8	24,7	21,9	27,3
	Опорные регионы	Пермский край	ПФО	4,6	28,6	27,1	23,2
	Регион с неопределившимися перспективами	Кировская область	ПФО	5,3	26,6	26,1	22,2
	Опорный регион	Нижегородская область	ПФО	3,5	23	27,9	27
	Регион с неопределившимися перспективами	Пензенская область	ПФО	3,6	16,4	27,2	27,1
	Опорный регион	Самарская область	ПФО	2,4	15,4	29,8	35,9
	Полюс роста	Саратовская область	ПФО	4,9	18,7	27,9	28,2
	Регион с неопределившимися перспективами	Ульяновская область	ПФО	4,2	17,9	27,6	25,8
	Регион-локомотив	Свердловская область	УФО	5,3	22,4	25,9	25,8
	Полюс роста	Новосибирская область	СФО	4,8	19,3	21,9	31,2
	Полюс роста	Омская область	СФО	5,76	19,7	24,7	25,2
Регион особого внимания	Магаданская область	ДФО	2,57	12,7	21,4	30,8	

Окончание приложения

Классификация по признакам		Нахождение субъекта	Нахождение субъекта	Уровень образования экономически активного населения			
Инновационность	Инвестиционная привлекательность	Область	Федеральный округ	Основное общее	НПО	СПО	ВПО
Депрессивный регион	Регион с неопределившимися перспективами	Курская область	ЦФО	3,6	24,4	24,3	28,4
	Регион с неопределившимися перспективами	Республика Карелия	СЗФО	4,36	27,2	28	24,2
	Регион с неопределившимися перспективами	Архангельская область	СЗФО	4,9	29,1	29,4	24,3
		Вологодская область	СЗФО	6,03	26	26,2	22,3
	Регион – точка роста	Калининградская область	СЗФО	4,03	17,1	31,2	31,8
	Регион с неопределившимися перспективами	Мурманская область	СЗФО	2,56	27,8	21,9	28,4
	Регион особого внимания	Республика Калмыкия	ЮФО	2,7	12,3	25,2	34
	Опорный регион	Краснодарский край	ЮФО	3,8	16,2	28,3	26
	Регион особого внимания	Республика Ингушетия	СКФО	1,2	10,1	28,8	31
	Проблемный регион	Республика Северная Осетия – Алания	СКФО	3,96	14,3	26,4	36,5
	Регион – точка роста	Тюменская область	УФО	3,3	18,2	26,8	29,5
	Регион с неопределившимися перспективами	Республика Бурятия	СФО	5,5	23,1	24,7	27,6
	Регион особого внимания	Республика Тыва	СФО	3,9	16,4	25,6	33,5
	Регион с неопределившимися перспективами	Республика Хакасия	СФО	5,6	14	26,9	24
		Забайкальский край	СФО	7,5	16,4	22,9	21,8
	Опорный регион	Красноярский край	СФО	5,96	16,9	28,2	26,1
	Полюс роста	Иркутская область	СФО	6,9	21	23,2	25,8
	Опорный регион	Кемеровская область	СФО	5,3	23,9	26,5	24,7
	Полюс роста	Республика Саха (Якутия)	ДФО	3	19,2	24,9	28,4
	Регион особого внимания	Камчатский край	ДФО	3,16	20,4	22,6	34,9
	Проблемный регион	Амурская область	ДФО	6,6	20	27,6	27,7
	Проблемный регион	Сахалинская область	ДФО	4,4	25,1	25,3	24,3
	Проблемный регион	Еврейская автономная область	ДФО	10,7	18,9	23,9	19,8
Проблемный регион	Чукотский автономный округ	ДФО	5,5	20	25,3	26	

Литература

1. Иноземцев, В. Наметившиеся воспроизводственные тенденции мирового хозяйства / В. Иноземцев // Экономист. – 2000. – №6. – С. 80.
2. Крошилин, С.В. Востребованность образовательных услуг контрагентами рынка / С.В. Крошилин, Ж.К. Леонова, Е.И. Медведева. – Коломна : МГОСГИ, 2015. – С. 154.
3. Леонова, Ж.К. Особенности применения государственно-частного партнёрства в сфере образования / Ж.К. Леонова // Сценарии развития социальной сферы в условиях новых вызовов : материалы Всероссийской научно-практической конференции, 27 ноября 2014 г. ; под ред. проф. Е.В. Егорова, П.Н. Ломанова, Т.Б. Беляева. – М. : Креативная экономика, 2014. – С. 56.
4. Манько, Н.Н. Государство, бизнес и наука. Основы взаимодействия [Электронный ресурс] / Н.Н. Манько // Современная наука. Серия «Экономика и право». – 2012. – № 5–6. – URL : <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/---ep12-05/516-a>
5. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – С. 125.
6. World Bank annual report 2015 (русский) [Электронный ресурс]. – URL: <http://documents.vsemirnyjbank.org/curated/ru/2015/10/25109422/world-bank-annual-report-2015>
7. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М. : Начала, 1997.
8. Лапаев, С.П. Типологизация регионов России: инновационный подход / С.П. Лапаев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – №8 (169). – С. 100–105.
9. Гранберг, А.Г. Региональное развитие: опыт России и Европейского Союза / А.Г. Гранберг. – М. : РГБ, 2007.
10. Моттаева, А.Б. Анализ типологии регионов для целей построения политики устойчивого развития России [Электронный ресурс] / А.Б. Моттаева, А.Б. Моттаева // Интернет-журнал «Наукведение». – 2014. – № 4 (23). Июль–авг. – URL : <http://naukovedenie.ru/PDF/131EVN414.pdf>
11. Криулина, Е.Н. Типология регионов: инвестиционный потенциал [Электронный ресурс] / Е.Н. Криулина, А.А. Кононенко. – Ставрополь : Ставропольский государственный университет, 2015. – URL : <http://stgau.ru/company/personal/user/12117/files/lib/B2.pdf>
12. Рейтинг стран мира по уровню образования 2015 [Электронный ресурс] // Проект Global-edu Центра интенсивных технологий образования, 2015. – URL : <http://global-edu.ru/foreign-education/education-country-ratings/>
13. World development indicators 2014 // The Word Bank. Documents & Reports [Электронный ресурс]. – URL : <http://documents.vsemirnyjbank.org/curated/ru/2014/05/19485574/world-development-indicators-2014>

Сведения об авторах

Сергей Викторович Крошилин – кандидат технических наук, доцент, научный сотрудник, преподаватель, Государственный социально-гуманитарный университет (140410, Россия, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30, kafedraeim@yandex.ru)

Жанна Константиновна Леонова – доктор экономических наук, доцент, научный сотрудник, профессор кафедры, Государственный социально-гуманитарный университет (140410, Россия, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30, kafedraeim@yandex.ru)

Елена Ильинична Медведева – доктор экономических наук, доцент, научный сотрудник, преподаватель, Государственный социально-гуманитарный университет (140410, Россия, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30, kafedraeim@yandex.ru)

Вера Михайловна Иванина – аспирант, специалист по кадрам, Государственный социально-гуманитарный университет (140410, Россия, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30, mgosgi-ok@mail.ru)

Kroshilin S.V., Leonova Zh.K., Medvedeva E.I., Ivanina V.M.

Typological Features of Economic Development in Russian Regions under the Conditions of Development of Continuous Education

Sergei Viktorovich Kroshilin – Ph.D. in Technology, Associate Professor, Research Associate, Lecturer, State Socio-Humanitarian University (30, Zelenaya Street, Kolomna, Moscow Oblast, 140410, Russian Federation, kafedraeim@yandex.ru)

Zhanna Konstantinovna Leonova – Doctor of Economics, Associate Professor, Research Associate, Professor, State Socio-Humanitarian University (30, Zelenaya Street, Kolomna, Moscow Oblast, 140410, Russian Federation, kafedraeim@yandex.ru)

Elena Il'ichna Medvedeva – Doctor of Economics, Associate Professor, researcher, lecturer, State Socio-Humanitarian University (30, Zelenaya Street, Kolomna, Moscow Oblast, 140410, Russian Federation, kafedraeim@yandex.ru)

Vera Mikhailovna Ivanina – Postgraduate Student, HR Specialist, State Socio-Humanitarian University (30, Zelenaya Street, Kolomna, Moscow Oblast, 140410, Russian Federation, mgosgi-ok@mail.ru)

Abstract. In the modern conditions the socio-economic paradigm is changing, on the one hand, due to the transition to knowledge economy and, on the other hand, due to the need to develop innovation that determine competitiveness and the development level of national economies in the world. It is obvious that the progressive upgrade and the improvement of production processes (change in technological modes) can not be implemented without the increase in the level of human capital in the society and the enhancement of potential and qualification of the workforce. These changes largely depend on the education system. In almost all world countries there is an active process of modernization and change in the system of training. New forms and approaches appear, for example lifelong education (concept “Lifelong education”), informal forms of learning, self-education, etc. Without the development of these approaches it is not possible to become a competitive state in changing social, political and economic environment. This is particularly true for countries, which experience changes in the technological mode and have the necessity to transfer to new technologies. Russia is among such countries nowadays. In our opinion, the modern reforms do not give the opportunity to fulfill the main task of education – to ensure and create conditions for self-determination and self-moralization of an individual in the society, achieve the desired level of knowledge for development of innovation in the regions. In the framework of the conducted research we get the classification of all Russian regions by indicators, such as “innovation” and “investment attractiveness”, with the levels of education being taken into account. This approach, on the one hand, shows the heterogeneity of socio-economic development of the country's regions and, on the other hands, – allows us to reveal the fact that the same federal district can include both regions-locomotives and problematic regions. In view of the heterogeneity of the results we identify the prospects for modernization of the proposed regions classification.

Key words: typology of regions, lifelong learning, economic development of regions, classification of regions, socio-economic development of regions.

References

1. Inozemtsev V. Nametivshiesya vosproizvodstvennyye tendentsii mirovogo khozyaistva [Emerging Reproductive Trends of the World Economy]. *Ekonomist* [Economist], 2000, no. 6, p. 80.

2. Kroshilin S.V., Leonova Zh.K., Medvedeva E.I. *Vostrebovannost' obrazovatel'nykh uslug kontragentami rynka* [Market Contractors' Demand for Educational Services]. Kolomna : MGOSGI, 2015, p. 154.
3. Leonova Zh.K. Osobennosti primeneniya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v sfere obrazovaniya [Features of Application of Public-Private Partnership in the Sphere of Education]. *Stsenarii razvitiya sotsial'noi sfery v usloviyakh novykh vyzovov : materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 27 noyabrya 2014 g.* [Scenarios of Social Sphere Development in the Conditions of New Challenges : Materials of the All-Russian Research-To-Practice Conference, November 27, 2014]. Under editorship of Professor E.V. Egorov, P.N. Lomanov, T.B. Belyaev. Moscow : Kreativnaya ekonomika, 2014, p. 56.
4. Man'ko N.N. Gosudarstvo, biznes i nauka. Osnovy vzaimodeistviya [Government, Business and Science. Basis for Interaction]. *Sovremennaya nauka. Seriya "Ekonomika i pravo"* [Modern Science. Series "Economics and Law"], 2012, no. 5 6. Available at : <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/---ep12-05/516-a>
5. Rawls J. *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Novosibirsk : Izd-vo Novosibirskogo un-ta, 1995, p. 125.
6. *World Bank Annual Report 2015* (in Russian). Available at : <http://documents.vsemirnyjbank.org/curated/ru/2015/10/25109422/world-bank-annual-report-2015>
7. North D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. Moscow : Nachala, 1997.
8. Lapaev S.P. Tipologizatsiya regionov Rossii: innovatsionnyi podkhod [Typology of Russian Regions: Innovative Approach]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], 2014, no. 8 (169), pp. 100 105.
9. Granberg A.G. *Regional'noe razvitiye: opyt Rossii i Evropeiskogo Soyuza* [Regional Development: Experience of Russia and the European Union]. Moscow : RGB, 2007.
10. Mottaeva A.B. Analiz tipologii regionov dlya tselei postroeniya politiki ustoichivogo razvitiya Rossii [Analysis of the Region Typology to Work Out the Policy of Russia's Sustainable Development]. *Naukovedenie* [Science of Science], 2014, no. 4 (23). July-August. Available at : <http://naukovedenie.ru/PDF/131EVN414.pdf>
11. Kriulina E.N., Kononenko A.A. *Tipologiya regionov: investitsionnyi potentsial* [Typology of Regions: Investment Potential]. Stavropol' : Stavropol'skii gosudarstvennyi universitet, 2015. Available at : <http://stgau.ru/company/personal/user/12117/files/lib/B2.pdf>
12. Reiting stran mira po urovnyu obrazovaniya 2015 [Countries Ranking by Level of Education in 2015]. *Proekt Global-edu Tsentra intensivnykh tekhnologii obrazovaniya* [Global-Edu Centre of Intensive Technologies of Education], 2015. Available at : <http://global-edu.ru/foreign-education/education-country-ratings/>
13. *World Development Indicators 2014. The World Bank. Documents and Reports*. Available at : <http://documents.vsemirnyjbank.org/curated/ru/2014/05/19485574/world-development-indicators-2014>

Эффективность регулирования рынка труда региона (на примере антикризисных мероприятий)

**Александр Михайлович
ПАНОВ**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
panov_isedt@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу эффективности государственного управления в социально-трудовой сфере. Рассматриваются основные теоретико-методологические подходы к понятию «эффективность управления» в зависимости от различных критериев: состояния управляемого объекта, внутренней эффективности управления, социальной эффективности, достижения целевых значений показателей, соотношения «затраты – результат». Предпринята попытка анализа относительной эффективности управления рынком труда в разрезе федеральных округов и регионов Северо-Западного федерального округа с акцентом на ситуации в Вологодской области. В статье дана общая характеристика основных антикризисных мер, направленных на снижение напряжённости на рынке труда, практикуемых в российских регионах: опережающее обучение работников, находящихся под угрозой увольнения; содействие самозанятости населения; организация общественных работ; содействие трудоустройству инвалидов. Оценка эффективности названных мероприятий осуществлена на основе затратно-результативного метода, достоинствами которого являются простота и доступность данных официальной статистики. По результатам анализа составлен рейтинг относительной эффективности регулирования рынка труда в федеральных округах и регионах Северо-Западного федерального округа. В ходе исследования выявлены следующие особенности антикризисного регулирования рынка труда: значительная региональная неоднородность производимых затрат в расчёте на одного участника, постепенное снижение относительной эффективности регулирования рынка труда, сокращение перечня мероприятий, скачкообразные изменения ранговых позиций территорий. Предложено совершенствовать контроль за выполнением программных мероприятий по стабилизации рынка труда на региональном уровне. Для этого необходимо включение информации о расходовании средств на реализацию мероприятий по развитию рынка труда в публичную отчётность органов государственной власти, регулирующих социально-трудовые отношения в субъектах РФ.

Ключевые слова: эффективность управления, рынок труда, антикризисные меры, регион.

В современной России государственное управление социально-трудовой сферой осуществляется в условиях рынка с обязательной поправкой на конъюнктуру спроса и предложения, что не было характерно для предыдущих этапов развития страны, а потому мы можем говорить о его инновационном характере; от его эффективности может зависеть ход модернизационных процессов. Однако в российской экономической науке до сих пор нет единого подхода к пониманию эффективности государственного управления. В статье предпринята попытка оценить эффективность управления рабочей силой в разрезе федеральных округов и северо-западных регионов России на примере отдельных мероприятий по стабилизации рынка труда. Для реализации поставленной цели рассмотрены основные теоретико-методологические подходы к понятию «эффективность управления». С применением затратно-результативного метода проанализированы расходы на реализацию программных мероприятий по снижению напряжённости на рынке труда и выявлены основные проблемы и тенденции в сфере управления рабочей силой в регионе.

В общем понимании эффективность можно определить как способность приносить эффект или оказывать желаемое воздействие [1, с. 1442]. Одной из важных методологических проблем анализа эффективности является выбор подхода к пониманию её сущности. В зависимости от используемого критерия выделяется несколько подходов к оценке эффективности государственного управления (*табл. 1*):

- 1) оценка состояния управляемого объекта;
- 2) оценка внутренней эффективности управления;
- 3) оценка социальной эффективности;

4) оценка достижения целевых значений показателей;

5) затратно-результативный подход.

1. Оценка состояния управляемого объекта базируется на допущении о том, что состояние объекта (экономики региона, регионального рынка труда и т.д.) является прямым следствием управленческого воздействия на неё. В рамках данного подхода благоприятная ситуация свидетельствует о высокой эффективности управления, а неблагоприятная, соответственно, — о низкой. К достоинствам данной концепции относится то, что она позволяет оценить фактическое состояние управляемого объекта и дать ответ на вопрос, насколько это состояние соответствует выбранному эталону (поставленным целям). Недостаток такого подхода состоит в том, что он отождествляет состояние управляемого объекта с эффективностью управления, не учитывая внешние средовые условия (экономические особенности того или иного региона, состояние конъюнктуры) и, таким образом, не позволяет оценить роль управленческого воздействия на объект. В современной России этот подход применялся согласно указам Президента РФ «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти» от 28.06.07 №825 (утратил силу) [11] и от 21.08.12 №1199 [12].

2. Оценка внутренней эффективности связана с организацией процесса управления тем или иным объектом. При этом оценивается не объект, а процесс управления: структура управляющих органов, профессионально-квалификационные характеристики кадровых работников органов власти. Этот подход основан на том, что от организации работы органа власти и качества трудового потенциала сотрудников зависит эффективность управления.

Таблица 1. Методологические подходы к оценке эффективности управления

Подход к оценке эффективности	Понятие эффективности	Критерий оценки	Примеры использования
Состояние управляемого объекта	Состояние управляемого объекта, измеряемое в конкретных показателях	Набор показателей, достигнутых объектом относительно других объектов или в динамике	World Bank Global Competitiveness Report
Внутренняя эффективность управления	Качество организации и процесса управления, уровень подготовки сотрудников подразделения	Показатели функционирования конкретного подразделения или предприятия	Key Performance Indicators (KPI) Method
Социальная эффективность	Достижение социального эффекта, заключающегося в уменьшении экономических или социальных потерь, неизбежных при игнорировании проведённых мероприятий	Экономические или социальные потери	Государственная программа «Содействие занятости населения, улучшение условий и охраны труда в Вологодской области на 2014–2018 годы», утверждена постановлением Правительства Вологодской области от 28.10.2013 № 1101
Достижение целевых значений показателей	Достижение объектом управления плановых, базисных, целевых показателей	Соответствие фактически достигнутых показателей целевым значениям	Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»
Затратно-результативный подход	Уровень затрат на одну произведённую или иную результативную единицу	Сумма затрат на одну результативную единицу	Государственная программа «Содействие занятости населения, улучшение условий и охраны труда в Вологодской области на 2014–2018 годы», утверждена постановлением Правительства Вологодской области от 28.10.2013 № 1101
Источники: составлено автором на основе [1, с. 1442-1443; 17, с. 662; 18]			

В качестве примеров можно назвать систему Key Performance Indicators (KPI) [19, с. 233]. При этом непосредственные результаты работы не учитываются. Слабыми сторонами данного подхода являются относительная сложность получения информации и отсутствие её представления в единообразной форме.

3. Оценкой управленческих воздействий может выступать социальная эффективность, под которой понимается соотношение затрат на реализацию социальных мероприятий и возможного ущерба, который будет нанесён в случае игнорирования этих мероприятий [15, с. 662]. Представляется, что такая концепция подходит для оценки эффективности управления отдельным предприятием, но не вполне пригодна для оценки эффективности управления

социально-трудовыми отношениями на уровне региона, поскольку при управлении социально-трудовыми отношениями ущерб от игнорирования программных мероприятий может быть ниже, чем затраты на них, тем не менее проведение этих мероприятий желательно, поскольку обусловлено социальным назначением государства.

4. Оценка эффективности достижения целевых значений показателей, определяемых в стратегических документах, в последнее время широко используется на территории российских регионов. Как правило, методики, основанные на этом подходе, разрабатываются и применяются органами государственной власти [10]. Недостатком данного подхода является игнорирование данных о произведённых

затратах, а также возможная необоснованность выбора показателей и их целевых значений, установленных стратегическими документами. Следовательно, данный подход требует не только оценки достижения заданных результатов, но и экспертизы качества целеполагания.

5. Затратно-результативный подход. При таком подходе под эффективностью понимается результативность экономической деятельности, экономических мероприятий, программ и механизмов, которая характеризуется отношением полученного экономического эффекта (достигнутого результата) к затратам факторов и ресурсов определённой стоимости, привлекаемых для получения этого результата [2, с. 1443]. Таким образом, в рамках данного подхода экономическая эффективность отождествляется с результативностью. Нам представляется, что такое понимание эффективности наиболее полно соответствует потребности экономического анализа управления социально-трудовыми отношениями в регионе. Обладая информацией о средствах, которые были израсходованы на реализацию того или иного управленческого механизма (программы содействия занятости, её подпрограмм или отдельного мероприятия), и результатах (количество участников программы, число созданных рабочих мест), можно рассчитать затраты на одну результативную единицу (под результативной единицей в настоящем исследовании мы понимаем участника рынка труда, принявшего участие в антикризисном мероприятии) и, основываясь на этом, сделать вывод об относительной эффективности данных механизмов в региональном разрезе, а также оценить динамику эффективности за определённый период времени. Под управленческим механизмом в настоящем исследовании понимается комбинация управленческих

методов, используемых органами власти и способствующих достижению конкретного результата [6, с. 495].

Применение данного подхода связано с рядом методологических проблем. Во-первых, возникает вопрос, что считать расходами на регулирование социально-трудовых отношений и результатами этого регулирования. Во-вторых, зачастую оказывается невозможно оценить, какой эффект оказали проведённые мероприятия на функционирование регионального рынка труда: в рамках затратно-результативного подхода возможна лишь достоверная оценка эффективности конкретных механизмов (мероприятий или направлений). Однако, оценивая ситуацию на рынке труда региона и её динамику, мы можем косвенно судить о достаточности применяемых механизмов. Проблема выбора показателей в рамках настоящего исследования была решена следующим образом. Показатель ведомственных расходов консолидированного бюджета региона был признан непригодным, поскольку не в каждом регионе присутствует обособленный правительственный орган, регулирующий трудовые отношения. Нередко департамент, занимающийся управлением рынком труда, регулирует и другой круг общественных отношений, как это было в Вологодской области до 2011 г., когда в ней существовал департамент труда и социального развития области [8]. В указании статей расходов также отсутствует единообразие. Поэтому эффективность государственного управления оценивалась нами на примере конкретных мероприятий, которые направлены на снижение напряжённости на рынке труда, в которых в 2009–2010 гг. участвовало большинство регионов России, в том числе и Вологодская область. Мероприятия эти включали следующие механизмы:

опережающее профессиональное обучение работников в случае угрозы массового увольнения; организацию общественных работ, временного трудоустройства, стажировки в целях приобретения опыта работы; содействие развитию малого предпринимательства и самозанятости безработных граждан; содействие трудоустройству незанятых инвалидов. Выбор мероприятий и временных периодов обусловлен наличием статистической информации об используемых механизмах и затратах на их реализацию. Недостатком данного подхода можно считать то, что он позволяет оценить лишь количественную сторону деятельности исследуемого объекта. Однако, как нам представляется, в условиях преодоления напряжённости на рынке труда такой метод можно считать достаточным.

Поскольку в работе анализируются программные мероприятия, в качестве результативных единиц в большинстве случаев выбраны их участники. В отдельных случаях (мероприятия по содействию самозанятости населения и занятости инвалидов) наряду с количеством участников рассматривалось количество созданных рабочих мест. Эффективность управления получает стоимостное выражение и оценивается как количество средств, затраченных на одного участника программных мероприятий или на созданное рабочее место:

$$\text{Эффективность} = \frac{\text{затраты}}{\text{охват населения}} .$$

Таким образом, регионы, в которых удавалось произвести меньшие затраты на одного участника мероприятий, имели возможность охватить программными мероприятиями большее число участников и управление социально-трудовыми отношениями на этих территориях является относительно более эффективным. Выбор такого показателя может быть актуален

в условиях ограниченности в средствах, характерной для экономического спада, например бюджетного кризиса.

С целью межрегиональной оценки эффективности применялся индексный метод, в соответствии с которым затраты на одну результативную единицу оценивались в рублях и в процентах от среднероссийского уровня. Для оценки изменения эффективности затраты были скорректированы с учётом изменения потребительских цен и представлены в ценах 2014 г. Пересчёт применяется для того, чтобы сопоставить расходы на регулирование рынка труда в различные периоды времени и тем самым привести данные в сопоставимый вид.

Необходимость организации опережающего обучения работников возникла в 2009 г., когда экономический кризис затронул российский рынок труда и многие работники оказались под угрозой массового увольнения. Данный механизм, носящий превентивный характер, призван повысить конкурентоспособность работников и предотвратить высвобождение рабочей силы.

В 2009 г. мероприятиями по снижению напряжённости на рынке труда в целом по РФ было охвачено 216 017 человек, в 2010 г., когда ситуация на рынке труда несколько стабилизировалась и угроза массовых увольнений снизилась, — 113 148. Количество участников программы снизилось практически повсеместно, за исключением 9 территорий. В разрезе федеральных округов России наименьшие затраты на мероприятия отмечались в Северо-Кавказском федеральном округе, наибольшие — в Дальневосточном (табл. 2). Однако, как можно отметить, охват участников в Северо-Кавказском федеральном округе оказался наименьшим, причем этот регион является трудоизбыточным, характеризующимся относительно высоким уровнем безработицы (в 2009 г. уровень общей безработицы

Таблица 2. Расходы на участников мероприятий по опережающему обучению работников, находящихся под угрозой массового увольнения*

Территория	Фактическая численность участников, чел.		Расходы на одного участника			
			Тыс. руб.		% от среднероссийского уровня	
	2009 г.	2010 г.	2009 г.	2010 г.	2009 г.	2010 г.
<i>Российская Федерация и федеральные округа</i>						
Северо-Кавказский	3611	797	8,5	5,2	86,7	51,8
Центральный	49584	23679	9,2	8,6	93,6	86,0
Сибирский	35647	15073	10,8	9,1	110,2	90,9
Уральский	22202	13416	10,9	9,4	111,9	93,6
Южный	9736	2513	9,7	9,7	98,7	97,0
Северо-Западный	21060	8522	11,6	10,4	118,7	104,1
Приволжский	68000	45676	7,9	11,3	80,8	112,7
Дальневосточный	9788	3472	16,7	13,0	171,1	130,3
Российская Федерация	216017	113148	9,8	10,0	100,0	100,0
<i>Субъекты Северо-Западного федерального округа</i>						
Новгородская область	238	254	6,7	3,8	68,8	38,1
Республика Карелия	719	120	9,8	4,2	100,5	42,0
Калининградская область	3241	728	9,8	5,8	100,0	58,2
Вологодская область	3066	2117	7,7	8,4	79,2	84,1
Республика Коми	2311	1353	9,7	8,5	98,9	85,3
Псковская область	1458	941	11,3	9,0	115,6	89,7
Мурманская область	926	353	11,7	10,0	119,7	100,4
Архангельская область	861	182	7,4	13,1	75,3	131
Ленинградская область	2116	874	14,9	16,4	152	164,4
Санкт-Петербург	6124	1600	15,8	16,7	161,8	166,6
* Территории проранжированы по расходам на одного участника в 2010 г. Источники: [15]; расчёты автора						

в СКФО составил 44,8%). Из этого следует, что при относительно высокой эффективности затрат меры по регулированию рынка труда были недостаточными.

Среднероссийские затраты на одного участника программы составили 9,8 тыс. руб. в 2009 г. и 10 тыс. руб. в 2010 г. Таким образом, можно сказать, что эффективность мероприятий по опережающему обучению в целом по стране изменилась незначительно.

Однако в целом в большинстве субъектов (57 из 82) эффективность организации мероприятий по опережающему обучению повысилась, причём это повышение колебалось в интервале от 3 до 60%. Значительный интервал можно объяснить различиями в социально-экономических условиях,

в которых приходилось действовать региональным органам власти. Северо-Западный федеральный округ характеризуется более низкой эффективностью рассматриваемых механизмов. Наиболее высокие затраты на обучение одного участника наблюдались в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Вместе с тем эффективность использования средств на этих территориях за год сократилась – в Санкт-Петербурге со 162 до 167% от среднероссийского уровня, в Ленинградской области – со 152 до 164%. Сложившуюся в данных субъектах ситуацию нельзя объяснить ни высоким уровнем цен, ни высокой безработицей. Корреляционная взаимосвязь между ними также отсутствует. Соответственно, в отношении этих территорий можно говорить

об относительно низкой эффективности управления ресурсами труда. В Вологодской области эффективность проведения мероприятий по опережающему обучению оказалась выше, чем по стране в целом: в 2009 г. стоимость опережающего обучения одного работника составила 79% от среднероссийского уровня (7,7 тыс. руб. на одного участника), в 2010 г. – 84% (8,4 тыс. руб.). Таким образом, в течение года эффективность реализации данного механизма в регионе понизилась.

Содействие самозанятости безработных граждан – это комплекс мероприятий, включающий в себя предоставление информации о возможности осуществления предпринимательской деятельности, тести-

рование безработных в целях выявления способностей к предпринимательской деятельности, обучение основам предпринимательства и оказание финансовой поддержки [1]. Необходимость применения данных механизмов обусловлена, с одной стороны, важной ролью предпринимательства в экономике современной России, с другой стороны, тем, что в своём современном виде предпринимательский сектор в России сформировался относительно недавно [14].

В 2009 и 2010 гг. мероприятиями по содействию самозанятости безработных в России было охвачено 279 060 человек, из них 127 609 – в 2009 г., 151 451 – в 2010 г. (табл. 3). Расходы на одного участника возросли на 16%.

Таблица 3. Расходы на участников мероприятий по содействию самозанятости безработных граждан и стимулированию создания безработными гражданами, открывшими собственное дело, дополнительных рабочих мест для трудоустройства безработных граждан*

Территория	Фактическая численность участников, чел.		Расходы на одного участника			
			Тыс. руб.		% от среднероссийского уровня	
	2009 г.	2010 г.	2009 г.	2010 г.	2009 г.	2010 г.
<i>Российская Федерация и федеральные округа</i>						
Северо-Кавказский	662,6	29356	853,3	79,3	0	73,8
Южный	30147	11444	90,2	92,2	98,1	85,8
Центральный	15029	17300	95,1	103,3	103,4	96,1
Приволжский	42545	51124	95,8	115,3	104,2	107,3
Уральский	10633	11114	75,1	116,5	81,6	108,5
Северо-Западный	6615	7400	94,2	117,7	102,4	109,5
Дальневосточный	3474	3851	104,1	123,6	113,2	115
Сибирский	19166	19862	92,6	136,2	100,7	126,8
Российская Федерация	127609	151451	92	107,5	100	100
<i>Субъекты Северо-Западного федерального округа</i>						
Республика Коми	299	418	88,1	78,9	95,8	73,4
Новгородская область	613	609	90,0	96,7	97,9	90,0
Республика Карелия	394	1133	120,2	98,0	130,6	91,2
Архангельская область	700	573	97,1	102,3	105,6	95,2
Мурманская область	850	672	91,7	102,5	99,7	95,4
Псковская область	1877	1367	98,0	119,7	106,5	111,4
Вологодская область	1633	1707	97,3	121,8	105,8	113,3
Калининградская область	230	785	87,3	184,3	94,9	171,5
Ленинградская область	19	43	190	282,7	206,5	263,1
Санкт-Петербург	0	93	0	355,4	0	330,8

* Территории проранжированы по расходам на одного участника в 2010 г.
Источники: [15]; расчёты автора

В 50 регионах число участников этих мероприятий также сократилось. Наибольшие расходы приходились на одного участника в г. Санкт-Петербурге (в 2010 г. – 355,4 тыс. руб.; в 2009 г. мероприятия не проводились) и Ленинградской области (190 тыс. руб. – в 2009 г., 282,7 тыс. руб. – в 2010 г.); наименьшие – в Тюменской области (53,4 тыс. руб. – в 2009 г., 74,9 тыс. руб. – в 2010 г.) и Республике Ингушетия (86,4 тыс. руб. – в 2009 г., 57,4 тыс. руб. – в 2010 г.). При этом наиболее эффективно средства расходовались в Северо-Кавказском федеральном округе, наименее эффективно – в Сибирском. За период реализации программных мероприятий удалось повысить эффективность (сократить расходы на одного участника) в 21 субъекте РФ. Однако в северокавказских регионах, при неблагоприятной конъюнктуре рынка их труда, мероприятиями было охвачено наименьшее количество участников.

Среди регионов Северо-Западного федерального округа наибольшее количество безработных за два года реализации программных мероприятий (3340 человек) наблюдалось в Вологодской области, вторую позицию заняла Псковская (3244 человека). Данный показатель и показатель расходов на одного участника не имеют значимой корреляционной взаимосвязи с показателями рынка труда – количеством зарегистрированных безработных и количеством безработных, рассчитанным по методологии МОТ, а также численностью занятых в экономике. Число участников мероприятий не связано и с инвестиционным климатом в регионах, представляющим один из индикаторов условий ведения предпринимательской деятельности. Инвестиционный климат оценивался по рейтингу, который разработан экспертным агентством «Эксперт-Ра» и в соответствии с которым все регионы Северо-Запада Рос-

сии в 2009–2010 гг. обладали пониженным или незначительным инвестиционным потенциалом при высоком (или умеренном) инвестиционном риске (исключение составил Санкт-Петербург, охарактеризованный экспертами как территория с высоким потенциалом и умеренным риском) [13]. Кроме того, количество участников и объёмы финансирования также не имели значимой корреляционной взаимосвязи с изменением численности индивидуальных предпринимателей вследствие неблагоприятных последствий экономического кризиса: в Вологодской области число предпринимателей сократилось на 5%, общий объём выручки (с учётом изменения уровня потребительских цен) – на 3%, в то же время охват участников и объёмы финансирования оказались больше, чем во всех остальных регионах Северо-Западного федерального округа. Это указывает на недостаток системности проводимых мероприятий: при определении количества участников не оценивались ни масштабы рынка труда, ни состояние предпринимательской конъюнктуры в регионах. Наиболее эффективно содействие самозанятости осуществлялось в 2009 г. в Республике Коми (88,1 тыс. руб. на одного участника) и Калининградской области (87,3 тыс. руб.); в 2010 году – в Республике Коми (78,9 тыс. руб.) и Новгородской области (96,7 тыс. руб.).

Затраты на одного участника в Вологодской области превысили среднероссийские, при этом эффективность содействия самозанятости за период реализации программы понизилась: если в 2009 г. расходы на одного участника составили 106% от среднероссийского уровня (97,3 тыс. руб.), то к 2010 году – 113% (121,8 тыс. руб.). Вместе с тем благодаря проведённым в области мероприятиям было создано 830 дополнительных рабочих мест (по данному

показателю она заняла вторую позицию среди регионов СЗФО), что является положительным моментом, если учитывать тот факт, что Вологодская область относится к числу территорий, наиболее пострадавших от кризиса.

Ещё одной важной мерой в сфере стабилизации рынка труда служит организация общественных работ, преследующая две социально значимые цели. Это удовлетворение потребностей территорий и организаций в выполнении работ, носящих временный или сезонный характер, и сохранение мотивации к труду у лиц, имеющих длительный перерыв в работе или не имеющих опыта работы [13].

В 2009 г. общая численность участников общественных работ составила 2 434 473 человека, в 2010 г. – 1 328 996 (табл. 4).

Наиболее эффективно общественные работы удалось организовать в Приволжском федеральном округе, где в 2009 г. расходы на одного участника составили 14,5 тыс. руб., в 2010 г. – 11,7. Наименее эффективными оказались данные мероприятия в Дальневосточном федеральном округе (21,8 тыс. руб. соответственно в 2009 г.) и в Северо-Кавказском (16,7 тыс. руб. на одного участника в 2010 г.) федеральных округах.

За исследуемый период наблюдалось сокращение расходов на одного участника

Таблица 4. Расходы на участников мероприятий по организации общественных работ, временного трудоустройства работников, находящихся под угрозой увольнения, а также граждан, признанных в установленном порядке безработными, и граждан, ищущих работу*

Территория	Фактическая численность участников, чел.		Расходы на одного участника			
			Тыс. руб.		% от среднероссийского уровня	
	2009 г.	2010 г.	2009 г.	2010 г.	2009 г.	2010 г.
<i>Российская Федерация и федеральные округа</i>						
Приволжский	930249	551873	14,5	11,7	88,6	90,4
Уральский	277730	159068	16,7	12,9	102	99,5
Южный	192384	46225	18,1	13,3	110,4	102,5
Центральный	503905	268592	16,9	13,4	103	103,1
Сибирский	303449	169417	19,2	15,1	117,2	116,6
Северо-Западный	149389	68410	17,1	15,5	104,4	119,2
Дальневосточный	77367	39160	21,8	15,8	132,9	121,6
Северо-Кавказский	-	26251	-	16,7	-	129
Российская Федерация	2434473	1328996	16,4	13,0	100	100
<i>Субъекты Северо-Западного федерального округа</i>						
Ленинградская область	6985	5333	12,9	11,8	78,7	91
Калининградская область	25295	5202	20,1	12,1	123	93,3
Новгородская область	9344	5292	18,6	13,1	113,5	100,9
Архангельская область	7482	2571	14,4	13,4	88,1	103,1
Республика Коми	5379	6574	17,1	13,8	104,5	106
Республика Карелия	10073	3388	22,4	14,1	136,9	108,6
Мурманская область	3796	3568	18,9	15,6	115,1	120,2
Псковская область	13464	7614	18,3	15,8	111,7	122
Санкт-Петербург	13287	5397	18,7	18,0	114,1	138,4
Вологодская область	54284	23471	15,4	18,7	93,8	143,9
* Территории проранжированы по расходам на одного участника в 2010 г. Источники: [15], расчёты автора						

общественных работ: на 20% – в среднем по России, на 10–30% – по федеральным округам. В десяти регионах данный показатель возрос, в остальных снизился – от 2% в Чукотском автономном округе до 50% в Омской области.

Среди регионов Северо-Запада страны в 2009 г. наиболее эффективной в этом плане оказалась Ленинградская область, наименее эффективными – Республика Карелия (22,4 тыс. руб. на одного участника) и Вологодская область (18,7 тыс. руб.). Наибольшее количество участников общественных работ выявлено в Вологодской области – 77 755 человек. Данный показатель не имеет значимой корреляционной связи с численностью безработных, а также с его изменением за рассматриваемый период. При этом если в 2009 г. Вологодская область занимала третью позицию по эффективности (после Ленинградской и Архангельской областей), расходуя на одного работника 15,4 тыс. руб., то в 2010 году – последнюю позицию. Причём она вошла в число регионов, на которых эффективность организации общественных работ понизилась – в 2010 г. расходы на одного участника в регионе составили 121% от уровня 2009 года. Затраты на одного участника общественных работ в регионах России не коррелируют с уровнем цен и, таким образом, могут быть определены потребностями территорий в осуществлении общественно полезных работ и особенностями организации данных мероприятий. Несмотря на высокие затраты на одного участника, организация общественных работ в Вологодской области по сравнению с другими регионами СЗФО наиболее доступна для населения, что является значимой характеристикой для антикризисной меры.

Вместе с тем рынок труда регулируется и посредством мероприятий по трудовой

реабилитации инвалидов. Эта проблема актуальна для любого государства, политика занятости которого имеет социальную направленность. Если такие антикризисные механизмы, как организация общественных работ, содействие самозанятости населения, могут иметь циклический характер, то социальная политика в отношении инвалидов должна проводиться вне зависимости от состояния экономической конъюнктуры, поскольку инвалидность, как социальное явление, присутствует всегда и во всех обществах. Вот почему проведение мероприятий по трудовой реабилитации инвалидов не ограничивалось только рамками периода с 2009 по 2010 г., когда влияние экономического кризиса на рынок труда было наиболее велико, а охватывало 2010–2014 годы. Следует отметить, что рассматриваемые мероприятия являются дополнительными и во многом обусловлены тем, как реализуются основные механизмы трудоустройства инвалидов, также присутствующие в каждом субъекте РФ. Большинство исследуемых программных мероприятий реализуются путем возмещения расходов, понесённых работодателями. Увеличение расходов на оборудование рабочих мест означает улучшение условий труда и повышение его производительности, поэтому оно не может однозначно характеризоваться как снижение эффективности затрат.

Следовательно, непосредственными исполнителями, занимающимися оборудованием рабочих мест, выступают организации. Расходы на одного участника зависят ещё и от состояния его здоровья, и характеристик рабочего места (стоимость специального оборудования и программного обеспечения, создание инфраструктуры доступности, изменение интерьера и т.д.). Таким образом, эффективность расходов средств на оборудование рабочих

мест для инвалидов находится в прямой зависимости от состояния их здоровья и инфраструктуры территории. Тем не менее, хотя затраты на одного участника мероприятий увеличиваются, проблема безработицы инвалидов остаётся нерешённой и большинство экономически активных инвалидов оказываются нетрудоустроенными: в 2012 г. было трудоустроено 35% от общего числа российских инвалидов, обратившихся за содействием в органы службы занятости населения.

Как можно отметить, за рассматриваемый период численность участников программ по содействию трудоустройству людей с ограниченными возможностями увеличилась в 3,7 раза (табл. 5).

Во всех субъектах, за исключением Республики Марий Эл, наблюдается значительное увеличение расходов на одного участника мероприятий. В целом по России этот показатель увеличился в 3,3 раза (с 33,6 до 110,6 тыс. руб.). Среди федеральных округов наиболее эффективными в реализации мероприятий по содействию трудоустройству инвалидов оказались: в 2010 г. – Дальневосточный федеральный округ (26,8 тыс. руб. на одного участника), в 2014 г. – Уральский федеральный округ (87,6 тыс. руб.). Наименее эффективными были: в 2010 г. – Сибирский федеральный округ (47,9 тыс. руб. на одного участника), в 2014 г. – Северо-Западный (164,5 тыс. руб.).

Таблица 5. Расходы на участников мероприятий по содействию трудоустройству инвалидов*

Территория	Фактическая численность участников, чел.		Расходы на одного участника			
			Тыс. руб.		% от среднероссийского уровня	
	2010 г.	2014 г.	2010 г.	2014 г.	2010 г.	2014 г.
<i>Российская Федерация и федеральные округа</i>						
Уральский	902	973	32,9	87,6	98,0	79,2
Дальневосточный	284	509	26,8	93,8	79,9	84,8
Сибирский	679	1945	47,9	94,6	142,5	85,6
Южный	54	1497	42,7	99,9	127,1	90,3
Приволжский	1129	3447	29,3	103,4	87,1	93,5
Северо-Кавказский	40	2328	37,7	111,4	112,2	100,7
Центральный	548	3317	29,8	129,4	88,7	117,0
Северо-Западный	373	991	32,1	164,5	95,5	148,7
Российская Федерация	4009	15007	33,6	110,6	100	100
<i>Субъекты Северо-Западного федерального округа</i>						
Республика Карелия	3	64	26,3	86,2	78,3	77,9
Республика Коми	7	100	16,5	98,1	49,2	88,7
Калининградская область	22	99	40,6	105,5	120,7	95,4
Архангельская область	48	84	36,0	105,7	107,3	95,5
Новгородская область	3	94	0	106,4	0	96,2
Вологодская область	113	213	37,3	108	111	97,6
Ленинградская область	26	181	31,2	109,5	92,9	99
Псковская область	24	71	38,0	113,1	113,2	102,3
Мурманская область	17	36	37,5	124,3	111,6	112,3
Санкт-Петербург	110	49	25,8	1270,7	76,9	1148,9
* Территории проранжированы по расходам на одного участника в 2014 г. Источники: [15], расчёты автора						

Примечательно, что с точки зрения соотношения «затраты – результат» Санкт-Петербург в 2010 г. был наиболее эффективным регионом СЗФО (25,8 тыс. руб. на одного участника), а в 2014 г. – наименее эффективным (1270,7 тыс. руб.). Причины столь высоких затрат в 2014 г. неочевидны и требуют дополнительного исследования.

Лидером по количеству участников программных мероприятий за весь период с 2010 по 2014 г. стала Вологодская область (572 человека). Данный показатель не имеет значимой взаимосвязи с численностью инвалидов в трудоспособном возрасте, однако растущий охват трудоустройством инвалидов свидетельствует о том, что власти региона активизируют социальную направленность своей политики. За рассматриваемый период расходы на одного участника возросли в 2,9 раза – с 37,3 тыс. руб. (111% от среднероссийского уровня) до 108 тыс. руб. (98%).

В 2009–2014 гг. охват участников мероприятий по снижению напряжённости на рынке труда значительно сократился: в Вологодской области – в 287 раз, в целом по России – в 187 раз, в регионах Северо-Западного федерального округа – в 157 раз. Эти процессы объясняются стабилизацией ситуации на рынке труда. Так, в Вологодской области произошло сокращение общей безработицы с 8 до 5,5%, регистрируемой безработицы – с 3,7 до 1,3%, коэффициента напряжённости на рынке труда – с 3,7 до 1,1 ед. Если в 2009 г. на 1000 безработных (согласно методологии МОТ) в Вологодской области приходилось 1113 участников дополнительных мероприятий, то к 2014 г. их число снизилось до трёх. В Российской Федерации этот показатель изменился с 440 до 9 человек, в регионах Северо-Западного федерального округа – с 329 до трёх человек. Превышение числа

участников мероприятий над численностью безработных объясняется тем, что многие управленческие механизмы носили превентивный характер и были ориентированы не только на безработных, но и на работников, находящихся под угрозой увольнения. Оправданность проведения таких мероприятий не вызывает сомнений, поскольку позитивные изменения на рынке труда, обозначенные выше, произошли благодаря не только изменениям в экономической конъюнктуре, но и воздействию управленческих механизмов. Наибольшее влияние государственного управления на функционирование рынка труда наблюдалось в 2009–2010 гг., когда охват участников дополнительными мероприятиями был наибольшим.

При этом затраты на одного участника мероприятий возросли в Вологодской области в 5,8 раза, в Российской Федерации – в 5 раз, в регионах Северо-Западного федерального округа – в 6,7 раза. Объясняется это тем, что с падением роста безработицы структура затрат по дополнительным мероприятиям претерпела значительные изменения. К 2012 г. многие регионы, в числе которых находилась и Вологодская область, осуществляли только меры по содействию занятости инвалидов, а к 2014 г. данная категория мер стала единственной в списке дополнительных мероприятий. Повышение расходов на одного участника мероприятий при сокращении общих расходов и охвата участников говорит о том, что меры государственной поддержки безработных приобретают более адресный характер. Для оценки относительной эффективности мероприятий, проводимых в Вологодской области, было произведено ранговое распределение регионов по величине затрат на одного участника мероприятий.

Зачастую изменение ранговых позиций имело радикальный характер – как в регионах, так и в целом по федеральным округам. Например, Центральный федеральный округ сместился за исследуемый период с первой позиции на седьмую, Дальневосточный – с шестой на вторую. Это можно объяснить различиями в условиях экономического развития территорий и характере проводимых мероприятий (табл. 6).

Эффективность регулирования напряжённости на рынке труда, имеющая неоднородный характер, дифференцирована в зависимости от субъекта Российской Федерации. Эта разнородность объясняется не уровнем цен в регионах, так как ни по одному из мероприятий не было выявлено значимой корреляционной взаимосвязи между их эффективностью и стоимостью

фиксированного набора потребительских товаров и услуг, а в большей степени зависимостью от институциональных особенностей управления территориями и их социально-экономического положения.

При этом позиция Вологодской области в рейтинге эффективности субъектов РФ постепенно снижалась. Так, в 2009 г. она занимала 16 место, в 2010-м – 47, в 2012-м – 59, в 2013-м – 18, в 2014 г. – 61. Хотя затраты на одного участника растут, что косвенно свидетельствует о повышении качества оказания государственных услуг населению, количество участников сокращается, в то время как некоторые проблемы (в частности, проблема трудоустройства инвалидов) остаются нерешёнными. Таким образом, можно говорить об относительном снижении эффективности регулирования рынка труда в Вологодской области.

Таблица 6. Общие расходы на одного участника мероприятий по снижению напряжённости на рынке труда*

Территория	2009 г.		2010 г.		2012 г.		2013 г.		2014 г.	
	тыс. руб.	ранг	тыс. руб.	ранг	тыс. руб.	ранг	тыс. руб.	ранг	тыс. руб.	ранг
<i>Российская Федерация и федеральные округа</i>										
Уральский	18,5	3	19,3	2	35,1	1	47,6	1	82,0	1
Дальневосточный	24,7	6	25,1	5	47,4	4	66,9	5	84,6	2
Сибирский	22,8	5	26,3	6	44,1	3	48,4	2	88,2	3
Южный	27,3	7	26,9	7	42,6	2	56,4	3	88,6	4
Приволжский	18,3	2	19,8	3	49,6	5	67,8	6	92,3	5
Северо-Кавказский	39,4	8	47,2	8	60,5	8	56,5	4	96,6	6
Центральный	18,3	1	17,9	1	53,0	7	186,6	8	115,6	7
Северо-Западный	19,3	4	23,5	4	51,8	6	112,4	7	129,4	8
Российская Федерация	19,8	-	21,7	-	49,8	-	67,2	-	99,1	-
<i>Субъекты Северо-Западного федерального округа</i>										
Республика Карелия	25,1	59	32,9	63	50,3	37	86,4	79	85,1	25
Республика Коми	17,6	19	16,2	10	45,4	17	62,4	20	96,4	44
Калининградская область	19,5	32	30,3	56	46,0	22	73,1	51	96,5	46
Ленинградская область	13,7	4	14,4	4	55,4	62	73,5	52	96,7	49
Новгородская область	22,6	50	20,7	33	51,4	42	67,4	26	97,3	51
Архангельская область	20,2	35	27,9	51	48,3	32	69,4	31	99,4	59
Вологодская область	17,2	16	24,0	47	54,7	59	62,2	18	99,7	61
Псковская область	26,6	62	28,8	54	53,1	49	74,3	60	100,8	79
Мурманская область	28,7	68	27,2	50	59,9	75	80,2	76	111,1	80
г. Санкт-Петербург	17,8	20	21,7	37	-	82	302,1	81	275,9	81
* Территории проранжированы по расходам на одного участника в 2014 г. Источники: [15]; расчёты автора										

Снижение её позиций в рейтинге эффективности сопровождалось институциональными изменениями – созданием специализированного органа – Департамента труда и занятости населения Вологодской области, в полномочия которого входит регулирование социально-трудовых отношений. Это может свидетельствовать о том, что изменения структуры органов государственной власти, занимающихся управлением социально-трудовыми отношениями, не всегда ведут к росту эффективности их работы. К тому же, как необходимо отметить, охват мероприятиями населения в Вологодской области был наибольшим среди всех субъектов Северо-Запада России.

В целях повышения эффективности управления социально-трудовыми отношениями в регионе целесообразно разви-

вать и совершенствовать действующие механизмы управления. Одним из них является ежегодное представление публичных отчётов о работе Департамента труда и занятости Вологодской области в рамках открытых данных. Эта отчётность должна содержать сведения о проведённых мероприятиях и плановых показателях, которых удалось достигнуть.

Как нам видится, в публичную отчётность о деятельности Департамента труда и занятости области было бы целесообразно включить информацию о расходовании средств на реализацию мероприятий по развитию рынка труда. Такое дополнение помогло бы улучшить качество контроля за расходованием денежных средств и, следовательно, повысить эффективность реализуемых мероприятий.

Литература

1. Большой экономический словарь [Текст] / под ред. А.Н. Азрилияна. – 7-е изд., доп. и перераб. – М.: Институт новой экономики, 2008. – С. 1442.
2. Варшавская, Е.Я. Экономически неактивное население России: численность, динамика, характеристики [Текст] / Е.Я. Варшавская, М.Б. Денисенко // Социс. – 2015. – №5. – С. 42-51.
3. Ворошилов, Н.В. Эффективность муниципального управления: сущность и подходы к оценке [Текст] / Н.В. Ворошилов // Проблемы развития территорий. – 2015. – №3 (77). – С. 143-159.
4. Жук, И.Н. Управление [Текст] : словарь-справочник / И.Н. Жук. – М.: Анкил, 2008. – 1024 с.
5. Леонова, Ю. Роль государственной и муниципальной власти в формировании предпосылок и ограничений зарубежного инвестирования [Текст] / Ю. Леонова // Проблемы теории и практики управления. – 2015. – №1. – С. 45-54.
6. Незанятое население и самозанятость в Сибирском регионе [Текст] / Н.М. Воловская, Л.К. Плюснина, А.В. Русина, А.В. Иноземцева // Социс. – 2015. – №5. – С. 52-60.
7. О мероприятиях по реализации государственной социальной политики [Электронный ресурс] : указ Президента Российской Федерации (принят 07.05.2012, №597) // КонсультантПлюс.
8. Об исполнении областного бюджета за 2010 год [Электронный ресурс] : Закон Вологодской области (принят 09.06.2011, №2537-ОЗ) // КонсультантПлюс.
9. Об организации общественных работ в 2009 году [Электронный ресурс] : постановление Правительства Вологодской области (принято 02.12.2008, №2278) // КонсультантПлюс.
10. Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] : указ Президента РФ от 28.06.2007, №825 (утратил силу) // КонсультантПлюс.
11. Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] : указ Президента РФ от 21.08.2012, №1199 // КонсультантПлюс.
12. Об утверждении Положения об организации общественных работ [Электронный ресурс] : постановление Правительства Российской Федерации (принято 14.07.1997, №875) // КонсультантПлюс.

13. Официальный интернет-сайт рейтингового агентства «Эксперт-Ра» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.raexpert.ru/rankingtable>
14. Официальный сайт Агентства труда и занятости населения Красноярского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rabota-enisey.ru/job/selfemp>.
15. Официальный сайт Федеральной службы по труду и занятости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rostrud.ru/rostrud/deyatelnost/?CAT_ID=4557.
16. Панов, А.М. Особенности занятости на малых предприятиях (на примере Вологодской области) [Электронный ресурс] / А.М. Панов // Вопросы территориального развития. – 2015. – №2 (22). – Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/>
17. Румянцева, Е.Е. Новая экономическая энциклопедия [Текст] : словарь-справочник / Е.Е. Румянцева – М.: Инфра-М, 2005. – 724 с.
18. Ускова, Т.В. Проблемы эффективности государственного управления [Текст] / Т.В. Ускова, А.И. Поварова // Сборник научных докладов и сообщений Учёного совета ИСЭРТ РАН. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – Вып. 9. – С. 4-58.
19. David Parmenter. Key Performance Indicators: Developing, Implementing and Using Winning KPI's. – New Jersey, USA: John Wiley & Sons, inc., 2007. – С. 233.

Сведения об авторе

Александр Михайлович Панов – младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, panov_isedt@mail.ru)

Panov A.M.

Effectiveness of Labor Market Regulation in the Region (Case Study of Crisis Response Measures)

Aleksandr Mikhailovich Panov – Research Engineer at the Department of Living Standards and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of SocioEconomic Development of Territories of Russian Academy of Science. 56A, Gorky Street, Vologda, Russia, 160014. E-mail: panov_isedt@mail.ru. Phone: (8172) 59-78-10.

Abstract. The paper analyzes public administration efficiency in the social and labor sphere. It examines main theoretical and methodological approaches to the concept of “administration effectiveness” depending on different criteria such as the status of the managed object, internal effectiveness of management, social effectiveness, achievement of the target values of indicators, the “cost–result” ratio. The author attempts to analyze a relative effectiveness of labor market management in Russia in each of the federal districts and in the regions of the Northwestern Federal District with special attention paid to the situation in the Vologda Oblast. The article gives a general description of the main crisis response measures that Russia’s regions apply in an effort to reduce tensions at their labor markets: proactive training of the workers who are at risk of being dismissed; promotion of self-employment; organization of public works; promotion of employment of persons with disabilities. The effectiveness of these measures is assessed through the cost-effective method, because it is usable and the relevant official statistics is easy to access. On the basis of the data analysis the author presents a rating of relative effectiveness of labor market policy in the federal districts and in the regions of the Northwestern Federal District. The study reveals the following features of anti-crisis regulation of the labor market: significant regional differences in the costs per participant, gradual decrease in the relative effectiveness of labor market regulation, reduction of the list of events, abrupt

changes in the positions of territories in the rating. It is proposed to enhance the monitoring of the program measures aimed to stabilize the situation on the labor market at the regional level. This requires that the information concerning the expenditures on the development of the labor market be included in the public accounting of state authorities that regulate social and labor relations in the Russian Federation subjects.

Key words: administration effectiveness, labor market, crisis response measures, region.

References

1. *Bol'shoi ekonomicheskii slovar'* [The Great Economic Dictionary]. Ed. by A.N. Azriliyan. 7th edition, revised and supplemented. Moscow: Institut novoi ekonomiki, 2008. P. 1442.
2. Varshavskaya E.Ya., Denisenko M.B. Ekonomicheski neaktivnoe naselenie Rossii: chislennost', dinamika, kharakteristiki [Economically Inactive Population in Russia: Size, Dynamics, Characteristics]. *Sotsis* [Sociological Research], 2015, no. 5, pp. 42-51.
3. Voroshilov N.V. Effektivnost' munitsipal'nogo upravleniya: sushchnost' i podkhody k otsenke [Effectiveness of Municipal Administration: the Essence and Approaches to Its Assessment]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], 2015, no. 3 (77), pp. 143-159.
4. Zhuk I.N. *Upravlenie: slovar'-spravochnik* [Management: Dictionary and Reference Book]. Moscow: Ankil, 2008. 1024 p.
5. Leonova Yu. Rol' gosudarstvennoi i munitsipal'noi vlasti v formirovanii predposylok i ogranichenii zarubezhnogo investirovaniya [The Role of State and Municipal Authorities in the Formation of Prerequisites and Limitations for Foreign Investment]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Issues of Management Theory and Practice], 2015, no. 1, pp. 45-54.
6. Volovskaya N.M., Plyusnina L.K., Rusina A.V., Inozemtseva A.V. Nezanyatoe naselenie i samozanyatost' v Sibirskom regione [Unemployed Population and Employment in the Siberian Region]. *Sotsis* [Sociological Research], 2015, no. 5, pp. 52-60.
7. O meropriyatiyakh po realizatsii gosudarstvennoi sotsial'noi politiki: Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii (prinyat 07.05.2012 № 597) [About the Measures for the Implementation of State Social Policy: Decree of the President of the Russian Federation (Adopted on May 07, 2012, No. 597)]. *Konsul'tantPlyus* [Reference-Legal System ConsultantPlus].
8. Ob ispolnenii oblastnogo byudzheta za 2010 god: Zakon Vologodskoi oblasti (prinyat 09.06.2011 № 2537-OZ) [On Execution of the Regional Budget for 2010: Law of the Vologda Oblast (Adopted on June 09, 2011, No. 2537-OZ)]. *Konsul'tantPlyus* [Reference-Legal System ConsultantPlus].
9. Ob organizatsii obshchestvennykh rabot v 2009 godu: postanovlenie Pravitel'stva Vologodskoi oblasti (prinyato 2 dekabrya 2008 goda, № 2278) [On the Organization of Public Works in 2009: Resolution of the Vologda Oblast Government (Adopted on December 02, 2008, No. 2278)]. *Konsul'tantPlyus* [Reference-Legal System ConsultantPlus].
10. Ob otsenke effektivnosti deyatel'nosti organov ispolnitel'noi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii: ukaz Prezidenta RF ot 28.06.2007 № 825 (utratil silu) [On the Assessment of Performance Efficiency of Executive Authorities of the Russian Federation Subjects: Decree of the President of the Russian Federation of June 28, 2007 No. 825 (Repealed)]. *Konsul'tantPlyus* [Reference-Legal System ConsultantPlus].
11. Ob otsenke effektivnosti deyatel'nosti organov ispolnitel'noi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii: ukaz Prezidenta RF ot 21.08.2012 № 1199 [On the Assessment of Performance Efficiency of Executive Authorities of the Russian Federation Subjects: Decree of the President of the Russian Federation of August 21, 2012 No. 1199]. *Konsul'tantPlyus* [Reference-Legal System ConsultantPlus].
12. Ob utverzhenii Polozheniya ob organizatsii obshchestvennykh rabot: postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii (prinyato 14 iyulya 1997 goda, № 875) [On the Approval of the Regulations on the Organization of Public Works: Resolution of the Government of the Russian Federation (Adopted on July 14, 1997, No. 875)]. *Konsul'tantPlyus* [Reference-Legal System ConsultantPlus].
13. *Ofitsial'nyi internet-sait reitingovogo agentstva "Ekspert-Ra"* [Official Website of Expert RA Rating Agency]. Available at: <http://www.raexpert.ru/rankingtable>
14. *Ofitsial'nyi sait Agentstva truda i zanyatosti naseleniya Krasnoyarskogo kraya* [Official Website of the Krasnoyarsk Krai Agency for Labor and Employment]. Available at: <http://www.rabota-enisey.ru/job/selfemp>

15. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby po trudu i zanyatosti* [Official Website of the Federal Service for Labor and Employment]. Available at: http://www.rostrud.ru/rostrud/deyatelnost/?CAT_ID=4557.
16. Panov A.M. Osobennosti zanyatosti na malykh predpriyatiyakh (na primere Vologodskoi oblasti) [Features of Employment at Small Enterprises (Case Study of the Vologda Oblast)]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial Development Issues], 2015, no. 2 (22). Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/>
17. Rumyantseva E.E. *Novaya ekonomicheskaya entsiklopediya: slovar'-spravochnik* [New Economic Encyclopedia: Dictionary and Reference Book]. Moscow: Infra-M, 2005. 724 p.
18. Uskova T.V., Povarova A.I. Problemy effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya [Public Administration Efficiency Issues]. *Sbornik nauchnykh dokladov i soobshchenii Uchenogo soveta ISERT RAN* [Collection of Scientific Reports of ISEDT RAS Academic Council]. Vologda: ISERT RAN, 2014. Vol. 9. Pp. 4-58.
19. Parmenter D. *Key Performance Indicators: Developing, Implementing and Using Winning KPI's*. New Jersey: John Wiley & Sons, inc., 2007. P. 233.

Свободный порт Владивосток: условия развития, перспективы, риски

**Елена Викторовна
КРАСОВА**

кандидат экономических наук, доцент
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
690000, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41
elena_krasova@rambler.ru

Ма Инсинь

кандидат философских наук
Университет Дэчжоу
Китайская Народная Республика, провинция Шаньдун
1477089196@qq.com

Аннотация. Одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации по развитию территорий является развитие Дальневосточного региона. Свободный порт Владивосток (СПВ) является одним из ключевых проектов, реализуемых в настоящее время в южном Приморье и направленных на ускоренное социально-экономическое развитие города Владивостока, Приморского края и Дальневосточного региона в целом. Цель настоящего исследования – рассмотреть концептуальные вопросы функционирования свободного порта Владивосток, обозначить условия и перспективы, а также выявить риски, связанные с его дальнейшим развитием. В статье определено современное понятие свободного порта, охарактеризован исторический опыт введения режима порто-франко во Владивостоке в конце XIX века, обоснована актуальность и стратегическая целесообразность использования свободного порта Владивосток как инструмента интенсивного экономического роста дальневосточных территорий. Раскрыта также сущность СПВ как формы поддержки свободного предпринимательства, применяемой с целью роста грузооборота через Владивостокский порт, наращивания внешнеторговых операций, привлечения новых инвестиций, создания новых производств и комплексного развития порто-

вой инфраструктуры. Дан обзор основных льгот по налогообложению и освещены перспективы развития СПВ с точки зрения формирования валового регионального продукта. Анализируя механизмы эффективного функционирования СПВ, авторы выделяют краткосрочные (средне-срочные) и долгосрочные приоритеты и риски деятельности СПВ. В статье также затронут вопрос об ответной реакции некоторых зарубежных стран на введение режима СПВ.

Ключевые слова: Свободный порт Владивосток; таможенный режим, портовая инфраструктура, налоговые льготы, экономика Приморского края, интеграция в АТР, поддержка предпринимательства, привлечение инвестиций, валовой региональный продукт.

С 12 октября 2015 г. вступил в силу закон № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» [11], главной целью реализации которого является ускорение социально-экономического развития Дальневосточного региона. В настоящее время функционирование свободного порта Владивосток (СПВ), равно как и территорий опережающего развития, является определяющим вектором региональной социально-экономической стратегии. Географическое положение, техническая и экономическая инфраструктура современного порта Владивосток рассматривается как главный элемент осуществления Приморским краем международной транспортно-транзитной функции и используется как основа для включения России в международное экономическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Владивосток вместе с другими приморскими портами служит для России воротами в Азию, поэтому не будет преувеличением сказать, что в современную эпоху экономического сближения стран и усиления международной интеграции именно южное Приморье становится главным центром освоения дальневосточных территорий. И сейчас, и в будущем Владивосток представляется как центр международного экономического, научно-инновационного и культурного сотрудничества, как очаг социально-экономической активности, как точка роста с огромным потенциалом развития, реа-

лизации которого в полной мере способствует режим свободного порта. В связи с этим особую актуальность имеет целый ряд вопросов, связанных с интенсивностью и эффективностью происходящей экономической интеграции свободного порта Владивосток в АТР, разработкой и совершенствованием механизмов эффективного функционирования СПВ, а также основными рисками, с которыми сейчас сталкиваются и будут сталкиваться резиденты свободного порта.

Понятие «свободный порт» появилось благодаря итальянскому термину «порто-франко» (*porto franco*), который исторически означал морскую гавань с правом беспошлинного ввоза иностранных товаров. Данный термин прочно вошел в экономический лексикон в связи с тем, что первые свободные порты были открыты именно в Италии в XVI веке. В настоящее время свободные порты выступают одним из видов свободных экономических зон, представляя собой специально выделенные портовые территории со льготными таможенным, налоговым, валютным режимами, которые стимулируют приток иностранного капитала, развитие совместных производств, экспортно-импортных операций и т.д. Конечной целью функционирования свободного порта является развитие экономики прилегающей к порту территории за счет реализации ее резко возрастающего внешнеторгового и инвестиционного потенциалов.

Россия имеет опыт создания и функционирования свободных портовых зон: с 1819 по 1859 г. режим порто-франко действовал в г. Одессе, с 1828 по 1838 г. — на Камчатке. В 1856 году право беспошлинной торговли было введено в Николаевске-на-Амуре, позже распространено на Владивосток, Посыет и другие порты Приморской области. В 1860—1862 годах была разрешена двусторонняя беспошлинная торговля по сухопутной границе с Китаем всеми товарами, кроме чая и хлебных вин. Фактически вплоть до начала XX века право беспошлинной торговли, установившееся на всей территории Дальнего Востока России, после некоторых колебаний было отменено в 1909 г. [7, с. 459—450].

История 150-летней давности наглядно показывает, как много статус свободного порта дал региону, освоение которого происходило в условиях оторванности от основной части страны, отсутствия капитала, низкого качества жизни, бытовой и административной неустроенности. По оценке специалистов, вторая половина XIX в. для Дальнего Востока России прошла под знаком развития иностранной торговли. Объем только американского экспорта, осуществлявшегося через порты Тихого океана, за период 1866—1881 гг. возрос с 3,3 до 207,1 тыс. долл., или в 63 раза. Общий объем грузооборота города Владивостока за период 1883—1899 гг. увеличился с 47,8 тыс. тонн до 333,3 тыс. тонн, или в 7 раз. Судя по отчетам различных должностных лиц Приамурского края, американские сельскохозяйственные машины продавались крестьянам на льготных условиях, а многие привозные изделия были дешевле и качественнее, чем производившееся на местах отечественные или, например, забайкальские. По оценке современников, «такая торгово-снабженческая деятельность приносила несомненную пользу Дальнему Вос-

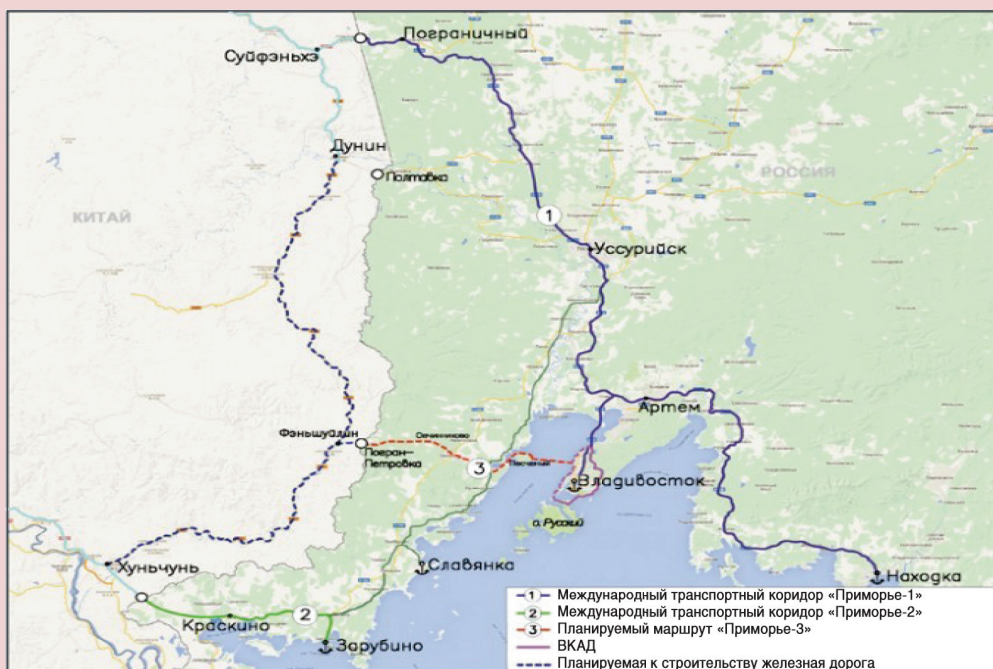
току» [4]. И в прошлом, и сейчас свободный порт Владивосток — это своеобразное окно, открывающееся в Азию навстречу большим возможностям развития свободной международной торговли. Достаточно вспомнить, что крупнейшие порты мира — Гонконг, Сингапур — стали таковыми благодаря режиму свободной беспошлинной торговли и имеют лучшие в мире практики развития портового хозяйства.

Свободный порт Владивосток сегодня — это территория с особым статусом, в которую входят пятнадцать муниципальных образований южного Приморья, расположенных вдоль границы с Китаем, Северной Кореей и вдоль берега Японского моря. Непосредственная зона действия свободного порта занимает 28,4 тыс. кв. м, на которой проживает 1,4 млн. человек, что составляет более 20% населения Дальнего Востока России.

Географически территория СПВ является центром международных транспортных коридоров «Приморье—1», «Приморье—2» и планируемого маршрута «Приморье—3», которые соединяют ключевые пункты южного Приморья и приграничный Китай (рис. 1), что дает очевидные стратегические преимущества для России.

Территория вокруг Владивостока отделяет от моря значительную часть Китая — провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и Внутреннюю Монголию — с общим населением 90 млн. человек и объемом производства 750 млрд. долл. В настоящее время производимая в этих провинциях продукция доставляется в порты Дальнянь или Инкоу и грузится на суда в 1100—2300 км от мест производства. По мнению директора Центра исследований постиндустриального общества Владислава Иноземцева, порт в южной части Приморья, соединенный с КНР железной и автомобильной дорогами, мог бы стать крайне привлекательным для ки-

Рисунок 1. Свободный порт Владивосток и главные международные транспортные коридоры Приморского края

Источник: фотография из презентации проекта международного транспортного коридора «Приморье-3» [Эл. рес.]. – Пресс-служба администрации г. Владивостока. – Реж. дост.: <http://primamedia.ru/news/economics/28.08.2015/458123/>

тайских компаний. Отгрузив товар на заводе-изготовителе, его можно было бы доставить к судну за несколько часов и отправить на экспорт без таможенных формальностей. Спрос на такую перевалку составил бы 150–200 млн. тонн в год, или более четверти всей мощности российских портов. Расширение зоны за счет промышленных парков привело бы к локализации производства и созданию десятков тысяч рабочих мест [1]. Таким образом, транзитная обработка грузов из северо-восточного Китая в Россию и из России в северо-восточный Китай через порт Владивосток – это первый этап функционирования СПВ, результаты которого можно будет ощутить уже в краткосрочной перспективе в виде роста грузооборота и расширения деятельности российских транспортных компаний. В долгосрочном периоде это проявится в

создании в Приморье интегрированной макрорегиональной системы мультимодальных перевозок, основанной на принципиально новом – мировом – уровне развития портового хозяйства, железнодорожной и автомобильной инфраструктуры.

Развитие восточно-китайского направления транзита грузов через СПВ позволит активно развивать связи восточного Китая не только с Россией, но и с южным Китаем, и с другими азиатскими странами, прежде всего с Японией и обеими Кореями. Несмотря на наличие в Китае разветвленной сети железных и автомобильных дорог, китайские грузы можно удобно, дешево и быстро перевозить морским путем по Японскому и Восточно-Китайскому морю – из Владивостока в какой-либо из многочисленных китайских портов. Кроме того, развитие СПВ синхронизируется с разви-

тием Северного морского пути и в будущем органично свяжет торговлю стран АТР и Европы. Все это существенно расширит логистические возможности южного Приморья, часть территории которого, напоминающая неровный треугольник (см. рис. 1), является на сегодняшний день одной из самых перспективных международных торговых зон в Северо-Восточной Азии.

Главной задачей СПВ как инструмента эффективного развития территории является установление особых мер государственной поддержки предпринимательской деятельности с целью первоочередного развития экспортно-импортных операций субъектов внешнеэкономической деятельности (ВЭД) и наращивания товарооборота, проходящего через российские восточные порты. Это неизбежно повлечет за собой новые инвестиции как от отечественных, так и иностранных субъектов ВЭД и комплексное развитие портовой инфраструктуры: транспортной, энергетической, коммунальной, инженерной, социальной, инновационной и иной. Другими словами, СПВ является базой для привлечения дополнительных инвестиций, разработки и реализации новых экономических проектов, развития новых производств. Финансовая нагрузка по созданию портовой инфраструктуры будет распределяться между бюджетными и внебюджетными источниками с применением механизмов государственно-частного партнерства. Такой механизм выгодно отличает свободный порт от других проектов, профинансированных главным образом федеральным бюджетом, так как позволяет смягчить, оптимизировать финансовую нагрузку и эффективнее контролировать целевое использование выделяемых средств.

Особые меры государственной поддержки предоставляются резидентам СПВ – хозяйствующим субъектам, регистриру-

ющимся в установленном порядке, создающим новые производства либо реализующим новые проекты, а также готовым осуществить за три года работы инвестиции в производство и в развитие портовой инфраструктуры в размере не менее 5 млн. рублей. Следует заметить, что первым резидентом свободного порта Владивосток стала Тихоокеанская инвестиционная компания, планирующая выделить порядка 5 млрд. руб. для строительства в поселке Славянка Хасанского района Приморского края пятизвездочной гостиницы [14]. На сегодняшний день для резидентов предусмотрены в основном льготы и преференции в части налогообложения (табл. 1).

Налоговая политика государства является одним из главных факторов, оказывающих влияние на формирование благоприятной предпринимательской среды, поэтому снижение фискальной нагрузки для резидентов свободного порта Владивосток создает возможности получения дополнительных доходов [3, с. 84]. Так, снижение налоговой нагрузки на фонд оплаты труда и создание большого количества новых рабочих мест будет способствовать росту средней заработной платы и повышению общего уровня благосостояния граждан. Дополнительные налоговые поступления с доходов физических лиц увеличат доходную часть городского и краевого бюджетов и позволят реализовать проекты, связанные с развитием социальной сферы и социально-экономической инфраструктуры города.

Предприниматели свободного порта смогут использовать не только ощутимые налоговые льготы, но и преимущества свободной таможенной зоны, а также отсутствие ограничений на привлечение иностранной рабочей силы и ряд отраслевых преференций.

Таблица 1. Льготы и преференции для резидентов СПВ

Льготы и преференции	Меры государственной поддержки
Льготы по налогу на прибыль организаций	Федеральная часть – ставка – 0% на 5 лет; Региональная часть – ставка – 5% на 5 лет, последующие 5 лет – не менее 10%, федеральная часть – не менее 2%, упрощенное возмещение НДС – 10 дней
Пониженные тарифы отчислений во внебюджетные фонды	В течение 10 лет общий размер взносов 7,6%
Свободная таможенная зона	Беспошлинный и безналоговый: ввоз, хранение, потребление (использование) иностранных товаров; ввоз товаров (оборудования); ввоз иностранных товаров (оборудования); вывоз иностранных товаров (оборудования)
Наем иностранных работников	Наем иностранных работников без учета квот
Упорядоченный государственный и муниципальный контроль (надзор)	Совместные проверки, сокращенное время проведения контрольных и надзорных проверок, согласование проверок с Минвостокразвития
Упрощение и ускорение таможенного контроля	Режим единого окна при прохождении контроля на границе, круглосуточный режим работы пунктов пропуска
Особые правила для отдельных видов деятельности	Медицинская деятельность; образовательная деятельность; аквакультура (рыбоводство), рыболовство и сохранение водных биологических ресурсов

Таблица 2. Налоговая нагрузка резидентов СПВ, руб. на рубль выручки

Показатель	2015 г.	2016–2020 гг.	2021–2025 гг.	С 2026 г. и далее
Налог на прибыль организаций	0,05	0,02	0,03	0,05
НДС	0,13	0,13	0,13	0,13
Отчисления во внебюджетные фонды	0,07	0,02	0,02	0,07
Налог на имущество организации	0,01	0,00	0,00	0,00
Земельный налог	0,004	0,00	0,00	0,00
Итого налоговых платежей и платежей во внебюджетные фонды	0,26	0,16	0,17	0,24
Сумма снижения налоговой нагрузки	-	0,10	0,09	0,02

Льготы по налогу на прибыль организаций и отчислениям во внебюджетные фонды начинают действовать с 01.01.2016 г. В таблице 2 представлены ставки налогов для резидентов СПВ с учетом предоставляемых льгот в условном расчете на 1 рубль выручки. За 2015 год приведены действующие платежи, в последующих периодах представлены расчеты с учетом льгот и преференций. Как видно из данных таблицы, в первые пять лет функционирования СПВ экономия на налогах составит 10 копеек с каждого рубля полученной выручки, в последующие 5 лет – 9 копеек.

По мнению разработчиков законопроекта «О свободном порте Владивосток», в состав которых вошли эксперты администраций Владивостока и Приморского края, Минвостокразвития и представители бизнеса, в результате реализации СПВ валовой региональный продукт Приморского края может составить к 2021 г. 1,106 трлн. руб. (рост в 1,7 раза к 2015 г.), к 2025 г. – 1,402 трлн. руб. (рост в 2,2 раза к 2015 г.), к 2034 г. – 2,157 трлн. руб. (рост в 3,4 раза к 2015 г.). Количество созданных рабочих мест может достигнуть 84,7 тыс. чел. к 2021 г., 108 тыс. – к 2025 г., 468,5 тыс. чел. – к 2034 г.

Прирост ВРП Дальневосточного федерального округа в целом к 2025 г. может составить 1,97 трлн. руб. [8]. По словам мэра Владивостока И.С. Пушкарева, вполне ожидаемо утроение ВРП Приморского края за ближайшие 10 лет, что соответствует приросту на 34% в масштабах всего Дальневосточного федерального округа [5]. Предполагается, что прирост продукции будет достигнут как за счет наращивания объема транспортно-логистических операций, так и за счет создания перерабатывающих, наукоемких производств, а также роста объема образовательных и медицинских услуг.

Анализируя закон № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток», можно сказать, что экономическое содержание СПВ выходит за пределы классического определения свободного порта и предусматривает формирование особой экономической зоны, характеризующейся комплексным развитием инфраструктуры региона и высокой степенью международной интеграции. Цели и задачи СПВ соответствуют концепции ускоренного развития Дальневосточного региона и укрепления экономических и геополитических позиций России в Азии и во многом перекликаются с ориентирами Стратегии развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 года [9], дополняя и углубляя последнюю. Для выработки механизма эффективного функционирования СПВ целесообразно выделить краткосрочные (среднесрочные) и долгосрочные целевые ориентиры его деятельности. В частности, **к краткосрочным и среднесрочным приоритетам** деятельности СПВ следует отнести *поддержку предпринимательства и развитие международной торговли*, что включает в себя:

1. Повышение загруженности существующих мощностей порта Владивосток. В настоящее время доля его незадействованных мощностей составляет 44,4% [9].

Для эффективной деятельности порта необходимо увеличить его загрузку минимум до 80%.

2. Техничко-технологическую модернизацию портовых мощностей с целью увеличения их производительности и повышения их пропускной способности, а также увеличение мощностей основных транспортных узлов южного Приморья [12, с. 434].

3. Углубление специализации транспортных узлов Приморского портового комплекса, развитие на базе Владивостокского порта контейнерных перевозок как наиболее актуального, безопасного и экономически выгодного способа морской транспортировки грузов. Так, доля контейнерных перевозок в общем объеме мирового грузооборота занимает более 60%, а контейнеризация генеральных грузов в мировой практике достигает практически 100%. Общемировой ежегодный рост объема контейнерных перевозок составляет около 10%, и такая положительная динамика будет только нарастать [9; 12, с. 435].

4. Развитие взаимодействия порта с автомобильными и железнодорожными подходами, увеличение пропускной способности последних. Следует учитывать, что автомобильный транспорт является основным видом транспорта, которым вывозятся грузы из российских портов (более 60% грузов по отправке), и Владивосток находится в числе городов, наряду с Санкт-Петербургом и Новороссийском, для которых особенно характерна проблема взаимодействия морских портов и подходов к ним [9].

5. Обеспечение тарифной и налоговой привлекательности порта Владивосток и, как следствие, снижение стоимости перевозок и сопутствующих транспортных услуг для хозяйствующих субъектов – субъектов ВЭД.

6. Улучшение технологических характеристик портовой деятельности, а именно сокращение времени простоя судна в порту, растаможивания груза и т.д.

7. Упрощение и ускорение таможенных процедур, работа с таможенными службами в режиме «единого окна», а также либерализация визового режима для прибывающих физических лиц и особенно для предпринимателей.

8. Достижение сбалансированности темпов прироста портовых мощностей и объемов транспортировки грузов. Предполагается, что развитие инфраструктуры порта будет идти параллельно с наращиванием грузооборота и явится, по сути, адекватным ответом на возросший спрос на транспортные услуги со стороны субъектов ВЭД.

Приоритетом деятельности СПВ в **долгосрочной перспективе** является *повышение конкурентоспособности города Владивостока и всего региона за счет развития портовой зоны южного Приморья*, что включает в себя:

1) обеспечение эффективного развития портовой инфраструктуры южного Приморья, повышение конкурентоспособности порта Владивосток до уровня других ведущих портов Азиатско-Тихоокеанского региона;

2) повышение роли портов южного Приморья в обеспечении транзитного потенциала России в АТР, увеличение транзитных грузопотоков и, как следствие, переключение части внешнеторговых потоков АТР на приморские порты;

3) создание новых рабочих мест, рост доходов субъектов ВЭД, повышение уровня заработной платы;

4) рост возможностей для реализации других проектов ускоренного развития Приморского края и Дальневосточного региона, в частности развития туризма, добывающей и обрабатывающей промышлен-

ности, гостиничного бизнеса, различных видов обслуживания и т.д. и, как следствие, создания расширенных зон инновационного развития — ключевых точек роста долгосрочного развития [6];

5) применение новых организационных механизмов государственного управления портовой инфраструктурой, в том числе института государственно-частного партнерства (ПОЭЗ, концессии, управляющие компании, технологические платформы и территориальные кластеры, т.д.) и, как следствие, повышение эффективности государственного управления портовой деятельностью.

Как результаты функционирования свободного порта Владивосток на макроэкономическом уровне, которые качественно улучшат экономический облик дальневосточных территорий, можно обозначить:

1) создание в Приморье на базе Владивостокского порта современного международного транспортно-логистического комплекса [12, с. 434];

2) создание и развитие современных высокотехнологичных производств с целью выпуска в южном Приморье продукции, конкурентоспособной на рынке стран АТР как по качеству, так и по цене;

3) обеспечение устойчивого потока всех видов доходов на территорию Владивостока и Приморского края в целом;

4) ускорение социально-экономического развития Владивостока и повышение уровня жизни населения Приморья в целом, что, в свою очередь, будет способствовать закреплению постоянного населения, росту миграционной привлекательности, расширению Владивостокской агломерации и улучшению общей социально-демографической обстановки.

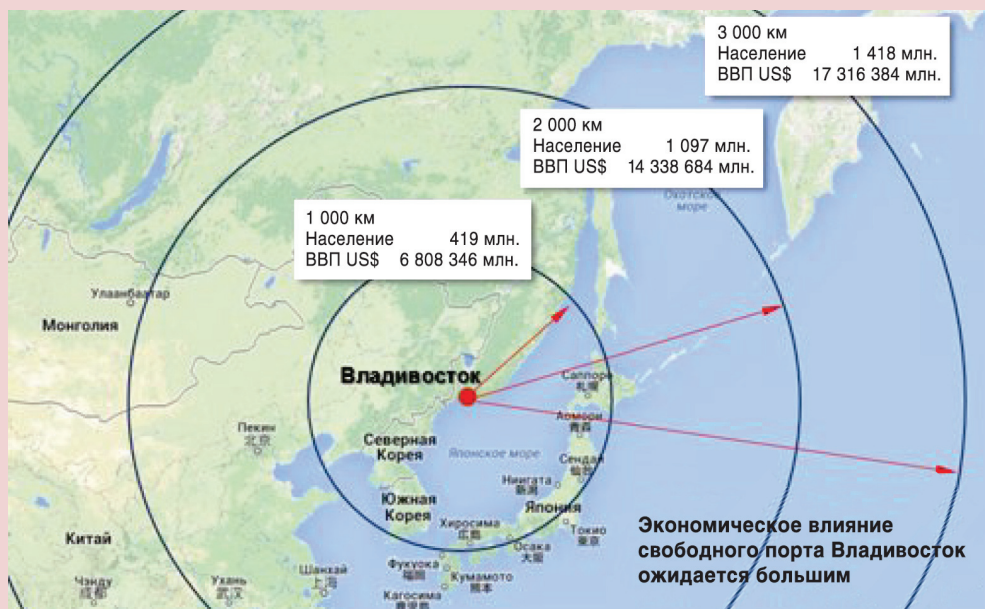
Механизмом реализации приоритетных направлений развития СПВ является использование географических и экономи-

ческих преимуществ Приморского края для интеграции в азиатское экономическое пространство за счет развития международной торговли со странами АТР и органичного встраивания СПВ в азиатский рынок. *Рисунок 2* наглядно показывает, что в радиусе 1000 км от Владивостока живет более 400 миллионов человек, а реализуемый производственный потенциал указанной территории составляет около 7 трлн. долл. Для того чтобы определить, много это или мало, достаточно заметить, что в радиусе 1000 км от Москвы проживает менее 100 миллионов человек. В радиусе 2000 км от Владивостока проживает 1,1 миллиарда человек, а производственный потенциал равен 14,3 трлн. долл. В радиусе 3000 км производственный потенциал достигает значения в 17,3 трлн. долл., что составляет 16% от мирового значения ВВП в 2014 г. Геоэкономическую роль порта Владивосток трудно переоценить: при-

лежащие территории – это колоссальный рынок сбыта для собственной продукции, огромные возможности развития транспортно-логистического комплекса и создания комплексной инновационной экономики на базе привлечения отечественных и иностранных инвестиций.

Преимущества экономического развития, которые дает СПВ, а также проблемы, возникающие в результате его функционирования, активно обсуждаемые в научных и политических кругах различного уровня, являются сегодня едва ли не самой популярной темой для дискуссий. Страны-соседи России по АТР уже выразили свою реакцию на введение режима свободного порта на юге Дальнего Востока России. Среди ответных шагов есть как контрмеры с целью усилить конкуренцию, так и глубокая заинтересованность в развитии партнерства и сотрудничества. В частности, первым ответным шагом Китая ста-

Рисунок 2. Географические зоны экономического влияния свободного порта Владивосток

Источник: фотография из материалов делового еженедельника «Конкурент» [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://konkurent.ru/ekonomika/690-sotvorenie-porta.html>

ло введение с 1 мая 2015 г. упрощенного таможенного режима на приграничных с Россией территориях, включающих Харбин, Дялян, Шэньян, Чанчунь, Хух-Хото и Маньчжурию, а также предоставление дополнительных прав занятым во внешнеэкономической деятельности компаниям. Далее от китайской стороны последовал ряд предложений по развитию партнерства в рамках свободного порта, в частности по формированию логистического хаба интернет-торговли, строительства скоростной железной дороги между Суйфэньхэ и Владивостоком, созданию совместных предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, развитию инновационных технологий, горнорудной промышленности, медицины, туризма и некоторых других областей. Китайское правительство и бизнес заявляют о продолжении проводимой в настоящее время политики выхода на российские рынки и поиска новых источников дефицитных сырья и материалов [13, с. 19].

Достаточно позитивно отметили факт создания свободного порта Владивосток в Республике Корея и Республике Вьетнам. Корейская сторона готова поделиться с Россией опытом формирования и развития свободных экономических зон, которые существуют в каждой из восьми южнокорейских провинций. В качестве первых проектов на основе СПВ, заявленных корейской стороной, можно отметить строительство завода по переработке водных биологических ресурсов с минимальным объемом инвестиций 10 млн. долл., открытие медицинских центров на территории Владивостока для оказания высокотехнологичных медицинских услуг. О социальной значимости российско-корейских медицинских проектов упомянул в своем интервью мэр Владивостока И.С. Пушкарев: «Если мы позволим качественным и ультрасовремен-

ным технологиям прийти во Владивосток, мы не только в два раза снизим стоимость этих услуг (на цену перелета и проживания в Корее), но и дадим нашему населению выбор: лечиться по страховому полису по нашим стандартам или за совсем другие деньги, но по южнокорейским стандартам... Подобным решением мы не нанесем вреда отечественной медицине, наоборот, мы создадим условия для обмена технологиями, для повышения квалификации наших врачей» [5].

Социалистическая Республика Вьетнам является давним партнером России, и в частности Приморского края, во многих отраслях экономической деятельности. По словам заместителя генерального консула Вьетнама по экономическим вопросам г-на Чинь Суан Хиеу, вьетнамский бизнес и вьетнамская общественность с интересом изучают возможности, связанные с появлением свободного порта Владивосток. Вьетнамская сторона считает, что принятый закон о СПВ вместе с договорами о Зоне свободной торговли между Вьетнамом и странами ЕАЭС создают благоприятные условия для развития отношений между Вьетнамом и Россией в целом и на Дальнем Востоке в частности. Планируемый объем товарооборота в 2020 г. составляет 10 млрд. долл., т.е. по сравнению с 2014 и 2015 гг. предполагается рост в 2–2,5 раза. Значительная доля прироста двусторонней торговли придется на внешнеторговые проекты в рамках свободного порта. Наиболее перспективными отраслями для российско-вьетнамского сотрудничества являются энергетика, деревообработка и текстильная промышленность. Большой потенциал имеют также совместное производство продуктов питания, строительство и ремонт, операции с недвижимостью, транспорт [2].

Если преимущества свободного порта очевидны и связаны с большими надеждами на долгосрочное развитие города и края, то недостатки проекта обусловлены в первую очередь сомнениями в реалистичности развития свободной торговли в России. Согласно результатам анализа общественного мнения, наиболее слабыми звеньями в цепи развитии СПВ будут являться следующие.

Во-первых, консерватизм органов государственной власти, высокая степень бюрократизированности системы управления, ставшее традиционным в российской практике административное давление на бизнес. Опыт работы крупнейших портов мира показывает, что основным конкурентным преимуществом любого порта является не столько финансовая доступность его услуг, сколько организационная простота таможенных процедур и операций, небольшое время простоя в порту и т.д. Следует отметить, что нынешнее российское руководство отличается смелостью принимаемых экономических решений и сильной политической волей, однако механизмы реализации этих решений наталкиваются на жесткость, неповоротливость сложившейся административной структуры, несогласованность мнений по поводу тех и иных вопросов, систему запретов, барьеров и чисто российских стандартов в международной деятельности. Для того чтобы преодолеть консерватизм власти, потребуются выработка принципиально новых подходов к управлению, обеспечение высокой динамичности деятельности контролирующих органов за счет новой кадровой политики и политики в области подготовки кадров.

Во-вторых, несоответствие существующей транспортно-логистической инфраструктуры Владивостока и Приморского края требованиям и запросам свободного

порта, отсутствие должным образом подготовленных кадров. Действительно, несмотря на свою важную геополитическую роль, Владивосток и другие российские порты заметно отстают по уровню развития экономической и портовой инфраструктуры от других портов Азии. Но одна из целей свободного порта – привлечение новых инвестиций и формирование на этой основе экономической инфраструктуры продвинутого уровня как локомотива дальнейшего развития территории. В классических случаях создания порто-франко наращивание объемов транспортных операций идет параллельно с развитием портовой инфраструктуры. В этом случае можно ожидать постепенного, но устойчивого результата от функционирования свободного порта.

В-третьих, коррупционные и криминальные риски. К сожалению, Приморье относится к регионам с очень неутешительной статистикой по уровню преступности в экономической сфере. Так, в 2014 г. число коррупционных правонарушений в экономике возросло по сравнению с 2013 г. на 34,4%, из них наибольшую долю занимают нарушения в таких сферах, как государственные закупки, осуществление госконтроля, использование государственного (муниципального) имущества, землепользование и бюджетное законодательство. Данные за текущий, 2015 год также подтверждают рост числа правонарушений, связанных со взяточничеством, подкупами и служебными подлогами, в том числе в таможенной сфере и сфере внешнеэкономической деятельности. По мнению специалистов, в процессе развития свободного порта органам власти всех уровней необходимо консолидировать усилия для минимизации криминально-коррупционных рисков, которые могут снизить макроэкономический эффект СПВ [10, с. 84-85].

В-четвертых, угроза неконтролируемого вывоза ресурсов с территории России. Дальнейшее развитие и законодательного, и организационного механизма функционирования свободного порта должно предусматривать не только и не столько развитие экспортоориентированной сырьевой деятельности, сколько условий и возможностей для создания перерабатывающих производств, выпускающих продукцию высокой степени готовности, в том числе наукоемкую.

Таким образом, свободный порт, являющийся на сегодняшний день главным фактором повышения конкурентоспособности южных дальневосточных территорий и привлечения новых инвестиций, не лишен воздействия чисто российских проблем. Для успешной реализации закона «О свободном порте Владивосток» в дальнейшем необходимы совершенствование российской нормативно-правовой базы в области таможенной, налоговой, бюджетной, ценовой, тарифной полити-

ки, улучшение и упрощение организационного механизма работы с резидентами и иностранными партнерами и, что немаловажно, наращивание опыта, оттачивание повседневной практики работы порта в новых условиях, будь то работа с резидентами и иностранными партнерами либо с инвесторами и заказчиками. Время сомнений и обещаний прошло, для города и всего Приморского края наступило время действовать на основе конструктивного диалога власти, бизнеса и общественности. Наиболее актуальная задача в ближайшей перспективе – качественный и подробный мониторинг экономических процессов, происходящих на территории свободного порта Владивосток, рассмотрение и принятие мер по координации работы всех участников СПВ, с тем чтобы в сравнительно короткие сроки сделать свободный порт Владивосток беспрецедентным в истории страны успешным социально-экономическим проектом.

Литература

1. Иноземцев, В. Зачем делать Владивосток свободным портом [Эл. рес.] / В. Иноземцев // Ведомости. – 2015. – 7 мая (№ 3826). – Реж. дост.: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/05/07/zachem-delat-vladivostok-svobodnim-portom>.
2. Все трудности – временные, у отношений Приморья и Вьетнама большие перспективы : интервью с зам. генконсула по экономическим вопросам г-ном Чинь Суан Хиеу [Эл. рес.] // Информационное агентство «Ежедневные новости Владивостока». – Реж. дост.: <http://novostivl.ru/msg/20405.htm> (дата обращения: 20.08.2015).
3. Ворожбит, Я.А. Предпринимательская среда и налоговая политика в 2012 году: перспективы и ожидания / Я.А. Ворожбит, О.Ю. Ворожбит // Территория новых возможностей : вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2012. – № 1. – С. 84-90.
4. Гарусова, Л.Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность: монография [Эл. рес.] / Л.Н. Гарусова. – Реж. дост.: http://abc.vvsu.ru/Books/m_rosamo/page0005.asp#hex5
5. Пушкарев, И. Свободный порт – исторический шанс Владивостока [Эл. рес.] / И. Пушкарев // Информационно-аналитическое агентство «Восток России». – Реж. дост.: <http://www.vlc.ru/mayor/articles/121372/>
6. Латкин, А.П. Инновационная составляющая как ключевой фактор стратегии развития российского Дальнего Востока и интеграции в экономическую систему АТР / А.П. Латкин, Р.И. Гриванов // Экономика и менеджмент систем управления. – 2014. – Т. 14. – № 4. – С. 79-86.

7. Матвеев, Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока / Н.П. Матвеев. – 2-е изд., доп. – Владивосток : Тихоокеанское изд-во «Рубеж», 2012. – 512 с.
8. Президент подписал закон «О свободном порте Владивосток» // Официальный сайт Администрации Приморского края: архив новостей. – Реж. дост.: <http://primorsky.ru/news/main/91161/>
9. Стратегия развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 года (проект) [Эл. рес.] // Официальный сайт ФГУП «Росморпорт». – Реж. дост.: http://www.rosmorport.ru/media/File/State-Private_Partnership/strategy_2030.pdf
10. Сухаренко, А.Н. Создание свободного порта Владивосток через призму криминально-коррупционных рисков / А.Н. Сухаренко // Региональные проблемы. – 2015. – Т. 18. – №2. – С. 82-85.
11. Федеральный закон от 13.07.2015 № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» [Эл. рес.]. // Консультант Плюс. – Реж. дост.: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/
12. Фисенко, А.И. Роль морских портов Приморского края в развитии транзитной функции региона в условиях создания свободного порта Владивосток / А.И. Фисенко // Фундаментальные исследования. – 2015. – №8–2. – С. 432-439.
13. Чи Сюй. Политика и стратегии КНР в отношении вывоза капитала / Чи Сюй, Л.Н. Жилина // Территория новых возможностей : вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2012. – №1. – С. 14-21.
14. Первый проект свободного порта Владивосток – пятизвездочная гостиница в Славянке // Информационный портал «Новости Владивостока». – Реж. дост.: www.news.vl.ru/vlad/2015/10/21/140409/#ixzz3peVxutkF

Сведения об авторах

Елена Викторовна Красова – кандидат экономических наук, научный сотрудник, доцент кафедры международного бизнеса и финансов, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса» (690000, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41, elena_krasova@rambler.ru)

Ма Инсинь – кандидат философских наук, руководитель, преподаватель, научный сотрудник, направление «История и философия», Университет Дэчжоу (Китайская Народная Республика, провинция Шаньдун, 1477089196@qq.com)

Krasova E.V., Ma Yingxin

Free Port of Vladivostok: Development Conditions, Prospects, Risks

Elena Viktorovna Krasova – Ph.D. in Economics, Lecturer, Research Associate, Associate Professor of the Chair of International Business and Finance, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “Vladivostok State University of Economics and Service” (41, Gogol Street, Vladivostok, 690000, Russian Federation, elena_krasova@rambler.ru)

Ma Yingxin – Ph.D. in Philosophy, Research Associate, Lecturer, Dezhou University, (566 University Rd. West, Dezhou, Shandong, China, 1477089196@qq.com)

Abstract. One of the priority directions of Russia’s state policy with regard to territories’ development is the development of the Far Eastern region. The free port of Vladivostok is one of the key projects that are currently being implemented in the southern part of Primorsky Krai and they focus on boosting the socio-economic development of Vladivostok city, Primorsky Krai and the Far Eastern region as a whole. The goal of this research is to consider the conceptual issues of the free port of Vladivostok, to outline the conditions and prospects of its operation and identify risks associated with its future development. The

article defines the modern concept of “free port”, characterizes historical experience of the “free port” regime in Vladivostok in the end of the 19th century, substantiates the strategic importance of using the free port of Vladivostok as a tool of intensive growth of Russian Far Eastern territories. The article also discloses the essence of the free port of Vladivostok as a means to promote free entrepreneurship, which is used to increase freight traffic through the port of Vladivostok, increase foreign trade, attract new investments, create new industries and develop the port’s infrastructure. The article provides a review of the main tax benefits and perspectives of the free port of Vladivostok in terms of the gross regional product formation. Analyzing the mechanisms of effective functioning of the free port of Vladivostok, the authors identify the short-term (mid-term) and long-term priorities and operational risks for the free port of Vladivostok. The article also touches upon some issues concerning the response of some foreign countries to the creation of the free port of Vladivostok.

Key words: free port of Vladivostok; customs regime, port infrastructure, tax privileges, economy of Primorsky Krai, integration into the Asia-Pacific region, support for entrepreneurship, attraction of investments, gross regional product.

References

1. Inozemtsev V. Zachem delat' Vladivostok svobodnym portom [Why Make Vladivostok a Free Port]. *Vedomosti* [News], 2015, no. 3826, May 7. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/05/07/zachem-delat-vladivostok-svobodnim-portom>.
2. Vse trudnosti – vremennye, u otnoshenii Primor'ya i V'etnama bol'shie perspektivy: interv'yu s zam. genkonsula po ekonomicheskim voprosam g-nom Chin' Suan Khieu [All the Difficulties Are Temporary, the Relations Between Primorye and Vietnam Have Great Prospects: an Interview with Deputy Consulate General in Charge of Economic and Trade Affairs Mr. Trinh Xuan Hieu]. *Informatsionnoe agentstvo "Ezhednevnye novosti Vladivostoka"* [News Agency “Daily News of Vladivostok”]. Available at: <http://novostivl.ru/msg/20405.htm> (accessed August 20, 2015).
3. Vorozhbit Ya.A., Vorozhbit O.Yu. Predprinimatel'skaya sreda i nalogovaya politika v 2012 godu: perspektivy i ozhidaniya [Business Environment and Tax Policy in 2012: Prospects and Expectations]. *Territoriya novykh vozmozhnostei: vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa* [Territory of New Opportunities: Vladivostok State University of Economics and Service Bulletin], 2012, no. 1, pp. 84-90.
4. Garusova L.N. *Rossiisko-amerikanskije regional'nye otnosheniya na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost': monografiya* [Russian-American Regional Relations in the Far East: the History and Modernity: a Monograph]. Available at: http://abc.vvsu.ru/Books/m_rosamo/page0005.asp#xex5
5. Pushkarev I. Svobodnyi port – istoricheskii shans Vladivostoka [Free Port – a Historic Opportunity for Vladivostok]. *Informatsionno-analiticheskoe agentstvo "Vostok Rossii"* [Information-Analytical Agency “Russia’s East”]. Available at: <http://www.vlc.ru/mayor/articles/121372/>
6. Latkin A.P., Grivanov R.I. Innovatsionnaya sostavlyayushchaya kak klyuchevoi faktor strategii razvitiya rossiiskogo Dal'nego Vostoka i integratsii v ekonomicheskuyu sistemu ATR [Innovative Component as a Key Factor in the Strategy for Development of the Russian Far East and Integration in the Economic System of the Asia-Pacific Region]. *Ekonomika i menedzhment sistem upravleniya* [Economics and Management of Control Systems], 2014, vol. 14, no. 4, pp. 79-86.
7. Matveev N.P. *Kratkii istoricheskii ocherk g. Vladivostoka* [A Brief Historical Overview of Vladivostok]. Second edition, supplemented. Vladivostok: Tikhookeanskoe izd-vo “Rubezh”, 2012. 512 p.
8. Prezident podpisal zakon “O svobodnom porte Vladivostok” [The President Signed the Law “On the Free Port of Vladivostok”]. *Ofitsial'nyi sait Administratsii Primorskogo kraja: arkhiv novostei* [Official Website of Primorsky Krai Administration: News Archive]. Available at: <http://primorsky.ru/news/main/91161/>
9. Strategiya razvitiya morskoi portovoi infrastruktury Rossii do 2030 goda (proekt) [Strategy for Development of Sea Port Infrastructure of Russia till 2030 (Draft)]. *Ofitsial'nyi sait FGUP "Rosmorport"* [Official Website of FSUE “Rosmorport”]. Available at: http://www.rosmorport.ru/media/File/State-Private_Partnership/strategy_2030.pdf

10. Sukharenko A.N. Sozdanie svobodnogo porta Vladivostok cherez prizmu kriminal'no-korrupcionnykh riskov [Establishment of the Free Port of Vladivostok through the Prism of Criminal and Corruption Risks]. *Regional'nye problemy* [Regional Problems], 2015, vol. 18, no. 2, pp. 82-85.
11. Federal'nyi zakon ot 13.07.2015 № 212-FZ "O svobodnom porte Vladivostok" [Federal Law of July 13, 2015 No. 212-FZ "On the Free Port of Vladivostok"]. *Konsul'tant Plyus* [Reference and Search System ConsultantPlus]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/
12. Fisenko A.I. Rol' morskikh portov Primorskogo kraja v razvitii tranzitnoi funktsii regiona v usloviyakh sozdaniya svobodnogo porta Vladivostok [The Role of Sea Ports of Primorsky Krai in the Development of Transit Function of the Region in Terms of Creating the Free Port of Vladivostok]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2015, no. 8–2, pp. 432-439.
13. Chi S., Zhilina L.N. Politika i strategii KNR v otnoshenii vyvoza kapitala [Policy and Strategy of the PRC Regarding the Export of Capital]. *Territoriya novykh vozmozhnostei: vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa* [Territory of New Opportunities: Vladivostok State University of Economics and Service Bulletin], 2012, no. 1, pp. 14-21.
14. Pervyi proekt svobodnogo porta Vladivostok – pyatizvezdochnaya gostinitsa v Slavyanke [A Five-Star Hotel in Slavyanka – the First Project of the Free Port of Vladivostok]. *Informatsionnyi portal "Novosti Vladivostoka"* [Information Portal "News of Vladivostok"]. Available at: www.news.vl.ru/vlad/2015/10/21/140409/#ixzz3peVxutkF

Учет мультипликативного эффекта как обязательный элемент оценки последствий реализации социальных программ

**Юлия Георгиевна
ЛАВРИКОВА**

доктор экономических наук
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29
K515L@mail.ru

**Арина Валерьевна
СУВОРОВА**

кандидат экономических наук
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29
Gotika.bell@mail.ru

**Светлана Николаевна
КОТЛЯРОВА**

кандидат экономических наук, доцент
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29
sv_gavrilova@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается значимость учета косвенных эффектов от реализации программ, проектов, мероприятий (главным образом социальных) при принятии решения о необходимости их осуществления. Рассмотрена проблема обеспечения населения достойными условиями проживания; доказано, что, несмотря на ряд позитивных тенденций, характеризующих российский строительный рынок, вопросы обеспеченности населения жильем не теряют своей

значимости. Отмечено, что в настоящее время выработано множество подходов к решению этой проблемы, что делает особенно актуальной оценку эффективности каждого из способов, осуществляемую в интересах выбора наиболее оптимального из них. Один из инструментов снижения остроты указанной проблемы – программа жилищных строительных сбережений «Строительные сберегательные кассы» – рассмотрен подробно; с помощью специально разработанной в этих целях универсальной расчетной модели определена бюджетная эффективность применения данной программы в Свердловской области. Проведенный анализ показал: учет мультипликативного эффекта позволяет выявить весь спектр возможных последствий от реализации программы, что может заметно повлиять на принятие инициаторами действий решения о необходимости их осуществления.

Ключевые слова: оценка, социальные программы, мультипликативный эффект, условия проживания, обеспеченность населения жильем, бюджетная эффективность, жилищные строительные сбережения.

Обеспеченность человека достойными условиями проживания представляет собой один из важнейших факторов развития современного общества: параметры обладания качественным и комфортным жильем, наличия доступа ко всем необходимым благам, развитой инфраструктуре служат индикаторами материального благополучия населения, характеризуя не только степень удовлетворенности ряда его базовых социальных потребностей, но и определяя его свойства как ресурса развития экономического комплекса.

При этом следует учитывать, что проблема формирования комфортной и насыщенной среды проживания, максимально удовлетворяющей интересам общества, не может быть решена с приложением незначительных усилий и в короткие сроки: она характеризуется комплексностью, многоаспектностью, предполагает совместные действия со стороны различных субъектов (органов власти, бизнес-структур, населения), требует привлечения существенного объема средств (причем не только финансовых), а также постоянной активности в сфере преобразования сложившейся системы (среда проживания должна меняться в соответствии с изменяющимися запросами населения; создание новых ее элементов

также продиктовано необходимостью замены изношенных компонентов). Вместе с тем нужно также отметить, что в современных условиях роста политической нестабильности и усиления риска прекращения (существенного снижения интенсивности) хозяйственных взаимоотношений с рядом зарубежных партнеров многие проблемы (в том числе и носящие преимущественно социальный характер) обостряются, хотя внимание к ним (в первую очередь со стороны властных структур) несколько ослабевает из-за появления новых серьезных угроз развитию национального социально-экономического комплекса и его отдельных частей.

Таким образом, в настоящее время актуальность решения вопросов обеспечения общества достойными условиями проживания несколько не уменьшается, однако особый интерес начинает представлять поиск таких способов снижения остроты данной проблемы, которые характеризуются максимальной результативностью, но при этом не требуют использования значительных ресурсов. В связи с этим следует крайне внимательно подходить к оценке возникающих в ходе проведения того или иного мероприятия эффектов: зачастую учет только прямых последствий не позволяет сделать

адекватный вывод об обоснованности осуществления субъектом запланированной деятельности, реализации им комплекса мер. Для тех программ и проектов, выполнение которых имеет преимущественно социальное значение (к их числу, в частности, относятся действия, ориентированные на улучшение характеристик условий проживания общества), измерение косвенных эффектов особенно важно: полученные результаты зачастую сложно выразить количественно, облечь в форму материальной выгоды, однако учет косвенных последствий позволяет оценить весь спектр происходящих изменений, показать, например, как действия, ориентированные на решение социальных проблем, способствуют росту экономического потенциала системы.

Для иллюстрации тезиса о важности учета всего комплекса эффектов при характеристике значимости осуществляемых мероприятий (в том числе направленных на решение социальных проблем) следует обратиться к практике оценки результативности действий, ориентированных на увеличение степени удовлетворенности населения условиями проживания.

* * *

Проблема увеличения степени удовлетворенности населения условиями проживания — комплексная, а это значит, что в интересах снижения ее остроты необходимым является выполнение значительного количества задач (удовлетворение потребности населения в жилье, повышение качества используемых инфраструктурных объектов, своевременное предоставление услуг по их ремонту и переустройству и т.п.), каждая из которых требует применения собственного набора мер (хотя очевидно, что результаты их использования могут весьма существенно повлиять на особенности решения прочих задач). Таким образом,

следует более подробно рассмотреть один из аспектов системной проблемы, определив последствия реализации действий, направленных на изменение ситуации в данной сфере.

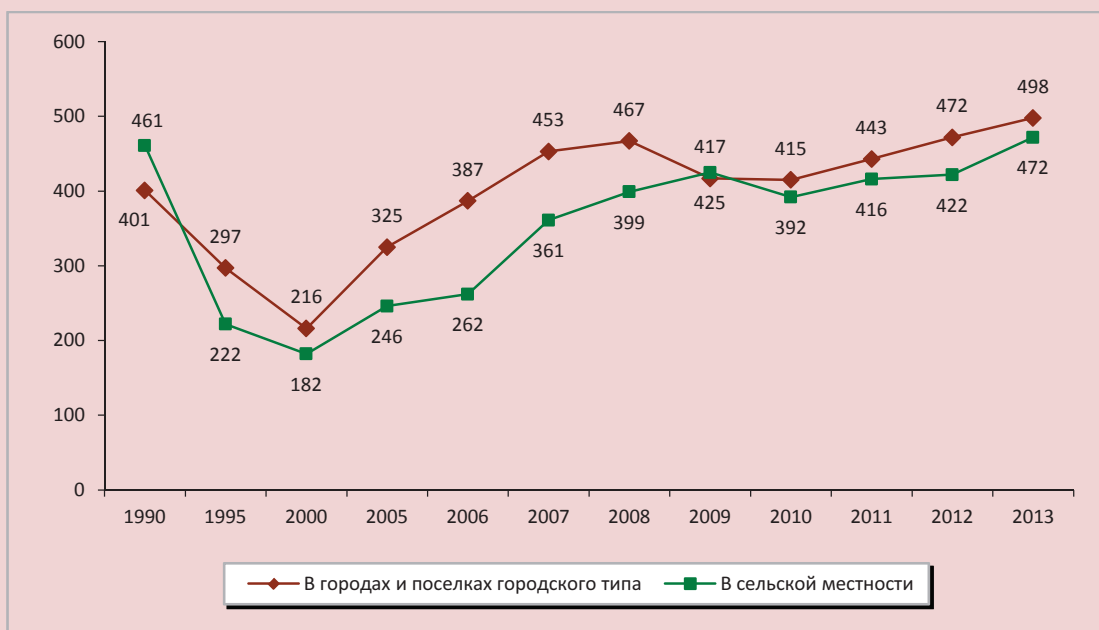
В частности, одним из препятствий увеличения степени удовлетворенности населения условиями проживания может являться недостаточно высокий уровень обеспечения потребности граждан в жилье.

В последние годы ситуация с жилищным строительством в России меняется к лучшему, о чем свидетельствуют данные, характеризующие параметры ввода в эксплуатацию жилой недвижимости. По данным Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, в 2014 г. значение данного показателя составило 81 млн. кв. м, что почти на 15% выше уровня 2013 г. Кроме того, параметры ввода жилья превышают значение планового показателя, установленного для 2014 г. программой «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» (71 млн. кв. м) [5].

Анализ динамики ввода жилой недвижимости, выраженного с помощью относительного показателя (кв. м на 1 тыс. чел.), также свидетельствует о стабильном приросте данного показателя (*рис. 1*).

Активизация строительной деятельности оказывает позитивное воздействие на обеспеченность населения жильем: значение показателя общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя, стабильно растет (*табл. 1*). Однако значения данного показателя еще достаточно далеки от мировых параметров: в соответствии со стандартами ООН на одного человека должно приходиться не менее 30 кв. м общей площади жилья, при этом в крупнейших городах Европы на человека приходится порядка 30–40 кв. м, в США — 70 кв. м [2].

Рисунок 1. Ввод в действие жилых домов в расчете на 1000 чел. населения, кв. м

Источник: Строительство в России. 2014 : стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – С. 53.

Таблица 1. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (на конец года), всего, кв. м

Показатель	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (на конец года), всего, кв. м	20,8	21,0	21,4	21,8	22,2	22,6	23,0	23,4	23,4	23,7
Из нее:										
в городской местности	20,4	20,7	21,1	21,4	21,8	22,1	22,5	22,9	22,9	23,3
в сельской местности	21,9	22,0	22,5	22,9	23,4	24,0	24,5	24,8	24,7	25,0

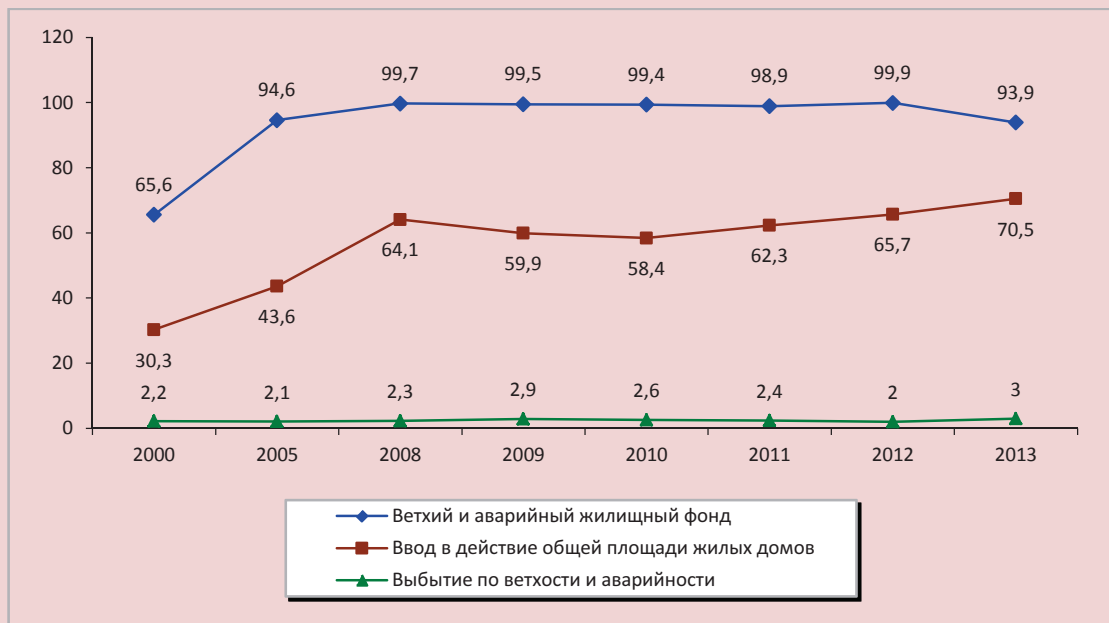
Источник: Основные показатели жилищных условий населения // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/housing/#

Кроме того, характеристики ряда жилых объектов не соответствуют общепринятым представлениям о качественном жилье. Так, уровень износа 37,5% жилых помещений превышает 31%, при этом доля жилья с износом более 70% составляет 1% от общего объема жилищного фонда [6]. И хотя удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда на первый взгляд не кажется существенным (в 2013 г. значение данного показателя – 2,8% [10]), постепенного

вытеснения жилья с высоким уровнем изношенности не происходит: объемы ввода нового жилья не превышают объемы ветхого и аварийного жилищного фонда (рис. 2).

Серьезной проблемой является и низкий уровень доступности жилья. Для оценки данного параметра обычно используют специальный коэффициент – коэффициент доступности жилья, который показывает, за сколько лет семья может накопить на покупку квартиры, используя для этих целей весь объем получаемого дохода.

Рисунок 2. Ветхий и аварийный жилищный фонд, млн. кв. м

Источник: Строительство в России. 2014 : стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – С. 55.

Значение этого коэффициента зависит от таких переменных, как средняя стоимость единицы площади, площадь жилья, среднедушевой доход семьи, количество человек в семье [13, с. 336]. Жилье считается доступным, если значение данного коэффициента, рассчитанное для семьи из трех человек, заинтересованных в приобретении стандартной квартиры площадью 54 кв. м, равно трем (т.е. за 3 года семья может накопить на приобретение квартиры, ни на что больше не тратя имеющиеся в распоряжении средства; на практике это означает, что среднестатистической семье потребуется около 10 лет для покупки квартиры при условии использования для этой цели порядка трети получаемых доходов). При коэффициенте от 3 до 4 лет жильё считается «не очень доступным», при коэффициенте от 4 до 5 – «приобретение жилья серьёзно осложнено», при коэффициенте выше 5 лет – «жильё существенно недоступно».

Средний коэффициент по России составляет 3,9 года; по Центральной России – 4,6; по Северо-Западному ФО – 4,5; по Южному – 3,9; по Северо-Кавказскому – 2,9; по Приволжскому – 3,3; по Уральскому – 2,9; по Сибирскому – 3,6; по Дальневосточному ФО – 3,5 года [2].

Таким образом, несмотря на оживление российского строительного рынка, ежегодное увеличение вводимых в эксплуатацию площадей, вопросы обеспеченности населения жильем не теряют своей значимости. При этом следует учитывать, что в связи с высокой социальной значимостью данной проблемы органы власти проявляют к ней особый интерес, а проводимая в стране жилищная политика занимает одно из важнейших мест в системе государственного регулирования.

Вопросы удовлетворения потребности населения в жилье получили широкое распространение не только в практике субъ-

ектов управления разного уровня (федеральных, региональных, местных), но и в научной литературе. В частности, о специфике экономики недвижимости писали такие зарубежные исследователи, как Дж. Фридман, Дж. Дэниелл, Г.С. Харрисон, Дж. Д. Фишер и др. Среди отечественных специалистов, исследующих жилищный сектор экономики, можно отметить С.В. Ананских, Л.В. Долгову, Н.Ю. Богомолу, Е.И. Тарасевича, С.А. Ваксмана, Н.Б. Косареву, Р.З. Эльдарова и др.

За время изучения данной проблемы как теоретиками, так и практиками было предложено значительное количество разнообразных механизмов и инструментов, призванных способствовать ее решению. Они предполагают реализацию мероприятий, ориентированных на привлечение финансовых средств для осуществления строительных проектов (предоставление застройщику права получения льготного кредита, выпуск ценных бумаг, например жилищных облигаций, формирование фондов недвижимости – строительных, девелоперских и т.д.), что позволит понизить себестоимость строительства и сделать жилье более доступным для конечных потребителей; материальную поддержку населения (предоставление ипотечных кредитов с пониженной ставкой, развитие системы социального жилья, финансирование части затрат потребителя и т.д.); обеспечение условий для развития рынка жилой недвижимости. Очевидно, что применение любого из обозначенных механизмов требует активного участия органов власти, и хотя их вмешательство не всегда носит характер финансовой поддержки (например, участие государства в проекте может предполагать организационную помощь), чаще всего реализация мероприятий в рамках жилищной политики предполагает привлечение достаточно существенных объ-

емов бюджетных средств. В связи с этим при выборе наиболее подходящего инструмента воздействия на рынок жилья органами управления учитывается ряд аспектов:

– во-первых, социально-экономический эффект от реализации мероприятий (это предполагает сопоставление полученных результатов и понесенных затрат со стороны тех субъектов, которые так или иначе были вовлечены в процесс их осуществления, – застройщиков, потребителей, банковских организаций), значимость учета которого обусловлена тем, что ключевым целевым ориентиром деятельности органов власти является именно обеспечение социально-экономического развития объекта управления – территориального комплекса, а также его элементов;

– во-вторых, бюджетный эффект (учитывает последствия реализации мероприятий для бюджета), важность его расчета обусловлена главным образом тем, что в случае, если бюджетные расходы, понесенные в процессе осуществления программы или проекта, превысят полученные доходы, в бюджете возникнет нехватка средств, которую придется компенсировать за счет других направлений (например, путем снижения финансирования прочих мероприятий), что негативно скажется на параметрах социально-экономического развития территориального комплекса.

Расчет социально-экономического эффекта сопряжен с определенными методологическими трудностями: необходимо учесть не только материальные последствия действий для каждого из вовлеченных в процесс их осуществления субъектов, но и нематериальные результаты (дав их качественную характеристику или выразив в измеримых величинах). В свою очередь, определение бюджетного эффекта на первый взгляд представляет собой достаточно простую задачу: нужно оценить объем всех

бюджетных вложений, которые требуются логикой осуществляемых мероприятий; рассчитать, как сделанные изменения повлияют на экономическую систему (главным образом на налоговую базу); сколько дополнительных средств будет получено бюджетом в итоге. Между тем процесс выявления масштабов бюджетного эффекта тоже несет в себе ряд сложностей: оценка только прямых последствий реализуемых действий не является адекватной и не может использоваться при принятии решения о необходимости осуществления программы (проекта) или отказа от нее.

Для обоснования данного вывода рассмотрим проект программы, направленной на повышение доступности жилья для населения, оценив тот эффект, который будет иметь ее реализация для бюджета, субсидирующего средства на осуществление, и показав, как величина прогноза бюджетных доходов может меняться после учета всех косвенных результатов.

Как уже отмечалось ранее, проблема доступности жилья весьма остро стоит в Российской Федерации, что обуславливает постоянный интерес к ней со стороны органов власти, однако особое значение в сфере регулирования обеспеченности населения жильем имеет политика, ориентированная на поддержку наименее защищенных общественных слоев, малоимущих граждан, т.е. тех субъектов, которые самостоятельно не смогут улучшить свои жилищные условия. Доля семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, достаточно велика (на 1 января 2013 г. значение данного показателя в Российской Федерации составляло 5% от общего числа семей [3]).

Одной из программ, реализуемых в настоящее время в ряде российских регионов (Краснодарский край, Республика Башкортостан) в интересах снижения этого

параметра, является программа жилищных строительных сбережений («Строительные сберегательные кассы») (далее – Программа). Она ориентирована на повышение уровня обеспеченности населения доступным жильем и предполагает привлечение физических лиц к целевому накоплению средств для последующего ипотечного кредитования под льготную процентную ставку (при этом часть средств, аккумулируемых на банковском счету, субсидируется из регионального бюджета).

В частности, основными задачами данной Программы в Республике Башкортостан, где она осуществляется с начала 2014 г., являются следующие: развитие и поддержка целевых жилищных накоплений граждан для повышения доступности жилищного кредитования, а также развития строительства жилья; привлечение альтернативных источников финансирования жилищного строительства; обеспечение доступности ипотечного кредитования для населения с низкими и средними доходами [8]. Таким образом, реализация Программы строительных сбережений ориентирована в первую очередь на поддержку семей, имеющих невысокие доходы и не готовых в обычных условиях включиться в процесс сбережения средств для улучшения своих жилищных условий (хотя в течение года после запуска Программы в Республике Башкортостан принять участие в ней могли все желающие).

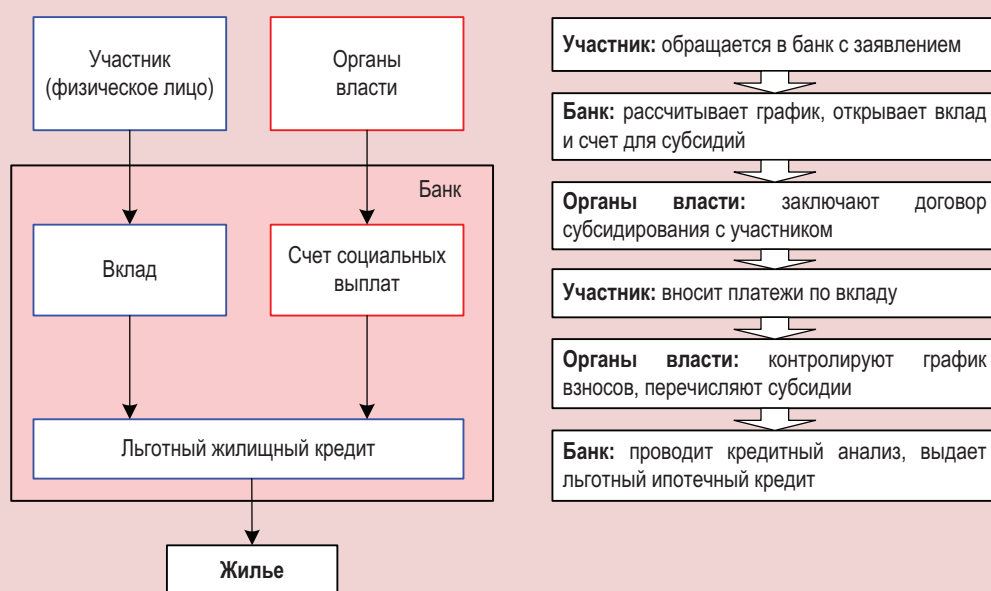
Интерес к механизму строительных сберегательных касс со стороны заинтересованных в приобретении жилья семей (за время действия Программы в Башкортостане было привлечено порядка 6 тыс. участников [9]), активизация деятельности строительных организаций, прогнозирующих рост спроса на жилье, привели к рассмотрению другими регионами возможности реализации аналогичных программ на своей территории.

Так, Свердловская область, для которой вопросы обеспечения нуждающихся семей жильем также являются актуальными (доля семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, составляет 4,5% от их общего числа [3]), в настоящее время оценивает перспективы применения инструментария жилищных строительных сбережений, аналогичного тому, который используется в Республике Башкортостан. Предполагается реализация следующей схемы (рис. 3): участник (физическое лицо) открывает накопительный счет в банке, ежемесячно пополняя его на установленную договором с банком сумму; из бюджетных средств на накопительный счет также каждый месяц перечисляются субсидии (в размере 30% от суммы, вносимой участником Программы, но не более 3 тыс. руб.); банк, в свою очередь, увеличивает полученную сумму, исходя из значений основных параметров вклада

(ставка по вкладу – 1–2% годовых). Планируется, что этап аккумулирования денежных средств в среднем будет составлять 3–5 лет, после чего вся накопленная сумма будет использоваться для внесения первоначального взноса по ипотеке. Остальные средства (в размере, не превышающем величину первоначального взноса) будут выдаваться банком по специальной льготной ставке, что позволит участникам Программы после завершения этапа накопления средств приобретать в собственность жилую недвижимость. Ожидается, что к участию в Программе будут привлечены более тысячи семей (порядка 1100).

Для того чтобы определить, насколько область заинтересована в применении данной Программы, требуется оценить всю совокупность возникающих эффектов, соотнеся друг с другом вложения и результаты для каждого вовлеченного в процесс ее реализации субъекта. Очевидно,

Рисунок 3. Общая схема участия в программе жилищных строительных сбережений «Строительные сберегательные кассы»

Составлено по: Программа «Строительные сберегательные кассы» [Электронный ресурс] / Центр инвестиций и строительства. – Режим доступа: <http://centrinvest-ufa.ru/ipoteka/sberbank/s-01012014-g-strojsberkassy>

что население (физические лица), выступая в качестве участников, удовлетворяющих свои потребности в жилье, от осуществления Программы только выиграют: они получают ипотечный кредит на льготных условиях, а часть величины первоначального взноса будет предоставлена им из средств бюджета (при этом от участников Программы никаких дополнительных вложений не требуется). Реализация Программы также положительно повлияет на строительную отрасль (Программа не предусматривает привлечение финансовых средств со стороны бизнеса, однако способствует увеличению спроса на строящееся жилье). Для банковских структур и органов власти выгоды от участия в Программе не столь очевидны.

Чтобы оценить бюджетный эффект от формирования в регионе строительных сберегательных касс, необходимо сопоставить величину бюджетных ресурсов, требуемых для успешного осуществления данного процесса, с тем объемом средств, который бюджет получит в результате активизации в регионе строительной деятельности. В этих целях была разработана универсальная расчетная модель, позволяющая выявить разницу между дополнительными бюджетными доходами и расходами, возникновение которых обусловлено осуществлением программы: меняя ключевые характеристики программы (сроки ее реализации, условия участия и т.п.), можно оценить ее эффективность для разных регионов или сопоставить друг с другом различные сценарии ее реализации, выбрав наиболее подходящий вариант.

Если предположить, что каждый участник Программы (из привлеченных 1100) откроет накопительный счет на 5 лет, ежемесячно пополняя его на 10 тыс. руб., то общая величина бюджетных расходов

(за пятилетний период накопления) составит 199 800 тыс. руб. (ежемесячная сумма субсидируемых бюджетных средств — 3 300 тыс. руб.). Общий объем накопленных на каждом счете средств (исходя из заданных Программой условий накопления) составит 800 154 руб. (т.е. каждый участник сможет внести данную сумму в качестве первоначального взноса по ипотеке). Следовательно, аналогичная сумма может быть выдана банками, участвующими в Программе, в качестве кредитных ресурсов, а общая сумма средств, которые будут потрачены на приобретение жилья в рамках Программы, будет равна 1 776 342 тыс. руб. ((первоначальный взнос в размере 800 154 руб. + сумма средств, выданных в кредит, в размере 800 154 руб.) — количество участников программы). Таким образом, строительным комплексом области будет получен дополнительный доход в размере 1 776 342 тыс. руб.

Развитие строительного комплекса приведет к росту бюджетных доходов (главным образом за счет увеличения налоговых поступлений от предприятий, входящих в состав строительного комплекса). Реализация Программы предполагает привлечение средств регионального бюджета, следовательно, при оценке бюджетных доходов необходимо учитывать те налоги, средства от взимания которых поступают в бюджет субъекта Федерации. К их числу относятся:

- налог на прибыль (ставка — 20%, 90% от полученных средств поступают в региональный бюджет);
- налог на доходы физических лиц (ставка — 13%, в региональный бюджет перечисляется 70% от полученной суммы);
- налог на имущество организаций (ставка — 2,2%, все собранные средства направляются в региональный бюджет).

Если исходить из средней нормы прибыли, равной 20%, то получение строительными организациями порядка 1,7 млрд. руб. дополнительного дохода обеспечит увеличение налога на прибыль в размере 71 054 тыс. руб. (из которых 63 948 тыс. руб. – это доходы регионального бюджета). Вырастут также налоговые отчисления по налогу на доходы физических лиц (если исходить из того, что затраты на оплату труда занимают порядка 30% от общей величины понесенных строителями расходов, то в региональный бюджет будет перечислено дополнительно 38 795 тыс. руб.), по налогу на имущество (21 885 тыс. руб.).

Таким образом, величина полученных бюджетом доходов (найденная путем суммирования рассчитанных налоговых отчислений) составит 124 628 тыс. руб. (что на 75 млн. руб. меньше объема бюджетных вложений, предусмотренных Программой).

Исходя из расчетных сроков Программы, а также заданных в ходе проведения оценки параметров, можно рассмотреть значения доходов и расходов бюджета области в рамках каждого из периодов, на протяжении которых предполагается реализовывать Программу (табл. 2); при этом следует учитывать, что активизация строительной деятельности будет осущест-

вляться на этапах, близких к завершению времени накопления средств для первоначального взноса.

Проведенные расчеты позволяют сделать вывод об отсутствии бюджетной эффективности Программы, а значит, о незаинтересованности региональных органов власти в ее реализации. Между тем такая оценка оставляет без внимания то воздействие, которое оказывает на социально-экономическую территориальную систему развитие строительного комплекса, инициированное действиями Программы. В свою очередь, позитивная трансформация социально-экономической системы напрямую влияет на величину бюджетных доходов (при этом со стороны региональных органов власти не требуется каких-либо дополнительных вложений), следовательно, учет масштабов такого воздействия может скорректировать сделанные выводы о бюджетной эффективности Программы.

Оценка параметров приращения экономического потенциала строительного комплекса вследствие увеличения масштабов деятельности одного из его элементов тесно связана с феноменом мультипликации.

Мультипликатор (от лат. *multiplicare* – множить, приумножать, увеличивать) представляет собой коэффициент, служащий мерой умножающего воздействия

Таблица 2. Расчет бюджетной эффективности программы жилищных строительных сбережений «Строительные сберегательные кассы» (учет только прямых эффектов), тыс. руб.

Показатели	2016	2017	2018	2019	2020	Всего
Расходы регионального бюджета	39960,0	39960,0	39960,0	39960,0	39960,0	199800,0
Доходы регионального бюджета	0,0	0,0	41542,7	41542,7	41542,7	124628,1
<i>Разница между доходами и расходами</i>	<i>-39960,0</i>	<i>-39960,0</i>	<i>1582,7</i>	<i>1582,7</i>	<i>1582,7</i>	<i>-75171,9</i>
Дисконтированные расходы	39960,0	37345,8	34902,6	32619,3	30485,3	175313,0
Дисконтированные доходы	0,0	0,0	36285,0	33911,2	31692,7	101889,0
<i>Разница между дисконтированными доходами и расходами</i>	<i>-39960,0</i>	<i>-37345,8</i>	<i>1382,4</i>	<i>1292,0</i>	<i>1207,4</i>	<i>-73424,0</i>

положительной обратной связи на выходную величину управляемой системы [12], показывая, насколько возрастает зависимая переменная при увеличении независимой переменной на единицу.

Понятие мультипликатора было введено в экономическую теорию Р. Каном [14], который высказал мысль о том, что увеличение инвестиционной активности, приводящее к росту доходов и появлению рабочих мест в одном из секторов экономики, способствует увеличению совокупного потребительского спроса и, как следствие, трансформации уровня производства и занятости в рамках всей экономической системы. Эта концепция была развита Дж. Кейнсом [4], доказавшим, что между совокупной занятостью и доходом, с одной стороны, и масштабами инвестиций — с другой, существует тесная взаимосвязь. Она обусловлена тем, что часть полученных в процессе хозяйственной деятельности (инициируемой притоком инвестиционных средств) доходов расходуется на потребление, т.е. становится инвестициями в смежные отрасли (что, в свою очередь, увеличивает доход этих отраслей и обеспечивает производственными ресурсами зависимые от них сектора).

Таким образом, появление мультипликативного эффекта, возникающего в результате реализации Программы (наращивание объемов строительства), обусловлено ростом доходов отраслей, связанных со строительным комплексом региона. Для того чтобы дать количественную характеристику данного эффекта, необходимо определить коэффициент мультипликации, причем данный процесс может подразумевать использование различных методик.

В частности, учесть специфику масштабов влияния на экономику каждого оцениваемого объекта позволяет способ, осно-

ванный на анализе системы таблиц «затраты — выпуск» (базируется на модели, предложенной в середине XX в. нобелевским лауреатом В.В. Леонтьевым и позволяющей оценить межотраслевые взаимосвязи, формирующиеся в национальной экономике в рамках воспроизводственного процесса [1]).

Особый интерес для исследователей, рассчитывающих мультипликативный эффект с использованием системы таблиц «затраты — выпуск», представляет I раздел таблицы использования ресурсов [11], в которой отражено образование добавленной стоимости по отраслям экономики: в столбцах перечислены виды экономической деятельности, участвующие в процессах производства, а в строках — виды деятельности, производящие ресурсы, потребляемые в процессе производства, соответственно в ячейках таблицы отражается стоимость товаров и услуг (по каждому виду деятельности), израсходованных на производственные нужды (в разрезе каждого вида деятельности). Обладая данными о востребованности продукции одних видов деятельности другими видами деятельности, можно определить ресурсные коэффициенты, для расчета которых величины ресурсов различных типов следует разделить на общую сумму затрат, понесенных в процессе производства продукции каждой отраслью.

На основании полученных данных возможно осуществление оценки влияния изменения величины затрат в рамках одного из видов деятельности на количество продукта, произведенного связанными с ним видами деятельности. Например, представляется возможность определить, как необходимость строительства дополнительных объемов жилья в регионе повлияет на величину спроса, предъявляемого строительными организациями на строи-

тельные материалы, оборудование. Следует также учесть, что рост выпуска в отраслях, снабжающих необходимыми ресурсами строительный комплекс, повлечет за собой увеличение объемов производства в смежных с ними секторах (таким образом, значение коэффициента-мультипликатора будет увеличиваться, однако учет взаимосвязей на каждом последующем этапе расчетов будет обеспечивать его прирост в меньших, чем на предшествующем этапе, масштабах).

Анализ таблиц «затраты – выпуск», направленный на выявление взаимосвязей между отраслями и определение их тесноты, позволяет заключить, что значение коэффициента мультипликации для строительного сектора превышает 4 (это говорит о том, что увеличение выпуска в рамках строительной отрасли на 1 рубль приводит к росту объемов выпуска в других отраслях, причем значение этого прироста не менее 3 рублей). Исходя из того, что порядка 75% затрат строительных организаций на приобретение продукции (получение услуг), производимой другими отраслями, приходится на долю обрабатывающих производств, в составе которых доля продукции свердловских предприятий составляет порядка 78% (половина строительного оборудования и более 90% стройматериалов поставляются местными производителями, при том что соотношение основных фондов и оборотных средств составляет 3 к 7), поправочный коэффициент (для корректировки параметров мультипликации) будет равен 0,59. Таким образом, если учесть увеличение объемов выпуска у предприятий Свердловской области, связанных со строительством, налоговые доходы, оцениваемые в рамках расчета бюджетного эффекта от реализации программы, существенно возрастут.

Так, чтобы оценить приращение отчислений по налогу на прибыль организаций, получаемых региональным бюджетом вследствие учета мультипликативного эффекта, необходимо рассчитать величину, на которую изменится налоговая база. Для этого следует вычесть из величины доходов, полученных строительной отраслью, объем прибыли, средства, направляемые на оплату труда, умножить полученное значение на найденный коэффициент мультипликации, характеризующий изменения в смежных со строительством отраслях (3), рассчитанный ранее поправочный коэффициент (0,59) и норму прибыли (0,2). Прирост налоговой базы вследствие реализации Программы составит более 349 млн. руб., что обеспечит получение региональным бюджетом дополнительных средств в размере 62 848 тыс. руб. Аналогичным образом может быть рассчитана величина отчислений по налогу на имущество организаций (38 407 тыс. руб.).

Изменится и величина бюджетных отчислений от уплаты налога на доходы физических лиц. Значение мультипликатора занятости для строительной отрасли составляет порядка 6–7 (создание одного рабочего места в строительном комплексе влечет за собой появление 5–6 рабочих мест в смежных отраслях) [7]. Учитывая данный параметр и принимая во внимание разницу в заработной плате между различными отраслями (средняя заработная плата в строительстве в области составляет порядка 39,5 тыс. руб., в сфере производства строительного оборудования и стройматериалов – 25 тыс. руб.), можно предположить, что величина фонда оплаты труда (т.е. налогооблагаемой базы для расчета величины НДФЛ) увеличится более чем на 1,3 млрд. руб. (в рамках смежных

со строительством отраслей). В результате в бюджет будет перечислено порядка 122 460 тыс. руб. Таким образом, совокупный доход от реализации Программы (с учетом эффекта мультипликации) составит 348 343 тыс. руб. (табл. 3).

Корректировка сделанных ранее расчетов с помощью учета мультипликативного эффекта позволила отразить неочевидные выгоды от осуществления Программы и получить более точную оценку ее возможных результатов (что коренным образом меняет представление о ее эффективности для регионального бюджета).

В целях дальнейшего уточнения параметров эффективности Программы могут быть охарактеризованы и иные последствия тех действий, которые ею предусматриваются. В частности, следует учитывать, что приращение спроса на недвижимость активизирует развитие строительного комплекса в масштабах, превышающих изменение покупательской активности (как показывает практика осуществления аналогичной программы в Республике Башкортостан, рост спроса на рынке жилья

вследствие ее реализации повлек за собой увеличение предложения, при этом значение данного прироста более чем в 3 раза превышает изменение параметров спроса), что положительно скажется и на развитии смежных отраслей.

* * *

Корректная оценка последствий реализации мероприятий любого уровня и любой направленности должна включать в себя обязательный учет всей системы прямых и косвенных результатов, обеспеченных их осуществлением, расчет мультипликативного эффекта: анализ всех возможных итогов воплощения на практике набора действий позволяет понять, насколько в сложившихся условиях они необходимы, как результаты данных мероприятий соотносятся с требуемыми для их проведения затратами.

В то же время особое значение комплексный подход к характеристике эффективности имеет для социальных программ и проектов. Их осуществление зачастую сопряжено с получением неявной выгоды, поэтому экономическая оценка

Таблица 3. Расчет бюджетной эффективности программы жилищных строительных сбережений «Строительные сберегательные кассы» (с учетом мультипликативного эффекта), тыс. руб.

Показатели	2016	2017	2018	2019	2020	Всего
Расходы регионального бюджета	39960,0	39960,0	39960,0	39960,0	39960,0	199800,0
Доходы регионального бюджета	0,0	0,0	116114,6	116114,6	116114,6	348343,8
<i>Разница между доходами и расходами</i>	<i>-39960,0</i>	<i>-39960,0</i>	<i>76154,6</i>	<i>76154,6</i>	<i>76154,6</i>	148543,8
Дисконтированные расходы	39960,0	37345,8	34902,6	32619,3	30485,3	175313,0
Дисконтированные доходы	0,0	0,0	101419,0	94784,1	88583,3	284786,3
<i>Разница между дисконтированными доходами и расходами</i>	<i>-39960,0</i>	<i>-37345,8</i>	<i>66516,4</i>	<i>62164,8</i>	<i>58098,0</i>	109473,4

только прямых эффектов может дать ложное представление о значимости подобных мероприятий (наряду с социальными последствиями, которые не всегда легко сопоставить с понесенными затратами, необходимо учитывать также косвенные результаты деятельности).

Проведенный с помощью применения универсальной расчетной модели анализ бюджетной эффективности одной из социальных программ (программы жилищных строительных сбережений «Строитель-

ные сберегательные кассы»), перспективы применения которой в настоящее время оцениваются в Свердловской области, показал, что принятие во внимание последствий, активизируемых действиями лиц, напрямую заинтересованных в реализации данной Программы, позволяет сделать проводимую оценку более качественной, это, в свою очередь, дает возможность субъектам, ресурсы которых требуются для осуществления мероприятий, принять обоснованное заключение об их необходимости.

Литература

1. Гранберг, А.Г. Василий Леонтьев в мировой и отечественной экономической науке / А.Г. Гранберг // Экономический журнал ВШЭ. – 2006. – Т. 10. – №3. – С. 471-491.
2. Жилищная революция [Электронный ресурс] // Известия Татарстана. – Режим доступа: <http://www.tatarnews.ru/articles/8405>
3. Жилищное хозяйство в России. 2013 : стат. сб. / Росстат. – М., 2013.
4. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс. – М. : Гелиос АРВ, 2012.
5. Мониторинг объемов жилищного строительства и цен на рынке жилья [Электронный ресурс] : отчет Минстроя России. – Режим доступа: <http://www.minstroyrf.ru/trades/zhilishnaya-politika/8/>
6. Основные показатели жилищных условий населения // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/housing/#
7. Подгорнов, В.С. Строительство платной автодороги: механизм реализации, социально-экономическая эффективность (на примере проекта строительства южного обхода г. Екатеринбурга) [Электронный ресурс] / В.С. Подгорнов // Управление экономическими системами : электронный научный журнал. – 2013. – №4. – Режим доступа: http://uecs.ru/index.php?option=com_flexicontent&view=items&id=2084
8. Постановление Правительства Республики Башкортостан «О порядке реализации на территории Республики Башкортостан мероприятий по финансированию жилищного строительства с использованием системы жилищных строительных сбережений»: от 14.02.2014 №56 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.
9. Программа «Строительные сберегательные кассы» [Электронный ресурс] // Центр инвестиций и строительства. – Режим доступа: <http://centrinvest-ufa.ru/ipoteka/sberbank/s-01012014-g-strojsberkassy>
10. Строительство в России. 2014 : стат. сб. / Росстат. – М., 2014.
11. Таблицы «затраты – выпуск» // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#
12. Титов, Л.Ю. Синергетический и мультипликативный эффект инновационных сетей / Л.Ю. Титов // Аудит и финансовый анализ. – 2010. – №2. – С. 120-126.
13. Туртушов, В.В. Расчет коэффициента доступности жилья для регионов России и факторы, влияющие на него / В.В. Туртушов // Вестник Чувашияского университета. – 2013. – №1. – С. 335-339.
14. Kahn, R.F. The Relation of Home Investment to Unemployment / R.F. Kahn // The Economic Journal. – 1931. – Vol. 41 – No. 162. – P. 173-198.

Сведения об авторах

Юлия Георгиевна Лаврикова – доктор экономических наук, заместитель директора, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, K515L@mail.ru)

Арина Валерьевна Суворова – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, Gotika.bell@mail.ru)

Светлана Николаевна Котлярова – кандидат экономических наук, доцент, научный сотрудник, заведующий сектором, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, sv_gavrilova@mail.ru)

Lavrikova Yu.G., Suvorova A.V., Kotlyarova S.N.

Accounting of Multiplier Effect as a Required Element in Assessing the Effects of Social Programs

Yuliya Georgievna Lavrikova – Doctor of Economics, Deputy Director, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, K515L@mail.ru)

Arina Valer'evna Suvorova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Junior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Ekaterinburg, 620014, Russian Federation, Gotika.bell@mail.ru)

Svetlana Nikolaevna Kotlyarova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Ekaterinburg, 620014, Russian Federation, sv_gavrilova@mail.ru)

Abstract. The article substantiates the importance of taking into account indirect effects of the programs, projects, activities (mainly social) when deciding on the need to implement them. The problem of providing society with decent living conditions is studied. The article proves that in spite of some positive trends in the Russian construction market the issues of housing availability do not lose their significance. It notes that a variety of approaches to solving this problem have been developed, that is why it is critical to assess the effectiveness of each solution in order to choose the most suitable one. One of the tools for alleviating this problem – a program of housing construction savings – is discussed in detail; by means of the specially designed universal computational model we determine fiscal effectiveness of this program application in the Sverdlovsk Oblast. The analysis shows that the accounting of multiplier effect reveals the full range of possible effects of the program that can significantly affect the adoption of the decision to initiate actions necessary for their implementation.

Key words: assessment, social programs, multiplier effect, living conditions, housing capacity, budgetary efficiency, housing construction savings.

References

1. Granberg A.G. Wassily Leontief v mirovoi i otechestvennoi ekonomicheskoi nauke [Wassily Leontief in the World and Domestic Economic Science]. *Ekonomicheskii zhurnal VShE* [HSE Economic Journal], 2006, vol. 10, no. 3, pp. 471-491.
2. *Zhilishchnaya revolyutsiya: Izvestiya Tatarstana* [Housing Revolution: Proceedings of Tatarstan]. Available at: <http://www.tatarnews.ru/articles/8405>
3. *Zhilishchnoe khozyaistvo v Rossii. 2013: stat. sb.* [Housing Construction in Russia. 2013: Statistics Digest]. Rosstat [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Moscow, 2013.
4. Keynes J. M. *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [General Theory of Employment, Interest and Money]. Moscow : Gelios ARV, 2012.
5. *Monitoring ob"emov zhilishchnogo stroitel'stva i tsen na rynke zhil'ya: otchet Ministroya Rossii* [Monitoring of Volumes of Housing Construction and Prices in the Housing Market: Report of the Ministry of Construction of Russia]. Available at: <http://www.minstroyrf.ru/trades/zhilishnaya-politika/8/>
6. *Osnovnye pokazateli zhilishchnykh uslovii naseleniya: ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Main Indicators of Housing Conditions of the Population: Official Web-Site of the Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/housing/#
7. Podgornov V.S. Stroitel'stvo platnoi avtodorogi: mekhanizm realizatsii, sotsial'no-ekonomicheskaya effektivnost' (na primere proekta stroitel'stva yuzhnogo obkhoda g. Ekaterinburga) [Construction of Toll Road: Implementation Mechanism, Socio-Economic Efficiency (on the Example of the Project of Construction of the Southern Bypass of the City of Yekaterinburg)]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami* [Management of Economic Systems], 2013, no. 4. Available at: http://uecs.ru/index.php?option=com_flexicontent&view=items&id=2084
8. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Bashkortostan "O poryadke realizatsii na territorii Respubliki Bashkortostan meropriyatii po finansirovaniyu zhilishchnogo stroitel'stva s ispol'zovaniem sistemy zhilishchnykh stroitel'nykh sberezhenii": ot 14.02.2014 № 56 [Decree of the Government of the Republic of Bashkortostan "On the Procedure for Realization of the Measures to Finance Housing Construction on the Territory of the Republic of Bashkortostan with the Use of the Housing Construction Savings System": of February 14, 2014 No. 56]. *Konsul'tantPlyus* [Consultant Plus].
9. *Programma "Stroitel'nye sberegatel'nye kassy": Tsentri investitsii i stroitel'stva* [Program "Construction Savings Bank": Center for Investment and Construction]. Available at: <http://centrinvest-ufa.ru/ipoteka/sberbank/s-01012014-g-strojsberkassy>
10. Stroitel'stvo v Rossii. 2014: stat. sb. [Construction in Russia. 2014: Statistics Digest]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Moscow, 2014.
11. *Tablitsy "zatraty-vypusk": ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Tables "Input-Output": Official Web-Site of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#
12. Titov L.Yu. Sinergeticheskii i mul'tiplikativnyi effekt innovatsionnykh setei [Synergistic and Multiplicative Effects of Innovative Networks]. *Audit i finansovyi analiz* [Audit and Financial Analysis], 2010, no. 2, pp. 120-126.
13. Turtushov V.V. Raschet koeffitsienta dostupnosti zhil'ya dlya regionov Rossii i faktory, vliyayushchie na nego [Calculation of Housing Affordability Index for Regions of Russia and Factors Affecting It]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash State University], 2013, no. 1, pp. 335-339.
14. Kahn R.F. The Relation of Home Investment to Unemployment. *The Economic Journal*, 1931, vol. 41, no. 162, pp. 173-198.

Методологические аспекты анализа и оценки среднедушевого потребления рыбы и морепродуктов населением РФ

**Владимир Михайлович
СЕЛИН**

Общество с ограниченной ответственностью «Торговый дом АРТ-РЫБА»
160014, Россия, г. Вологда, ул. Гиляровского, 54
art-fish.svm@mail.ru

Аннотация. Глобализация экономики и обострение конкуренции обуславливают необходимость активизации Правительством РФ выполнения функций по обеспечению продовольственной безопасности страны и, соответственно, консолидации механизмов государственного регулирования агроэкономики и продовольственных рынков. Возрастает значимость решения задач информационного обеспечения, достижения высокой степени достоверности информации, представляемой правительству соответствующими статистическими органами. Актуальность получения качественной статистической информации для принятия руководством страны своевременных и компетентных решений по управлению народным хозяйством существенно возросла в период политического и экономического противостояния РФ и стран Запада, в условиях санкций и контрсанкций. В настоящем исследовании на примере отрасли рыболовства и ее продукта – водных биологических ресурсов – проведен структурный анализ методики составления баланса рыбы и рыбопродуктов для определения среднедушевого уровня их потребления; описаны различные подходы к оценке уровня потребления водных биологических ресурсов; структурированы показатели экспорта водных биологических ресурсов, полученные из различных официальных источников, на основании которых выявлены значительные расхождения в оценке ситуации. Тема статистического учета, как проблема, была озвучена на состоявшемся 19 октября 2015 года заседании президиума Государственного совета по развитию рыбохозяйственного комплекса РФ и отражена отдельным пунктом в Поручениях Президента по итогам заседания. Введенная Приказом Росстата от 21.10.2013 №419 новая методика определения среднедушевого уровня потребления рыбы и рыбопродуктов, основанная на составлении баланса водных биологических ресурсов и

разработанная с учетом требований Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), с практической точки зрения имеет потенциал для совершенствования. Автор обосновывает необходимость изменения действующей методики статистического учета и анализа с целью повышения ее достоверности.

Ключевые слова: рыбохозяйственный комплекс (РХК), водные биологические ресурсы (ВБР), среднечеловеческое потребление, экспорт, импорт, методика, продовольственная безопасность, общедопустимый улов (ОДУ), квота.

Продовольственная безопасность Российской Федерации является одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности в среднесрочной перспективе, фактором сохранения государственности и суверенитета, важнейшей составляющей демографической политики и необходимым условием реализации такого стратегического национального приоритета, как повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения.

Указом Президента РФ «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности РФ» от 10.01.2010 №120 была обозначена стратегическая цель продовольственной безопасности – обеспечение населения страны безопасной сельскохозяйственной продукцией, рыбной и иной продукцией из водных биоресурсов и продовольствием. Гарантией ее достижения служит стабильность внутреннего производства, а также наличие необходимых резервов и запасов.

Целью настоящего исследования является теоретическое обобщение существующих методологических подходов к анализу и оценке среднечеловеческого потребления рыбы и морепродуктов в России. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования предложенных методических приемов статистического учета для определения среднечеловеческого уровня потребления рыбы и морепродуктов.

Продовольственная безопасность Российской Федерации отражает состояние её экономики, при котором обеспечиваются тот или иной уровень продовольственной независимости, гарантии физической и экономической доступности для каждого гражданина страны пищевых продуктов, соответствующих требованиям российского законодательства о техническом регулировании, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни.

Рациональные нормы потребления пищевых продуктов обозначают рацион, представленный в виде набора продуктов, включающего пищевые продукты в объемах и соотношениях, отвечающих современным научным принципам оптимального питания, учитывающий сложившуюся структуру и традиции питания большинства населения [14].

Отдельного внимания заслуживает указанная в Доктрине значимость продуктов, изготовленных из водных биологических ресурсов в целях обеспечения продовольственной безопасности страны.

Рыба является источником легкоусвояемого и полноценного белка, биологическая ценность которого равна белку, содержащемуся в мясе. В белке рыбы содержится ряд аминокислот, которые организм не синтезирует. Изготовленный из рыбы ценный продукт – рыбий жир – содержит олеиновую кислоту, которой в нём бо-

лее 70%, пальмитиновую кислоту (почти 25%), полиненасыщенные жирные кислоты омега-6 (около 5%) и омега-3 [12]. Исключительная ценность рыб семейства лососевых заключается в наличии в составе этого продукта омега-3 жирных кислот, оказывающих антиоксидантное действие на организм человека, способствующих замедлению процесса старения организма и улучшающих память. Жирные виды рыб (лососевые, сельдь, скумбрия, палтус и др.) богаты витаминами А, D и E. Среди витаминов группы B следует выделить витамин B₁₂, присутствующий только в продуктах животного происхождения. В рыбе содержатся и минеральные вещества: калий, магний, кальций, фосфор, железо. Из микроэлементов выделим селен, цинк и йод, который во многих регионах РФ является дефицитным в структуре питания. Мясо лосося – эффективное средство для профилактики атеросклероза и сердечно-сосудистых заболеваний, снижает риск онкологии, нормализует сахар в крови.

Из известных полезных свойств морепродуктов выделим следующие: это нормализация функций свертываемости крови; снижение холестерина в крови; улучшение зрения; нормализация работы нервной системы, улучшение памяти, сна, снижение раздражительности; улучшение состояния кожи, волос, ногтей, костей и зубов; нормализация обмена веществ.

Государство постоянно уделяет существенное внимание проблемам развития рыбопромышленного комплекса (РХК). В 2007 году в Астрахани прошло заседание президиума Государственного совета по вопросам повышения эффективности управления РХК России. Одним из основополагающих принципов развития РХК был озвучен принцип продовольственной без-

опасности и обеспечения населения широким ассортиментом рыбы высокого качества по доступной цене.

По итогам заседания Госсовета отрасль рыболовства получила такие преференции, как:

- возможность широкого использования льготной формы налогообложения – введен единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН), что дало почти двукратную экономию на налогах;

- льготная ставка по уплате сбора за вылов водных биологических ресурсов (ВБР) в размере 15% от номинальной – экономия предприятий составила более 5 млрд. рублей ежегодно;

- закрепление «исторического» принципа наделяния рыбодобывающих предприятий квотами общего допустимого улова (ОДУ) на 10 лет – возможность планирования инвестиций на достаточно продолжительный срок.

Вводя данные преференции, Правительство РФ рассчитывало на приток инвестиций, рост производительности труда, увеличение выпуска продукции с высокой добавленной стоимостью.

Однако вступление страны в ВТО создало дополнительные риски, особенно для северных и арктических территорий [3].

Тем не менее можно отметить, что ни в планировании, ни в прогнозировании развития рыбной отрасли показатели, характеризующие рациональность и эффективность переработки сырья, не используются, что противоречит задаче перехода рыбохозяйственного комплекса к 2020 г. от экспортно-сырьевого типа развития к инновационному, предусмотренному Концепцией развития рыбного хозяйства РФ до 2020 г. и другими прогностическими документами [1].

На заседании президиума Государственного совета по развитию рыбохозяйственного комплекса, прошедшего в Москве 19 октября 2015 года, были подведены итоги деятельности отрасли «рыболовство» за период с 2008 года, выявлены существенные проблемы и намечены пути их решения.

По результатам заседания должна быть разработана система государственных приоритетов, механизмов их выполнения, федеральных законов и ведомственных распоряжений [15].

Важным направлением при этом обозначена модернизация системы экономических показателей, с помощью которых можно объективно (достоверно) оценить динамику развития РХК. Отдельным поручением Правительство РФ было обязано представить Президенту РФ в срок до 1 февраля 2016 года предложения по совершенствованию статистического учёта в рыбохозяйственном комплексе Российской Федерации.

Основными показателями развития РХК являются годовой вылов ВБР и потребление рыбы и морепродуктов на душу населения. С точки зрения обеспечения продовольственной безопасности именно второй показатель является основным.

Следует отметить, что существуют различные подходы к оценке уровня потребления водных биологических ресурсов. Статистические органы СССР, а позднее и Российской Федерации брали за основу расчета среднедушевого потребления рыбы и морепродуктов выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств, которое является методом государственного статистического наблюдения за уровнем жизни населения в соответствии с утвержденной методикой. Потребление продуктов питания исчислялось как сумма общего количества купленных в период обследования

продуктов (за исключением отданных на корм скоту и домашним животным), переработанных для длительного хранения, купленных в запас, подаренных, проданных или отданных в обмен на другие товары, количества израсходованных на личное потребление продуктов, поступивших в домашнее хозяйство без оплаты (в счет оплаты труда, в виде продукции собственного производства или от самозаготовок, в виде подарков, натуральной помощи и т.п.), а также объема потребленных в течение учетного периода продуктов, купленных до начала обследования [5].

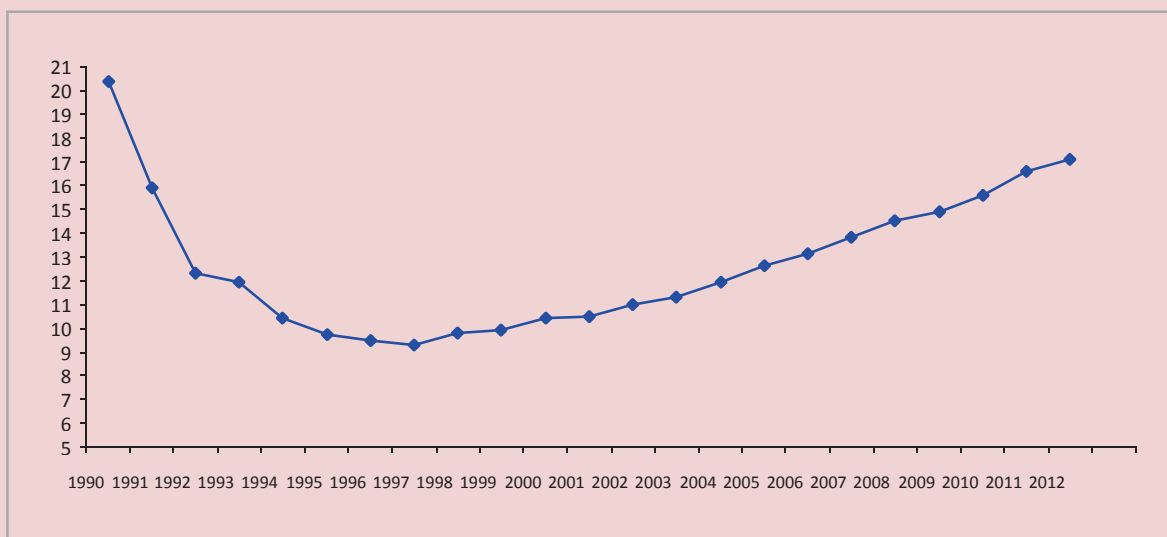
Среднедушевое потребление основных продуктов питания определялось путем деления общего объема потребленных продуктов питания на число лиц, фактически присутствующих в домашнем хозяйстве.

Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания» от 02.08.2010 № 593н установлены рациональные нормы потребления рыбы и рыбопродуктов в размере 18–22 кг на человека в год [8]. Согласно данным *рисунка*, в настоящее время потребление рыбы в РФ ниже рациональных норм потребления.

Приказом Росстата «Об утверждении методики составления баланса рыбы и рыбопродуктов для определения среднедушевого уровня их потребления» от 21.10.2013 № 419 [4] был изменен принцип расчета потребления ВБР, используемый органами государственной статистики.

Введенная приказом Методика разработана с учетом рекомендаций ФАО по составлению балансов продовольственных ресурсов [9], в соответствии с которыми уровень среднедушевого потребления ры-

Потребление рыбы и морепродуктов в Российской Федерации за 1990–2012 гг., кг на душу населения [6]

бы и рыбопродуктов определяется на основе баланса ресурсов и использования рыбы и рыбопродуктов, сформированного в живом весе (весе сырца). Расчетное среднедушевое потребление при этом существенно увеличивается.

Баланс ресурсов и использования рыбы и рыбопродуктов в живом весе (весе сырца) представляет собой систему сбалансированных данных по источникам поступления ресурсов рыбы, других водных биоресурсов, продуктов их переработки и направлениям их использования.

Показатели баланса позволяют прогнозировать улов (добычу), выращивание и экспорт рыбы и других водных биоресурсов, а также оценивать ситуацию на рынке, потребности в импорте этой продукции, определять фонд личного потребления и рассчитывать среднедушевой уровень потребления рыбы и рыбопродуктов в живом весе (весе сырца).

Баланс рыбы и рыбопродуктов содержит информацию как по сырью, так и по продуктам их переработки.

Баланс формируется Росстатом с использованием информации Минсельхоза России и Росрыболовства по отдельным статьям баланса за календарный год в натуральном выражении в живом весе (весе сырца) в целом по РФ.

Информационной базой для составления баланса являются данные федерального статистического наблюдения, выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, таможенной статистики, отчетности о финансово-экономическом состоянии товаропроизводителей агропромышленного комплекса и других источников, характеризующих образование ресурсов рыбы и рыбопродуктов и направления их использования. Кроме того, при определении отдельных статей баланса применяются экспертные оценки и экономические расчеты [4].

Методика Росстата от 21.10.2013 г. определяет следующий порядок расчета: «Данные об улове рыбы и добыче других водных биоресурсов формируются Росрыболовством.

Уловом (добычей) являются рыба всех видов, ракообразные (крабы, раки, креветки и пр.), моллюски (кальмары, мидии, устрицы, морские гребешки и др.), водоросли (ламинарии и т.д.), морской зверь и киты, извлеченные из водной среды, но еще не подвергнутые процессу охлаждения и другим способам сохранения и переработки».

В таблице 1 приведены данные Росстата о потреблении рыбы и морепродуктов по методике, утвержденной приказом Росстата от 21.10.2013 №419.

В общий итог улова включается также аквакультура: рыба, ракообразные, моллюски и водоросли, выращенные и выловленные в морях и пресноводных водоемах (прудах, реках, водохранилищах, озерах и др.) с целью реализации в живом виде при соблюдении соответствующих условий сохранения, а также для выработки пищевой и непищевой продукции.

Водные биологические ресурсы и объекты аквакультуры представлены в соответствии с принятой в отечественном рыбном хозяйстве биологической систематизацией, положенной в основу статистической формы №1-П (рыба) и классификаторов ТН ВЭД ТС и ОКПД, в целом сопоставимых со Стандартной статистической классификацией водных животных и растений ФАО.

Улов всех водных биоресурсов учитывается в весе сырого неразделанного (нешкеренного) сырца (т.е. в живом весе). Поскольку улов является не живой рыбой, а сырцом для дальнейшей переработки (за исключением продукции аквакультуры, реализуемой в живом виде), термин «живой вес» означает вес сырца водных биоресурсов, а не живую рыбу.

При расчете баланса рыбы и рыбопродуктов (табл. 2) из улова исключается добыча млекопитающих и водорослей [4].

Таблица 1. Ресурсы и использование рыбы и рыбопродуктов в Российской Федерации (в живом весе – весе сырца, тысяч тонн) [11]

Показатели	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 г. в % к 2012 г.	Структура в % к итогу	
					2012 г.	2013 г.
Ресурсы						
Запасы на начало года	652,2	723,6	846,4	117,0	10,0	11,3
Улов рыбы и добыча других видов водных ресурсов	4 401,7	4 484,5	4 522,0	100,8	62,0	60,4
Импорт	1 889,2	2 020,5	2 120,4	104,9	28,0	28,3
Итого ресурсов	6 943,1	7 228,6	7 488,8	103,6	100	100
Использование						
Переработано на непищевые цели	401,7	389,5	423,8	108,8	5,4	5,7
Потери	34,6	35,5	36,0	101,3	0,5	0,5
Экспорт	2 500,6	2 400,5	2 694,3	112,2	33,2	36,0
Личное потребление	3 282,6	3 556,7	3 557,8	100,0	49,2	47,5
Запасы на конец года	723,6	846,4	776,9	91,8	11,7	10,3
Справочно: потребление на душу населения, кг	23,0	24,8	24,8	100,0		

Таблица 2. Улов рыбы и добыча других водных биоресурсов в РФ (по данным ФАР), тысяч тонн [13]

Показатели	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Улов рыбы и добыча других водных биоресурсов, всего	4 275	4 271	4 309	4 235
в том числе рыбы	4 120	4 110	4 135	4 017

Сопоставив данные по вылову ВБР, размещенные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики, с данными, опубликованными Федеральным агентством по рыболовству (ФАР), можно увидеть существенную разницу.

Оценим влияние завышения показателей вылова на среднедушевое потребление рыбы и морепродуктов (табл. 3).

Таким образом, превышение в статистической информации улова на 4,3% за три исследуемых года привело к формальному повышению среднедушевого потребления рыбы и морепродуктов в РФ на 5,6%.

Далее рассмотрим такие важные составляющие расчета, как импорт и экспорт. Данные по импорту, по всей видимости, соответствуют действительности, тогда как методология расчета экспорта ВБР вызывает вопросы (табл. 4).

Данные о количестве товаров в натуральном выражении (нетто) из рыбы и других водных биоресурсов, поступивших за год на территорию Российской Федерации в соответствии с таможенным режимом «импорт» и вывезенных в соответствии с таможенным режимом «экспорт» в другие страны, агрегируются по отдельным товарным позициям в соответствии с кодами

Таблица 3. Сравнение информации Росстата и ФАР по добыче ВБР и потреблению рыбы и морепродуктов в расчете на 1 человека в 2011–2012 гг.

Показатели	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Данные Росстата (улов ВБР), тыс. т	4402	4485	4522
Данные ФАР (улов ВБР), тыс. т	4275	4272	4309
Разница в улове, тыс. т	127	213	213
Разница в улове, %	3,0	5,0	4,9
Потребление на душу населения с учетом данных ФАР, кг	22,1	23,3	23,3
Потребление на душу населения по данным ФГСГ, кг	23,0	24,8	24,8

Источник: данные собраны, структурированы и рассчитаны самостоятельно с привлечением официальных сайтов Федерального агентства по рыболовству fish.gov.ru [13], Федеральной службы государственной статистики gks.ru [9].

Таблица 4. Экспорт рыбы, рыбопродуктов и морепродуктов из Российской Федерации за 2013 год (по данным ФАР), тысяч тонн

Код ТН ВЭД ТС	Товар	ФТС России	Форма №8-ВЭС-рыба (срочная)	Всего
03	Рыба и ракообразные, моллюски	1507,01	351,55	1858,56
	Из нее:			
0301	рыба живая	0,01	0,00	0,01
0302	рыба свежая или охлажденная	1,00	0,00	1,00
0303	рыба мороженая	1372,80	326,90	1699,70
0304	филе рыбное	70,90	23,90	94,80
0305	рыба сушеная, соленая	6,80	0,60	7,40
0306	ракообразные	36,40	0,10	36,50
0307	моллюски	10,10	0,04	10,14
0308	водные беспозвоночные	9,00	0,01	9,01
	Готовая или консервированная рыбная продукция	24,30	0,50	24,80
1604	Готовая или консервированная рыба	23,10	0,50	23,60
1605	Готовые или консервированные ракообразные, моллюски	1,20	0,00	1,20
	Всего	1531,31	352,05	1883,36

Источник: Официальный сайт Федерального агентства по рыболовству fish.gov.ru

ТН ВЭД ТС на основании таможенной статистики, а также сведений о взаимной торговле с государствами-членами Таможенного союза, формируемых на основании Статистической формы учета перемещения товаров. В экспорт включены товары из рыбы и других водных биоресурсов, выгруженные в иностранных портах или перегруженные с борта российских судов на борт иностранных судов в открытом море, то есть проданные вне зоны действия таможенного контроля, по данным формы федерального статистического наблюдения № 8-ВЭС (рыба). Объемы импорта и экспорта (см. табл. 4) из веса нетто пересчитываются Росрыболовством с применением коэффициентов перевода в живой вес (вес сырца) по отдельным товарным позициям в соответствии с кодами ТН ВЭД ТС. В расчете используются данные о количестве товаров из рыбы и других водных биоресурсов для пищевых целей.

Однако на официальном сайте Баренцево-Беломорского территориального управления Росрыболовства (ББТУ) распространена следующая информация:

«Баренцево-Беломорское территориальное управление Росрыболовства, в целях усиления противодействия незаконному, несообщаемому и нерегулируемому промыслу в конвенционных районах действия Комиссии по рыболовству в северо-восточной части Атлантического океана (НЕАФК) и Организации по рыболовству в северо-западной части Атлантического океана (НАФО), осуществляет процедуру Государственного портового контроля в отношении российских судов, намеревающихся осуществлять выгрузки или перегрузки рыбопродукции в назначенных иностранных портах.

Рыбопродукция, изготовленная из ресурсов рыболовства, добытых российскими судами в Конвенционном районе НЕ-

АФК и в районе Регулирования НАФО, в 2014 году выгружалась (перегружалась) в шести странах. Как и в предыдущие годы, наибольшее количество выгрузок пришлось на Норвегию – 331 формуляр ГПК (в 2013 году – 287) и Нидерланды – 278 формуляров ГПК (в 2013 году – 271), на третьей позиции Фарерские острова – 188 формуляров ГПК (в 2013 году – 164). Как и ранее, в норвежских портах в основном выгружались рыбопромысловые суда, где объем выгруженной рыбопродукции составил 81,42 тыс. тонн (в 2013 году – 74,12 тыс. тонн), а в нидерландских – напротив, в основном осуществляли выгрузку транспортные суда – 110,45 тыс. тонн (в 2013 году – 100,24 тыс. тонн). Фарерские острова лидируют по количеству рыбопродукции, перегруженной с рыбопромысловых судов на транспортные суда – 246,18 тыс. тонн (в 2013 году – 224,15 тыс. тонн). Общий объем заявленной к выгрузке в 2014 году в рамках ГПК рыбопродукции составил 452 тысячи тонн, что на 37 тыс. тонн превышает показатели 2013 года» [10].

Если подойти к вопросу формально, то из 352 тысяч тонн, отправленных на экспорт со всех бассейнов (по данным формы № 8-ВЭС) в 2013 году, только в зонах Западной и Восточной Атлантики российские предприятия, по данным портового надзора ББТУ, выгрузили в иностранные порты или перегрузили с борта российских судов на борт иностранных судов в открытом море 415 тысяч тонн рыбы и морепродуктов, чего в реальности быть не может.

Форму 8-ВЭС-рыба (срочная) «Сведения об экспорте (импорте) рыбы, рыбопродуктов и морепродуктов» сдают в территориальный орган Росстата все юридические лица, являющиеся коммерческими организациями, включая малые предприятия, а также некоммерческие организа-

ции всех форм собственности, являющиеся резидентами Российской Федерации и имеющие самостоятельно заключенные контракты с иностранными партнерами (нерезидентами) на экспорт рыбы, рыбопродуктов и морепродуктов. Статистический отчет представляется ежемесячно.

Юридические лица представляют указанную форму федерального статистического наблюдения, как правило, по месту их государственной регистрации. Исключением из этого правила являются случаи, когда юридическое лицо, зарегистрированное на территории какого-либо субъекта Российской Федерации, не осуществляет деятельность на территории этого субъекта Российской Федерации. В этом случае форма федерального статистического наблюдения представляется по месту фактического осуществления деятельности.

Следует отметить, что, с высокой долей вероятности, экспортеры при подаче искажают в сторону уменьшения данные статистической отчетности. Только по Северному бассейну, доля которого в общероссийском улове составляет 29,7% (1 279 398 тонн из 4 309 128 тонн всего по РФ), экспорт вне зоны таможенного контроля на 63,4 тысячи тонн (или на 17,9%) больше, чем по РФ в целом, по отчетам № 8 ВЭС ФАР.

Таким образом, статистические данные по экспорту, представляемые Росстату Федеральным агентством по рыболовству по данным отчетности по форме № 8-ВЭС, могут и должны быть поставлены под сомнение из-за их прямого противоречия с информацией Государственного портового контроля.

Экспорт ВБР с таможенной территории Северного бассейна составил 105,5 тысячи тонн. Минувя таможенный контроль, было выгружено в иностранных портах и перегружено на транспортные суда 415 тысяч

тонн, соответственно, доля экспорта в Северном бассейне вне зоны таможенного контроля в общем экспорте составила 79,7%, тогда как по официальной информации на сайте ФАР эта доля по всем бассейнам составляет всего 18,9%.

Соответственно, данные по экспорту ВБР Федеральным агентством по рыболовству существенно занижены, соответственно, среднедушевое потребление рыбы и морепродуктов Росстатом завышено на сумму не отраженного в отчетах предприятий по форме № 8-ВЭС (Рыба) экспорта вне таможенного контроля, деленного на численность населения РФ.

Объем запасов продукции по методологии, утвержденной приказом Росстата от 21.10.2013 №419, рассчитывается следующим образом:

- в организациях, осуществляющих переработку рыбы и других водных биоресурсов, оптовую и розничную торговлю, определяются Росстатом по данным форм федерального статистического наблюдения (форма №-П-1 «Сведения о производстве и отгрузке товаров и услуг») с последующим пересчетом по переводным коэффициентам в живой вес (вес сырца);

- в сельскохозяйственных организациях — рассчитываются Минсельхозом России по данным отчетности о финансово-экономическом состоянии товаропроизводителей агропромышленного комплекса с распространением до полного круга организаций с последующим пересчетом по переводным коэффициентам в живой вес (вес сырца);

- у населения — формируются Росстатом по данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств с распространением на все население и с последующим пересчетом по переводным коэффициентам в живой вес (вес сырца).

Таким образом, изменение подхода к оценке уровня потребления населением водных биологических ресурсов в РФ, нашедшее свое отражение в принятии Федеральной службой государственной статистики новой Методики расчета среднелюшевого потребления рыбы и морепродуктов, утвержденной Приказом Росстата от 21.10.2013 № 419, имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

Расчет по вышеуказанной методике, разработанной с учетом рекомендаций Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) по составлению балансов продовольственных ресурсов, является сопоставимым с зарубежными аналогами и позволяет сравнивать среднелюшевое потребление продуктов в РФ и других государствах в одной шкале координат.

Уместно отметить, что прямое копирование зарубежного опыта не всегда удается адаптировать к современным российским условиям.

Мировая практика ведения статистической отчетности предполагает достоверность первичной информации для составления балансов продовольственных ресурсов.

Выделим следующие основные факторы, существенно влияющие на конечный результат в виде среднелюшевого потребления продукта:

1. Для расчета баланса рыбы и морепродуктов за год требуется оценить количество продукции, изготовленной из ВБР, на складах (судах) российских предприятий на начало и конец года. Исходная информация берется из статистической формы №-П-1, которую не заполняют малые предприятия. В отрасли рыболовства их доля в общей выручке составляет 31,5%. В рыбоперерабатывающей отрасли концентрация капитала еще меньше. По нашим данным,

в Вологодской области нет предприятий отрасли, являющихся средними и крупными, а, значит, остатки на складах региона не учитываются в расчете общероссийского баланса рыбы и морепродуктов.

2. Данные об улове рыбы и добыче других водных биоресурсов формируются Росрыболовством. Сравнение информации об улове ВБР, размещенной на официальных сайтах Федерального агентства по рыболовству и Федеральной службы государственной статистики, выявило их значительное расхождение (до 5,0% в 2012 году, что привело к завышению показателя среднелюшевого потребления ВБР на 6,4%). Причину столь существенной разницы уточнить при запросе в ФСГС не удалось.

3. Значительную погрешность в расчет баланса ВБР вносят показатели экспорта рыбы и морепродуктов, выловленных вне зоны таможенного контроля. Расчет такого экспорта осуществляется на основании данных форм статистической отчетности № 8-ВЭС-рыба (срочная) «Сведения об экспорте (импорте) рыбы, рыбопродуктов и морепродуктов», собираемых с подведомственных предприятий Федеральным агентством по рыболовству. ФАР имеет возможность сравнивать полученные данные по форме № 8-ВЭС-рыба, в частности по Северному бассейну, с информацией Государственного портового контроля в отношении российских судов, намеревающихся осуществлять выгрузки или перегрузки рыбопродукции в назначенных иностранных портах. Однако сумма экспорта вне зоны таможенного контроля, по данным Государственного портового контроля, только по Северному бассейну превышает общероссийский экспорт по форме № 8-ВЭС-рыба на 63 тысячи тонн. Доля Северного бассейна в улове всех российских предприятий составляет 29,7%.

Вышеуказанные второй и третий факторы оказывают существенное влияние на итоговую цифру среднедушевого потребления рыбы и морепродуктов в сторону формального завышения.

В предыдущей, использовавшейся еще в советское время методике расчета среднедушевого потребления рыбы и морепродуктов за основу брали ВБР в виде готового продукта, а не сырца. Учитывая достаточно высокие коэффициенты перевода сырья в готовый продукт (например, для изготовления 1 кг трески свежемороженой требуется 1,52 кг сырца) [2], можно существенно повысить «показатели» потребления за счет применения Методики Росстата от 21.10.2013 г.

Логично предположить, что одной из основных целей введения новой методики было приукрасить существующее положение и даже при значительном снижении потребления ВБР в России декларировать его рост, показать соответствие потребления ВБР в стране рациональным нормам потребления рыбы и рыбопродуктов.

Признавая методику Росстата от 21.10.2013 г. как соответствующую требованиям Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), считаем возможным предложить:

1. Федеральной службе государственной статистики провести необходимый комплекс процедур, направленный на при-

менение в расчете среднедушевого потребления рыбы и морепродуктов данных по годовому улову водных биологических ресурсов рыбодобывающими предприятиями РФ, согласованных с Федеральным агентством по рыболовству.

2. Федеральному агентству по рыболовству при расчете экспорта вне зоны таможенного контроля использовать данные не формы № 8-ВЭС-рыба, а информацию Государственного портового надзора, как более достоверную.

3. Министерству здравоохранения и социального развития РФ Приказ от 2 августа 2010 г. № 593н в части установления нормы рационального потребления рыбы и рыбопродуктов привести в соответствие с действующей Методикой Росстата, а именно пересчитать норму по сырцу, а не по готовому продукту, что сделает показатели из Методики и установленные нормы сопоставимыми.

В случае применения вышеуказанных рекомендаций повысится точность расчета среднедушевого потребления рыбы и рыбопродуктов населением; при наличии корректных цифр, отражающих реальную картину обеспечения населения ВБР, соответствующие государственные органы управления смогут принимать решения, позволяющие правильно выбрать стратегию по развитию рыбохозяйственного комплекса страны.

Литература

1. Васильев, А.М. Основные направления повышения эффективности внешне-экономической деятельности рыбной отрасли Европейского Севера [Электронный ресурс] / А.М. Васильев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – №4. – С. 75. – Режим доступа: <http://esc.vscs.ac.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=5185>.
2. Единые нормы отходов, потерь, выхода готовой продукции и расхода сырья при производстве пищевой продукции из морских гидробионтов [Электронный ресурс]: утверждены Госкомрыболовством РФ 29.04.2002 // КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Иванов, В.А. Совершенствование государственного регулирования аграрного сектора приарктических и арктических территорий в условиях ВТО [Электронный ресурс] / В.А. Иванов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – №6. – С. 153. – Режим доступа: <http://esc.vscs.ac.ru/?module=Articles&action=view&aid=4400>

4. Об утверждении методики составления баланса рыбы и рыбопродуктов для определения среднедушевого уровня их потребления [Электронный ресурс]: Приказ Росстата от 21.10.2013 № 419 // КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154136/.
5. Организационные и методологические положения по обследованию бюджетов домашних хозяйств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_101/IssWWW.exe/Stg/4-00.htm
6. Потребление основных продуктов питания (в расчете на душу населения) (значение показателя за год) 1990–2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=31346>.
7. Потребление основных продуктов питания населением Российской Федерации за 2009–2014 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1286360627828.
8. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 2 августа 2010 г. № 593н «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12179471>.
9. Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fao.org/economic/ess/fbs/en> (Иностранный ресурс.)
10. Результаты осуществления Баренцево-Беломорским территориальным управлением Росрыболовства процедуры Государственного портового контроля в конвенционных районах Северной Атлантики за 2014 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bbtu.ru/index.php/novosti/472-rezultaty-osushchestvleniya-barentsevo-belomorskim-territorialnym-upravleniem-rosrybolovstva-protsedury-gosudarstvennogo-portovogo-kontrolya-v-konventsionnykh-rajonakh-severnoj-atlantiki-za-2014-god.html>.
11. Ресурсы и использование рыбы и рыбопродуктов в живом весе (весе сырца) по Российской Федерации за 2011–2014 годы. 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/bal_8.xls.
12. Рыбий жир: состав, свойства и польза, показания и противопоказания к применению рыбьего жира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inflora.ru/diet/diet330.html>
13. Сведения об улове рыбы, добыче других водных биоресурсов и производстве рыбной продукции за январь–декабрь 2014 года (нарастающим итогом) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fish.gov.ru/files/documents/otraslevaya_deyatelnost_ekonomika_otrasli/statistika_analitika/f407-0_yanvar-dekabr_2014.pdf.
14. Утверждена Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/6752>.
15. Цукерман, В.А. Проблемы и перспективы перехода от сырьевой к инновационной экономике Севера [Электронный ресурс] / В.А. Цукерман // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2008. – №2. – С. 27. – Режим доступа: <http://esc.vscs.ac.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=86>.

Сведения об авторе

Владимир Михайлович Селин – директор, Общество с ограниченной ответственностью «Торговый дом АРТ-РЫБА» (160014, Россия, г. Вологда, ул. Гиляровского, 54, art-fish.svm@mail.ru)

Selin V.M.

Methodological Aspects of Analyzing and Assessing the Per Capita Consumption of Fish and Seafood in the Russian Federation

Vladimir Mikhailovich Selin – Director, Trading House ART-RYBA LLC (54, Gilyarovsky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, art-fish.svm@mail.ru)

Abstract. Globalization of the economy and increased competition leads to the need to strengthen the functions of the Russian government to ensure food security of the country and, accordingly, the consolidation of mechanisms of state regulation of agricultural economy and food markets. The importance of solving the problems of information security, a high degree of reliability of the information provided by the Government of the relevant statistical authorities is growing. The relevance of obtaining high-quality statistical information for the adoption of timely and informed decisions by the government on the management of the national economy has increased significantly during the period of political and economic confrontation between Russia and the West in terms of sanctions and counter-sanctions. Taking fishing industry and its product – the water biological resources – as an example, the author of the present study carried out a structural analysis of the methodology for composing the balance of fish and fish products to determine the per capita level of consumption, described the different approaches to assessing the level of consumption of water biological resources, structured export indicators of water biological resources gathered from various official sources, on the basis of which the author revealed significant differences in the assessment of the situation. The subject of statistics as the problem was raised at the Presidium of the State Council from October 19, 2015 devoted to the development of the fishing industry of the Russian Federation and was reflected as a separate item in the Order of the President following the results of the State Council. Established by the Order of the Federal State Statistics Service dated October 21, 2013 No. 419, the new method of determining the level of per capita consumption of fish and fish products, based on the compilation of the balance of water biological resources, and composed after the requirements of the UN Food and Agriculture Organization (FAO), has the potential for improvement from a practical point of view. The author proves the necessity of changing the existing method of statistical reporting and analysis in order to improve its reliability.

Key words: fishing industry, aquatic biological resources, per capita consumption, export, import, methodology, food security, total allowable catch, quota.

References

1. Vasil'ev A.M. Osnovnye napravleniya povysheniya effektivnosti vneshne- ekonomicheskoi deyatel'nosti rybnoi otrasli Evropeiskogo Severa [Main Directions of Increasing Efficiency of Foreign Trade Activities of the Fishing Industry of the European North]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2015, no. 4, p. 75. Available at: <http://esc.vsc.ac.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=5185>.
2. Edinye normy otkhodov, poter', vykhoda gotovoi produktsii i raskhoda syr'ya pri proizvodstve pishchevoi produktsii iz morskikh gidrobiontov: utverzhdeny Goskomrybolovstvom RF 29.04.2002 [Uniform Standards of Waste, Losses, Output of Finished Products and Consumption of Raw Materials when Producing Food Products from Marine Hydrobionts: Approved by the State Committee of the Russian Federation for Fisheries on April 29, 2002]. *Konsul'tantPlyus* [Search and Reference System ConsultantPlus]. Available at: <http://www.consultant.ru>.
3. Ivanov V.A. Sovershenstvovanie gosudarstvennogo regulirovaniya agrarnogo sektora priarkticheskikh i arkticheskikh territorii v usloviyakh VTO [Improvement of State Regulation of the Agrarian Sector of the Sub-Arctic and Arctic Areas under the WTO Membership]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no. 6, p. 153. Available at: <http://esc.vsc.ac.ru/?module=Articles&action=view&aid=4400>
4. Ob utverzhdenii metodiki sostavleniya balansa ryby i ryboproduktov dlya opredeleniya srednedushevogo urovnya ikh potrebleniya: Prikaz Rosstata ot 21.10.2013 № 419 [About the Approval of the Methodology for Compiling the Balance of Fish and Fish Products to Determine the Per Capita Level of Consumption: the Order of Rosstat of October 21, 2013 No. 419]. *Konsul'tantPlyus* [Search and Reference System ConsultantPlus]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154136/.
5. *Organizatsionnye i metodologicheskie polozheniya po obsledovaniyu byudzhetrov domashnikh khozyaistv* [Organizational and Methodological Principles for the Survey of Household Budgets]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_101/IssWWW.exe/Stg/4-00.htm

6. *Potreblenie osnovnykh produktov pitaniya (v raschete na dushu naseleniya) (znachenie pokazatelya za god) 1990-2012* [Consumption of Basic Foodstuffs (Per Capita) (Value of the Index over the Year) 1990-2012]. Available at: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=31346>.
7. *Potreblenie osnovnykh produktov pitaniya naseleniem Rossiiskoi Federatsii za 2009-2014 gody* [The Consumption of Basic Foodstuffs by the Population of the Russian Federation in 2009-2014]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1286360627828.
8. *Prikaz Ministerstva zdravookhraneniya i sotsial'nogo razvitiya RF ot 2 avgusta 2010 g. № 593n "Ob utverzhdenii rekomendatsii po ratsional'nym normam potrebleniya pishchevykh produktov, otvchayushchim sovremennym trebovaniyam zdorovogo pitaniya"* [The Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation of August 2, 2010 No. 593n "On the Approval of Recommendations on Rational Norms of Consumption of Food Products that Meet Modern Requirements of Healthy Eating"]. Available at: <http://base.garant.ru/12179471>.
9. *Prodovol'stvennaya i sel'skokhozyaistvennaya organizatsiya OON* [Food and Agriculture Organization of the United Nations]. Available at: <http://www.fao.org/economic/ess/fbs/en>. Inostrannyi resurs.
10. *Rezultaty osushchestvleniya Barentsevo-Belomorskim territorial'nym upravleniem Rosrybolovstva protsedury Gosudarstvennogo portovogo kontrolya v konvencionnykh raionakh Severnoi Atlantiki za 2014 god* [The Results of the Implementation of State Port Control in Convention Areas of the North Atlantic by the Barents-White Sea Territorial Administration of the Federal Agency for Fishery in 2014]. Available at: <http://bbtu.ru/index.php/novosti/472-rezultaty-osushchestvleniya-barentsevo-belomorskim-territorialnym-upravleniem-rosrybolovstva-protsedury-gosudarstvennogo-portovogo-kontrolya-v-konvencionnykh-rajonakh-severnoj-atlantiki-za-2014-god.html>.
11. *Resursy i ispol'zovanie ryby i ryboproduktov v zhivom vese (vесе syrtsa) po Rossiiskoi Federatsii za 2011–2014 gody. 2012* [Resources and the Use of Fish and Fishery Products in Live Weight (Weight of Raw Fish) by the Russian Federation for the Period of 2011–2014. 2012]. Available at: gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/bal_8.xls.
12. *Rybii zhir: sostav, svoistva i pol'za, pokazaniya i protivopokazaniya k primeneniyu ryb'ego zhira* [Fish Oil: Composition, Properties and Use, Indications and Contraindications to the Use of Fish Oil]. Available at: <http://www.inflora.ru/diet/diet330.html>
13. *Svedeniya ob ulove ryby, dobyche drugikh vodnykh bioresursov i proizvodstve rybnoi produktsii za yanvar'–dekabr' 2014 goda (narastayushchim itogom)* [Information about the Fish Catch, the Extraction of Other Aquatic Biological Resources and Production of Fish Products in January–December 2014 (Cumulative)]. Available at: http://fish.gov.ru/files/documents/otraslevaya_deyatelnost/ekonomika_otrasli/statistika_analitika/f407-0_yanvar-dekabr_2014.pdf.
14. *Utverzhdena Doktrina prodovol'stvennoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii* [The Food Security Doctrine of the Russian Federation Was Approved]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/6752>.
15. Tsukerman V. A. Problemy i perspektivy perekhoda ot syr'evoi k innovatsionnoi ekonomike Severa [Problems and Prospects of Transition from the Raw Materials Based Economy to the Innovation Economy of the North]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2008, no. 2, p. 27. Available at: <http://esc.vsc.ac.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=86>.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

DOI: 10.15838/esc/2015.6.42.9

УДК 352.075(470.12), ББК 66.3(2Рос-4Вол)12

© Чекавинский А.Н., Ворошилов Н.В.

Территориальное общественное самоуправление как институт развития на муниципальном уровне*

**Александр Николаевич
ЧЕКАВИНСКИЙ**

кандидат экономических наук
Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
chan@bk.ru

**Николай Владимирович
ВОРОШИЛОВ**

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
niks789@yandex.ru

Аннотация. В условиях недостаточной финансово-экономической самостоятельности муниципальных образований в России важное значение приобретают различные формы самоорганизации населения для участия в муниципальном управлении, в реализации проектов и мероприятий, обеспечивающих достижение стратегических целей и задач развития территорий при минимуме затрат. Одной из таких форм является территориальное общественное самоуправление (ТОС), не получившее пока, несмотря на свою эффективность, широкого распространения в российских регионах. Это объясняется как пассивностью населения, так и не до конца урегулированным статусом ТОС в системе местного самоуправления. В контексте этого представляется весьма актуальным исследование лучшего опыта организации и функционирования ТОС и обоснование его роли как института развития на муниципальном уровне. В настоящей работе на примере г. Вологды, а также

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-32-01333 «Формирование институтов развития на муниципальном уровне».

ряда субъектов РФ показано, что с помощью ТОС можно решить очень многие вопросы местного значения (в сфере социальной защиты, благоустройства, повышения комфортности проживания и др.). Это реально действующая форма участия населения в управлении развитием территорий. Однако для достижения наибольшего социального и экономического эффекта требуется государственная поддержка ТОС через специально сформированные программы, обеспечивающие софинансирование его проектов. В связи с этим авторы предлагают не только концептуальную схему и алгоритм функционирования ТОС как института развития на муниципальном уровне, но и рекомендации органам власти о формах его поддержки (в частности, создание при главе муниципального образования совета по развитию ТОС).

Ключевые слова: институты развития, местное самоуправление, территориальное общественное самоуправление, муниципальные образования, Вологодская область, город Вологда.

Муниципальный уровень управления является наиболее приближенным к конкретным потребностям и интересам населения. Большинство проблем социально-экономического развития территориально локализованы именно на уровне муниципальных образований (муниципальных районов, городских и сельских поселений, городских округов, внутригородских территорий городов федерального значения). Они рассматриваются в качестве главной составляющей социально-экономического развития территориальных образований более высокого уровня (субъекта РФ и страны в целом), так как это позволяет наиболее полно учитывать специфику развития территорий, местные ресурсы и условия.

Целью реформы местного самоуправления 2000-х годов было, с одной стороны, приблизить этот уровень власти к населению, к его интересам и потребностям, а с другой — сделать этот институт полноправным, самостоятельным уровнем власти, ответственным за определённый круг вопросов и полномочий в рамках проведения единой политики, направленной на решение комплексных задач развития страны [3]. Вместе с тем достичь главных

целей муниципальной реформы так и не удалось. Основная причина этого кроется в нерешённости ряда проблем. Важнейшей из них является *низкая финансово-экономическая самостоятельность большинства муниципальных образований*. Объём собственных источников формирования местных бюджетов в России — земельного налога и налога на имущество физических лиц, а также отчислений от НДС и других налогов — недостаточен для полного и качественного решения всех вопросов и проблем местного значения. Большую часть (более половины) доходов местных бюджетов по-прежнему составляют безвозмездные поступления из вышестоящих бюджетов (дотации, субсидии и субвенции). Так, в среднем по муниципальным районам Вологодской области их доля в 2006 г. составляла 81%, в 2014 г. — 72% (табл. 1). При этом в городских округах возможность выполнения расходных обязательств стала сильнее зависеть от поступлений из регионального бюджета за время «муниципальной реформы».

В этих условиях возникает объективная необходимость поиска новых источников роста, укрепления доходной базы местных бюджетов, институтов развития.

Таблица 1. Удельный вес безвозмездных поступлений в бюджеты муниципальных образований Вологодской области, в % от общего объема доходов

Показатель	2006	2007	2013	2014	2014 г. к 2006 г., +/- п.п.
В среднем по муниципальным районам	81,1	70,4	64,9	72,0	-9,1
В среднем по городским округам	33,5	37,4	50,0	59,0	+25,5
В среднем по городским и сельским поселениям	69,8	78,1	47,1	54,5	-15,2
В среднем по всем муниципальным образованиям области	54,6	62,6	56,5	64,6	+10,0

Рассчитано по: Отчёты об исполнении консолидированных бюджетов субъектов РФ и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов [Эл. рес.] // Официальный сайт Федерального казначейства. – Реж. дост.: <http://www.roskazna.ru>

Результаты анкетного опроса глав муниципальных образований Вологодской области, проводимого ИСЭРТ РАН¹, показывают, что главным качественным критерием прогрессивного социально-экономического развития муниципального образования выступает потенциал жителей. Поэтому одной из основных задач местного самоуправления является активизация участия различных социальных групп в решении проблем развития территорий. По итогам 2014 г. 28% опрошенных глав муниципальных районов, 54% – городских и 24% – сельских поселений отмечают увеличение интереса граждан к преобразованиям, происходящим в муниципальных образованиях (рис. 1). Однако доля тех, кто указал, что ситуация не изменяется, остаётся высокой (46–67%).

Основные формы проявления социальной активности и непосредственного участия граждан в решении вопросов местного значения: голосование на выборах в органы

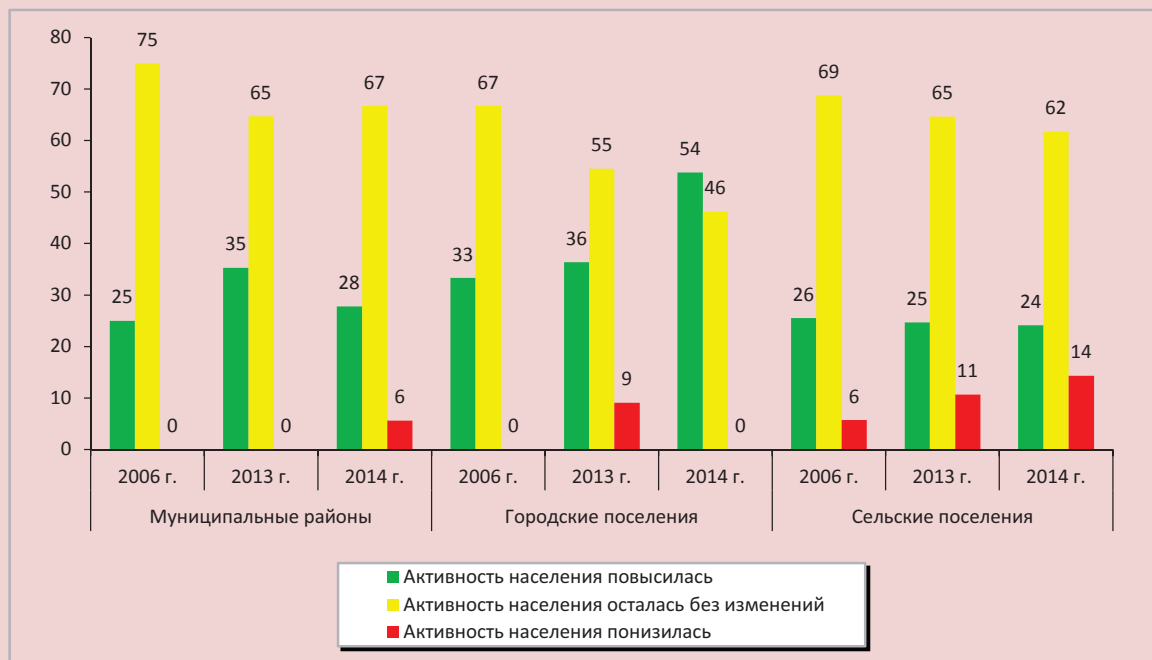
власти разных уровней (74, 31 и 63% глав районов, городских и сельских поселений соответственно); обращение в администрацию по интересующим вопросам (67, 82 и 63%); участие в собраниях, общественных слушаниях (32, 62 и 45%; табл. 2). Наименее распространены такие формы, как правотворческие инициативы и участие в деятельности территориального общественного самоуправления (на это указало менее 6% от числа всех опрошенных). Причём в 2014 году по сравнению с 2009 годом ситуация существенно не меняется.

Таким образом, в условиях низкой финансово-экономической самостоятельности муниципальных образований и пассивности непосредственно населения в осуществлении местного самоуправления и решении местных проблем необходимо развивать различные формы самоорганизации населения на местном уровне в целях реализации проектов по благоустройству территории, улучшению инфраструктуры, решению социальных проблем преимущественно за счёт личных средств и ресурсов населения при незначительной бюджетной поддержке.

Весьма эффективной формой координации интересов местных жителей и объединения усилий для совместной деятельности является *территориальное общественное самоуправление* (далее – ТОС). В соответствии с Федеральным законом

¹ На вопросы анкеты (30–40 вопросов) ежегодно отвечают 190–210 глав муниципальных образований из 282–372-х (в 2008–2013 гг. в Вологодской области проходил процесс объединения сельских поселений, в результате общее количество муниципальных образований сократилось на 90), что позволяет обеспечить ошибку выборки 4–5%. Главы дают оценку по итогам прошедшего календарного года: например, в опросе 2015 года – по итогам 2014 года. Основные результаты данного опроса опубликованы в статье: Ворошилов, Н.В. Институт местного самоуправления сегодня (по материалам опроса глав муниципальных образований Вологодской области) // Проблемы развития территории. – 2015. – №1 (75). – С. 49–62.

Рисунок 1. Распределение ответов глав муниципальных образований на вопрос: «Как, по Вашему мнению, изменилась социальная активность населения за предыдущий год?» (в % от числа ответивших)

Источник (здесь и в таблице 2): База данных мониторинга изучения условий реформирования института местного самоуправления Вологодской области, ИСЭРТ РАН, 2007–2015 гг.

Таблица 2. Формы проявления социальной активности населения в муниципальных образованиях Вологодской области (в % от числа ответивших глав муниципальных образований)

Форма	Муниципальные образования					
	муниципальные районы		городские поселения		сельские поселения	
	2009 г.	2014 г.	2009 г.	2014 г.	2009 г.	2014 г.
Участие в субботниках, спортивно-массовых и культурных мероприятиях	61,5	42,1	45,5	61,5	56,3	64,9
Голосование на выборах в органы власти разных уровней	80,8	73,7	72,7	30,8	82,9	63,4
Обращение в органы местного самоуправления по интересующим вопросам	61,5	73,7	63,6	76,9	57,0	57,5
Участие в собраниях, общественных слушаниях, посвященных вопросам местного самоуправления	42,3	31,6	18,2	61,5	34,2	44,8
Оказание помощи в организации мероприятий (личное и финансовое)	38,5	15,8	18,2	23,1	27,2	26,1
Публикации в средствах массовой информации	38,5	21,1	27,3	7,7	12,7	9,7
Формирование и функционирование общественных организаций, профсоюзов	46,2	21,1	9,1	38,5	10,1	6,0
Участие в социологических исследованиях (например, в опросах)	19,2	5,3	0,0	15,4	7,6	3,0
Правотворческая инициатива, т.е. инициирование гражданами решений, направленных на повышение качества и уровня жизни	-	0,0	-	0,0	-	3,0
Членство в политических партиях	36,6	5,3	0,0	0,0	8,9	1,5
Формирование разнообразных форм территориального общественного самоуправления, некоммерческих организаций	-	5,3	-	0,0	-	1,5

«Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ под территориальным общественным самоуправлением понимается *самоорганизация граждан* по месту их жительства на части территории поселения, внутригородской территории города федерального значения, городского округа, внутригородского района для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения. ТОС может быть организовано в пределах таких территорий проживания граждан, как: подъезд многоквартирного жилого дома, многоквартирный жилой дом, группа жилых домов, жилой микрорайон, сельский населенный пункт, не являющийся поселением, иные территории проживания граждан.

Территориальное общественное самоуправление может осуществляться: 1) непосредственно населением путём проведения собраний и конференций граждан; 2) созданными органами (коллегиальный исполнительный орган управления – совет/комитет, возглавляемый председателем, и контрольно-ревизионный орган). Каждый созданный в муниципальном образовании ТОС должен быть зарегистрирован либо как юридическое лицо (в форме некоммерческой организации), либо без образования юридического лица (в данном случае регистрируется лишь Устав ТОС).

К направлениям деятельности современного российского ТОС относятся: защита прав и интересов жителей; реализация социальных проектов; работа с детьми и подростками; контроль за торговлей и качеством оказания различных услуг; согласование использования земельных участков; участие в охране общественного порядка; организация досуга жителей; содержание и благоустройство территории;

ремонт и эксплуатация жилищного фонда; организация благотворительных и волонтерских мероприятий и др.

Деятельность ТОС при заинтересованности в ней властей региона и района может дать существенный экономический и социальный эффект. Так, в Архангельской области при поддержке Института общественных и гуманитарных инициатив и выделении финансовых средств на деятельность ТОС из регионального бюджета в начале – середине 2000-х годов местное население реализовало за четыре года 54 проекта стоимостью 1,75 млн. руб., которые дали экономический эффект почти в 30 млн. руб. [12]. Как пишет Г. Тюрин в книге «Опыт возрождения русских деревень», «это уровень капитализации, которого нет ни у японцев, ни у американцев при их передовых технологиях. Люди получают небольшие инвестиции, сами пишут проект и становятся субъектом действия. Раньше человек из райцентра принимал решение о том, где проводить строительство какого-либо объекта. Теперь же они сами обсуждают, где и что они будут делать, причем ищут самое дешевое решение ввиду отсутствия средств. Рядом с активными жителями деревень находится только один тренер. Его задача привести их к выбору и реализации того проекта, который поможет осуществить следующий. И каждый новый будет делать их экономически все более самостоятельными. В большинстве случаев это не бизнес-проекты в конкурентной среде, а этап обретения навыков управления ресурсами. Но те, кто через этот этап прошли, уже могут идти дальше. Вообще, это некая форма изменения сознания. Население, которое начинает себя осознавать, создает внутри себя орган территориального общественного самоуправления. И вручает ему мандат доверия. По существу, это и есть земство, хотя несколько иное,

чем было в XIX веке. Но смысл тот же: самоорганизующаяся система, которая привязана к территории и отвечает за ее развитие» [12].

Итак, в Архангельской области имеется значительный положительный опыт деятельности органов ТОС, совместного решения населением и властью конкретных проблем местного значения. С 2006 по 2015 г. количество зарегистрированных ТОС увеличилось почти в 18 раз – с 47 до 830. По состоянию на 01.01.2015 г. большая часть из них (631) созданы в сельских поселениях, 154 – в городских поселениях, 45 – в городских округах [4].

За 2006–2013 гг. ТОСами Архангельской области реализовано 1212 проектов, из них 758 – за последние три года. В 2014 году на муниципальные конкурсы было подано 442 проекта, из них 284 получили государственную поддержку. Почти половина проектов (44,7%) направлена на решение вопросов благоустройства населённого

пункта; четверть (26,0%) – на сохранение местного историко-культурного наследия, народных традиций, 17,2% – на развитие физкультуры и спорта; 9,5% – на поддержку социально уязвимых групп, 2,5% – на развитие экологической культуры и безопасности [4].

Особенно значительных конкретных результатов при участии ТОС удалось достичь в 2011–2014 гг. (табл. 3). А доля бюджетных средств, выделявшихся в этот период на реализацию социально значимых проектов, ежегодно составляла менее 50%².

Несколько иная модель применяется в Республике Коми, где проекты, инициированные ТОСами, реализуются на 3/4 за счёт бюджетных средств. Так, в 2013 г. ТОСами реализовано 23 проекта, при этом собственные средства их инициаторов (населения и бизнеса) составили 2286,7 тыс. руб. (25,3%), а субсидий из областного бюджета – 6740 тыс. руб. (74,7%) [13].

Таблица 3. Результаты реализации проектов ТОС в Архангельской области в 2011–2014 гг. [4; 5]

Проект	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Всего за 2011–2014 гг.
Ремонт и реконструкция:					
– дорог местного значения, тыс. кв. м	52,6	44,5	41,0	75,0	213,1
– тротуаров, тыс. п. м	16,0	6,0	10,0	1,5	33,5
– мостов, ед.	20	15	8	7	50
Обустройство, ед.:					
– колонок, водонапорных башен и других источников	41	38	43	23	145
– памятников, посвящённых павшим в ВОВ	6	14	22	28	70
– памятников духовного наследия	8	16	14	9	47
– детских площадок	27	33	35	34	129
– спортивных объектов	29	33	48	22	132
– домов культуры, центров досуга, музеев	24	24	33	24	105
– туристических объектов	10	16	22	12	60
– домов творчества	2	8	8	5	23
– лесопарков, пастбищ, парков отдыха	3	5	13	1	22
– пожарных водоёмов	0	1	15	7	23
Реализовано проектов по благоустройству дворов, ед.	48	62	89	84	283

² В 2006–2014 гг. проекты реализовывались за счёт софинансирования из трёх источников: средств областного бюджета (77,2 млн. руб.; 30%), местных бюджетов (45,6 млн. руб.; 18%), населения и благотворителей (131,2 млн. руб.; 52%). Источник: Доклад о состоянии, проблемах и перспективах развития территориального общественного самоуправления в Архангельской области, об эффективности мер государственной поддержки территориального общественного самоуправления в Архангельской области за 2014 год [Эл. рес.] // Интернет-портал территориального общественного самоуправления Архангельской области. – Реж. дост.: http://www.tos29.ru/images/upload/doclad_zh_2014_god.pdf.

В Костромской области, где ежегодно осуществляется мониторинг развития территориального общественного самоуправления, его результаты также свидетельствуют о масштабности деятельности этого института в регионе и его участии в решении множества самых разнообразных вопросов местного значения, существенном объёме привлечённых средств на реализацию проектов и мероприятий (8,2 млн. руб. в 2013 г.) [6].

Успешный опыт деятельности ТОС имеется и в городе Вологде. Наибольшее развитие территориальное общественное самоуправление получило в период 2005–2007 гг. По инициативе горожан ТОСы были созданы во всех крупных микрорайонах: в настоящее время в Вологде действует 31 ТОС.

За 2011–2015 гг. ТОСами при активной поддержке Администрации города Вологды было реализовано несколько сотен проектов, инициатив, мероприятий, участие в которых приняли тысячи вологжан. Систематизация деятельности ТОС позволяет выделить 7 основных её направлений (табл. 4).

С развитием территориального общественного самоуправления расстановка приоритетов в решении местных проблем и участии в их реализации переходит от местных властей к населению, а это является основой эффективно функционирующего реального местного самоуправления.

Таким образом, анализ результатов деятельности территориального общественного самоуправления позволяет утверждать, что с помощью ТОС может быть решено большинство проблем, связанных с благоустройством территории, повышением комфортности проживания, а также ряд вопросов социальной защиты отдельных категорий граждан.

Как отмечает известный исследователь и один из идеологов развития территориального общественного самоуправления в России доктор политических наук Е.С. Шомина, «успешность деятельности ТОС во многом определяется отношением к нему власти и наличием (отсутствием) разных механизмов и форм поддержки. Существуют самые разные институты поддержки для уже созданных ТОСов и только формирующихся локальных инициатив жителей» [14]. Среди них, например, *отделы, созданные в органах местного самоуправления* (Омск, Новосибирск, Киров, Рязань, Биробиджан, Сургут, Южно-Сахалинск, Благовещенск, Магадан, Магнитогорск, Долгопрудный, Самара, Нижний Новгород, Пермь), где ТОСы, уже ряд лет активно поддерживаемые органами местного самоуправления, имеют помещения и оргтехнику и получают возможность на конкурсной основе реализовывать различные проекты. Размеры *грантовой поддержки отдельных проектов* колеблются от 50 до 500 тысяч рублей, а общие суммы грантовых конкурсов, которые являются важнейшим источником поддержки инициатив жителей, измеряются миллионами рублей [14].

Поддержку развитию ТОС в последнее время всё чаще стали оказывать и *ассоциации муниципалитетов*, в частности Совет муниципальных образований Московской области, который планирует создать Координационный совет руководителей органов ТОС Московской области и поддерживает идею создания Ассоциации ТОС, которой Совет муниципальных образований Московской области окажет необходимую юридическую и организационную помощь [14].

Помимо учреждений, создаваемых при органах местной власти для поддержки

Таблица 4. Направления деятельности ТОСов города Вологды в 2011–2015 гг.

Направление деятельности	Содержание деятельности
1. Проекты по созданию объектов инфраструктуры	Строительство при участии ТОС спортивных сооружений (футбольных полей, волейбольных площадок, хоккейных коробок), детских игровых площадок, мест отдыха, малых архитектурных форм, контейнерных площадок
2. Проекты, направленные на благоустройство города	Проведение ТОС субботников по очистке территории от мусора, благоустройство и ремонт дворовых территорий, подъездов, детских площадок, благоустройство зон отдыха, парков, скверов, аллей, водоёмов, берегов рек, озеленение территорий, украшение дворовых территорий к новогодним праздникам, помощь коммунальщикам по расчистке дворов от снега
3. Контрольная функция ТОС	Контроль за ремонтом дворовых территорий, дорог, капитальным ремонтом домов; содействие деятельности советов многоквартирных домов; контроль за начислением коммунальных платежей; контроль за качеством транспортного обслуживания населения (интервалы движения, состояние троллейбусов, автобусов, культура обслуживания); контроль за состоянием дворовых территорий и объектов инфраструктуры; контроль за соблюдением правил торговли; выявление мест незаконной торговли, надписей на зданиях; выявление незаконной и мешающей рекламы, игровых автоматов
4. Инициативная деятельность ТОС	Разработка ТОСами и согласование с Администрацией города в 2013 г. проектов по комплексному развитию территорий практически всех микрорайонов; выдвижение инициатив по ремонту дворовых территорий и участие в нём, инициатив по установке знаков, а также проектов по уличному освещению, инициатив по вопросам благоустройства набережных; отставание органами ТОС сохранения территорий и зон отдыха; выделения «зон здоровья» в городе (территорий парков, скверов и т.д., свободных от курения); выделения зон парковки; изменения схемы движения по территории дворов
5. Мероприятия в сфере культуры и спорта	Проведение ТОСами культурных мероприятий в микрорайонах города (концерты, тематические праздники, праздники для детей); организация конкурсов, круглых столов, спартакиад и спортивных мероприятий среди взрослых и детей, мероприятий в поддержку здорового образа жизни; мероприятий по возрождению традиций русских народных праздников; организация литературных вечеров, конкурсов к Международному женскому дню; создание и деятельность клубов по интересам, Школы молодых родителей; проведение мероприятия по обмену саженьцами; восстановление и ремонт памятников; чествование активистов ТОС и жителей, внёсших значительный вклад в развитие микрорайона; выпуск специальных материалов (книг, газет, информационных листов, видеороликов) об истории микрорайона и его современной жизни; участи в общегородских культурных праздниках, мероприятиях и социально значимых проектах
6. Образовательная и воспитательная деятельность	Организация конкурсов детских рисунков, конкурса проектов и идей по благоустройству города, конкурса среди детей и подростков макетов и рисунков снежных крепостей; организация детских спартакиад и спортивных мероприятий, экскурсий для школьников, познавательных мероприятий (например, «Весёлая наука»); инструктирование школьников по безопасности дорожного движения; проведение профилактических бесед со школьниками на различные темы
7. Волонтерская и благотворительная деятельность	Благоустройство и подготовка при участии ТОС детских садов и детских домов к началу учебного года, сбор подарков для Дома малютки, участие представителей ТОС в Дне донора, организация бесплатных спортивных тренировок для детей, поздравление ветеранов ВОВ и тружеников тыла и вручение им подарков
Источник: составлено по [9; 15]	

ТОС, формируются *некоммерческие фонды, координационные и иные коллегиальные структуры*. Например, в Челябинске создан городской общественный фонд поддержки ТОС «Согласие», в Ангарске — координационные советы территорий, в

Иркутске — ресурсные центры по развитию МСУ. Мощными институтами поддержки ТОСов являются их *ассоциации* (например, Ассоциация ТОС в Ростове-на-Дону, Республике Коми, Хакасии, Ивановской, Воронежской и других областях) [14].

Результаты опроса, проведенного специалистами департамента внутренней политики Правительства Вологодской области среди глав муниципальных районов области, указывают на основные проблемы в организации и деятельности органов ТОС:

1. Отсутствует четкое определение места органов ТОС в системе местного самоуправления, в частности:

– круга полномочий, которые могут быть действительно реализованы ТОС самостоятельно или совместно с администрациями;

– механизма взаимодействия ТОС с местными администрациями, их службами и органами государственной власти в решении общих вопросов, касающихся жителей территории (полная подчиненность администрациям, полная независимость от них или взаимное ответственное партнерство с администрациями в решении проблем территорий).

2. Не определены источники финансирования ТОС:

– бюджетное финансирование: постоянное, непостоянное, на конкурсной основе;

– роль ТОС в контроле за выполнением доходной и расходной части местного бюджета;

– возможности и проблемы организации предпринимательской деятельности ТОС, а также содействия ТОСов предпринимательской деятельности на своей территории;

– другие источники финансирования ТОС (от пожертвований, внебюджетных фондов, штрафных санкций, узаконенных сборов с юридических и физических лиц).

3. Главы муниципальных образований недостаточно информированы о положительном опыте работы ТОС и достигнутых результатах.

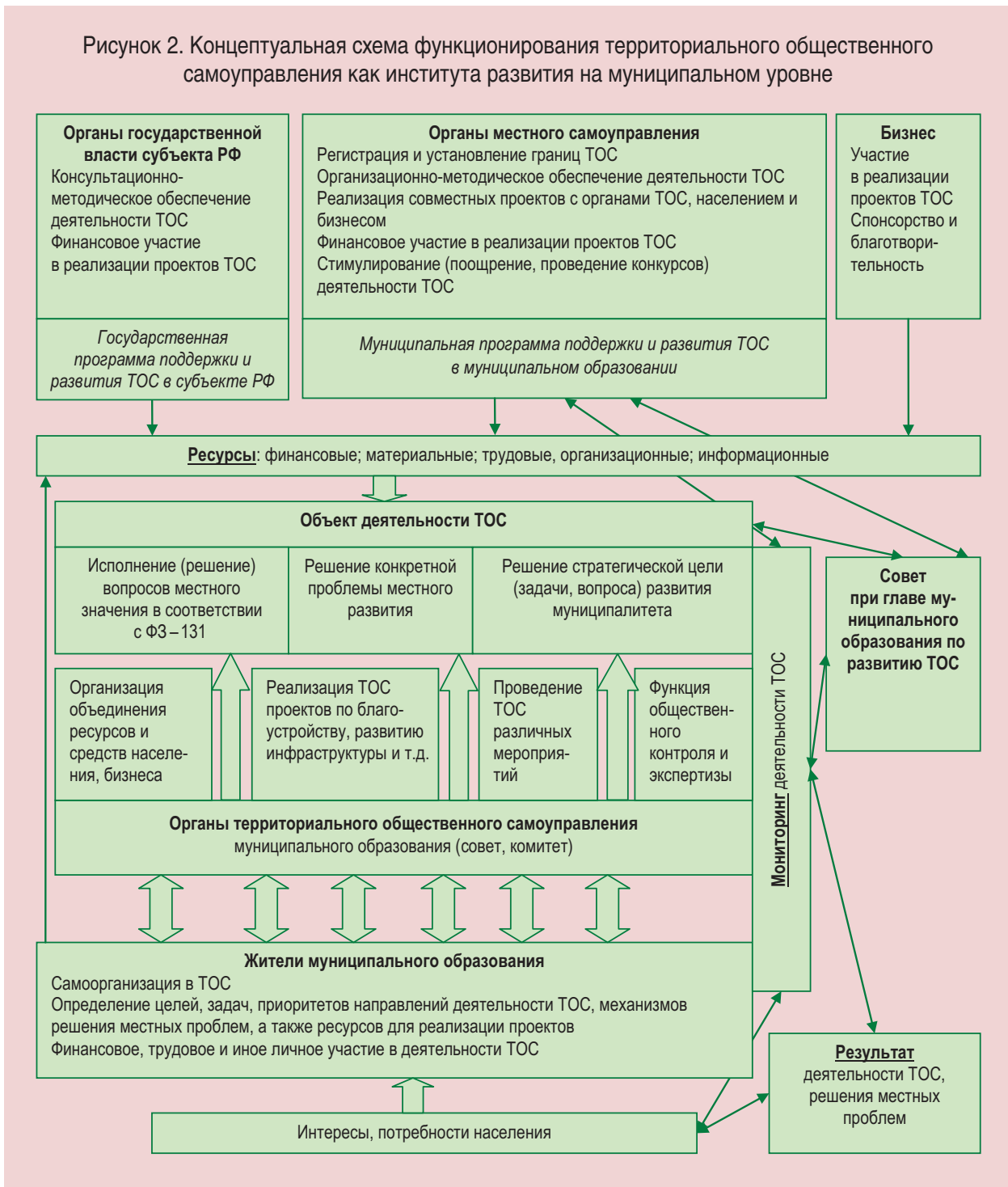
Наиболее оптимальная модель деятельности территориального общественного самоуправления как института развития на муниципальном уровне может быть выражена, на наш взгляд, в схеме, представленной на *рисунке 2*.

Жители муниципального образования имеют интересы и потребности, заключающиеся в обеспечении комфортных условий своего проживания, повышения уровня благоустройства территории, повышения общего уровня её социально-экономического развития. Эти общие интересы обуславливают необходимость самоорганизации граждан по месту своего жительства.

Наиболее активные жители объединяются в формальные (посредством создания, регистрации и деятельности органов территориального общественного самоуправления на постоянной основе) и неформальные (разовые объединения для решения каких-либо совместных задач) группы. Органы власти муниципального образования также заинтересованы в повышении роли населения в решении вопросов и задач местного значения. Поэтому в структуре местных администраций (городских округов и муниципальных районов) могут создаваться подразделения по взаимодействию с ТОС и/или центры по работе с населением и ТОС в различных микрорайонах города.

После регистрации ТОС определяется план его деятельности, формируются органы управления, определяются первоочередные мероприятия, проекты, которые необходимо реализовать на данной конкретной территории. Далее выявляются имеющиеся и возможные для привлечения к реализации проектов ресурсы населения, власти и бизнеса, определяются источники финансирования проекта. Это могут быть средства населения, местного бизнеса

Рисунок 2. Концептуальная схема функционирования территориального общественного самоуправления как института развития на муниципальном уровне

(в форме пожертвований, благотворительности), а также средства принятых на региональном и местном уровне программ, предусматривающих софинансирование реализации проектов ТОС.

Выбор оптимальной модели финансирования проектов ТОС зависит от возможностей региональных и местных бюджетов, числа и активности созданных ТОСов, территориальных особенностей муниципали-

тетов, покупательной способности доходов населения региона, масштабности (объём финансовых затрат) разработанных проектов. В таком случае можно предположить наличие следующих примерных подходов к структуре финансирования проектов ТОС:

1) 34% (или 50%) – средства бюджета субъекта РФ (субсидии, гранты в рамках соответствующей региональной программы поддержки ТОС); 33% (или 20%) – средства местного бюджета (субсидии, гранты в рамках муниципальной программы поддержки ТОС); 33% (или 30%) – средства внебюджетных источников (населения, бизнеса, общественных организаций и различных внебюджетных фондов, грантодающих организаций);

2) 75% (или 50, 33%) – средства бюджета субъекта РФ; 25% (или 50%, 67%) – средства внебюджетных источников (при отсутствии муниципальных программ поддержки ТОС);

3) 75% (или 50, 33%) – средства местного бюджета; 25% (или 50, 67%) – средства внебюджетных источников (при отсутствии региональных программ поддержки ТОС);

4) 100% за счёт средств внебюджетных источников (при отсутствии региональных и муниципальных программ поддержки ТОС и иных программ, в которых они могут участвовать, и/или для реализации незначительных по масштабу проектов, мероприятий).

После выявления ресурсов для реализации проекта или мероприятия ТОС определяются конкретные его исполнители (жители соответствующей территории ТОС, сторонние организации по договору, работники муниципальных предприятий, учреждений и органов местного самоуправления с привлечением их ресурсов).

Ежегодно проводится мониторинг деятельности ТОС: оценивается конкретный измеримый результат их деятельности, формируются их финансовые и иные отчёты, соответственно выявляются проблемы в организации ТОС, степень удовлетворения запросов и потребностей населения, ставятся новые задачи на следующий год.

Для координации деятельности ТОС в муниципальном районе (городском округе) целесообразно создание *Совета при главе муниципального образования по развитию территориального общественного самоуправления* как его организационного механизма. В Совет входят руководители органов ТОС и их представители, глава муниципального образования, специалисты администрации, представители общественных организаций. Он создается после регистрации не менее 5 органов ТОС в муниципальном образовании и собирается не реже одного раза в квартал для обсуждения наиболее актуальных проблем организации ТОС, развития муниципалитета, инициатив населения, возможностей поддержки его конкретных проектов населением и т.д.

При разработке и корректировке стратегических и программных документов развития муниципалитета учитывается мнение каждого ТОСа (Совета при главе по развитию ТОС), определяется возможность конкретного участия ТОС в реализации различных программных документов.

Важная роль отводится ТОС как институту общественного контроля на местном уровне, в том числе при реализации проектов государственно-муниципально-частного партнёрства на территории присутствия ТОС.

Для эффективной реализации данного механизма необходимы следующие формы

поддержки территориального общественного самоуправления со стороны органов местного самоуправления района и поселений:

1. Нормативно-правовое и организационно-консультационное обеспечение:

- разработка правовой базы, регламентирующей деятельность ТОС;
- организация деятельности советов по развитию ТОС при главе муниципального образования (городского округа, муниципального района);
- организация деятельности рабочих групп при администрации городского округа с участием представителей ТОС по направлениям деятельности;
- проведение конкурсов на получение грантов для поддержки общественно полезных проектов органов ТОС;
- обучение представителей ТОС;
- организация встреч должностных лиц органов местного самоуправления с населением и представителями ТОС, личного приема граждан на территории присутствия ТОС;
- проведение тематических семинаров, круглых столов, конференций по организационным вопросам для представителей ТОС.

2. Развитие активности населения в деятельности ТОС:

- посредством разработки муниципальных целевых программ, в реализации которых могут принять участие органы ТОС;
- привлечения к участию в мероприятиях по обеспечению сохранности жилищного фонда, по санитарной очистке, благоустройству и озеленению территории муниципального образования;
- организации социально значимых работ;
- развития системы поддержки представителей ТОС (материальное поощре-

ние, награждение грамотами, благодарственными письмами и другие формы поддержки).

3. Укрепление взаимодействия между органами ТОС, НКО и малым/средним бизнесом:

- за счет оказания содействия в разработке и осуществлении совместных общественно полезных программ и инициатив;
- организации и проведения совместных мероприятий;
- обобщения и распространения положительного опыта работы органов ТОС.

4. Информационное обеспечение деятельности ТОС, осуществляемое в следующих формах:

- подготовка и издание брошюр, информационных бюллетеней, справочников по вопросам деятельности ТОС;
- выпуск комитетами ТОС информационных листов для населения;
- привлечение средств массовой информации к освещению опыта и результатов работы комитетов ТОС, практики их взаимодействия с органами местного самоуправления, НКО, малым/средним бизнесом и населением.

Стимулом самоорганизации населения и его вовлечения в процессы муниципального управления, повышения эффективности взаимодействия власти и населения послужит разработка *региональной и/или муниципальной целевой программы поддержки и стимулирования развития территориального общественного самоуправления*, предполагающей софинансирование из регионального или местного бюджета проектов ТОСов, оказание им организационной, консультационно-методической и иной помощи.

Анализ имеющихся в регионах и муниципалитетах России программ позволяет утверждать, что основными формами

поддержки ТОС являются субсидии из регионального или местного бюджета на софинансирование проектов ТОС (например, Архангельская и Волгоградская области, города Архангельск, Волгоград, Ульяновск), субсидии на софинансирование проектов социально ориентированных некоммерческих организаций (Республика Коми), финансовые средства на обеспечение работы председателей ТОС (г. Котельнич Кировской области), субсидий на софинансирование местных социальных инициатив (Кировская область и г. Киров).

Организация деятельности ТОС даёт возможность видеть все местные проблемы изнутри, находить пути их решения совместными усилиями населения, бизнеса, органов власти города и муниципаль-

ных предприятий, формируя тем самым эффективное муниципальное партнёрство.

Таким образом, территориальное общественное самоуправление – это институт непосредственной демократии на местах, институт реального местного самоуправления. Его роль в развитии территорий и решении местных проблем может быть достаточно значимой при наличии эффективной системы ТОС в муниципалитете, финансовой и иной поддержки со стороны органов государственной власти и местного самоуправления. Поэтому в каждом муниципальном образовании необходимо чётко определить роль ТОС в управлении развитием территорий, в решении местных проблем, место в единой системе институтов развития на муниципальном уровне в рамках описанного выше механизма.

Литература

1. База данных показателей муниципальных образований [Эл. рес.] / Росстат. – Реж. дост.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm
2. Ворошилов, Н.В. Институт местного самоуправления сегодня (по материалам опроса глав муниципальных образований Вологодской области) / Н.В. Ворошилов // Проблемы развития территории. – 2015. – № 1 (75). – С. 49-62.
3. Ворошилов, Н.В. Тенденции и проблемы развития муниципальных районов Вологодской области [Эл. рес.] / Н.В. Ворошилов // Вопросы территориального развития. – 2014. – № 1. – Реж. дост. : <http://vtr.isert-ran.ru/?module=Articles&action=view&aid=3489>
4. Доклад о состоянии, проблемах и перспективах развития территориального общественного самоуправления в Архангельской области, об эффективности мер государственной поддержки территориального общественного самоуправления в Архангельской области за 2014 год [Эл. рес.] // Интернет-портал территориального общественного самоуправления Архангельской области. – Реж. дост.: http://www.tos29.ru/images/upload/doclad_zh_2014_god.pdf
5. Интернет-портал территориального общественного самоуправления Архангельской области. – Реж. дост.: <http://www.tos29.ru/>
6. Мониторинг деятельности ТОС в муниципальных образованиях Костромской области за 2013 год [Эл. рес.] // Портал государственных органов Костромской области. – Реж. дост.: [http://www.adm44.ru/iu/%D0%A2%D0%9E%D0%A1%202013\(1\).docx](http://www.adm44.ru/iu/%D0%A2%D0%9E%D0%A1%202013(1).docx)
7. Мониторинг условий проживания населения г. Вологды: информ.-аналит. записка о НИР / исполн. С.А. Кожевников. – Вологда, 2015. – 134 с.
8. Отчёты об исполнении консолидированных бюджетов субъектов РФ и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов [Эл. рес.] // Официальный сайт Федерального казначейства. – Реж. дост.: <http://www.roskazna.ru>
9. Официальный сайт Администрации города Вологды. – Реж. дост.: <http://vologda-portal.ru/>

10. Повышение эффективности управления социально-экономическим развитием муниципальных образований: отчет о НИР / исполн. Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов, А.Н. Чекавинский, С.А. Кожевников. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. – 181 с. – Инв. № 02201454078.
11. Раздьяконова, Е.В. Территориальное общественное самоуправление: проблемы муниципально-правового регулирования в городских округах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Е.В. Раздьяконова. – Челябинск, 2010. – 27 с.
12. Тюрин, Г.В. Опыт возрождения русских деревень / Г.В. Тюрин. – М. : Поколение, 2007. – 240 с.
13. Что такое ТОС? Территориальное общественное самоуправление [Эл. рес.] // Сайт тематического сообщества «Муниципал». – Реж. дост.: <http://municipal-sd.ru/sites/default/files/komi-toc-1.pdf>
14. Шомина, Е.С. Текущее состояние территориального общественного самоуправления / Е.С. Шомина // Территориальное общественное самоуправление. Текущее состояние и примеры успешных практик из регионов России. 2014. – М. : Фонд «Устойчивое развитие», 2014. – С. 2-6.
15. Шулепов, Е.Б. Современные методы управления крупным городом / Е.Б. Шулепов; под ред. Т.В. Усковой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 195 с.

Сведения об авторах

Александр Николаевич Чекавинский – научный сотрудник, заместитель заведующего отделом проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, chan@bk.ru)

Николай Владимирович Ворошилов – младший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, niks789@yandex.ru)

Chekavinskii A.N., Voroshilov N.V.

Territorial Public Self-Government as a Development Institution at the Municipal Level

Aleksandr Nikolaevich Chekavinskii – Research Associate, Deputy Head of the Department of the Issues of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, chan@bk.ru)

Nikolai Vladimirovich Voroshilov – Junior Research Associate at the Department of the Issues of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation, niks789@yandex.ru)

Abstract. Under the conditions of insufficient financial and economic independence of Russia's municipalities, greater importance is attached to various forms of people's self-organization created for the purpose of participating in municipal administration, in the implementation of projects and activities that ensure the achievement of strategic goals and objectives of territorial development with minimum cost. One such form is territorial public self-government (TPSG); but, despite its effectiveness, it is not widespread in Russian regions. This is due both to the passivity of the population and to the fact that the

status of TPSG has not been established clearly in the system of local government. That is why it is very important to study the best practices of organization and functioning of TPSG and substantiate its role as a development institution at the municipal level. The present work uses the example of Vologda city and several RF subjects to show that TPSG can solve many local issues (in the sphere of social protection, improvement of territories, promotion of comfortable living, etc.). It is a really effective form of people's participation in the management of development of territories. However, in order to achieve the greatest social and economic effect, it is necessary that TPSG receive state support through specially developed programs to co-finance the projects within the framework of territorial public self-government. In this regard, the authors of the present paper offer a conceptual scheme and an algorithm of functioning of TPSG as a development institution at the municipal level and provide recommendations to the authorities about the forms of its support (in particular, the establishment of a council for the development of TPSG under the head of the municipal formation).

Key words: development institutions, local government, territorial public self-government, municipalities, Vologda Oblast, Vologda city.

References

1. Baza dannykh pokazatelei munitsipal'nykh obrazovaniy [The Database of Indicators of Municipalities]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm
2. Voroshilov N.V. Institut mestnogo samoupravleniya segodnya (po materialam oprosa glav munitsipal'nykh obrazovaniy Vologodskoi oblasti) [Local Government Institute Today (according to the Poll of Heads of Municipal Entities in the Vologda Oblast)]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], 2015, no. 1 (75), pp. 49–62.
3. Voroshilov N.V. Tendentsii i problemy razvitiya munitsipal'nykh raionov Vologodskoi oblasti [Trends and Problems in the Development of the Vologda Oblast Municipal Districts]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial Development Issues], 2014, no. 1. Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/?module=Articles&action=view&aid=3489>
4. Doklad o sostoyanii, problemakh i perspektivakh razvitiya territorial'nogo obshchestvennogo samoupravleniya v Arkhangel'skoi oblasti, ob effektivnosti mer gosudarstvennoi podderzhki territorial'nogo obshchestvennogo samoupravleniya v Arkhangel'skoi oblasti za 2014 god [A Report on the Status, Problems and Prospects of Development of Territorial Public Self-Government in the Arkhangelsk Oblast, on the Effectiveness of Measures of State Support to Territorial Public Self-Government in the Arkhangelsk Oblast in 2014]. *Internet-portal territorial'nogo obshchestvennogo samoupravleniya Arkhangel'skoi oblasti* [Internet-Portal of the Arkhangelsk Oblast Territorial Public Self-Government]. Available at: http://www.tos29.ru/images/upload/doclad_za_2014_god.pdf
5. *Internet-portal territorial'nogo obshchestvennogo samoupravleniya Arkhangel'skoi oblasti* [Internet-Portal of the Arkhangelsk Oblast Territorial Public Self-Government]. Available at: <http://www.tos29.ru/>
6. Monitoring deyatel'nosti TOS v munitsipal'nykh obrazovaniyakh Kostromskoi oblasti za 2013 god [Monitoring of Territorial Public Self-Government Activities in the Municipalities of the Kostroma Oblast for 2013]. *Portal gosudarstvennykh organov Kostromskoi oblasti* [Portal of Public Authorities of the Kostroma Oblast]. Available at: [http://www.adm44.ru/i/u/%D0%A2%D0%9E%D0%A1%202013\(1\).docx](http://www.adm44.ru/i/u/%D0%A2%D0%9E%D0%A1%202013(1).docx)
7. *Monitoring uslovii prozhivaniya naseleniya g. Vologdy: inform.-analit. zapiska o NIR* [The Monitoring of the Living Conditions of the Population of the City of Vologda: an Information-Analytical Note about the Research Work]. Executed by S.A. Kozhevnikov. Vologda, 2015. 134 p.
8. Otchety ob ispolnenii konsolidirovannykh byudzhetrov sub"ektov RF i byudzhetrov territorial'nykh gosudarstvennykh vnebyudzhetnykh fondov [Reports on Execution of Consolidated Budgets of RF Subjects and Budgets of Territorial State Extra-Budgetary Funds]. *Ofitsial'nyi sait Federal'nogo kaznacheistva* [Official Website of the Federal Treasury]. Available at: <http://www.roskazna.ru>
9. *Ofitsial'nyi sait Administratsii goroda Vologdy* [Official Website of the Vologda City Administration]. Available at: <http://vologda-portal.ru/>

10. *Povyshenie effektivnosti upravleniya sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem munitsipal'nykh obrazovaniy: otchet o NIR* [Enhancement of the Efficiency of Socio-Economic Development of Municipalities: a Research Report]. Executed by T.V. Uskova, N.V. Voroshilov, A.N. Chekavinskii, S.A. Kozhevnikov. Vologda: ISERT RAN, 2013. 181 p.
11. Razd'yakonova E.V. *Territorial'noe obshchestvennoe samoupravlenie: problemy munitsipal'no-pravovogo regulirovaniya v gorodskikh okrugakh: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.02* [Territorial Public Self-Government: Problems of Municipal Legal Regulation in Urban Districts: Ph.D. in Legal Sciences Thesis Abstract]. Chelyabinsk, 2010. 27 p.
12. Tyurin G.V. *Opyt vrozozhdeniya russkikh dereven'* [The Experience of Revival of Russian Villages]. Moscow: Pokolenie, 2007. 240 p.
13. Chto takoe TOS? Territorial'noe obshchestvennoe samoupravlenie [What Is TPSG? Territorial Public Self-Government]. *Sait tematicheskogo soobshchestva "Munitsipal"* [Website of the Thematic Community "Municipal"]. Available at: <http://municipal-sd.ru/sites/default/files/komi-toc-1.pdf>
14. Shomina E.S. *Tekushchee sostoyanie territorial'nogo obshchestvennogo samoupravleniya* [Current Status of Territorial Public Self-Government]. *Territorial'noe obshchestvennoe samoupravlenie. Tekushchee sostoyanie i primery uspekhnykh praktik iz regionov Rossii. 2014* [Territorial Public Self-Government. Current Status and Examples of the Best Practices from Russian Regions. 2014]. Moscow: Fond "Ustoichivoe razvitie", 2014. Pp. 2-6.
15. Shulepov E.B. *Sovremennye metody upravleniya krupnym gorodom* [Modern Methods for Managing a City]. Ed. by T.V. Uskova. Vologda: ISERT RAN, 2015. 195 p.

Выявление характерных черт структурных изменений научно-инновационного процесса

**Михаил Александрович
ГУСАКОВ**

доктор экономических наук, профессор
Институт проблем региональной экономики РАН
190013, Россия, Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 38, migus37@yandex.ru

**Алина Владимировна
ФЕДОРОВА**

кандидат экономических наук
Институт проблем региональной экономики РАН
190013, Россия, Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 38, info@iresras.ru

Аннотация. В статье обосновываются и выявляются характерные черты и намечающиеся тенденции структурных изменений научно-инновационного процесса в условиях становления постиндустриальной экономики, переходного периода к постиндустриальной технологии. Характеристики и сдвиги касаются структуры научно-инновационного процесса, качества исследований и разработок, роли фундаментальной науки и высоких технологий, места услуг в научно-инновационном продукте, пространственного контекста структуры. Изначальный тренд характерным чертам структурных изменений научно-инновационного процесса задает эволюция его понятия и содержания (структуры). Исследуется динамика основных показателей инновационной деятельности как интегрированного результата активизации и эффективности научно-инновационного процесса, показателей развития высокотехнологичных отраслей с выделением области нанотехнологий и сектора информационно-коммуникационных технологий, показателей распространения услуг постиндустриальной экономики, в том числе в пространственном контексте. Выявляется тенденция научно-инновационного процесса в пространственном измерении. Вследствие выявленных характерных черт структурных изменений научно-инновационного процесса и наме-

чающихся сдвигов в структуре процесса продуцируются определенные особенные требования к организационно-экономическому механизму, целесообразности изменения институциональных условий и институтов для усиления перспективных тенденций становления постиндустриальных технологий, для ускорения инновационного развития.

Ключевые слова: характерные черты, структурные изменения, научно-инновационный процесс, постиндустриальные технологии, услуги, пространственный контекст.

Существующая структура научно-инновационного процесса страны не отвечает на запрос о необходимости ответа на мировые вызовы и перспективные тренды инновационного развития. Так, к недостаткам характеристик научно-инновационного процесса можно отнести следующие:

– уже в начале XXI века объемы производства наукоемких отраслей возросли на 11% в год, что было вчетверо быстрее, чем в остальных отраслях [2];

– Россия существенно отстает от ведущих стран мира по удельному весу средне- и высокотехнологичных производств в структуре промышленного производства [27];

– имеется существенное отставание в достижении таких характеристик инновационной экономики, как патентная активность, особенно в высокотехнологичных отраслях (быстрый рост числа патентов обусловлен технологическими инновациями прежде всего в информационных технологиях и биотехнологии); объем экспорта и импорта технологий на мировом рынке [3]; объем наукоемкой продукции и ее доля в экономике; уровень технологического развития, отставание в разы [17; 18; 20; 24];

– страны «большой семерки» обладают 46 из 50 макротехнологий, которыми владеет мир, которые включают совокупность технологических процессов (НИОКР, подготовка производства, само производство и сервисная поддержка проекта). Россия в настоящее время сохраняет контроль над одной-тремя макротехнологиями, хотя она сохраняет потенциал еще по ряду макротехнологий, позволяющий догнать разви-

тые страны мира. То есть страна конкурентна в небольшом числе макротехнологий, требующих крупных фундаментальных результатов, в области атомной энергетики, ряде вооружений, имеются заделы в разработке ядерных двигателей, в био-нанотехнологиях и т.д.

Принципиальных изменений в лучшую сторону за длительный период (более 10 лет) не наблюдается [14, с. 110, 112, 131, 133].

Анализу структурных изменений в научно-инновационной сфере уделяется недостаточно внимания. Можно отметить работы А.Л. Гапоненко, Г. Вечканова, С. Глазьева, Б.М. Гринчеля, К. Гулина, В.А. Иноземцева, В. Карачаровского, С.В. Тереховой, С.Ю. Шевченко.

Инновационный тип развития предполагает повсеместное и целенаправленное культивирование факторов развития, в основе которых лежат инновации. Речь идет об инновациях разного типа – технических, предпринимательских, маркетинговых, социокультурных, социальных, причем чаще всего они основаны на технологических изменениях или влекут их за собой. Инновационное развитие осуществляется как взаимосвязанный, интеграционно взаимодействующий процесс совокупности инноваций, технологий, экономических и общественных изменений. *Инновационное развитие проявляется по-особому в постиндустриальной экономике, в которой главными становятся информационные ресурсы, делается акцент на услугах и потреблении, а человек определяет свое место рядом с про-*

изводством благодаря новым технологиям информационных коммуникаций.

Переход к инновационному развитию в постиндустриальную эру приводит к неизбежным новым существенным изменениям в структуре научно-инновационного процесса и его характеристиках. Весьма важной становится задача выявления этих тенденций, причем как уже установившихся, так и намечаемых, предпочтительных, пока еще больше гипотетических для России и ее регионов, но уже вполне реальных и заметных в развитых с позиций инновационного типа развития странах. При этом возникает проблема несоответствия институциональных условий реализации инновационной стратегии изменениям, происходящим в научно-инновационном процессе. Выявление означенных тенденций позволит обосновать смену направлений инновационного развития, инновационной стратегии и выработать необходимые институты для поддержки позитивных тенденций и нивелирования негативных и в конечном итоге для успешной модернизации экономики. Следует подчеркнуть, что речь идет о качественных изменениях долгосрочного характера, меняющих или отражающихся на необходимости введения новых форм и экономических механизмов.

Таким образом, новизна исследования заключается в выявлении характерных черт и намечающихся тенденций структурных изменений научно-инновационного процесса в условиях становления постиндустриальной экономики за длительный период (1995–2015 гг.). *Характеристики и сдвиги в постиндустриальную эру касаются структуры научно-инновационного процесса, качества исследований и разработок, роли фундаментальной науки и высоких технологий, места услуг в научно-инновационном продукте, пространственного контекста структуры.*

Характерные черты эволюции содержания научно-инновационного процесса

Значительная эволюция понятия и содержания научно-инновационного процесса задает *изначальный тренд* характерным чертам структурных изменений научно-инновационного процесса. При этом рассматривается широкое понятие научно-инновационного процесса, близкое к представлению о научно-инновационном развитии. Научно-инновационный процесс — это процесс создания, освоения производства и распространения новых продуктов и технологий с целью повышения степени инновационного развития предприятий, регионов, страны.

Научно-инновационный процесс объективно представлялся ранее как распределенная во времени последовательная цепочка этапов — научных исследований, разработок, освоения новых технологий в производстве.

Современный научно-инновационный процесс принципиально отличается от данного представления. Процесс постепенно становится все более «квантовым», то есть указанные этапы выполняются не в непосредственной связи друг с другом, а по потребности создания конечного продукта — новшества, а затем инновации. Результаты каждого этапа могут быть заказаны, а в ряде случаев выбраны с определенной доработкой. Это происходит, поскольку в условиях экономики, основанной на знаниях, появляется возможность свободного доступа к знаниям (к научным знаниям, разработкам) со стороны заинтересованных лиц, в первую очередь предпринимателей. Последние и сами в состоянии теперь проводить разработки новшеств. С другой стороны, могут меняться функции субъектов по мере научно-инновационного процесса. Всё это подтверждает тотальный характер инновационной деятельности.

Для классификации научно-инновационного процесса по стадиям выбран признак, характеризующий весь процесс в целом. Содержание каждой стадии должно отражать определенную ступень моделирования производства машины, продукта – конечной цели процесса. Обновление моделей техники является единым процессом смены принципиальных решений, смены производства образцов, смены моделей техники, а также смены технологии и расширения области ее применения. Это обуславливает необходимость строгой целевой последовательности каждой стадии. Поэтому *цель выполнения стадий* может считаться наиболее приемлемым основанием для классификации. Этот признак определяет соответствующие средства и пути выполнения стадий, систему организаций, в которых они проводятся, и формы использования их результатов. Объективность этого признака классификации не изменилась.

Сохраняется тренд в продуцировании научно-инновационного процесса на основе разных форм познания – науки, изобретательства и опыта, с *усилением роли взаимосвязи* фундаментальных научных исследований и изобретательской деятельности.

Например, уже с XVI века существовала взаимозависимость науки и приборостроения, науки и ремесленничества: Галилео Галилей сам придумал телескоп, полировал стекло, которое сделали ремесленники. Мировая торговля предопределила потребность в телескопах для наблюдения за кораблями. Изготовление печатного прессы привело к возможности распространения идеи вращения планет по орбитам, выдвинутой Галилеем, и тогда только научное сообщество приняло идею Галилея. Через 200 лет предприниматель Джон Хукер дал деньги на построение телескопа ученому Эдвину Хабблу, который с помощью ряда изобретений (в частности спектрографа) открыл эффект разбегания галактик.

Вместе с тем была подготовлена почва для становления науки в качестве непосредственной производительной силы и дан толчок становлению организации научно-инновационной деятельности как относительно обособленной от производства структуры, своих механизмов организации и управления.

Сейчас процесс взаимодействия исследований и изобретательства развивается значительно быстрее, усиливается, особенно в высокотехнологичных отраслях.

Остаются разными цели фундаментальных и прикладных исследований, граница между ними. Однако *объективизируется тенденция на нивелирование границ* между этими видами исследований в ряде высокотехнологичных областей, в которых иначе вообще невозможно получить практический результат, новый продукт. На конкретных примерах учеными показано, что в области нанотехнологии объективно принципиально невозможно отделить выполнение прикладных разработок и нанопроизводство от фундаментальных исследований, поскольку «эксперимент сливается с инженерными разработками, а нанопроизводство становится неотделимым от научного эксперимента» [5]. И далее авторы поясняют: согласно структуралистской концепции теория состоит из ядра и комплекса предполагаемых приложений, что показательно для современной технонауки в отличие от обычных наук.

В высокотехнологичной экономике в постиндустриальную эру во всех отраслях производства товаров и услуг ведущую роль начинают играть прорывные технологии, т.е. принципиально новые технологии, созданные в результате выполнения фундаментальных научных исследований и вытекающего из них дальнейшего осуществления научно-инновационного процесса.

Следует подчеркнуть, что доминирование в постиндустриальном экономическом развитии прорывных технологий может быть возможным только вследствие *существенного повышения роли фундаментальной науки*, расширения пространства науки, и фундаментальной науки в особенности. Усиленное создание принципиальных новшеств ведет к неизбежности более частых и радикальных технологических рывков. Например, по заявлению академика Е.П. Велихова, все суперкомпьютеры (в 2014 г.) имеют меньшую мощность, чем мозг одного человека, а через 5 лет один новый суперкомпьютер будет иметь мощность мозга всего человечества. Распространение принципиальных нововведений для реализации потенциальной эффективности в широком поле сферы удовлетворения потребности существенно усложняет процесс их коммерциализации без потери высокой степени новизны и сбалансированности в отраслях применения.

В перспективе всё это потребует изменения соотношения доли занятых в науке и инновациях, структуры потребности в специализациях в связанной с этой тенденцией сфере образования и т.п.

Наряду с объективными изменениями происходят субъективные, в первую очередь *отставание качества научно-инновационного процесса, качества исследований и разработок.*

Могут быть выделены следующие основные структурные тенденции с позиций постиндустриальной экономики:

1. Замедленное изменение приоритетных в соответствии с мировыми тенденциями направлений исследований отмечается по индикаторам [11, с. 61-67; 14, с. 115, 119, 133-135; 15; 19; 23] — неизменность структуры занятых в научно-инновационном процессе, выданных патентов по структуре областей знаний, наконец, сырьевой

структуры экспорта инновационных товаров и услуг); причем это происходит уже в течение 10–15 последних лет.

2. Имеется баланс экспорта и импорта технологий, хотя по числу соглашений экспорт в сфере науки и научного обслуживания составляет примерно 70% общего числа соглашений, а по стоимости — 30%, тогда как импорт — меньше 10% и по их числу, и по стоимости [12, с. 52-54; 13; 14, с. 127-131]. Таким образом, продается еще опытная (в лучшем случае) технология, а точнее, видимо, результат разработки! Следовательно, во-первых, торговля технологиями с зарубежными странами пока не способствует научно-инновационному воспроизводству в стране, и, во-вторых, до инноваций и собственного производства не доводятся хорошие научно-технологические результаты. В структуре торговли технологиями по всем показателям — патенты на изобретения, полезные модели, ноу-хау и т.д. — преобладает импорт. Аналогичные выводы в этом отношении делают и другие авторы [см., например, 26]. Причем ситуация стабилизировалась, не меняется в течение уже 10 и более лет.

3. Недостаточная сбалансированность этапов инновационного процесса и его недостаточная настроенность на конечный результат, особенно в фазах инжиниринга и производства новой техники, — заявки на полезные модели, созданные передовые производственные технологии, используемые передовые производственные технологии, доля коммерциализированных патентов и т.п., что обрекает на использование импортного оборудования [1; 21].

Наши расчеты наряду с исследованиями других ученых показывают, что затраты на технологические инновации в расчете на одного работающего (тыс. руб.) растут существенно быстрее по сравнению с объемом инновационной продукции в расчете

на одного работающего (тыс. руб.) в некоторых обрабатывающих отраслях. Это указывает либо на снижение отдачи от научно-технических разработок, либо на повышение стоимости «добычи» знаний, либо на снижение коэффициента серийности инновационной продукции и относительное удорожание разработки на единицу продукции.

Прямым доказательством отсутствия, к сожалению, качественного сдвига служит тот факт, что на предприятиях выпускается мало принципиально новой или просто новой продукции и доля ее как росла малыми темпами, так и продолжает медленно расти (см., например, характерное в этом отношении и детальное исследование [11, с. 59-64]), да и показатели развития инновационного сектора остаются стабильно низкими. Это отражает реализацию *стратегии заимствования* в течение длительного периода и отставание именно по созданию высокотехнологичной продукции, отставание в технологическом укладе, ориентира на приобретение готовых технологий, производств и предприятий.

Таким образом, вследствие отмеченных характерных черт в понимании научно-инновационного процесса в постиндустриальной экономике и отсутствия намечающихся сдвигов в структуре и качестве процесса производятся определенные **особенные требования** к организационно-экономическому механизму, целесообразности изменения институциональных условий и институтов для эффективного осуществления научно-инновационного процесса, для инновационного развития.

По-видимому, необходимым является усиление прямой поддержки финансирования фундаментальной науки, а также других средств, форм и методов поддержки фундаментальных исследований и процесса продвижения их результатов, т.е. созда-

ния специальной **институциональной среды**. Кроме того, требуется выработка специальных мер по активизации продуцирования фундаментальных научных идей, проведения поисковых исследований с опорой на изобретательскую деятельность на приоритетных направлениях и целостного научно-инновационного процесса в ряде высокотехнологичных областей. Одной из таких важнейших мер для данных целей, по нашему мнению, может стать актуализация получившего в последнее время в России развитие **венчурного бизнеса**, в том числе на основе организации десятков венчурных фондов и технологических компаний [см., например, 4; 25].

Характерные черты развития высокотехнологичных отраслей и производства услуг

В постиндустриальной экономике в долгосрочной перспективе предполагается фиксация двух важнейших трендов: по виду отраслей – **приоритетное развитие роли (и, значит, доли) высокотехнологичных отраслей**; по виду продукта – **расширение места (и, значит, во всех сферах) производства услуг**.

Постиндустриальный технологический базис реализуется в 5 и 6 технологических укладах. Ведущими отраслями становятся знания, образование и наука, информационные и наукоемкие технологии, а также бионик-био-, нано-, информационные, когнитивные технологии. Наибольшее развитие получают наукоёмкие, ресурсосберегающие и информационные технологии («высокие технологии»). Информатизация пронизывает все сферы жизни общества: не только производство благ и услуг, но и домашнее хозяйство, культуру и искусство.

Исследование динамики основных показателей инновационной деятельности – как интегрированного результата активизации и эффективности научно-инновационного процесса – в обрабатывающих

производствах за период с 1995 по 2013 г. [7, с. 16-25; 8, с. 16-25], к сожалению, показывает, что *устойчивых переломов нет*, происходят разнонаправленные колебания по всем показателям инновационной деятельности, таким как объем инновационных товаров, работ, услуг на рубль затрат на технологические инновации, рубль существенно не растет.

Можно всё же отметить, что есть *важная подвижка в последние 4 года*: удельный вес инновационных товаров, работ, услуг, в общем объеме экспорта товаров, работ, услуг за 2010–2013 гг. вырос более чем в 2,5 раза, так же как и удельный вес экспорта инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме продаж товаров, работ, услуг.

На фоне колебаний и небольшого роста в последние годы общих показателей развития научно-инновационной деятельности можно по результатам анализа сделать вывод о следующих изменениях **в высокотехнологичных отраслях**.

Доля организаций, осуществляющих технологические, маркетинговые и организационные инновации в обрабатывающих производствах (а они составляют основную долю – свыше 80% в общем числе такого рода организаций), во всех группах производств по уровню технологичности за период 2010–2013 гг. [7, с. 57-58; 8, с. 55-56] колеблется с малыми изменениями и составляет по высокотехнологичным производствам от 13,6 до 14,4 %, средне-технологичным высокого уровня – от 24,3 до 25,3 %, среднетехнологичным низкого уровня – от 17,0 до 17,5 %, низкотехнологичным – от 25,4 до 23,1 %. Можно отметить, что по производствам, связанным с так называемыми **бник-технологиями**, ситуация сходная: наблюдаются небольшие колебания доли этих производств в общем числе организаций: для фармацевтических производств – от 1,5 до 1,9 %, для произ-

водств электронных компонентов, аппаратуры для радио, телевидения и связи – от 3,9 до 4,1 %, для производств летательных аппаратов, включая космические, – от 1,9 до 2,0 %.

Иначе говоря, существенного роста числа высокотехнологичных организаций, в том числе в сравнении с изменениями в инновационной деятельности в целом, *не происходит (за исключением фармацевтических производств)*.

Другие тренды – правда, за короткий период становления – определяются как характерные для отрасли **нанотехнологий**.

Объем инновационных товаров, связанных с нанотехнологиями; организаций промышленного производства, осуществляющих технологические инновации, в 2009–2011 гг. [14, с. 199, 201] в целом по видам экономической деятельности (фактически это обрабатывающие производства) *вырос* примерно в 60 раз, из них объем новых товаров для мирового рынка вырос несколько менее и составил примерно от 11 млн. руб. до 215 млн. руб. Причем по одной из высокотехнологичных отраслей – производству электрооборудования, электронного и оптического оборудования – рост такой же, но объем сравнительно небольшой: в 2011 году – 3585,5 млн. руб., для мирового рынка – 1,4 млн. (правда, в 2010 году было 65,0 млн. руб.).

Рост отрасли нанотехнологий происходит на фоне увеличения численности исследователей в организациях, выполняющих исследования и разработки в области нанотехнологий: за указанный период – с 14500 до 21166 чел., т.е. в 1,5 раза, при практическом сохранении числа организаций (рост с 465 до 485 единиц).

Следует подчеркнуть, что отрасль нанотехнологий находится в стадии становления: за 2009, 2010 и 2011 гг. создано от 108 до 258 нанотехнологий, причем в

обрабатывающих производствах — от 4-х до 28, а использовано всего — от 284 до 526 нанотехнологий, в обрабатывающих производствах — от 37 до 146. Вместе с тем у отрасли есть существенный *потенциал роста*, поскольку главная часть нанотехнологий создается и используется в научных исследованиях и разработках и в высшем профессиональном образовании: примерно 90 и 60 % соответственно.

В качестве характерных черт сектора **информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)** по результатам авторского обобщения устанавливаются следующие [9; 10, с. 21, 25; 12, с. 69; 14, с. 152, 154].

Численность занятых в секторе ИКТ за 2005–2010 гг. *снизилась*, в том числе в деятельности, связанной с производством ИКТ-оборудования, довольно существенно — более чем на 13%. По удельному весу занятых ИКТ в предпринимательском секторе наша страна уступает странам-лидерам в 2 раза. Показатели инновационной деятельности организаций сектора ИКТ за период 2003–2013 гг. также *снизились* — *на треть* и более, хотя с 2007 года происходит выравнивание динамики; число организаций ИКТ-сектора, осуществляющих технологические инновации, в 2013 году составило 10–13% в общем числе организаций ИКТ по **федеральным округам РФ**, что аналогично другим отраслям.

При этом оснащенность работников персональными компьютерами (ПК) в расчете на 100 работников выросла по всем видам деятельности за 2005–2011 гг. с 22 до 39, т.е. почти в 2 раза, как и по обрабатывающим производствам (с 13 до 24), очевидно, *за счет импорта ПК*. Произошло определенное *насыщение компьютерами*: число организаций, их использующих (в процентах от общего числа организаций), составило в 2005 и 2013 гг. соответственно 91,1 и 94,0 %. Видимо, поэтому происходит

спад в процессах обновления парка персональных компьютеров в организациях (в процентах от общего числа ПК) — до 17,1% в 2005 году, 12,6% в 2011 году в среднем по всем видам экономической деятельности (а это важно именно для постиндустриального общества), по обрабатывающим производствам — 14,7% в 2005 году, 11,6% в 2011 году.

В целом можно отметить, что существенных сдвигов, выделяющих данный сектор экономики из ряда других высокотехнологичных отраслей, *не происходит*.

Вместе с тем *изменения в секторе ИКТ возможны в ближайшем будущем*, поскольку при снижении объема инвестиций в основной капитал сектора ИКТ за 2005–2010 гг. на 32% инвестиции в сфере ИКТ-производства выросли на 20%, а ИКТ-услуг — в 2,4 раза, т.е., по-видимому, и в собственно производственный, и в инфраструктурный потенциал.

В целом по высокотехнологичным отраслям особых позитивных структурных изменений не происходит, отсюда следует **требование** существенных организационно-экономических построений **по стимулированию** и государственной поддержке сектора высокотехнологичных производств, коллективов высокотехнологического сектора экономики.

Следует подчеркнуть важность новой предпосылки при формировании потенциала прорывных технологий, а именно перехода постиндустриальной экономики от преимущественного производства товаров **к производству услуг**.

Сфера услуг занимает в мире большую и все увеличивающуюся часть экономики, то же относится и к инновационной составляющей сферы услуг. Распространение услуг — новый тренд, причем принципиально новых постиндустриальных услуг, к которым относятся новые формы информа-

ционно-коммуникационных технологий, собственно интеллектуальные услуги, а также комплексные услуги в так называемых «умных городах».

В статистических сборниках по научно-инновационной деятельности сфера услуг выделяется на постоянной основе в последние 10–15 лет в разделах о видах экономической деятельности как подраздел «сфера услуг» с тремя видами услуг – связь; деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий; прочие. По всем показателям инновационной деятельности сферы услуг их величины колеблются, изменения проявляются даже *менее отчетливо*, чем в обрабатывающих производствах, устойчивые перемены отсутствуют. Объем отгруженных инновационных товаров инновационно активных организаций сферы услуг, осуществляющих технологические инновации, в этот период составлял до 10% объема промышленного производства [14, с. 175, 176, 179].

Вместе с тем по результатам анализа сделан вывод, что характерной чертой сферы услуг становится *ускоренное создание и широкое распространение услуг постиндустриальной экономики*, в первую очередь сектора ИКТ [9; 10, с. 90–96; 12, с. 69; 14, с. 157, 158]. Так, число организаций, использующих локальные сети, в среднем по организациям всех видов экономической деятельности в период с 2005 по 2011 г. выросло на треть, а по глобальным сетям – почти в два раза. По организациям обрабатывающих производств рост несколько меньший – в 1,2 раза. Число организаций обрабатывающих производств, использующих сетевые технологии (в процентах от общего числа обследованных организаций), достигло в 2011 году 84,2% по локальным сетям и 94,3% – по глобальным сетям, а по организациям всех видов деятельности в сред-

нем несколько меньше – 71,3 и 85,6 % соответственно. Причем *рост происходил на постоянной основе*, достаточно равномерно. Уровень использования ИКТ-услуг в федеральных округах и в субъектах Федерации (см., например, регионы Северо-Западного федерального округа [6]) приближается к 90–100%.

Следует отметить, что характерной чертой «постиндустриального времени» становится появление всё новых показателей сферы услуг, таких как скорость передачи данных, широкополосный доступ в Интернет, мобильный доступ в Интернет, наличие веб-сайтов и т.п., расширяется диапазон их применения – от сферы производства до домашних хозяйств. По этим показателям также наблюдается *принципиальный значительный рост, сдвиг*: число организаций, использующих Интернет (в процентах от общего числа организаций по всем видам экономической деятельности), выросло с 53,3 до 88,1 % в период с 2005 по 2013 год; число организаций, использующих веб-сайт, – с 14,8 до 41,3 % соответственно, а охват населения услугами «постиндустриального общества» – 50% и выше.

При этом по федеральным округам принципиальных различий не наблюдается по всем показателям развития информационного общества, что, безусловно, является *позитивной характерной чертой и шагом в развитии постиндустриального общества*.

Именно услуги расширяют сферу использования прорывных технологий, обеспечивая их продвижение к потребителю и во многом их экономическую эффективность. Здесь – в расширении инноваций в сфере услуг – есть, по нашему мнению, и «обратная сторона медали», а именно: происходит снижение внимания общества и государства к фундаментальной науке и ее

поддержки, а также исчерпание потенциала *комплекса базисных нововведений*, т.е., по сути, *исчерпание потенциала 4 и 5 технологических укладов*. Поэтому целесообразно, видимо, переходить к экономике с опорой на опережающее развитие фундаментальной науки, разработку новых отраслей промышленности и **сопутствующих интеллектуальных услуг** — консалтинговых в области информационных технологий, в сфере инжиниринга, дизайнерских услуг и других.

С продвижением и широким распространением информационных услуг, ростом их креативности, разнообразия, интегрированием в образование усиливается *комплексность характера научно-инновационного процесса*. Характеристика комплексности высокотехнологичных услуг в постиндустриальной экономике особенно проявляется в концепции «умного города», согласно которой разрабатывается ряд специальных мер по поддержке и стимулированию комплексности услуг пространственной организации городов. В числе этих мер автоматизация деятельности экстренных служб города, введение автоматизированной модели социального и медицинского обслуживания и многое другое [28].

Для адекватного отражения характерных черт сферы услуг постиндустриальной экономики следует ожидать корректировки структуры научно-инновационного процесса, особенно кадровой составляющей потенциала, соответствующего изменения статистических показателей, опережающего прогноза специализаций в сфере высшего образования.

Характерные черты структурных изменений научно-инновационного процесса в пространственном измерении

Тренды структурных изменений в научно-инновационном процессе в пространственном контексте отражаются в различии

степени и особенностях *инновационного развития регионов*. Причем *рост инновационности* практически всех федеральных округов, как и в целом по РФ, отмечается в период последних четырех лет. Так, удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций вырос в среднем за 2010–2013 гг. примерно на 15–20% (в ряде округов — несколько менее) [7, с. 320–324; 8, с. 243–246].

Потенциал роста, как было показано выше, имеется в регионах по высокотехнологичным отраслям, услугам и т.д. Вместе с тем по результатам авторского обобщения можно отметить *существенные отличия* в темпах создания и использования нанотехнологий по макрорегионам страны [14, с. 197, 199–202].

Следует подчеркнуть, что в период 2009–2011 гг. половина организаций, выполняющих исследования и разработки в области нанотехнологий, и половина численности занятых в них сосредоточены в Центральном округе, а еще почти половина — в трех округах: Северо-Западном, Приволжском и Сибирском. Причем при практически неизменном числе организаций численность занятых выросла за эти три года на 10% в Сибирском, 20% в Приволжском и вдвое в Центральном округе.

Создание нанотехнологий за этот же период *увеличилось в 2,5 раза* в целом, а также в Центральном и Сибирском округах, а в Приволжском округе — в 5 раз. Использование нанотехнологий выросло *примерно в 1,7 раза* в целом и в Центральном округе, в Северо-Западном округе — в 2,5 раза, в Сибирском — в 2,0 раза, а в Приволжском — в 1,5 раза.

При этом *наибольший рост* объема инновационных товаров, связанных с нанотехнологиями, организаций промышленного производства, осуществляющих тех-

нологические инновации (в основном — в обрабатывающих производствах), за приведенный короткий период произошел в *Приволжском федеральном округе* — с 449,7 до 47134,6 млн. руб., т.е. в 100 раз, обеспечив весь прирост товаров для мирового рынка.

Возможности регионов по осуществлению научно-инновационного процесса меняются, происходит изменение инновационной активности регионов, поэтому следует учитывать динамику инновационного развития. Ранее анализ позволил выявить феномен тенденции *инновационного смещения* в пространственном контексте [16; 22]. Он заключается в ускорении инновационной активности и результативности ряда макрорегионов при сравнительно меньшей обеспеченности их научным и научно-техническим потенциалом. Вместе с тем, как показывает анализ, существенных пространственных трансформаций в структуре научно-инновационного процесса и в инновационном развитии в последнее десятилетие не происходит, ситуация стабилизировалась.

Таким образом, исследование структурных изменений научно-инновационного процесса показало, что в условиях становления постиндустриальной экономики, переходного периода к постиндустриальной технологии качественные изменения долгосрочного характера просматриваются слабо, устойчивых переломов нет, происходят разнонаправленные колебания по всем показателям инновационной деятельности. Это относится и к внутренней структуре научно-инновационного процесса, и к качеству исследований и разработок, и к усилению роли фундаментальной науки и высоких технологий в инновационном развитии.

Выявляются лишь **отдельные характерные черты** и намечающиеся тенденции: некоторая подвижка к росту отмечается

в некоторых высокотехнологичных отраслях, например фармацевтических производствах, ряде областей оборонно-промышленного комплекса; выявлено наличие потенциала роста в области нанотехнологий за счет создающегося задела в научных исследованиях и разработках, в секторе ИКТ — за счет заделанных вложений в технологическую инфраструктуру. Происходит укоренное создание и широкое распространение услуг постиндустриальной экономики, **в том числе в пространственном контексте**, в первую очередь информационных — сектора ИКТ, расширение спектра высокотехнологичных услуг, но в основном за счет использования импорта технологий и устройств.

С учетом исчерпания потенциала 4-го и 5-го технологического уклада целесообразно, видимо, переходить к экономике с опорой на опережающее развитие фундаментальной науки и разработку новых отраслей промышленности и сопутствующих интеллектуальных услуг, к повышению **комплексности характера научно-инновационного процесса** и высокотехнологичных услуг, реализуемого в концепции «умного города».

Вследствие выявленных характерных черт структурных изменений научно-инновационного процесса и намечающихся сдвигов в структуре процесса продуцируются определенные **особенные требования** к организационно-экономическому механизму, целесообразности изменения институциональных условий и институтов для усиления перспективных тенденций становления постиндустриальных технологий, для ускорения инновационного развития.

Таким образом, в основу исследования положен разработанный и предложенный авторами теоретико-методологический подход к формированию институциональ-

ных условий и соответствующих им институтов инновационной модернизации. Он заключается в учете зависимости институциональных условий от сути научно-инновационного процесса и его целевых стадий, от тенденций структурных изменений в научно-инновационном процессе в постиндустриальной экономике, а также от произошедших или намечающихся структурных сдвигов или характерных черт научно-инновационного процесса.

Такой подход позволяет предложить условия модернизации научно-инновационного развития с рекомендациями по развитию институтов реализации научных результатов. В качестве ключевых условий или контура механизма активизации научно-

инновационного процесса предполагается целесообразным институциональное обеспечение целостного выполнения научно-инновационного процесса и трансфера результатов, выделение институтов для отдельных стадий, особо важных в постиндустриальной экономике, выделение институтов для учета характерных черт и тенденций в научно-инновационном процессе постиндустриальной эры, институциональное обеспечение взаимодействия субъектов научно-инновационной сферы, выделение институтов для учета тенденций в пространственном измерении, институциональное обеспечение равных условий доступа к ресурсам для всех субъектов научно-инновационной сферы.

Литература

1. Анализ автора в рамках Проекта: Анализ комплексного социально-экономического, экологического развития макрорегиона «Северо-Запад» с учетом технического и инновационного развития / под науч. рук. В.В. Окрепилова // Раздел 1.3. Развитие сферы науки и инноваций в макрорегионе «Северо-Запад», 2010.
2. Багриновский, К.А. Проблемы управления развитием наукоемкого производства / К.А. Багриновский // Менеджмент в России и за рубежом. — 2003. — №2. — С. 65-76.
3. Бердникова, А.П. Об эффективности бюджетных инвестиций в российскую науку / А.П. Бердникова, С.Г. Сафаралиева // Инновации. — 2010. — №1. — С. 33-34.
4. Галицкий, А.В. Almaz Capital Partners : интервью на РБК 04.08.2015 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://i.rbc.ru/person/item/galitskij_aleksandr_vladimirovich.
5. Горохов, В.Г. Роль теоретических исследований в развитии новейших технологий / В.Г. Горохов, А.С. Сидоренко // Вестник РАН. — 2009. — №9. — С. 807, 813.
6. Ильин, В.А. Стратегические резервы роста производительности труда в региональной экономике / В.А. Ильин, К.А. Гулин, Т.В. Ускова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2010. — №1 (9). — С. 37.
7. Индикаторы инновационной деятельности: 2013 : стат. сб. — М. : Нац. исследоват. ун-т «Высшая школа экономики», 2013. — 472 с.
8. Индикаторы инновационной деятельности: 2015 : стат. сб. — М. : Нац. исследоват. ун-т «Высшая школа экономики», 2015. — 320 с.
9. Индикаторы информационного общества: 2015 : стат. сб. / Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, М.А. Кевеш и др. — М. : Нац. исследоват. ун-т «Высшая школа экономики», 2015. — 312 с. — С. 51, 58.
10. Информационное общество: тенденции развития: аналитический обзор. — М. : Нац. исследоват. ун-т «Высшая школа экономики», 2012. — 104 с.
11. Карачаровский, В. Долгосрочные тенденции развития инновационного сектора / В. Карачаровский // Экономист. — 2010. — №11.
12. Наука. Инновации. Информационное общество: 2014 : крат. стат. сб. — М. : Нац. исследоват. ун-т «Высшая школа экономики», 2014. — 80 с.

13. Наука России в цифрах: 2004 : стат. сб. – М. : ЦИСН, 2005. Разд. 6.16, 6.18 и далее.
14. Наука России в цифрах: 2012 : стат. сб. – М. : ЦИСН, 2012.
15. Наука, технологии и инновации : крат. стат. сб. / гл. ред. Л.Э. Миндели. – М. : ИПРАН РАН, 2007–2008. Разд. 3.4, 3.5.
16. Научный отчет «Разработка теоретического обоснования приоритетов инновационного развития региона в целях формирования единого социально-экономического пространства», Этап: «Исследование системной организации научно-инновационного воспроизводства в регионе как объективной предпосылки эффективного развития российской экономики» / науч. рук. М.А. Гусаков. Разд. 3, 4. СПб. : ИРЭ РАН, 2006.
17. Национальная инновационная система и государственная инновационная политика РФ : базовый доклад к обзору ОЭСР национальной инновационной системы РФ. М. : Министерство образования и науки РФ, 2009. – С. 13-14.
18. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009 : стат. сб. – М. : Росстат, 2009. Раздел 22.15.
19. Российский инновационный индекс / под ред. Л.М. Гохберга. – М. : Нац. исследоват. ун-т «Высшая школа экономики», 2011. – 84 с. – С. 38-39, 76-77.
20. Россия и страны мира. 2008 : крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2008. – С. 306-307.
21. Патентная активность России и США: аналитическое исследование из цикла «Индикаторы инновационного развития российской экономики», 2013 г. Режим доступа: http://www.nbkg.ru/researches/patent_activity_russia_vs_usa.pdf.
22. Проведено аналитическое исследование по идее и прикидочному расчету Гусакова М.А. См.: Тихомиров С.А. Инновационное направление регионального развития / С.А. Тихомиров // Инновации. – 2005. – №7(84). – С. 31-36.
23. Суховой, А.Ф. Инновационные возможности саморазвития региона / А.Ф. Суховой, И.Н. Голова. – Екатеринбург : Ин-т экономики УРО РАН, 2010. – С. 40.
24. Тодосийчук А.В. Интеллектуальный потенциал общества, результативность науки и экономический рост / А.В. Тодосийчук // Инновации. – 2010. – №1. – С. 38.
25. Фияксель, Э.А. Управление инновационным развитием промышленных предприятий на основе венчурного инвестирования: теория и методология / Э.А. Фияксель: дис. ... д-ра экон. наук. СПб. : СПб. гос. ун-т экономики и финансов, 2008.
26. Якунин, В.И. Новые технологии борьбы с российской государственностью / Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. – М. : Науч. эксперт, 2009. С. 239-241.
27. Industrial Development Report 2013. United Nations Industrial Development Organization, 2013. P. 196-203.
28. Intelligent Enterprise Express [Электронный ресурс] / вып.: 20.04.2012, 13.10.2012, 15.01.2014, 20.02.2014, 21.04.2014. – Режим доступа : www.iemag.ru. (подр. см.: iemagexpress@iemag.ru).

Сведения об авторах

Михаил Александрович Гусаков – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем региональной экономики РАН (190013, Россия, Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 38, migus37@yandex.ru)

Алина Владимировна Федорова – кандидат экономических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем региональной экономики РАН (190013, Россия, Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 38, info@iresras.ru)

Gusakov M.A., Fedorova A.V.

Identification of Characteristic Features of Structural Change in the Research and Innovation Process

Mikhail Aleksandrovich Gusakov – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Regional Economy of RAS (38, Serpukhovskaya Street, Saint Petersburg, 190013, Russian Federation, migus37@yandex.ru)

Alina Vladimirovna Fedorova – Ph.D. in Economics, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Regional Economy of RAS (38, Serpukhovskaya Street, Saint Petersburg, 190013, Russian Federation, info@iresras.ru)

Abstract. The paper substantiates and identifies the characteristics and emerging trends of structural change in the research and innovation process in the conditions of formation of post-industrial economy and transition to post-industrial technology. The characteristics and developments concern the structure of the research and innovation process, research and development quality, the role of basic science and high technology, the place of services in research and innovation products, and the spatial context of the structure. The evolution of the concept and content (structure) of the research and innovation process determines the initial trend in the specific features of structural change in the research and innovation process. The authors of the article investigate the dynamics of the main indicators of innovation activity as an integrated result of boosting the efficiency of the research and innovation process, the indicators of development of high-tech industries with special emphasis on nanotechnology and information and communication technology, the indicators of dissemination of post-industrial economic services, in the spatial context as well. The article reveals a tendency towards the implementation of the research and innovation process in the spatial dimension. The authors reveal characteristic features of structural change in the research and innovation process and several emerging shifts in the structure of the process; this helps to outline certain specific requirements to the organizational-economic mechanism, the feasibility of changing institutional conditions and institutions for the purpose of strengthening the promising trends of development of post-industrial technology and acceleration of innovation development.

Key words: characteristics, structural change, research and innovation process, post-industrial technologies, services, spatial context.

References

1. *Analiz avtora v ramkakh Proekta: Analiz kompleksnogo sotsial'no-ekonomicheskogo, ekologicheskogo razvitiya makroregiona "Severo-Zapad" s uchetom tekhnicheskogo i innovatsionnogo razvitiya. Razdel 1.3. Razvitie sfery nauki i innovatsii v makroregione "Severo-Zapad"* [Analysis Performed by the Author in the Framework of the Project: Analysis of Comprehensive Socio-Economic, Environmental Development of the Macro-Region "North-West" with Regard to Technological and Innovation Development. Section 1.3. Development of the Sphere of Science and Innovation in the Macro-Region "North-West"]. Under scientific supervision of V.V. Okrepilov. 2010.
2. Bagrinovskii K.A. Problemy upravleniya razvitiem naukoemkogo proizvodstva [Problems of Management of Development of Science-Intensive Production]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and Abroad], 2003, no. 2, pp. 65-76.
3. Berdnikova A.P., Safaraliev S.G. Ob effektivnosti byudzhetykh investitsii v rossiiskuyu nauku [About the Efficiency of Budget Investments in the Russian Science]. *Innovatsii* [Innovation], 2010, no. 1, pp. 33-34.
4. Galitskii A.V. *Almaz Capital Partners: interv'yu na RBK 04.08.2015* [Almaz Capital Partners: an Interview on RBC, August 04, 2015]. Available at: http://i.rbc.ru/person/item/galitskij_aleksandr_vladimirovich.

5. Gorokhov V.G., Sidorenko A.S. Rol' teoreticheskikh issledovaniy v razvitii noveishikh tekhnologii [The Role of Theoretical Research in the Development of New Technology]. *Vestnik RAN* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2009, no. 9, pp. 807, 813.
6. Ilyin V.A., Gulin K.A., Uskova T.V. Strategicheskie rezervy rosta proizvoditel'nosti truda v regional'noi ekonomike [Strategic Reserves of Growth in Labour Productivity in Regional Economy]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2010, no. 1 (9), p. 37.
7. *Indikatory innovatsionnoi deyatelnosti: 2013: stat. sb.* [Indicators of Innovation Activity: 2013: Statistics Collection]. Moscow: Nats. issledovat. un-t "Vysshaya shkola ekonomiki", 2013. 472 p.
8. *Indikatory innovatsionnoi deyatelnosti: 2015: stat. sb.* [Indicators of Innovation Activity: 2015: Statistics Collection]. Moscow: Nats. issledovat. un-t "Vysshaya shkola ekonomiki", 2015. 320 p.
9. Abdrakhmanova G.I., Gokhberg L.M., Kevesh M.A. et al. *Indikatory informatsionnogo obshchestva: 2015: stat. sb.* [Indicators of Information Society: 2015: Statistics Collection]. Moscow: Nats. issledovat. un-t "Vysshaya shkola ekonomiki", 2015. 312 p. Pp. 51, 58.
10. *Informatsionnoe obshchestvo: tendentsii razvitiya: analiticheskii obzor* [Information Society: Development Trends: an Analytical Review]. Moscow: Nats. issledovat. un-t "Vysshaya shkola ekonomiki", 2012. 104 p.
11. Karacharovskii V. Dolgosrochnye tendentsii razvitiya innovatsionnogo sektora [Long-Term Trends in the Development of Innovation Sector]. *Ekonomist* [Economist], 2010, no. 11.
12. *Nauka. Innovatsii. Informatsionnoe obshchestvo: 2014: krat. stat. sb.* [Science. Innovation. Information Society: 2014: Concise Statistics Collection]. Moscow: Nats. issledovat. un-t "Vysshaya shkola ekonomiki", 2014. 80 p.
13. *Nauka Rossii v tsifrakh: 2004: stat. sb.* [Russian Science in Figures: 2004: Statistics Collection]. Moscow: TsISN, 2005. Ibidem. Section 6.16, 6.18 et seq.
14. *Nauka Rossii v tsifrakh: 2012: stat. sb.* [Russian Science in Figures: 2012: Statistics Collection]. Moscow: TsISN, 2012.
15. *Nauka, tekhnologii i innovatsii: krat. stat. sb.* [Science, Technology and Innovation: Concise Statistics Collection]. Chief Editor L.E. Mindeli. Moscow: IP RAN, 2007–2008. Sections 3.4, 3.5.
16. *Nauchnyi otchet "Razrabotka teoreticheskogo obosnovaniya prioritetoov innovatsionnogo razvitiya regiona v tselyakh formirovaniya edinogo sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva", Etap: "Issledovanie sistemnoi organizatsii nauchno-innovatsionnogo vosproizvodstva v regione kak ob"ektivnoi predposylki effektivnogo razvitiya rossiiskoi ekonomiki"* [Research Report "Development of a Theoretical Basis for Defining the Priorities of the Region's Innovation Development in Order to Form a Single Socio-Economic Space", Phase: "Study of System Organization of Scientific and Innovation Reproduction in the Region as an Objective Prerequisite for Effective Development of Russia's Economy"]. Scientific supervisor M.A. Gusakov. Sections 3, 4. Saint Petersburg: IRE RAN, 2006.
17. Natsional'naya innovatsionnaya sistema i gosudarstvennaya innovatsionnaya politika RF [National Innovation System and State Innovation Policy of the Russian Federation]. *Bazovyi doklad k obzoru OESR natsional'noi innovatsionnoi sistemy RF* [Basic Report to the OECD Review of National Innovation System of the Russian Federation]. Moscow: Ministerstvo obrazovaniya i nauki RF, 2009. Pp. 13-14.
18. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2009: stat. sb.* [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2009: Statistics Collection]. Moscow: Rosstat, 2009. Section 22.15.
19. *Rossiiskii innovatsionnyi indeks* [Russian Innovation Index]. Ed. by L.M. Gokhberg. Moscow: Nats. issledovat. un-t "Vysshaya shkola ekonomiki", 2011. 84 p. Pp. 38-39, 76-77.
20. *Rossiya i strany mira. 2008: krat. stat. sb.* [Russia and Countries of the World. 2008: Concise Statistics Collection]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service]. Moscow, 2008. Pp. 306-307.
21. *Patentnaya aktivnost' Rossii i SShA: analiticheskoe issledovanie iz tsikla "Indikatory innovatsionnogo razvitiya rossiiskoi ekonomiki", 2013 g* [Patent Activity in Russia and the United States: an Analytical Study from the Series "Innovation Development Indicators of Russia's Economy", 2013]. Available at: http://www.nbkgru/researches/patent_activity_russia_vs_usa.pdf.
22. Tikhomirov S.A. Provedeno analiticheskoe issledovanie po idee i prikidochnomu raschetu Gusakova M.A. Innovatsionnoe napravlenie regional'nogo razvitiya [Analytical Study was Conducted on the Idea and Rough Calculation of M.A. Gusakov. Innovation Direction of Regional Development]. *Innovatsii* [Innovation], 2005, no. 7 (84), pp. 31-36.

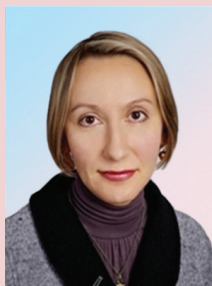
23. Sukhovei A.F., Golova I.N. *Innovatsionnye vozmozhnosti samorazvitiya regiona* [Innovation Opportunities for Self-Development of the Region]. Yekaterinburg: In-t ekonomiki URO RAN, 2010. P. 40.
24. Todosiichuk A.V. Intellektual'nyi potentsial obshchestva, rezul'tativnost' nauki i ekonomicheskii rost [Intellectual Potential of Society, Performance Efficiency of Science, and Economic Growth]. *Innovatsii* [], 2010, no. 1, p. 38.
25. Fiyaksel' E.A. *Upravlenie innovatsionnym razvitiem promyshlennykh predpriyatii na osnove venchurnogo investirovaniya: teoriya i metodologiya: dis. ... d-ra ekon. nauk* [Management of Innovation Development of Industrial Enterprises on the Basis of Venture Investment: Theory and Methodology: Doctor of Economics Dissertation]. Saint Petersburg: SPb. gos. un-t ekonomiki i finansov, 2008.
26. Yakunin V.I., Bagdasaryan V.E., Sulakshin S.S. *Novye tekhnologii bor'by s rossiiskoi gosudarstvennost'yu* [New Technologies of Fighting the Russian Statehood]. Moscow: Nauch. ekspert, 2009. Pp. 239–241.
27. *Industrial Development Report 2013*. United Nations Industrial Development Organization, 2013. Pp. 196–203.
28. *Intelligent Enterprise Express*. Issues: 20.04.2012, 13.10.2012, 15.01.2014, 20.02.2014, 21.04.2014. Available at: www.iemag.ru.

Инвестиции банков в ценные бумаги: сущностный аспект и тенденции развития в современных условиях

**Екатерина Владимировна
МАЗИКОВА**

кандидат экономических наук, доцент
Тюменский государственный университет
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 16,
fin@utmn.ru

**Наталья Николаевна
ЮМАНОВА**

кандидат экономических наук, доцент
Тюменский государственный университет
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 16
umanova.n@yandex.ru

Аннотация. Осуществление современной банковской деятельности предполагает реализацию инвестиций. Инвестиции – это сложная дискуссионная экономическая категория, характеризующаяся рядом признаков. Виды и формы инвестиций многообразны и способны трансформироваться с учетом особенностей состояния экономики и уровня развития производственных отношений. Опережающий рост финансового сектора в современной экономике обусловил развитие финансовых инвестиций. Банки как финансово-кредитные институты активно реализуют финансовые инвестиции в ценные бумаги. Вложения банков в ценные бумаги преследуют ряд целей, постановка которых определяет выбор бумаг для инвестирования и их качества. В статье на основе анализа фактических данных 2010–2014 гг. выявлены цели банковских инвестиций в ценные бумаги и тенденции их развития в современных условиях. Отрицательная переоценка и фактическое уменьшение стоимости корпоративных ценных бумаг российских эмитентов снижает их коммерческую привлекательность. Банки отказываются от спекуляций на фондовом рынке в пользу ценных бумаг, обеспечивающих ликвидность. Инвестиции банков направлены на покупку ценных бумаг из Ломбардного списка Банка России для получения кредитов и участия в операциях РЕПО. Таким образом, за исследуемый период инвестиции банков в ценные бумаги

трансформировались из системно значимых активов, приносящих значительную прибыль, в механизм обеспечения ликвидности. Необходимо отметить, что значительная часть инвестиционных ресурсов российских банков обслуживает долговые обязательства Правительства РФ. Выявлена также тенденция наращивания банками инвестиций в портфелях участия дочерних и зависимых акционерных обществ. Информационной базой исследования послужили официальные данные Центрального банка Российской Федерации (Банка России) [15], Федеральной службы государственной статистики [14].

Ключевые слова: инвестиции, ценные бумаги, вложения коммерческих банков в ценные бумаги, долговые обязательства, Ломбардный список, банковская ликвидность, прибыль, акции дочерних и зависимых акционерных обществ.

Развитие российского финансового рынка и ситуация, сложившаяся в национальном банковском секторе в настоящее время, актуализируют вопрос об инвестициях банков в ценные бумаги. Привлекая денежные средства населения и хозяйствующих организаций, коммерческие банки должны размещать ресурсы на условиях получения прибыли, поддержания ликвидности, снижения рисков и диверсификации активов. Этим требованиям отвечают инвестиции коммерческих банков, в том числе инвестиции в ценные бумаги. Эффективное управление банковскими инвестициями в ценные бумаги требует определения сущностного аспекта и выявления особенностей развития инвестиционного процесса в современных условиях.

Инвестиции – одно из самых обсуждаемых понятий как в научной литературе, так и в современной экономической практике.

Первоначально инвестиции (нем. *Investition* – от лат. *investio* – одеваю, облачаю) – вложения капитала с целью получения прибыли [2, с. 84].

В иностранных словарях экономических и финансовых терминов указано также, что *Investment* (англ.) – *investition* (нем.) – *inversion* (исп.) – приобретение средств производства; приобретение капитала с целью получения дохода. В общеупотребительном смысле это вложение в ценные бумаги [1, с. 103].

Различные аспекты инвестиций, инвестиционной деятельности исследовались в трудах: Дж. М. Кейнса, Дж. Сакса, Г.Н. Мэнкью, К.Р. Макконелла, У. Шарпа, И. Шумпетера, П. Самуэльсона, Л. Мизеса, Дж. Кларка, М. Портера и др.

Многие исследователи справедливо полагают, что инвестиции играют важную роль в активизации экономических процессов и достижении устойчивого экономического роста (Е. Домар, Р. Харрод, У. Солоу, Дж. М. Кейнс, Л. Эрхард, У. Шарп, И. Липсиц, А. Булатов, А. Шахназаров, А. Андрианов, Е. Румянцева и др.) [13, с. 9].

В современной экономической литературе существуют различные определения понятия «инвестиции», что отражает неоднозначность трактовок и понимания их экономической сущности. В значительной степени это «обусловлено различием методологических подходов разных авторов и экономической эволюцией, спецификой конкретных этапов историко-экономического развития, господствующих форм и методов хозяйствования [4, с. 14].

Развитие и усложнение экономических отношений порождают многообразие форм инвестиционной деятельности, видов инвестиций, каждый из которых имеет какие-либо специфические особенности, нюансы.

Обзор и систематизация определений «инвестиции» разных авторов позволяют выявить характерные признаки инвестиций как экономической категории:

1. Затратный характер — любая форма и вид инвестиций предполагает затраты, размещение, вложение капитала [12].

2. Целевой характер — инвестиции как особая форма вложения капитала всегда имеют определенную цель: получение прибыли и (или) достижение иного полезного эффекта [7].

3. Срочность, срочный характер — инвестиции всегда предполагают некий срок размещения, вложения капитала. Необходимо указать, что в отличие от кредита и кредитных отношений срок по инвестициям может быть и не определен заранее, тем не менее «инвестировать» означает «расстаться с деньгами сегодня, чтобы получить их большую сумму в будущем» [16, с. 17].

4. Рисковый характер — как и всякая эффективная деятельность, инвестиции сопряжены с риском, то есть возможностью (вероятностью) не достичь поставленной цели и вместо получения прибыли понести убытки или получить отрицательный эффект. «Два фактора обычно связаны с данным процессом — время и риск» [16, с. 18]. Однако стоит подчеркнуть, что риск — это вероятностная характеристика, и далеко не всякая инвестиция приносит убытки или отрицательные результаты (эффекты) инвестору.

5. Инновационный характер — возможность развивать и совершенствовать свою деятельность, формировать новые качества, технологии, продукты в результате получения инвестором прибыли или других полезных эффектов от осуществления инвестиционной деятельности.

Последние 20–30 лет наибольшее распространение в мировой экономике полу-

чили финансовые инвестиции, то есть вложение капитала в финансовые инструменты, главным образом в ценные бумаги.

Финансовые инвестиции — покупка надежных акций, облигаций [12, с. 87].

Согласно Решению Совета глав правительств СНГ «О Межгосударственной программе инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2020 года», «инвестиции финансовые — приобретение ценных бумаг, процентных облигаций федеральных, субфедеральных и муниципальных займов, долей в уставном капитале юридических лиц, займы другим юридическим лицам» [11].

Формирование мировой транснациональной финансовой системы, либерализация и относительная доступность финансовых рынков и финансовых инструментов для широких слоев населения определяют в массовом сознании связь инвестиций с финансовыми операциями и ценными бумагами.

В условиях современного финансового рынка могут быть реализованы как пассивные инвестиционные стратегии, ориентированные на получение дохода в виде выплат по приобретенным ценным бумагам (проценты, дивиденды), так и агрессивные инвестиционные практики, предполагающие получение прибыли в форме спреда (курсовой разницы) между ценой продажи и ценой покупки финансового инструмента. Высокая подвижность, волатильность, мирового финансового рынка позволяет получать спекулятивный доход по сделкам с ценными бумагами в пределах одного торгового дня, минимизируя сроки инвестирования денежных средств. Таким образом, различают финансовые инвестиции краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные и бессрочные. Другими словами, финансовые инвестиции приобрели новое качество — универсальность по срокам вложения капитала.

Коммерческие банки, как особые финансово-кредитные институты, выступают ключевыми операторами рынка финансовых инвестиций. Инвестиции банков в ценные бумаги – это отдельное направление банковских инвестиций, которое имеет четко выраженную форму объекта инвестиций – ценные бумаги, что указывает на их финансовую основу. Необходимо отметить, что понятие «инвестиции банков в ценные бумаги» не определено российским законодательством, однако нормативные документы Банка России косвенно формализуют данное понятие и, по сути, приравнивают его к «вложениям в ценные бумаги» [9].

По мнению представителей академического сообщества, «банковские инвестиции – вложения банковских ресурсов на длительный срок в высокодоходные ценные бумаги; косвенные вложения в экономику, благодаря которым достигается рассредоточение вложений и получение дополнительной прибыли» [10, с. 34].

Осуществляя вложения денежных средств в ценные бумаги, банковские кредитные организации преследуют несколько целей:

– получение дохода (прибыли) от инвестиций в ценные бумаги за счет выплачиваемых по ценным бумагам процентов и дивидендов, а также получение спекулятивного дохода в условиях роста курсовой

стоимости ценных бумаг (спекуляции с ценными бумагами);

– обеспечение и поддержание ликвидности банка путем покупки высококачественных ценных бумаг, принимаемых в качестве залога по кредитам Центрального банка и операциям РЕПО;

– диверсификация активов, управление рисками, осуществляемые путем покупки высоконадежных ценных бумаг, относимых Центральным банком – госрегулятором – к безрисковым активам;

– получение контроля над организацией-эмитентом или существенного влияния на деятельность эмитента – акционерного общества – путем формирования портфеля участия в дочерних и зависимых акционерных обществах.

Указанные цели достигаются за счет использования в качестве инвестиционных инструментов различных ценных бумаг. Соответствие инвестиционных целей банка-инвестора и ценных бумаг – инструментов инвестирования – представлено в *табл. 1*.

Известно, что в современной экономике ликвидными считаются ценные бумаги, прошедшие процедуру листинга у организатора торговли и допущенные к публичному обращению на организованном фондовом рынке (бирже). Однако неразвитый фондовый рынок с сокращающимся финансовым потенциалом, низкой

Таблица 1. Цели и инструменты инвестиций банков в ценные бумаги

Инвестиционная цель	Инструменты для инвестирования (ценные бумаги)
Получение дохода (прибыли)	Ценные бумаги, торгуемые на организованном фондовом рынке (бирже)
	Векселя к учету
Обеспечение и поддержание ликвидности банка	Ценные бумаги, принимаемые в обеспечение по межбанковским кредитам
	Ценные бумаги, принимаемые Центральным банком в обеспечение по операциям РЕПО
Диверсификация активов, управление рисками	Ценные бумаги, принимаемые в обеспечение по межбанковским кредитам
Получение контроля над управлением организацией (акционерным обществом)	Акции в портфелях участия дочерних и зависимых акционерных обществ
Источник: составлено авторами.	

капитализацией, отсутствием широкого круга инвесторов и дефицитом инвестиционных ресурсов определяет, что далеко не все котируемые на бирже ценные бумаги могут быть ликвидными, то есть проданными на фондовом рынке в любой текущий момент времени по более высокой цене, чем цена приобретения. В этих условиях по-настоящему ликвидными становятся только те ценные бумаги, которые обеспечивают привлечение денежных средств от Центрального банка путем проведения операций рефинансирования (кредиты Центрального банка, операции прямого РЕПО), где такие ценные бумаги выступают как средство обеспечения кредитоспособности коммерческого банка.

В отечественной практике Центральный банк Российской Федерации (Банк России) для предоставления ликвидности национальным кредитным организациям проводит операции прямого РЕПО и размещает кредиты под обеспечение ценных бумаг. В качестве обеспечения принимаются исключительно ценные бумаги, включенные в Ломбардный список¹. Ломбардный список (изменения и дополнения к нему) публикуется в «Вестнике Банка России» и (или) на официальном сайте Банка России в информационно-телекоммуникационной сети Интернет [8].

Формируя Ломбардный список, включая или исключая из него ценные бумаги, Банк России оказывает прямое воздействие на привлекательность тех или иных ценных бумаг как объектов инвестирования для банков. Данного мнения придерживаются и эксперты Финансовой академии при Правительстве РФ: «Включение определенных ценных бумаг в Ломбардный список придает им в глазах инвесторов больше надежности, что чрезвычайно

¹ Ломбардный список – перечень ценных бумаг, принимаемых в обеспечение кредитов Банка России.

важно для банков. Другим моментом, повышающим инвестиционную привлекательность ценных бумаг, включенных в Ломбардный список, является то, что остатки этих ценных бумаг, числящиеся на балансе банка, являются ликвидными активами. Коммерческие банки в отношении каждой приобретаемой ценной бумаги оценивают возможность: а) быстро реализовать на фондовом рынке; б) использовать при получении кредитов от Банка России; в) задействовать в операциях РЕПО. Указанные аспекты в существенной степени оказывают влияние на выбор конкретных ценных бумаг, в которые банки осуществляют вложения, безусловно, в пользу включенных в перечень Ломбардного списка» [3].

Ценные бумаги, обеспечивающие обязательство коммерческих банков при получении кредитов Банка России и в операциях РЕПО, передаются на возвратной основе контрагенту – Банку России. В современной отечественной практике инвестиции банков в эти ценные бумаги классифицируются как вложения в «ценные бумаги, переданные контрагентам по операциям, совершаемым на возвратной основе, признание которых не было прекращено» [6].

Анализ фактических вложений российских банков в ценные бумаги позволит определить инвестиционные цели, преследуемые коммерческими банками, и тенденции банковских инвестиций на современном этапе.

Анализ состава и структуры вложений коммерческих банков в ценные бумаги представлен в *таблице 2*. Необходимо отметить, что структура вложений банков в ценные бумаги относительно стабильна – основную долю, около 80%, составляют долговые обязательства. За период с 1 января 2011 по 1 января 2015 года наи-

более заметные структурные изменения наблюдаются по инвестициям в долевые ценные бумаги. Так, доля вложений в акции с целью получения спекулятивного дохода сократилась более чем в 2 раза и по состоянию на 01.01.2015 г. составила лишь 5% от общей суммы вложений против 12,2% на 01.01.2011 г. С другой стороны, участие

банков в акционерном капитале дочерних и зависимых акционерных обществ выросло – доля инвестиций в портфелях участия на начало 2015 года достигла 14% против 6,3% в 2011 году.

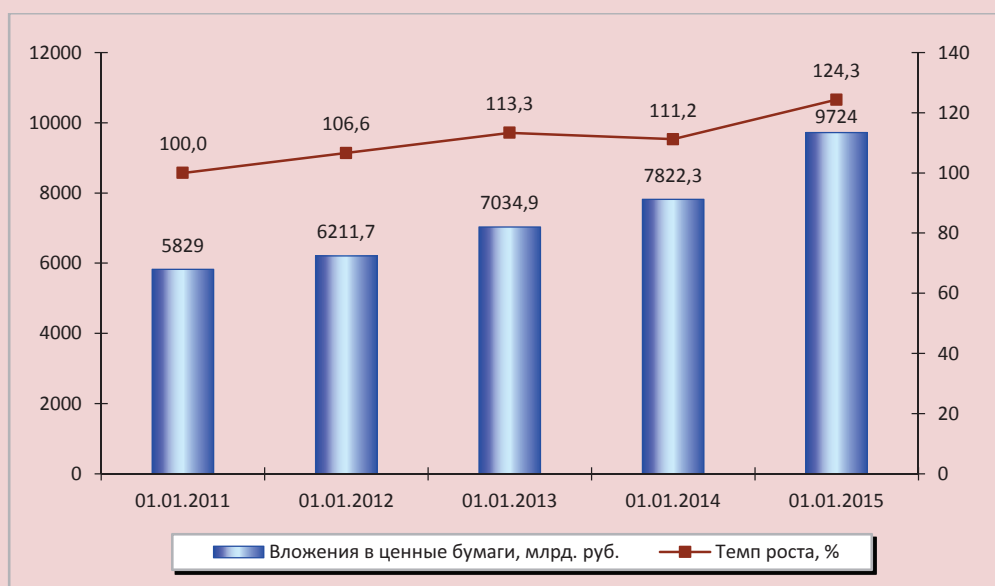
Динамика вложений банков РФ в ценные бумаги наглядно представлена на рисунке 1.

Таблица 2. Состав и структура вложений коммерческих банков РФ в ценные бумаги (на 01.01.2011 – 01.01.2015 гг.)

Ценные бумаги, приобретенные банками	1.01.2011		1.01.2012		1.01.2013		1.01.2014		1.01.2015	
	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%
Всего	5829,0	100	6211,7	100	7034,9	100	7822,3	100	9724,0	100
В том числе:										
долговые обязательства*	4419,9	75,8	4676,2	75,3	5265,1	74,8	6162,9	78,8	7651,4	78,7
долевые ценные бумаги	710,9	12,2	914,4	14,7	791,6	11,3	790,4	10,1	488,7	5,0
векселя (учет)	330,0	5,7	233,9	3,8	398,8	5,7	274,1	3,5	218,0	2,2
акции дочерних и зависимых акционерных обществ	368,2	6,3	387,3	6,2	579,4	8,2	594,9	7,6	1365,9	14,0
из них: акции дочерних и зависимых кредитных организаций-резидентов	168,4	2,9	159,3	2,6	184,2	2,6	189,2	2,4	503,4	5,2

* Долговые обязательства – объем вложений кредитных организаций в долговые обязательства, которые законодательством Российской Федерации отнесены к долговым ценным бумагам.
Источники: данные Банка России; расчеты авторов.

Рисунок 1. Динамика вложений коммерческих банков РФ в ценные бумаги (на 01.01.2011 – 01.01.2015)

Источник: рассчитано авторами по данным Банка России.

За исследуемый период наблюдается стабильный рост данных инвестиций как в абсолютном выражении, так и в относительной динамике. По состоянию на 01.01.2012 индекс оставил 106,6%, а на 01.01.2013 – 113,3%. Небольшое относительное снижение показателя по сравнению с 2013 годом происходит в начале 2014 года – 111,2%. Однако на 01.01.2015 выявлен значительный рост объемов вложений в ценные бумаги – 124,3% (9724 млрд. руб.). Изменения вложений банков в ценные бумаги за последние пять лет представлены в *таблице 3*.

За период 2011–2014 гг. наблюдается рост вложений коммерческих банков в ценные бумаги (темп роста – 166,8%). Однако динамика инвестиций банков в разные ценные бумаги разнонаправленна. Банки стремительно наращивают портфели участия в дочерних и зависимых обществах – в 3,7 раза за исследуемый период, а также вложения в долговые обязательства – в 1,7 раза. Активизация инвестиций банков в акции дочерних и зависимых кредитных организаций-резидентов свидетельствует о формировании банковских групп и консолидации финансовых ресурсов кредитных организаций. В то же время банки явно теряют интерес к вложениям в долевые ценные бумаги (акциям) и учету векселей.

Динамика вложений коммерческих банков РФ в портфели участия дочерних и зависимых акционерных обществ наглядно представлена на *рисунке 2*.

Из приведенных данных видно, что объемы вложений инвестиций банков РФ значительно возросли за последний исследуемый период. Темп роста составил 229,6% на 01.01.2015 года. Причем объемы вложений в акции дочерних и зависимых кредитных организаций-резидентов в портфеле российских банков за этот же период увеличились на 273,8 млрд. руб. и составили 503,4 млрд. руб. Такой объем вложений занимает примерно треть банковского портфеля акций дочерних и зависимых акционерных обществ.

Переориентация банковских инвестиций в долговые государственные ценные бумаги и портфели участия в дочерних и зависимых акционерных обществах и сокращение банковских вложений в отечественные корпоративные инструменты фондового рынка свидетельствуют о снижении спекулятивной привлекательности фондового рынка России, а значит, и снижении спекулятивных доходов банков-инвесторов. Предположительно, это отрицательно скажется на прибыли банков в краткосрочной перспективе, но заставит их находить новые источники и инструменты для обеспечения своей доходности.

Таблица 3. Динамика вложений коммерческих банков РФ в ценные бумаги за 5 лет

Ценные бумаги, приобретенные банками	На 01.01.2015 к 01.01.2011		
	Изм. (+, -), млрд. руб.	Темп роста, %	Изм. структуры (+, -), %
Всего	3895	166,8	-
В том числе:			
долговые обязательства	3231,5	173,1	2,9
долевые ценные бумаги	-222,2	68,7	-7,2
векселя (учет)	-112	66,1	-3,5
акции дочерних и зависимых акционерных обществ (портфели участия)	997,7	371	7,7
Из них:			
акции дочерних и зависимых кредитных организаций- резидентов	335	298,9	2,3

Источники: данные Банка России; расчеты авторов.

Рисунок 2. Динамика вложений коммерческих банков РФ в портфели участия дочерних и зависимых акционерных обществ (на 01.01.2011 – 01.01.2015)

Источник: рассчитано авторами по данным Банка России.

Детализация анализа вложений в ценные бумаги позволит более четко обозначить интересы, преследуемые банками при осуществлении инвестиций в ценные бумаги. Состав и структура вложений коммерческих банков в долговые ценные бумаги представлена в *таблице 4*.

Представленные данные характеризуют структурные изменения, которые произошли за исследуемый период в портфеле вложений банков РФ в долговые ценные бумаги. Доля вложений в долговые ценные бумаги в общем портфеле стабильна. Однако внутри произошли существенные перемены. Такое наблюдается в динамике вложений в долговые обязательства, переданные без прекращения признания. Если на 01.01.2011 года доля таких вложений составляла 6,1%, то на 01.01.2015 – 43,8%.

Представим более наглядно динамику данного показателя, темп роста которого

на 01.01.2013 года составил 269,7% (*рис. 3*). В следующие периоды темп прироста остается стабильным – на 61% и 31% соответственно. Абсолютный прирост на начало 2015 года по сравнению с началом 2011 года составил 3906,5 млрд. руб.

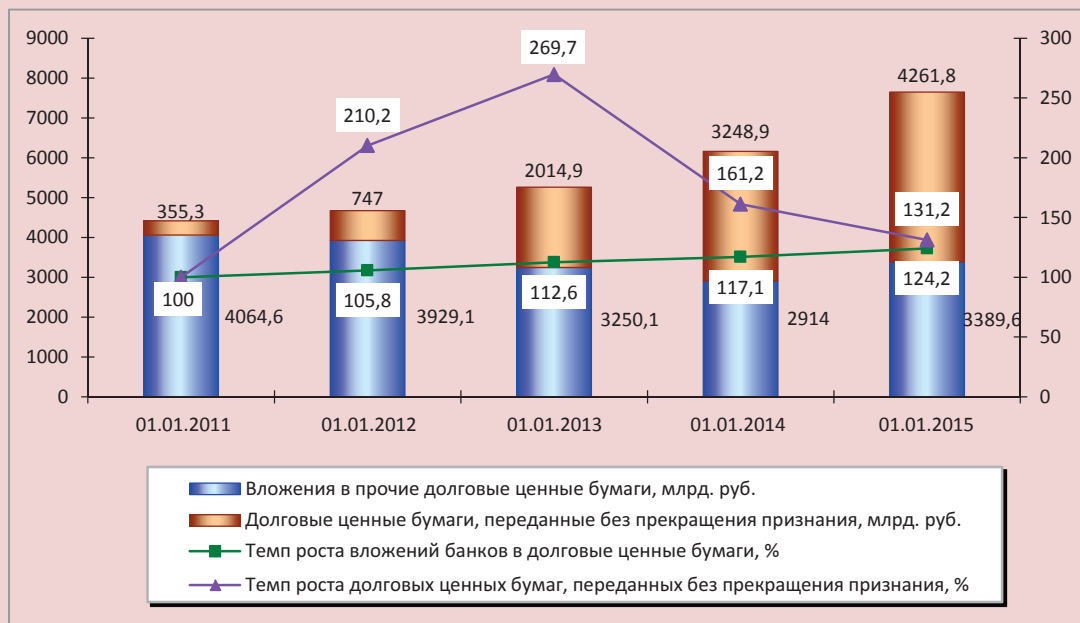
В исследуемом периоде происходят структурные изменения, определяемые рядом факторов. Коммерческие банки вынужденно отказались от такого инвестиционного инструмента, как долговые обязательства Банка России, в связи с прекращением Центробанком РФ операций по выпуску собственных облигаций. Облигации Банка России широко использовались в банковской практике как форма залога в операциях РЕПО. Прекращение их выпуска и размещения среди кредитных организаций было направлено, в том числе, на переориентацию инвестиций коммерческих банков в государственные ценные

Таблица 4. Состав и структура вложений коммерческих банков РФ в долговые ценные бумаги (на 01.01.2011 – 01.01.2015 гг.)

Долговые ценные бумаги, приобретенные банками	01.01.2011		01.01.2012		01.01.2013		01.01.2014		01.01.2015	
	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%
Ценные бумаги, приобретенные банками, всего	5829,0	100	6211,7	100	7034,9	100	7822,3	100	9724,0	100
Долговые ценные бумаги, всего	4419,9	75,8	4676,1	75,3	5265	74,8	6162,9	78,8	7651,4	78,7
В том числе: обязательства РФ	1177,5	20,2	1496,3	24,1	945	13,4	814,1	10,4	1268,4	13,0
обязательства Банка России	588,5	10,1	0	0	0	0	0	0	0	0
обязательства субъектов РФ и органов местного самоуправления	284,3	4,9	223,7	3,6	98	1,4	131,8	1,7	108,9	1,1
выпущенные кредитными организациями-резидентами*	365	6,3	408,5	6,6	492,9	7,0	410,3	5,2	456,4	4,7
выпущенные нерезидентами*	718,9	12,3	839,4	13,5	791,3	11,2	883,2	11,3	1301	13,4
прочие долговые обязательства резидентов	901,1	15,5	997,5	16,1	863,8	12,3	687,8	8,8	666,4	6,9
долговые обязательства, переданные без прекращения признания	355,3	6,1	747	12,0	2014,9	28,6	3248,9	41,5	4261,8	43,8
долговые обязательства, не погашенные в срок	12,3	0,2	12,6	0,2	8,4	0,1	6,3	0,1	5,2	0,1
переоценка долговых обязательств**	17	0,3	-48,8	-0,8	50,6	0,7	-19,5	-0,2	-416,8	-4,3

* Резиденты/нерезиденты – понятия «резиденты» и «нерезиденты», используемые для формирования показателей данной таблицы, определяются в соответствии с Федеральным законом «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10.12.2003 № 173-ФЗ.
 ** Переоценка долговых обязательств (долевых ценных бумаг) – отрицательные и положительные разницы между балансовой стоимостью ценных бумаг и их текущей (справедливой) стоимостью.
 Источники: данные Банка России; расчеты авторов.

Рисунок 3. Динамика вложений коммерческих банков РФ в долговые ценные бумаги (на 01.01.2011 – 01.01.2015)

Источник: рассчитано авторами по данным Банка России.

бумаги и финансовое покрытие дефицита федерального бюджета. Параллельно с уходом облигаций Банка России из инвестиционных портфелей коммерческих банков можно наблюдать сопоставимый рост объема и доли вложений в долговые обязательства Российской Федерации и долговые обязательства, переданные без прекращения признания (операции РЕПО) (табл. 5). Данные изменения, наблюдаемые в 2011 году, получили свое развитие в последующие годы.

За пять лет наибольший темп роста – 1199,5% – наблюдается по состоянию на январь 2015 года по инвестициям коммерческих банков в долговые обязательства, переданные без прекращения признания, то есть ценные бумаги, используемые в операциях РЕПО. Долговые обязательства, переданные без прекращения признания, занимают в портфелях ценных бумаг коммерческих банков наибольшую долю – 43,8% по состоянию на 1 января 2015 года. Значительный объем банковских инвестиций в инструменты РЕПО также свидетельствует о высокой потребности национальных банков в ресурсах Банка России и в поддержании своей ликвидности.

Привлекательность ценных бумаг для банка-инвестора во многом определяется их рыночной стоимостью и возможностью ценных бумаг эту стоимость наращивать. Ценные бумаги являются финансовыми активами, рыночная стоимость которых определяется большим количеством факторов, главным из которых выступает конъюнктура фондового рынка: уровень спроса, уровень предложения и ситуация на рынке в целом. Принято считать, что изменение рыночной стоимости отдельной ценной бумаг может быть не связано с финансовым состоянием отдельного эмитента, однако состояние национального фондового рынка достаточно точно отражает общую ситуацию в национальной экономике. Рост рыночной стоимости ценных бумаг в среднесрочной и долгосрочной перспективе привлекает инвесторов и капиталы на фондовый рынок, способствует росту финансового рынка. Негативные изменения в экономике отпугивают инвесторов, что влечет за собой бегство капитала с фондового рынка, снижение рыночной стоимости ценных бумаг и ухудшение рыночной конъюнктуры.

Таблица 5. Динамика вложений коммерческих банков РФ в долговые ценные бумаги за 5 лет

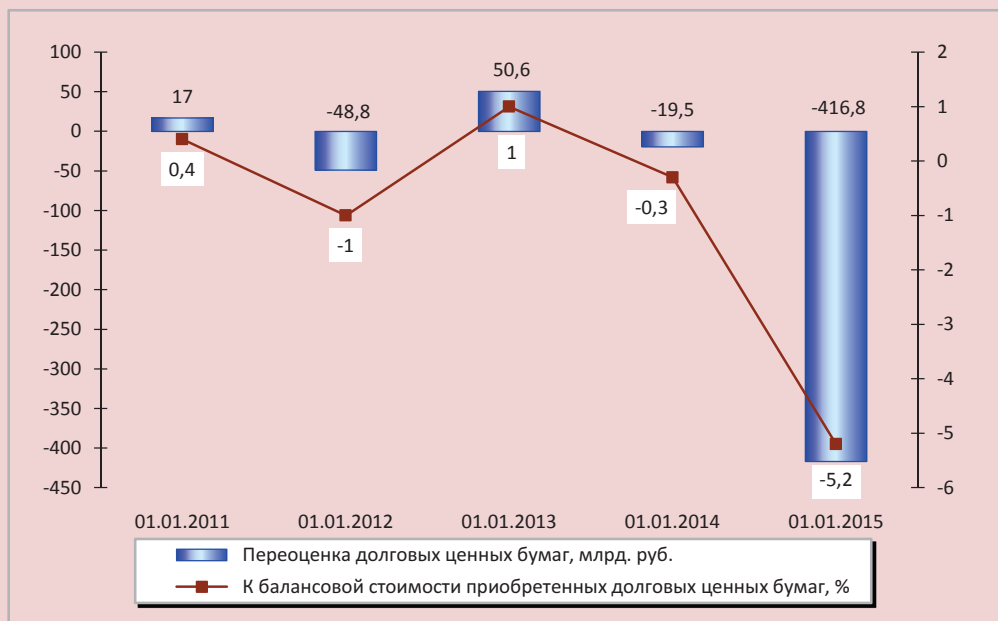
Долговые ценные бумаги, приобретенные банками	На 01.01.2015 к 01.01.2011		
	Изм. (+, -), млрд. руб.	Темп роста, %	Изм. структуры (+,-), %
Всего	3231,5	173,1	2,9
В том числе:			
обязательства РФ	90,9	107,7	-7,2
обязательства Банка России	-588,5	0	-10,1
обязательства субъектов РФ и органов местного самоуправления	-175,4	38,3	-3,8
выпущенные кредитными организациями - резидентами	91,4	125,0	-1,6
выпущенные нерезидентами	582,1	181,0	1,1
прочие долговые обязательства резидентов	-234,7	74,0	-8,6
долговые обязательства, переданные без прекращения признания	3906,5	1199,5	37,7
долговые обязательства, не погашенные в срок	-7,1	42,3	-0,1
переоценка долговых обязательств	-433,8	-2451,8	-4,6
Источники: данные Банка России; расчеты авторов.			

Переоценка долговых ценных бумаг, приобретенных коммерческими банками в 2011–2014 годах, представлена на *рисунке 4*. Его данные отражают изменение рыночной стоимости долговых ценных бумаг по отношению к балансовой стоимости – цене, по которой долговые ценные бумаги банками были приобретены. За исследуемый период наблюдается как положительная переоценка, то есть рост рыночной стоимости на облигации и займы (по состоянию на 01.01.2011 и на 01.01.2013), так и отрицательная переоценка – снижение рыночных цен на долговые ценные бумаги.

Рекордная отрицательная переоценка долговых ценных бумаг зафиксирована по состоянию на 1 января 2015 года – долговые обязательства «потеряли» более 4,6% от своей стоимости, что свидетельствует о кризисных явлениях на отечественном рынке долговых ценных бумаг.

К положительным фактам можно отнести сокращение объема и доли вложений в долговые ценные бумаги, не погашенные в срок, что свидетельствует о снижении рисков банковских инвестиций в ценные бумаги. Сокращение объема и доли вложений в долговые обязательства резидентов при параллельном росте вложений в облигации банков-резидентов свидетельствует о снижении привлекательности корпоративных облигаций нефинансового сектора. Сокращение объема банковских инвестиций в долговые обязательства субъектов РФ и органов местного самоуправления в 2,6 раза также свидетельствует о снижении привлекательности данных ценных бумаг для банков. Значительный прирост объема вложений в облигации нерезидентов в 2014 году скорее обусловлен динамикой валютного курса, нежели изменением инвестиционного поведения банков-инвесторов (см. табл. 4 и 5, *рис. 4*).

Рисунок 4. Переоценка долговых ценных бумаг, приобретенных коммерческими банками РФ (на 01.01.2011– 01.01.2015)

Источник: рассчитано авторами по данным Банка России.

Анализ состава и структуры инвестиций коммерческих банков в долевые ценные бумаги показал, что инвестиции банков в акции, обращающиеся на организованном фондовом рынке, связаны с изменением их рыночной стоимости (табл. 6). Отрицательные изменения суммы и доли инвестиций банков в акции происходит на фоне общего роста вложений банков в ценные бумаги. Выявленная тенденция свидетельствует о потере интереса банков именно к долевым ценным бумагам и требует детализации анализа.

Необходимо учитывать, что вложения банков в долевые ценные бумаги неоднородны по характеру и цели инвестирования. Так, наличие в инвестиционных портфелях банков долевых ценных бумаг, переданных без прекращения признания, означает, что эти акции переданы в залог по кредитам Банка России и используются коммерческими банками как средство для получения дополнительной ликвидности от Центрального банка.

Инвестиции в прочие акции преследуют коммерческую цель — получение прибыли. Банки покупают акции в расчете на прирост их рыночной стоимости в будущем, с целью перепродажи по более высокой цене, что классифицируется как финансовая спекуляция.

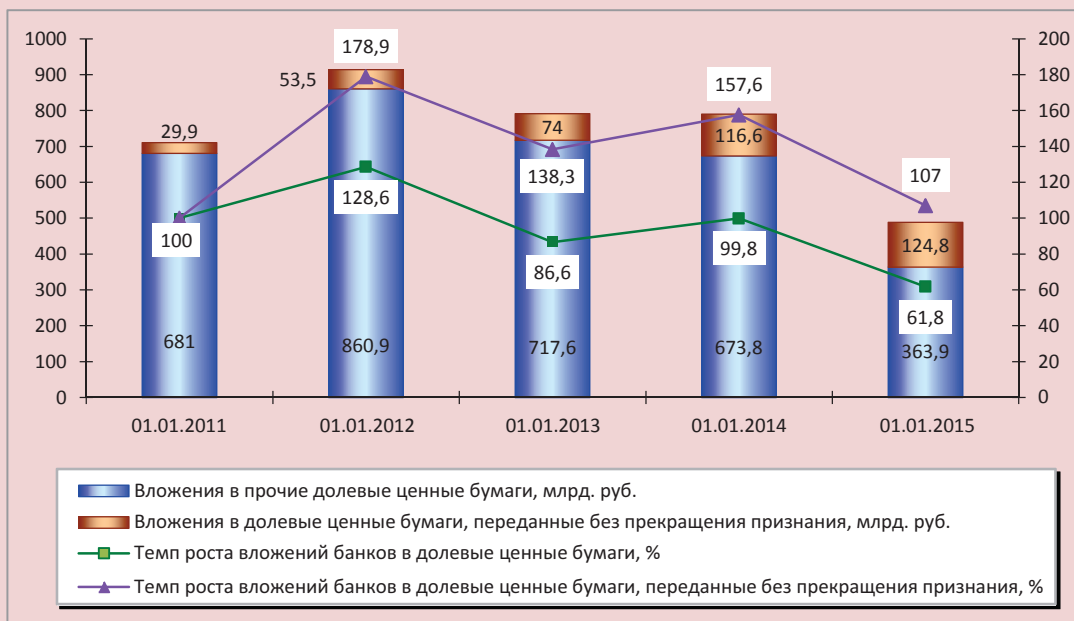
На рисунке 5 представлена динамика вложений банков в долевые ценные бумаги в 2011–2014 гг. с учетом их целевой инвестиционной характеристики. Анализ данных свидетельствует, что к 2015 году банки значительно сократили вложения в прочие акции, которые потенциально способны приносить спекулятивный доход. Максимальный интерес к спекулятивным вложениям в акции зафиксирован в 2011 году — период относительного благополучия, когда наблюдался рост показателей отечественного фондового рынка. С 2012 года, по мере нарастания негативных явлений в экономике, банки начинают сокращать вложения в акции с целью спекуляций на фондовом рынке. Минимального значения

Таблица 6. Состав и структура вложений коммерческих банков РФ в долевые ценные бумаги (на 01.01.2011–01.01.2015 гг.)

Долевые ценные бумаги, приобретенные банками	1.01.11		1.01.12		1.01.13		1.01.14		1.01.15	
	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%
Ценные бумаги, приобретенные банками, всего	5829,0	100	6211,7	100	7034,9	100	7822,3	100	9724,0	100
Долевые ценные бумаги по текущей (справедливой) стоимости, всего	710,9	12,2	914,4	14,7	791,6	11,3	790,4	10,1	488,7	5,0
Долевые ценные бумаги по балансовой стоимости (без учета переоценки), всего	673,9	11,6	929,1	15,0	810,8	11,5	807,9	10,3	411,2	4,2
Кредитных организаций-резидентов	5,7	0,1	10,6	0,2	8,5	0,1	5,1	0,1	4,1	0,04
нерезидентов	50,3	0,9	78,4	1,3	82,2	1,2	94,5	1,2	84,5	0,9
прочих резидентов	588	10,1	786,6	12,7	646,1	9,2	591,7	7,6	197,8	2,0
Долевые ценные бумаги, переданные без прекращения признания	29,9	0,5	53,5	0,9	74	1,1	116,6	1,5	124,8	1,3
переоценка долевых ценных бумаг	37	0,6	-14,7	-0,2	-19,1	-0,3	-17,5	-0,2	-16,4	-0,2

Источники: данные Банка России; расчеты авторов.

Рисунок 5. Динамика вложений коммерческих банков РФ в долевыe ценные бумаги (на 01.01.2011 – 01.01.2015)

Источник: рассчитано авторами по данным Банка России.

вложения банков в долевыe ценные бумаги спекулятивного характера достигают в кризисном 2014 году.

Абсолютно противоположная тенденция складывается с инвестициями банков в долевыe ценные бумаги, переданные без прекращения признания. Вложения банков в акции, переданные без прекращения признания, стабильно растут в течение всего исследуемого периода. Подобные изменения подтверждает потребность банков в дополнительной ликвидности.

Показатели динамики вложений коммерческих банков в долевыe ценные бумаги за пятилетний период представлен в табл. 7.

Рост стоимости долевыx ценных бумаг в 2011 году сопровождался ростом инвестиций банков в акции, и наоборот – отрицательная переоценка стоимости акций, которая наблюдается с 2012 года, сопровождается снижением объема инвестиций банков в долевыe ценные бумаги.

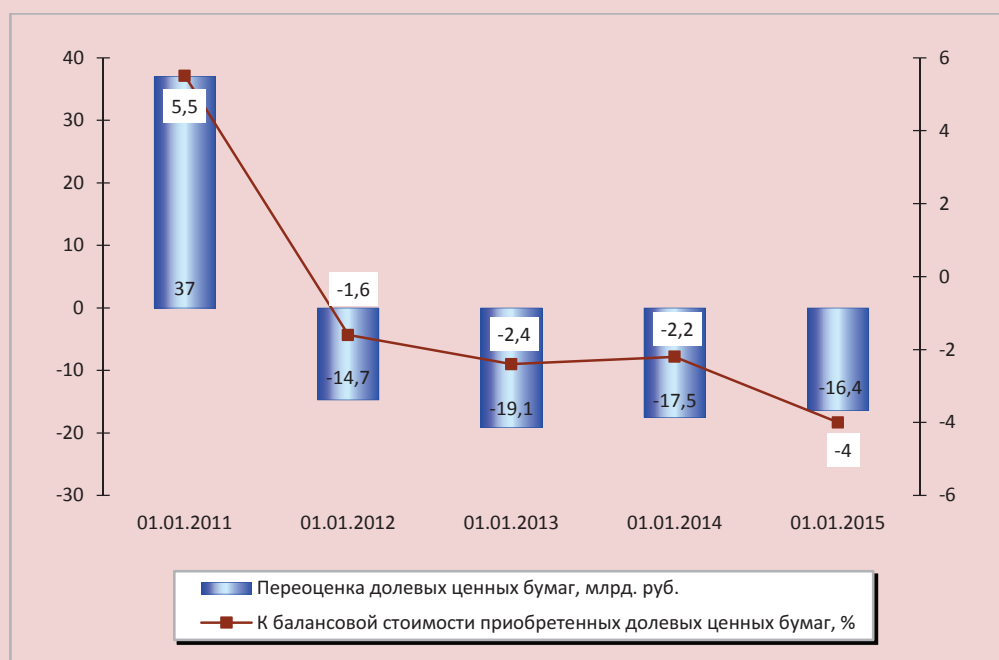
В целом динамика вложений банков в долевыe ценные бумаги в исследуемом периоде носит отрицательный характер. Наименее привлекательными для инвестиций в настоящее время банки считают акции отечественных компаний нефинансового сектора. Необходимо отметить, что сокращение вложений банков в ценные бумаги отечественных компаний нефинансового сектора происходит в условиях рецессии российской экономики [6]. Вложения в акции российских компаний нефинансового сектора за пять лет сократились на 390,2 млрд. руб. Рублевая сумма инвестиций банков в акции нерезидентов – иностранных компаний – растет, однако доля этих ценных бумаг в общих финансовых инвестициях банков не меняется. Сложившаяся ситуация может быть связана не столько с реальным увеличением инвестирования в акции нерезидентов, сколько с динамикой валютного курса.

Таблица 7. Динамика вложений коммерческих банков в долевые ценные бумаги за 5 лет

Долевые ценные бумаги, приобретенные банками	На 01.01.2015 к 01.01.2011		
	Изм. (+, -), млрд. руб.	Темп роста, %	Изм. структуры (+, -), %
Вложения в долевые ценные бумаги	-222,2	68,7	-7,2
Всего по балансовой стоимости (без учета переоценки)	-262,7	61,0	-7,4
В том числе:			
кредитных организаций-резидентов	-1,6	71,9	-0,06
нерезидентов	34,2	168,0	0
прочих резидентов	-390,2	33,6	-8,1
долевые ценные бумаги, переданные без прекращения признания	94,9	417,4	0,8
переоценка долевых ценных бумаг	-53,4	-44,3	-0,8

Источники: данные Банка России; расчеты авторов.

Рисунок 6. Переоценка долевых ценных бумаг, приобретенных коммерческими банками РФ (на 01.01.2011 – 01.01.2015)

Источник: рассчитано авторами по данным Банка России.

Значительно прирастают инвестиции в долевые ценные бумаги, переданные без прекращения признания, — более чем на 400% за пять лет. Эти ценные бумаги используются в качестве залога по кредитам Банка России и в операциях РЕПО.

Данные о переоценке долевых ценных бумаг, приобретенными банками представлены на *рисунке 6*.

Начиная с 2012 года наблюдается отрицательная переоценка стоимости долевых ценных бумаг. Другими словами рыночная

стоимость акций по отношению к их балансовой стоимости (цене приобретения) постоянно снижается, вложения банков в долевые ценные бумаги обесцениваются, что значительно снижает их инвестиционную привлекательность.

Характеризуя вложения банков в ценные бумаги в 2010–2014 гг., можно сделать вывод, что банковские кредитные организации, осуществляя финансовые инвестиции, в первую очередь преследуют цель обеспечения собственной ликвидности.

Обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть инвестиционных ресурсов российских банков обслуживает долговые обязательства Правительства РФ или дефицит Федерального бюджета. Банки используют долговые и долевые ценные бумаги из Ломбардного списка Банка России для получения кредитов Банка России и в операциях РЕПО. Отрицательная переоценка и фактическое снижение стоимости долевых и долговых корпоративных ценных бумаг российских эмитентов снижает их коммерческую

привлекательность. Спекулятивные операции банков-инвесторов на фондовом рынке сокращаются, а значит, снижается и доходность финансовых банковских инвестиций. Банки наращивают портфельное участие, увеличивая финансовые инвестиции в капитал дочерних и зависимых акционерных обществ. Результаты анализа, полученные в ходе проведения исследования, позволяют утверждать, что в текущем периоде банковские инвестиции в ценные бумаги изменили целевую направленность и из системно значимых активов, приносящих значительную прибыль, трансформировались в механизм обеспечения ликвидности, необходимый банкам для осуществления других операций и доходных видов деятельности. В целом это свидетельствует о снижении эффективности банковских инвестиций в ценные бумаги. Представляется, что в случае сохранения нынешнего курса монетарной политики Банка России эта тенденция банковских инвестиций сохранится в среднесрочной перспективе.

Литература

1. Бернар, И. Толковый экономический и финансовый словарь. Французская, русская, английская, немецкая, испанская терминология : в 2 т. — Т. 2 / И. Бернар, Ж.К. Колли : пер. с фр. — М. : Международные отношения, 1994. — 720 с.
2. Брандес, М.П. Русско-немецкий финансовый словарь (на русском языке) / М.П. Брандес, В.М. Завьялова. — М. : Изд-во: КДУ, 2009. — 356 с.
3. Гиблова, Н.М. Государственное регулирование инвестиционной деятельности коммерческих банков на фондовом рынке: стимулы и ограничения / Н.М. Гиблова // Банковское право. — М. : Юрист, 2015. — №2. — С. 56-63.
4. Игонина, Л.Л., Инвестиции : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. / Л.Л. Игонина. — М. : Магистр; Инфра-м, 2013. — 752 с.
5. Ильин, В.А. Экономическая политика Правительства продолжает противоречить интересам основной части населения страны / В.А. Ильин [Электронный ресурс] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2015. — № 4 (40). — С. 9-20. — Режим доступа: <http://esc.isert-ran.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=5179>
6. Методологические комментарии к таблицам «Обзор банковского сектора Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Вып. 16. — Режим доступа: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/print.aspx?file=Metodol_16.htm
7. Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений : Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 28.12.2013) [Электронный ресурс] [Извлечение из документа] // КонсультантПлюс.

8. Положение о порядке предоставления Банком России кредитным организациям кредитов, обеспеченных залогом (блокировкой) ценных бумаг : утв. Банком России 04.08.2003 № 236-П (ред. от 09.09.2015) [Электронный ресурс] ”Извлечение из документа” // КонсультантПлюс.
9. Порядок бухгалтерского учета вложений (инвестиций) в ценные бумаги и операций с ценными бумагами: приложение 10 к Положению Банка России от 16 июля 2012 года № 385-П «О правилах ведения бухгалтерского учета в кредитных организациях, расположенных на территории Российской Федерации» [Электронный ресурс] [Извлечение из документа] // КонсультантПлюс.
10. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева; 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-М, 2013. – 512 с.
11. Решение Совета глав правительств СНГ «О межгосударственной программе инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2020 года» [Электронный ресурс] : принято в г. Санкт-Петербурге 18.10.2011. Извлечение из документа // КонсультантПлюс.
12. Розенберг, Дж.М. Инвестиции: терминологический словарь / Дж. М. Розенберг. – М.: Инфра-М, 1997. – 400 с.
13. Румянцева, Е.Е. Новая экономическая энциклопедия / Е.Е. Румянцева. – М.: Инфра-М, 2011. – XII. – 882 с.
14. Сведения о движении акций и доходы по ним [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/finans/fin48.htm
15. Структура вложений кредитных организаций в ценные бумаги и производные финансовые инструменты [Электронный ресурс] // Официальный сайт Банка России. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system.
16. Шарп, У. Инвестиции / У. Шарп, Г. Александер, Дж. Бэйли : пер с англ. – М.: Инфра-М, 2009. – XII. – 1028 с.

Сведения об авторах

Екатерина Владимировна Мазикова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет» (625003, Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 16, fin@utmn.ru)

Наталья Николаевна Юманова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет» (625003, Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 16, umanova.n@yandex.ru)

Mazikova E.V., Yumanova N.N.

Investments of Banks in Securities: the Essence and Development Trends under Current Conditions

Natal'ya Nikolaevna Yumanova – Ph.D. in Economics, Associate Professor at the Chair of Finance, Money Turnover and Credit, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education “Tyumen State University” (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation,)

Ekaterina Vladimirovna Mazikova – Ph.D. in Economics, Associate Professor at the Chair of Finance, Money Turnover and Credit, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education “Tyumen State University” (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation,)

Abstract. The implementation of modern banking activities involves the realization of investments. Investment is a complex discussion economic category, characterized by a number of features. The types and forms of investment are manifold and can be transformed with account of the state of the economy and the level of development of industrial relations. The faster growth of the financial sector in the economy has stipulated the development of financial investment. Banks as financial and lending institutions actively make financial investments in securities. Banks' investment in securities pursues a number of purposes which determine the selection of securities for investment and their quality. The article identified the targets of bank investments in securities and their development trends under current conditions on the basis of the analysis of the actual data for 2010–2014. Negative revaluation and the actual decrease in the value of corporate securities of Russian issuers reduce their commercial appeal. Banks refuse to speculate on the stock market in favor of the securities that ensure liquidity. Banks' investments aim to purchasing securities from the Lombard List of the Bank of Russia in order to obtain loans and participate in the repo transactions. Thus, during the analyzed period, banks' investments in securities transformed from systemically important assets that generate substantial profit into the mechanism that provides liquidity. It should be noted that a significant part of investment resources of Russian banks services the debt obligations of Russia's Government. The article also identified a trend of banks' increasing investment in the participation portfolios of subsidiaries and associated joint stock companies. The official data of the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia) [15], and the Federal State Statistics Service [14] were used as the information base for the study.

Key words: investments, securities, commercial banks' investments in securities, debt obligations, Lombard List, bank liquidity, earnings, shares of subsidiaries and associated companies.

References

1. Bernard Y., Colli J.C. *Tolkovyi ekonomicheskii i finansovyi slovar'*. Frantsuzskaya, russkaya, angliiskaya, nemetskaya, ispanskaya terminologiya: V – 2-kh t [Explanatory Economic and Financial Dictionary. French, Russian, English, German, Spanish Terminology: in Two Volumes]. Vol. 2. Translated from French. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1994 g. 720 p.
2. Brandes M. P., Zav'yalova V. M. *Russko-nemetskii finansovyi slovar' (na russkom yazyke)* [Russian-German Financial Dictionary (in Russian)]. Moscow: Izdatel'stvo: KDU, 2009. – 356s.
3. Giblova N.M. Gosudarstvennoe regulirovanie investitsionnoi deyatel'nosti kommercheskikh bankov na fondovom rynke: stimuly i ogranicheniya [State Regulation of Investment Activity of Commercial Banks on the Stock Market: Incentives and Constraints]. *Bankovskoe pravo* [Banking Law], 2015, no. 2, pp. 56–63.
4. Igonina L.L. *Investitsii: uchebnik* [Investments: Textbook]. Second edition, revised and supplemented. Moscow: Magistr: Infra-m, 2013. 752 p.
5. Piyin V.A. Ekonomicheskaya politika Pravitel'stva prodolzhaet protivorechit' interesam osnovnoi chasti naseleniya strany [Economic Policy Pursued by the Government Is Still Inconsistent with the Interests of the Majority of Russia's Population]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2015, no. 4 (40), pp. 9–20. Available at <http://esc.isert-ran.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=5179>
6. Metodologicheskie kommentarii k tablitsam “Obzor bankovskogo sektora Rossiiskoi Federatsii” [Methodological Comment to the Tables “A Review of the Banking Sector of the Russian Federation”]. Issue 16. Available at: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/print.aspx?file=Metodol_16.htm
7. “Ob investitsionnoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii, osushchestvlyаемoi v forme kapital'nykh vlozhenii”: Federal'nyi zakon ot 25.02.1999 № 39-FZ (red. ot 28.12.2013) [“On Investment Activity in the Russian Federation Implemented in the Form of Capital Investments”: Federal Law of February 25, 1999 No. 39-FZ (as Amended on December 28, 2013)]. *Konsul'tantPlyus* [Reference-Legal System ConsultantPlus].

8. “Polozhenie o poryadke predostavleniya Bankom Rossii kreditnym organizatsiyam kreditov, obespechennykh zalogom (blokirovkoi) tsennykh bumag”: utv. Bankom Rossii 04.08.2003 № 236-P (red. ot 09.09.2015) [“Provisions on the Procedures according to which the Bank of Russia Provides Credit Organizations with the Loans Secured by Pledge (Blocking) of Securities” (Approved by the Bank of Russia on August 04, 2003 No. 236-P) (as Amended on September 09, 2015)]. Konsul'tantPlyus [Reference-Legal System ConsultantPlus].
9. Poryadok bukhgalterskogo ucheta vlozhenii (investitsii) v tsennye bumagi i operatsii s tsennymi bumagami. Prilozhenie 10 k Polozheniyu Banka Rossii ot 16 iyulya 2012 goda N 385-P “O pravilakh vedeniya bukhgalterskogo ucheta v kreditnykh organizatsiyakh, raspolozhennykh na territorii Rossiiskoi Federatsii” [Accounting Treatment of Investments in Securities and Operations with Securities. Annex 10 to the Regulation of the Bank of Russia of July 16, 2012 No. 385-P “About the Rules of Carrying Out Accounting in the Credit Organizations Located on the Territory of the Russian Federation”]. Konsul'tantPlyus [Reference-Legal System ConsultantPlus].
10. Raizberg B.A., Lozovskii L.Sh., Starodubtseva E.B. Sovremennyy ekonomicheskii slovar' [Modern Economic Dictionary]. Sixth edition, revised and supplemented. Moscow: Infra-M, 2013. 512 p.
11. Reshenie Soveta glav pravitel'stv SNG “O mezhgosudarstvennoi programme innovatsionnogo sotrudnichestva gosudarstv-uchastnikov SNG na period do 2020 goda”. Prinyato v g.Sankt-Peterburge 18.10.2011 [The Decision of the Council of the Heads of Governments of the CIS “About the Intergovernmental Program on Innovation Cooperation of CIS Member States for the Period till 2020”]. Adopted in Saint Petersburg on October 18, 2011]. Konsul'tantPlyus [Reference-Legal System ConsultantPlus].
12. Rosenberg J.M. Investitsii: terminologicheskii slovar' [Investments: a Dictionary of Terms]. Moscow: Infra-M, 1997. 400 p.
13. Rumyantseva E.E. Novaya ekonomicheskaya entsiklopediya: 4-e izd [New Economic Encyclopedia: the Fourth Edition]. Moscow: Infra-M, 2011. 882 p.
14. Svedeniya o dvizhenii aktsii i dokhody po nim [Information about the Movement of Shares and the Income upon Them]. Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki [Official Website of the Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/finans/fin48.htm
15. Struktura vlozhenii kreditnykh organizatsii v tsennye bumagi i proizvodnye finansovye instrumenty. [The Structure of Investments of Credit Organizations in Securities and Derivative Financial Instruments]. Ofitsial'nyi sait Banka Rossii [Official Website of the Bank of Russia]. Available at: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system.
16. Sharpe W.F., Alexander G.J., Bailey J.V. Investitsii [Investments]. Translated from English. Moscow: Infra-M, 2009. 1028 p.

Исследование участия общественности в охране окружающей среды Китая

Чэнь Нин

научный ассистент

Академия общественных наук провинции Цзянси

Наньчан, Китай

390121763@qq.com

Аннотация. Участие общественности является важным принципом и одним из основных факторов охраны окружающей среды. В её защите очень важную роль играют экологические неправительственные организации. В данной работе анализируются основные принципы, цели и проблемы участия общественности в охране окружающей среды в Китае. Исследуются также причины недостаточного участия общественности в охране окружающей среды; предлагаются пути решения проблемы исходя из таких аспектов, как правовая защита, развитие неправительственных экологических групп, расширение возможностей для участия общественности, улучшение её осведомленности в сфере охраны окружающей среды и разработка системы раскрытия информации о состоянии окружающей среды и т.д.

Ключевые слова: охрана окружающей среды; участие общественности; Китай.

За 30 лет проведения политики реформ и открытости Китай стал второй крупнейшей мировой экономикой. Однако он заплатил за свои выдающиеся достижения в экономическом развитии высокую цену: экологическая обстановка в стране серьезно ухудшилась. В последние годы обострились экологические проблемы в

городах в связи с ускорением процесса урбанизации. Вместе с тем постоянная замутненность атмосферы в десятках городов Китая в начале 2014 года стала тем фактором, благодаря которому различные круги общества стали уделять повышенное внимание проблемам городской экологической среды.

I. Участие общественности в охране окружающей среды.

1. Основная концепция.

Охрана окружающей среды – это общее понятие, объединяющее все мероприятия, направленные на решение актуальных или потенциальных экологических проблем, налаживание взаимодействия между человеком и окружающей средой, защиту и улучшение экологии. Вопросами охраны окружающей среды могут заниматься государство, предприятия, неправительственные организации, общественность и т.д.

Участие последней в охране окружающей среды означает, что граждане имеют право участвовать в принятии решений, касающихся охраны окружающей среды, для того чтобы данные решения соответствовали жизненно важным интересам. Участие общественности происходит на уровне принятия решений, процесса их реализации, а также после того, как был причинен вред окружающей среде. Во-первых, речь идет о привлечении общественности к разработке экономической и экологической политики и планированию ее реализации. Во-вторых, о том, что на уровне реализации решений общественность участвует в разработке законов, правил, политики и планирования в области охраны окружающей среды, планирования и осуществления разработки проекта экологического строительства. И, в-третьих, конечное участие общественности осуществляется после конкретного случая загрязнения окружающей среды и причинения ущерба экологии.

2. Основные принципы «участия общественности».

Идея об «участии общественности» возникла в конце 1960-х годов на фоне осознания необходимости охраны окружающей среды и более глубокого изучения вопросов

экологии. Под влиянием традиционных экономических представлений считалось, что охрану окружающей среды осуществляет только государство, а общественность была исключена из этой сферы. По мере того как экологический кризис становился все более серьезным, люди постепенно признали, что участия государства в охране окружающей среды недостаточно. С одной стороны, наряду с понятием «неэффективность рынка» существует также «неэффективность деятельности государства». С другой стороны, из-за особенностей проблем окружающей среды (таких, как универсальность и общественный характер) экологический кризис должен быть решен за счет объединения усилий государства и общественности.

Принципы участия общественности включают следующие аспекты: 1) участие общественности является составной частью всех процессов принятия решений; 2) участие общественности должно быть эффективным и значимым и не замедлять процесс принятия решений; 3) общественность может получить важную информацию и выдвинуть полезные предложения; 4) участие общественности должно быть объективным и сбалансированным, особенно необходимо прислушиваться к мнению тех людей, на которых может повлиять принятие конкретного решения. Вышеперечисленные принципы могут быть полезными для государства при принятии эффективных решений, причем должна учитываться степень согласия со стороны общественности. На самом деле участие общественности – это действенный способ поддерживать преобладание политики. В процессе проектирования участия общественности, хотя и не все её предложения могут быть приняты, население страны будет знать, что государство прислушивается к его мнению.

3. Цели участия общественности.

Основной целью общественного участия является решение экологических проблем через достижение согласия между различными группами. Иными словами, во-первых, участие общественности позволяет выяснить возможные экологические проблемы, а затем найти способы и пути их решения, с тем чтобы как можно более эффективно урегулировать конфликты интересов различных групп, снизить тревожность и сомнения общественности по поводу возможных экологических проблем. Основная задача участия общественности заключается в защите интересов любой стороны от негативных последствий развития и в его достижении без причинения вреда окружающей среде.

II. Современное состояние и проблемы участия общественности в охране окружающей среды в Китае.

По сравнению с развитыми странами в Китае система участия общественности в охране окружающей среды имеет четыре следующих недостатка:

1. Несовершенство законодательства в сфере обеспечения участия общественности в охране окружающей среды.

Несмотря на действующие законы и правила, например, такие как: Закон об охране окружающей среды; Закон Китайской Народной Республики об оценке загрязнения окружающей среды; Закон Китайской Народной Республики о предупреждении и ликвидации последствий загрязнения воды; Закон Китайской Народной Республики о предотвращении шумового загрязнения окружающей среды; Меры по охране окружающей среды и участию граждан в охране окружающей среды и др., общественность страны всё еще сталкивается с целым рядом проблем. Это

прежде всего недостаточное соблюдение прав и интересов, например права на ознакомление с экологической информацией, права на участие в охране окружающей среды и др. Еще одной проблемой является неэффективная система обратной связи между общественностью и государством, вследствие чего права общественности в области охраны окружающей среды не могут быть эффективно защищены.

2. Ограниченность функций негосударственных природоохранных организаций (НПО).

В 1990-х годах в Китае началось развитие негосударственных природоохранных организаций, количество которых быстро возрастало. В 1980–1990 гг. существовала только одна НПО, а в 1990–1994 гг. — менее 20 НПО. В 1995–2004 гг. их количество увеличилось на 25%. В 2005 году общее число зарегистрированных НПО превысило 130, а к концу 2014 года их было 3 тыс. только в материковом Китае, и количество их участников достигало свыше миллиона человек.

В последние годы общественность вносит определенный вклад в развитие НПО; кроме того, постепенно укрепляется их статус в вопросах охраны окружающей среды, в таких как реализация природоохранной политики и планирование, внутреннее управление в сфере окружающей среды. Эти организации играют важную роль, но по сравнению с НПО зарубежных стран в китайских НПО существует еще немало проблем: например, их меньшее количество; небольшой масштаб их деятельности и недостаточное влияние; недостаток финансовых средств; неэффективное взаимодействие с государственными органами; отсутствие международных контактов и т.д.

Согласно данным Научно-исследовательского центра инноваций и социальной ответственности Школы государственной политики и управления Университета Цинхуа, в сентябре 2015 года годовой доход около 15% негосударственных природоохранных организаций Китая был практически равен нулю и только 8,6% НПОО получили годовой доход в размере, превышающем 10 млн. юаней. Примерно 15% НПОО поддерживали тесные контакты с местными органами охраны окружающей среды, 20% НПОО практически не имели контактов с местными властями, и 41% НПОО признали, что им не удалось выработать совместный механизм информационного сотрудничества и обмена. В среднем каждая местная природоохранная организация насчитывает около 25 штатных сотрудников. Примерно в 30% НПОО сотрудники работают по совместительству.

3. Неосведомленность в отношении участия общественности.

Вследствие того что экологические проблемы в Китае становятся все более очевидными и им постепенно уделяется все больше внимания, информированность

общественности в вопросах окружающей среды растет, но решение экологических проблем по-прежнему зависит от государства. Хотя общественность признает, что главными источниками загрязнения окружающей среды и причинения экологического ущерба являются предприятия и отдельные лица, население по-прежнему считает, что за охрану окружающей среды должно отвечать государство, поэтому отдельные лица и предприятия не придают значения тому, что они должны нести ответственность за состояние окружающей среды и мало осведомлены в этом вопросе.

Формирование и развитие осведомленности населения в вопросах охраны окружающей среды в основном зависит от степени его информированности в данной области знаний. Исследование, проведенное Шанхайским университетом Цзяотун в 2013 году, показало, что степень осведомленности общественности в области основных экологических знаний оставляет желать лучшего, население знает только общие сведения в таких аспектах, как возобновляемые источники энергии, энергосбережение, и т. д. (рис. 1, 2).

Рисунок 1. Осведомленность населения Китая о способах энергосбережения

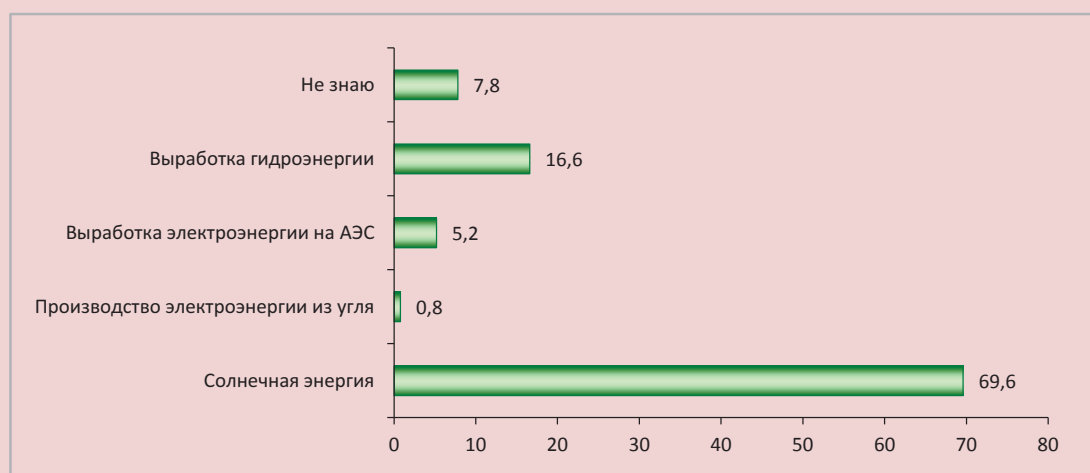

Рисунок 2. Осведомленность населения Китая о возобновляемых источниках энергии

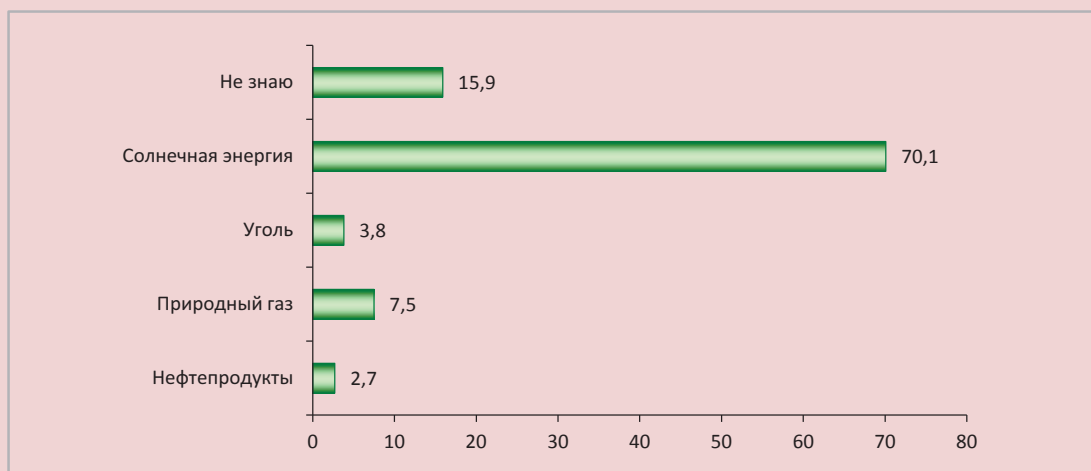

Рисунок 3. Осведомленность населения Китая об аэрозольных частицах с диаметром 2,5 микрона, о потеплении климата и о причинах загрязнения окружающей среды

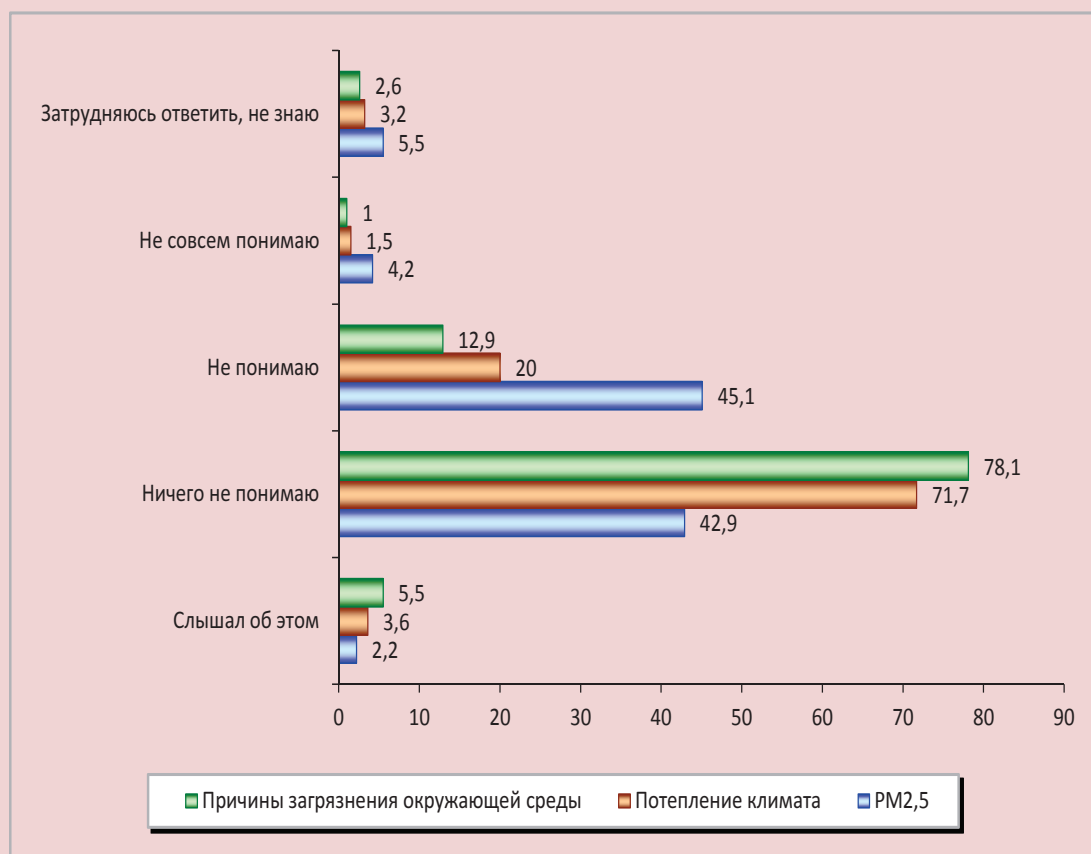
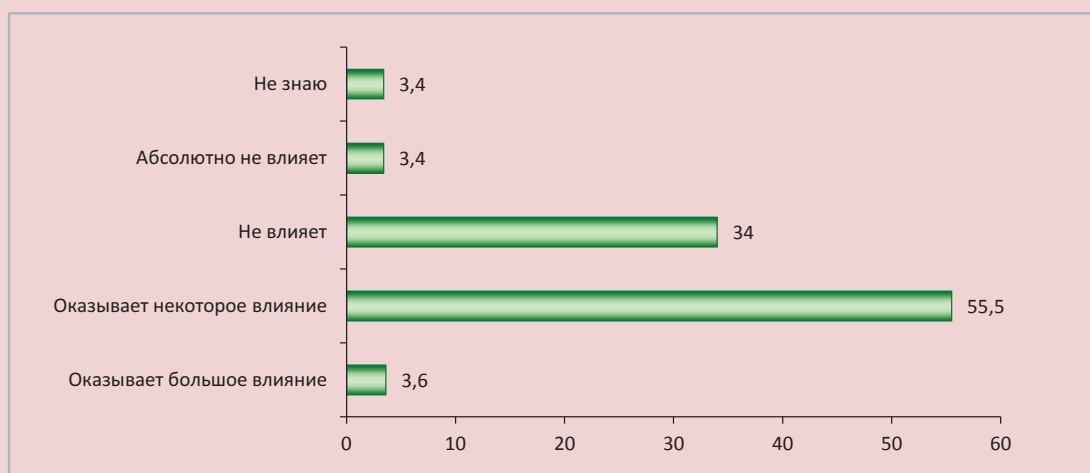

Рисунок 4. Осведомленность населения Китая о влиянии повседневной жизни на состояние окружающей среды

Только 66,3% респондентов заявили, что они слышали о «типах отходов», и 27,8% — знают, что такое «биоразнообразие». Необходимо отметить, что, хотя десятки городов в Китае страдают от постоянной замутненности атмосферы, осведомленность общественности в отношении аэрозольных частиц с диаметром 2,5 микрона остается низкой. 54,8% населения не знало или не слышало об этих частицах (рис. 3). Между тем, по мнению 37,4% опрошенных, их образ жизни не оказывает влияния на окружающую среду (рис. 4).

4. Недостаточное количество каналов, по которым общественность может получить информацию в области окружающей среды, и ограниченные возможности для участия в её охране.

В настоящее время, с повышением внимания общественности к вопросам охраны окружающей среды, количество каналов информации по данной проблеме, доступных для населения Китая, остается весьма ограниченным. Существующие информационные каналы не удовлетворяют требованиям участия общественности в

процессе принятия решений. В 2015 году Центр изучения общественного мнения и общественных настроений Шанхайского университета Цзяотун опубликовал отчет по результатам опроса, проведенного среди городских жителей страны с целью выявления их отношения к охране окружающей среды. Согласно полученным данным, более половины опрошенных считают, что государство недостаточно полно информирует общественность по вопросам загрязнения окружающей среды. В их решении общественность больше доверяет Центральному правительству (65,7%), чем органам местного самоуправления (58,9%). Общественность не имеет возможности получать экологическую информацию в достаточном объеме, поэтому население лишь частично осведомлено в этой области. Только в том случае, если население будет получать основную информацию об окружающей среде в районе своего проживания своевременно и в достаточных объемах и будет знать о влиянии качества окружающей среды на свои непосредственные интересы, оно сможет выразить свое

мнение, высказывать свою точку зрения таким образом, чтобы получить ожидаемый эффект от участия в процессе охраны окружающей среды.

Жители Китая, имеющие высшее образование, серьезно относятся к вопросам охраны окружающей среды, несмотря на нехватку каналов практического и эффективного участия в данном процессе.

В настоящее время есть некоторая неясность в отношении законодательного закрепления права общественности на получение информации и участие в принятии решений по вопросам окружающей среды, также наблюдается нехватка эффективных процедур и системных гарантий в этой сфере. Для обеспечения активного участия общественности в охране окружающей среды каналы такого участия должны быть эффективными и налаженными.

III. Анализ причин недостаточного участия общественности в охране окружающей среды.

1. Отсутствие политических мер и нормативных актов.

В настоящее время, хотя право участия общественности в экологическом надзоре закреплено законодательно, в этой сфере не хватает четких и подробных законов и правил, определяющих конкретные условия, способы и процедуры участия. В случае если граждане сталкиваются с конкретной экологической проблемой, они не знают, какой порядок действий будет правильным и законным.

2. Неблагоприятные последствия недостаточной вовлеченности общественности в природоохранную деятельность.

Сравнивая развитие природоохранной сферы в Китае и других странах, можно отметить, что, в отличие от стран Запада, где природоохранная деятельность развивалась прежде всего при участии общественности, в Китае инициатива изна-

чально исходила от государства. Хорошая политическая идея должна найти отклик у общественности, реализовываться при ее участии и при полном комплексе контрольных мер.

Опыт развитых стран показывает, что участие общественности – это не только внутренний фактор, способствующий сохранению качества окружающей среды, но и эффективная общественная сила, выполняющая функции надзора за деятельностью государства и предприятий по рациональному природопользованию и соблюдению природоохранных обязательств. Долгое время государство фактически не уделяло внимания роли общественности в защите окружающей среды и не предоставляло возможности населению добровольно участвовать в природоохранной деятельности. Таким образом, общественности трудно участвовать в процессе защиты окружающей среды, и даже если участие допустимо, оно является пассивным.

3. Недостатки социального контекста и тенденции общественного мнения в природоохранной сфере Китая.

На развитие концепции охраны окружающей среды будут влиять тенденции общественного мнения. Но местные органы власти некоторых регионов долгое время пренебрегали вопросами охраны окружающей среды, поскольку они были полностью заняты получением экономических выгод и продвижением экономического развития. Сама постановка целей развития проводилась без должного учета необходимой пропаганды охраны окружающей среды, что не только повлияло на сохранение и укрепление экологии, но и воспрепятствовало улучшению осведомленности общественности в вопросах защиты окружающей среды и природоохранного поведения. Кроме того, обще-

ственность, часто не совсем верно осведомленная в вопросах охраны окружающей среды, обращает больше внимания на неблагоприятные экологические вопросы, чем на устойчивое развитие, природные заповедники и другие положительные природоохранные аспекты. В широком понимании охрана окружающей среды – это общий термин, объединяющий различные формы поведения, реализуемые человеком для решения актуальных или потенциальных экологических проблем, координации взаимоотношений человека и окружающей среды и обеспечения устойчивого развития экономического общества. Непонимание и дефицит экологических знаний стали серьезным препятствием для фактического участия общественности в охране окружающей среды.

4. Высокая информационная и экономическая стоимость участия общественности в охране окружающей среды.

В Декларации по окружающей среде и развитию, принятой в Рио-де-Жанейро, отмечается, что «государства развивают и поощряют информированность и участие населения путем широкого предоставления информации» и «каждый человек должен иметь соответствующий доступ к информации, касающейся окружающей среды и имеющейся в распоряжении государственных органов, включая информацию об опасных материалах и деятельности в их общинах». Тем не менее некоторые местные органы власти доводят до сведения общественности недостаточно информации о проблемах окружающей среды, таким образом, ущемляется право на получение информации по данной проблеме. Населению приходится нести большие расходы и выезжать непосредственно на место для получения актуальной информации о проблемах окружающей среды. Если не гарантируется компенсация расходов и

предоставление необходимой техники, то участие общественности не может быть мотивированным.

IV. Предложения по расширению участия общественности в охране окружающей среды в Китае.

1. Совершенствование правовой системы участия общественности.

Участие общественности является важным фактором охраны окружающей среды. Ориентируясь на недавно пересмотренные законы (Закон об охране окружающей среды и Закон Китайской Народной Республики по оценке воздействия на окружающую среду) и поддержку других природоохранных законов, необходимо управлять системой участия общественности в охране окружающей среды и укреплять соответствующие правовые основы. Основной закон об охране окружающей среды Китая содержит общие положения об участии общественности в данном процессе. С точки зрения законодательной базы закон устанавливает принципы, права и общие правила участия общественности и определяет правовую ответственность за нарушения в данной сфере. Другие законы по охране окружающей среды будут дополнять Закон об охране окружающей среды, поскольку он определяет участие общественности в широком смысле, поэтому требуется соответствующее законодательство для уточнения специфики участия общественности. Таким образом, полная система участия общественности в охране окружающей среды, формируемая на основе Закона об охране окружающей среды и Закона Китайской Народной Республики по оценке воздействия на окружающую среду, дополняется иными соответствующими законами. В результате скоординированных и дополняющих друг друга законов формируется полная система участия общественности в охране окружающей среды.

2. Быстрое развитие НПОО и расширение каналов для участия общественности.

НПОО – это наиболее эффективный способ организации участия общественности в охране окружающей среды. С одной стороны, эти организации способствуют более эффективному сотрудничеству между общественностью и государством при решении экологических проблем; с другой стороны, НПОО может усилить влияние общественного участия, способствовать созданию механизма для координации действий граждан и государства, для определения ожиданий и интересов общественности. Таким образом, Китай должен активно поддерживать и развивать НПОО в правовом аспекте, с точки зрения процедур участия и т.д., поддерживать НПОО в выполнении различных функций надзора за состоянием окружающей среды и развивать эффективные каналы общественного участия. Наряду с развитием НПОО, следует также расширять международный обмен опытом и международное сотрудничество, находить различные источники финансирования и предоставлять больше возможностей для участия в охране окружающей среды.

НПОО должны постоянно изучать отечественный и передовой зарубежный опыт. Для расширения финансовой базы необходимо, во-первых, получить финансовую поддержку от государства в виде средств, направленных на природоохранную деятельность, и установить конкурентный механизм. Во-вторых, НПОО должны постоянно развиваться и укреплять свои позиции. Некоторые НПОО в развитых странах Запада оказывают платные услуги с целью получения дохода для своего развития. Например, проводят исследования рынка, развития сырьевой базы и т.д. для

сферы охраны окружающей среды. Организуется сбор денежных средств с помощью различных благотворительных мероприятий, представлений, рекламных кампаний и др.

3. Улучшение осведомленности общественности в вопросах охраны окружающей среды.

Высокая информированность общественности в природоохранных вопросах является отправной точкой и основной движущей силой строительства экологической цивилизации. На нынешнем этапе своего развития Китай должен реализовать следующие направления деятельности для улучшения информированности общественности в вопросах охраны окружающей среды. Во-первых, необходимо наиболее полно использовать социальные ресурсы, популяризировать основные природоохранные знания, в том числе через СМИ, и своевременно знакомить общественность с научными знаниями в сфере охраны окружающей среды. Во-вторых, требуется сохранить прозрачность основной природоохранной информации и повысить доверие к государственным органам в этой сфере. Являясь главным сторонником и организатором строительства экологической цивилизации, государство должно повысить доверие общественности к себе. Наконец, необходимо разработать механизм совместного принятия решений и укрепить взаимодействие разнообразных субъектов. Сотрудничество и общение – это единственный способ предотвращения кризисных явлений в экологии, поэтому государство должно включить в процесс принятия решений различные заинтересованные стороны: сообщества, неправительственные организации, широкую общественность и т.д. Это также будет

способствовать расширению систематического информирования общественности для решения природоохранных проблем.

4. Завершение создания системы раскрытия экологической информации.

Раскрытие экологической информации служит предпосылкой для участия общественности в охране окружающей среды. В связи с этим необходимо разработать соответствующие законы и правила, установить единую правовую систему и создать канал для получения общественностью информации, касающейся природоохранного законодательства. Кроме того, требуется создание эффективной

системы обратной связи. Принимать участие в раскрытии экологической информации должны не только государство и природоохранные организации, но и различные промышленные предприятия. Местные органы власти, природоохранные ведомства и промышленные предприятия должны разработать и использовать более эффективный механизм охраны окружающей среды, повысить прозрачность и ответственность деятельности в данной сфере, создать условия для активного участия общественности в разработке предложений по улучшению охраны окружающей среды и надлежащем выполнении функций надзора.

References

1. Ru, J. Development of Citizen-Organized Environmental NGOs in China / J. Ru. *Voluntas*. – 2009. – No. 3.
2. Schwartz, J. Environmental NGOs in China: Roles and Limits. *Pacific Affairs*. – 2004. – No. 77 (1). – Pp. 28-49.
3. Wong, K.K. Greening of the Chinese Mind: Environmentalism with Chinese Characteristics / K.K. Wong. *Asia-Pacific Review*. – 2005. – No. 12 (2). – Pp. 39-57.
4. Ru, J. Corporatist Control of Environmental Non-Governmental Organizations: A State Perspective / J. Ru, L. Ortolano. In: *Embedded Environmentalism: Opportunities and Constraints of a Social Movement in China*. Ed. by P. Ho, R. Edmonds. – New York: Routledge, 2008. – Pp. 44-68.
5. Chen Xiaoyu. Public Participation in Environmental Protection / Chen Xiaoyu. *Environmental Protection and Circular Economy*. – 2013. – No. 5.
6. Li Yanfang. Public Participation in Environmental Protection of the Legal System Construction – Centered on Nongovernmental Organizations (NGOs) / Li Yanfang. *Zhejiang Academy of Social Sciences*. – 2004. – No. 2.
7. Lai Xi. The Present Situation of Public Participation in Environmental Protection Activities Study / Lai Xi, Shu Lin. *Journal of Law and Society*. – 2008. – No. 2.
8. *The Survey of Chinese Urban Residents Environmental Attitude in 2013*. Available at http://news.ifeng.com/a/20140512/40261602_0.shtml
9. *The Report of Tsinghua University School of Public Management Innovation and Social Responsibility Research Center* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.ifeng.com/a/20150910/44627301_0.shtml
10. *Investigation Report of Urban Chinese Environmental Attitude Behavior in 2015* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.online.sh.cn/news/gb/content/2015-07/27/content_7487443.htm

Сведения об авторе

Чэнь Нин – научный ассистент, сотрудник отдела управления научными исследованиями, Академия общественных наук провинции Цзянси (Наньчан, Китай, 390121763@qq.com)

Chen Ning

Research on Issues of Public Participation in Environmental Protection in China

Chen Ning – Assistant Researcher of Sociology, Senior Staff Member of Scientific Research Management, Jiangxi Academy of Social Sciences (Nanchang, Jiangxi, China. E-mail: 390121763@qq.com.)

Abstract. Public participation is an important principle of environmental protection. Public participation in environmental protection is an significant way of environmental protection as well as an indispensable social force in the environmental protection field. Environmental non-governmental organization plays a very important and irreplaceable role in the environmental protection. Basic connotation, main principles and purposes of public participation are explained; current status and issues of public participation in environmental protection in China are introduced in this paper. Causes of insufficient public participation in environmental protection in China are analyzed; countermeasures and suggestions are put forward from the aspects like legal safeguard, development of non-governmental environmental groups, expansion of public participation channels, improvement of environmental protection awareness of the public and system of environmental information disclosure and so on.

Key words: environmental protection; public participation; China.

Феномен социального института и его теоретическое определение

Ольга Владимировна

КОЗЫРЕВА

аспирант

Институт социально-политических исследований Российской академии наук

119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д 6, к. 1

olga_kozyreva@mail.ru

Аннотация. Теоретическое описание институтов как социальных явлений требует построения их адекватной модели. Однако понятие «социальный институт» не имеет общепринятого определения. В статье рассматривается феномен социального института и анализируются его определения. Исследователи рассматривают институт с нескольких точек зрения, но существующие определения не отражают всех свойств социальных институтов. В последнее время становится общепризнанным, что институты необходимо медленно выращивать, а радикальное изменение социальных институтов зачастую приводит к серьезным ухудшениям в их функционировании. В теоретической модели социального института необходимо дать объяснение причин такой устойчивости. Хорошая модель также должна включать в себя объяснение других свойств институтов: например, их системных и структурных свойств. В статье предлагается модель института как открытой социальной системы с размытыми границами и неопределенным количеством участников. На макроуровне институты как социальные системы обладают нормативной, идеальной и организационной структурой. На микроуровне элементами и носителями свойств такой системы являются люди с их мировоззрением, смысловыми структурами, ценностями, стандартами поведения и мыслительными шаблонами, с их конкретными повторяющимися социальными действиями и взаимными ожиданиями. Такая модель позволяет объяснить инерционность институтов: резкое изменение норм и правил не может привести к столь же быстрым изменениям мировоззрения, смыслов, ценностей, стандартов поведения, мыслительных шаблонов и взаимных ожиданий социальных акторов. Вместо этого кардинальное изменение «правил игры» приводит к сильнейшему стрессу, отражающемуся на личностных качествах актора. Модель дает новые возможности для предсказания результатов реформирования социальных институтов. Реформирование будет успешным тогда, когда не потребует слишком большого изменения стандартов поведения, мыслительных

шаблонов, ценностных и смысловых установок большинства субъектов, составляющих систему. Иначе оно приведет к ухудшению функционирования институтов. На основании предложенной теоретической модели дается авторское определение социального института.

Ключевые слова: социальный институт, определение института, социальная система, системный подход, социальный актор, структура социальной системы.

Понятие *институт*, хотя и широко используется в общественных науках, в настоящее время не имеет общепринятого определения. Между тем теоретическое описание институтов как социальных явлений требует создания их адекватной, работающей модели. Поэтому в процессе теоретического описания социальной реальности социологи и другие обществоведы стараются дать рабочее определение социального института.

В социологию понятие *институт* пришло из юриспруденции, где оно обозначало комплекс норм, регулирующих правовые отношения [см.: Глотов М.Б., 2003: 14]. На рубеже XIX–XX веков это понятие вошло в лексикон социологов. Э. Дюркгейм определил социологию как «науку о социальных институтах, их генезисе и функционировании» [Дюркгейм, 1991: 20]. Тогда же к изучению институтов подключились экономисты, начиная с Т. Веблена, а впоследствии антропологи, политологи и т.д.

Еще до появления самого термина *институт* основоположники социологии О. Конт и Г. Спенсер рассматривали общество через призму тех форм социальной организации, которые впоследствии были названы институтами. О. Конт представлял общество как систему, в которой выделял такие социальные институты, как государство, церковь, семья, кооперация. В органицистской модели Спенсера социальные институты были аналогами органов человеческого тела.

В дальнейшем в научной литературе понятие *социальный институт* имело много различных определений. В английском

языке существует разница между понятиями *institute* и *institution*: первый термин в большей степени относится к социальным нормам и установлениям, второй – к социальным учреждениям [см.: Быченков В.М., 1996: 7]. В русском языке такой разницы нет. Мы будем рассматривать определение, данное социологами и экономистами, т.к. их содержание пересекается друг с другом [см., например: Кирдина С.Г., 2001: 137–138]. Одним из первых определение социального института дал экономист и социолог Т. Веблен: «...По своей природе они [институты] представляют собой привычные способы реагирования на стимулы, которые создаются этими изменяющимися обстоятельствами. Институты – это, по сути дела, распространенный образ мысли о том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций» [Веблен Т., 1984: 200–201].

Современные исследователи дают разные определения институтов. В одних определениях они рассматриваются, прежде всего, как система норм и правил. В определении экономиста Д. Норта под институтами понимаются «правила игры» в обществе, которые определенным образом организуют взаимодействия между людьми [см.: Норт Д., 1997: 6]. Близко к этому определение Д. Джери, Дж. Джери: «Институт (*institute*) – установленный порядок правил и стандартизированных моделей поведения» [Джери Д., Джери Дж., 2001]. Как отмечается в словаре «Современная западная социология», в структурном функционализме под социальным институтом пони-

мается «устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов, образующих социальную систему» [Седов Л.А., 1990: 117]. В таких определениях институты и совокупность лиц и организаций, воплощающих в действие принятые нормы и правила, разделены между собой, как «правила игры» и «игроки».

Другая социологическая традиция более тяготеет к системному рассмотрению институтов. Часть социологов включает в институты не только нормативную составляющую, но и сами социальные действия, выполняемые членами общества. Такие определения дают Э. Гидденс: «Социальные институты (social institution). Основные виды социальной деятельности, выполняемой большинством членов данного общества. Институты включают в себя нормы и ценности, которым следует большинство; все институционализированные способы поведения охраняются и поддерживаются жесткими санкциями. Социальные институты образуют основу общества, поскольку они представляют относительно фиксированные, устойчивые во времени способы поведения» [Гидденс Э., 1999: 673]; Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.: «Институт (institution). Этот термин широко используется для описания регулярно повторяющихся в течение длительного времени социальных практик, санкционируемых и поддерживаемых с помощью социальных норм и имеющих важное значение в структуре общества. Так же, как и понятие роли, понятие института обозначает установленные образцы поведения, однако институт рассматривается как единица более высокого порядка, более общая, включающая множество ролей» [Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С., 2008].

В определениях Гидденса и Аберкромби дается также важное представление о регулярной длительной повторяемости, об *устойчивости* норм, правил, стандартов поведения. Существует и другое определение Э. Гидденса, подчеркивающее именно эту составляющую: «Практики, обладающие наибольшей пространственно-временной протяженностью в рамках тех или иных общностей, рассматриваются нами как социальные институты (institutions)» [Гидденс Э., 2005: 60]. Однако устойчивость институтов — это не только их регулярная длительная повторяемость, но еще и независимость от действий отдельного «среднего» актора. Институты устойчивы и в том смысле, что изменить их могут лишь значительные группы акторов, причем воспользовавшись для этого специальными механизмами [см.: Клейнер Г.Б., 2004: 17-18].

В учебнике под редакцией Г.В. Осипова и Л.Н. Москвичева в определение института включены не только социальные действия людей, но и те, кто это действия реализует: «Институт социальный — совокупность лиц, организаций, учреждений, материальных средств, обеспечивающая определенную общественную потребность посредством функционирования системы взаимосогласованных, целесообразно ориентированных стандартов поведения» [Осипов Г.В., Москвичев Л.Н., 2003: 876]. В этом определении применяется *функциональный подход* к институтам, как обеспечивающим удовлетворение какой-либо общественной потребности. В данном случае функциональный подход является полезным, т.к. подчеркивает роль, которую играют институты в обществе.

Поскольку институт часто рассматривается как система правил и стандартизованных моделей поведения, то это определение применяют и к большому (в том числе неопределенно большому), и к малому

количеству участников институтов. В этом случае речь может идти о макро- (распространяющих свое действие на общество в целом), мезо- (действующих лишь в определенных регионах, отраслях и т.п.), микро- (относящихся к деятельности отдельных предприятий и организаций) и даже наноинститутах (определяющих действие отдельных индивидов) [см.: Клейнер Г.Б., 2004: 24]. С другой стороны, отстаивается точка зрения, что к институтам можно отнести лишь «сверхколлективные» социальные образования с неопределенным составом участников [см.: Быченков В.М., 1996], так как институты призваны удовлетворять потребности общества в целом. В этом случае лишь макро- и мезоинституты могут быть названы собственно институтами. Нормы же деятельности отдельных предприятий и организаций – это рутины [см.: Нельсон Р., Уинтер С., 2000: 120], а действия отдельных индивидов определяются индивидуальной психологией и стереотипами поведения этих людей.

Институты разделяют также по другим признакам. Например, выделяют формальные и неформальные институты – по степени закреплённости норм в законодательной базе. Как показала С.Г. Кирдина, это разделение также имеет отношение к тому, что именно следует считать институтами и включаются ли в институты правила и стандартизованные модели поведения индивидов и отдельных организаций. Она предлагает считать институтами лишь «нерасчленимое единство формальных и неформальных правил. Именно те правила, которые, с одной стороны, естественно вошли в плоть и кровь социальной практики, а, с другой стороны, получили формальное воплощение – на скрижалях ли, в Своде Законов Российской Империи или в электронном виде в современной юридической практике США – только этот «двойко

воплощенный» феномен следует считать институтом, то есть элементом несущей общественной конструкции. Без него, института, невозможно функционирование общества как целостного организма» [Кирдина С.Г., 2001: 137].

С.Г. Кирдина также критикует подход Д. Норта к институтам как внешним по отношению к экономике факторам, предлагая рассмотреть саму экономику как институциональный комплекс, а институты – как некий «скелет» экономики: «Переход к рассмотрению институтов как «скелета» экономики вместо понимания их как факторов экономического развития позволяет сконцентрироваться на выявлении «несущих конструкций» современной российской экономики, а не тех элементов, которые ею постоянно отторгаются» [Кирдина С.Г., 2001: 138]. Это соотносится с мнением других исследователей, занимающихся изучением социальных институтов. Они признают, что институты «не столько строятся или конструируются, сколько выращиваются» [Клейнер Г.Б., 2004: 7]. Но если институты – лишь комплекс формальных и неформальных норм и правил, то непонятно, почему их сложно изменять, «строить и конструировать».

Сама С.Г. Кирдина определяет институты как «глубинные, исторически устойчивые и постоянно воспроизводящиеся социальные отношения, обеспечивающие интегрированность разных типов обществ» [Кирдина С.Г., 2014: 56].

Однако рассмотрение институтов как относительно устойчивых социальных отношений или социальных практик также не проливает свет на причины их устойчивости. С другой стороны, институты подчиняются изменениям, например, вносимым законодательно. Осмысляя устойчивость и изменимость воспроизведения институтов, П. Бергер и Т. Лукман дали опреде-

ление института как «взаимной типизации опривыченных действий деятелями разного рода» [Бергер П., Лукман Т., 1995: 93]. В этом определении институты являются и типичными социальными действиями, и социальными ожиданиями, социальными отношениями. Бергер и Лукман подчеркивают постепенность создания «взаимных типизаций» в ходе истории: «Институты всегда имеют историю, продуктом которой они и являются» [Бергер П., Лукман Т., 1995: 93]. Исходя из этого определения, можно считать институтами и рутины, а также индивидуальные привычки, пусть и «взаимно типизированные». Такое определение проливает свет на институционализацию социальных практик, на конструирование институтов, однако мало говорит об институте как объективной данности, о его роли в обществе. Структурные свойства социальных институтов невозможно описать, опираясь лишь на субъектов деятельности [см.: Гидденс Э., 2005: 250-251].

В терминах социальных ожиданий и социальных отношений мыслит и Н. Луман. По его мнению, институт — это «комплекс фактических ожиданий отношений, которые актуализируются в контексте социальной роли и как таковые могут рассчитывать на социальный консенсус» [Luhman N., 1965: 12]. Это определение продолжает традиции школы структурного функционализма, преувеличивающей значение социального консенсуса, которое было неоднократно раскритиковано представителями других социологических школ.

Обращаясь к институту как социальному явлению, можно увидеть, что институт обладает системными свойствами. Это и наличие структуры, и иерархичность, и связи между элементами системы, и наличие прямых и обратных связей, присущих системам.

Близко к такому пониманию социального института определение Джонатана Тернера: институт (institution) — это «комплекс статусов, ролей, норм и ценностей, выраженный в конкретных типах социальных структур и организующий относительно устойчивые стандарты человеческой деятельности по отношению к фундаментальным проблемам создания ресурсов жизнеобеспечения, воспроизводства индивидуумов и поддержания жизненно важных социетальных структур в данной среде» [Turner J., 1997: 6].

Продуктивно также определение Рома Харре: «Институт (institution) определяется как взаимосвязанная двойная структура индивидуумов как носителей ролей или должностных лиц и т.п., с одной стороны, и социальных практик, включающих в себя как практические, так и символические цели и результаты, с другой стороны» [Harre R., 1979: 98].

В таких определениях институт скорее представляет собой вид *социальной системы*, реализующей какую-либо общественную функцию. В социологической литературе зачастую именно это и подразумевается при обсуждении социальных институтов. Социологи, говоря о социальных институтах, выделяют политические, экономические, религиозные институты, институты образования и науки, коммуникации, семьи, права и т.п. [см., например: Гидденс Э., 1999: 362-482], которые представляют собой не только «правила игры» и комплекс норм, но и *совокупность участников* этих институтов, *реализующих* принятые системы норм и правил.

Социальная система определяется как «структурный элемент социальной реальности, целостное образование, основными элементами которого являются люди, их связи и взаимодействия; как упорядоченная совокупность людей и отношений

между ними, выраженная в социальных структурах и процессах» [Локосов В.В., 1999: 407–408]. Элементы социальной системы – это люди, поведение которых зависит как от их личностных особенностей и качеств, личных мотиваций, так и от социальных ценностей и норм, а также тех позиций, которые эти люди занимают в системе, и тех функций, которые они в ней выполняют [см.: Осипов Г.В., 2010: 110]. При этом социальные системы являются открытыми: их границы достаточно размыты, и невозможно жестко ограничить всю совокупность элементов системы [см.: Гидденс Э., 2005: 242].

Гидденс высказывает важную мысль, что хотя границы общества достаточно размыты и существование общества не зависит от деятельности любого из его участников, очевидно, что общество прекратит свое существование, если исчезнут все акторы, входящие в него [см.: Гидденс Э., 2005: 68]. В сущности то же самое можно сказать и по отношению к социальным институтам: их границы достаточно размыты, существование не зависит от деятельности любого отдельно взятого участника, но они образуются и поддерживаются совокупностью акторов, входящих в них.

Следует отметить, что, рассматривая социальные системы, не стоит впадать в объективизм, ведущий к раскритикованным заблуждениям структурно-функционального подхода: органицизму, излишней статичности, преуменьшению роли социальных конфликтов, жесткой отграниченности от среды и т.п. Социальную систему необходимо рассматривать как на макро-, так и на микроуровне.

На макроуровне институты как социальные системы обладают нормативной (включающей нормы, социальные роли), идеальной (связывающей верования, убеж-

дения, ценности и т.п.) и организационной структурой (определяющей способы взаимосвязи статусов и характер воспроизводства систем) [см.: Осипов Г.В., 2010: 111].

Структура социальной системы характеризуется социальными позициями и ролями индивидов, а также совокупностью норм и ценностей, присущих социальной системе: «Определенный способ взаимодействия элементов, т.е. индивидов, занимающих определенные социальные позиции (статус) и выполняющих определенные социальные функции (роль) в соответствии с принятой в данной социальной системе совокупностью норм и ценностей, образует структуру социальной системы» [Осипов Г.В., 2010: 111]. Здесь необходимо отметить, что вопрос о совокупности ценностей в социальной системе непрост, т.к. ценности варьируются у членов системы, навязываются влиятельными группами, и можно говорить лишь о *господствующих* на данный момент ценностях. Таким образом, идеальная структура системы может меняться извне системы, так же как и нормативная, и организационная (например, законодательно, через принятие новых норм и утверждение новых организационных структур). Изменение «правил игры» воздействует на институт как систему, вызывая в ней ответные процессы как попытку приспособления к этим правилам.

На микроуровне элементами такой системы являются *люди с их мировоззрением, смысловыми структурами, ценностями, стандартами поведения и мыслительными шаблонами, с их конкретными повторяющимися социальными действиями и взаимными ожиданиями*. Сама система, конечно, представляет собой нечто большее, чем простую совокупность ее членов. Однако составляющие систему субъекты являются *носителями ее свойств*. Устойчивые

социальные практики, социальные отношения, опривыченные действия — это действия, постоянно воспроизводимые людьми. При этом поведение людей даже в привычных ситуациях определяется их интерпретацией этих ситуаций [см.: Гидденс Э., 2005: 144–152]. Интерпретация же зависит от смыслов, которыми люди наделяют эти институты, а также свои статусы и роли в них.

При таком рассмотрении становится понятным, почему институты нельзя резко изменять без последствий для общества (зачастую отрицательных) и почему их необходимо медленно «выращивать». Резкие изменения норм и правил, ограничивающих поведение субъектов, не могут привести к таким же быстрым изменениям смысловых структур, ценностей, стандартов поведения, мыслительных шаблонов и взаимных ожиданий, которые даже в критической ситуации меняются не сразу. Критическое изменение «правил игры» вызывает у человека чувство «радикальной онтологической ненадежности», что приводит к сильнейшему стрессу и отражается на личностных качествах. И лишь через некоторое время происходит ресоциализация [см.: Гидденс Э., 2005: 114–116].

Изменение «правил игры» быстро усваивается тогда, когда не требует слишком большого изменения стандартов поведения, смысловых структур, ценностных установок и мыслительных шаблонов большинства субъектов, составляющих систему. Если же такое изменение серьезно противоречит ценностям, смысловым структурам, стандартам поведения и мыслительным шаблонам субъектов, то оно приводит к непрогнозируемым изменениям в функционировании институтов. В частности, поэтому радикальное изменение «правил

игры» в России в 90-е годы не только привело к резкому ухудшению функционирования всех институтов, но и вызвало сильнейшую культурную травму у населения, которая преодолевается до сих пор. Более того, перманентное изменение «правил игры», постоянное реформирование институтов наносит постоянный ущерб как функционированию институтов, так и их участникам. В настоящее время экономисты, разделяющие институциональный подход, рекомендуют проявлять большую осторожность при реформировании институтов: «По-настоящему хорошая реформа — та, что должна была начаться долгое время назад и которую никто не может оспорить, когда она практически начинает воплощаться» [см.: Буайе Р. и др., 2008: 23–24].

Отталкиваясь от проведенного анализа понятий и учитывая все уточнения, сделанные в отношении социальных систем и социальных структур, дадим теперь свое определение социального института: *социальный институт — это открытая социальная система, элементом и носителем свойств которой является социальный актор, которая нацелена на реализацию определенной общественной потребности, включает комплекс формальных и неформальных норм, ценностей, статусов и ролей, выраженных в конкретных нормативных, идеальных и организационных социальных структурах и относительно устойчивых социальных практиках.*

Такая теоретическая модель социального института не только позволяет понять природу социальных институтов, объясняет причины ухудшения функционирования институтов при их быстрых и радикальных изменениях, но и дает новые возможности для предвидения результатов реформирования институтов.

Литература

1. Аберкромби, Н. Институт // Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер. – М., 2008.
2. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995.
3. К созданию институциональной политической экономии / Р. Буайе, Э. Бруссо, А. Кайе, О. Фавро // Экономическая социология. – 2008. – Т. 9. – №3. – С. 17-24.
4. Быченков, В.М. Институты: сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъектности. – М. : Российская академия социальных наук, 1996.
5. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М. : Прогресс, 1984.
6. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – М. : Едиториал УРСС, 1999.
7. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М. : Академический Проект, 2005.
8. Глотов, М.Б. Социальный институт: определение, строение, классификация / М.Б. Глотов // Социологические исследования. – 2003. – №10. – С. 13-19.
9. Джери, Д. Институт // Большой толковый социологический словарь : в 2 т. / Д. Джери, Дж. Джери. М. : Вече, 2001.
10. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М. : Наука, 1991.
11. Кирдина, С.Г. Позволяют ли новые институциональные теории понять и объяснить процессы преобразований в современной России? / С.Г. Кирдина // Социологические исследования. – 2001. – №3. – С. 136-140.
12. Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России / С.Г. Кирдина. – СПб. : Нестор-История, 2014.
13. Клейнер, Г.Б. Эволюция институциональных систем / Г.Б. Клейнер. – М. : Наука, 2004.
14. Система социальная / В.В. Локосов // Политическая энциклопедия : в 2 т. – Т. 2. – М. : Мысль, 1999.
15. Нельсон, Р. Эволюционная теория экономических изменений / Р. Нельсон, С. Уинтер. – М. : Финстатинформ, 2000.
16. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт ; пер. с англ. А.Н. Нестеренко. – М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997.
17. Осипов, Г.В. Введение в социологическую науку / Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев (ред.). – М. : Наука; Вече, 2010.
18. Осипов, Г.В. Социология. Основы общей теории / Г.В. Осипов. – М. : Норма, 2003.
19. Седов, Л.А. Институт / Седов Л.А. // Современная западная социология : словарь. – М. : Политиздат, 1990.
20. Harre, R. Social Being / R. Harre. – Oxford : Blackwell, 1979.
21. Luhmann, N. Grundrechte als Institution. Ein Beitrag zur politischen Soziologie / N. Luhmann. Berlin, 1965.
22. Turner, J. The Institutional Order / J. Turner New York : Longman, 1997.

Сведения об авторе

Ольга Владимировна Козырева – аспирант, Институт социально-политических исследований Российской академии наук (119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1, olga_kozyreva@mail.ru)

Kozyreva O.V.

The Phenomenon of Social Institution and Its Theoretical Definition

Ol'ga Vladimirovna Kozyreva – Graduate Student, Institute of Socio-Political Research RAS (6, Fotieva Street, Building 1, Moscow, 119333, Russian Federation, olga_kozyreva@mail.ru)

Abstract. Theoretical description of institutions as social phenomena requires that their adequate model be constructed. However, the concept of “social institution” has no universally accepted definition. The article discusses the phenomenon of social institution and analyzes its definitions. Researchers consider social institution from several points of view, but the existing definitions do not reflect all the features of social institutions. It has been recently acknowledged that institutions need to be developed slowly, and radical changes in social institutions often cause serious deterioration in their functioning. The theoretical model of social institution should explain the reasons for this stability. A good model should also explain other properties of social institutions, for example, their system and structural features. The paper proposes the model of institution as an open social system with blurred boundaries and an uncertain number of participants. At the macro level, institutions as social systems have a normative, ideal and organizational structure. The elements and the bearers of properties of such a system at the micro level are represented by people with their worldview, ideas, values, behavior standards and thought patterns, their specific recurring social actions and mutual expectations. Such a model explains the persistence of institutions: an abrupt change in the rules and regulations cannot result in equally rapid change in worldview, ideas, values, behavior standards, cognitive patterns, and mutual expectations of social actors. Instead, a radical change in the “rules of the game” causes great stress that affects the actor’s personal qualities. The model opens up new opportunities for forecasting the results of social institutions reforms. The reforms will be successful when it does not require too great a change in behavior standards, thinking patterns, values and ideas of the majority of the subjects that make up the system. Otherwise, it will lead to a deterioration in the functioning of institutions. The author of the article gives her own definition of social institution on the basis of the proposed theoretical model.

Key words: social institution, definition of institution, social system, system approach, social actor, structure of the social system.

References

1. Abercrombie N., Hill S., Turner B.C. Institut [Institution]. *Sotsiologicheskii slovar'* [Dictionary of Sociology]. Moscow, 2008.
2. P. Berger T. Luckmann Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya [The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium, 1995.
3. Boyer R., Brousseau E., Caillé A., Favereau O. K sozdaniyu institutsional'noi politicheskoi ekonomii [Towards an Institutional Political Economy]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 2008, vol. 9, no. 3, pp. 17-24.
4. Bychenkov V.M. *Institut: sverkhkolektivnye obrazovaniya i bezlichnye formy sotsial'noi sub"ektivnosti* [Institutions: Super-Collective Formations and Impersonal Forms of Social Subjectivity]. Moscow: Rossiiskaya akademiya sotsial'nykh nauk, 1996.
5. Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class]. Moscow: Progress, 1984.
6. Giddens A. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow: Editorial URSS, 1999.
7. Giddens A. *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2005.
8. Glotov M.B. Sotsial'nyi institut: opredeleniye, stroeniye, klassifikatsiya [Social Institution: Definition, Structure, Classification]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2003, no. 10, pp. 13-19.
9. Jary D., Jary J. Institut [Institution]. *Bol'shoi tolkovyi sotsiologicheskii slovar': v 2 t.* [Dictionary of Sociology: in 2 Volumes]. Moscow: Vechе, 2001.
10. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [The Division of Labor in Society]. Moscow: Nauka, 1991.

11. Kirdina S.G. Pozvolyayut li novye institutsional'nye teorii ponyat' i ob"yasnit' protsessy preobrazovani v sovremennoi Rossii? [Do the New Institutional Theories Help Understand and Explain Transformation Processes in modern Russia?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2001, no. 3, pp. 136-140.
12. Kirdina S.G. *Institutsional'nye matritsy i razvitiye Rossii* [Institutional Matrices and Development in Russia]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014.
13. Kleiner G.B. *Evolutsiya institutsional'nykh sistem* [Evolution of Institutional Systems]. Moscow: Nauka, 2004.
14. Sistema sotsial'naya [Social System]. *Politicheskaya entsiklopediya: v 2 t.* [Political Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Mysl', 1999.
15. Nelson R., Winter S. *Evolyutsionnaya teoriya ekonomicheskikh izmenenii* [An Evolutionary Theory of Economic Change]. Moscow: Finstatinform, 2000.
16. North D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. translated from English by A.N. Nesterenko. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi "Nachala", 1997.
17. Osipov G.V. *Vvedenie v sotsiologicheskuyu nauku* [Introduction to Sociological Science]. Ed. by G.V. Osipov, L.N. Moskvichev. Moscow: Nauka; Veche, 2010.
18. Osipov G.V. *Sotsiologiya. Osnovy obshchei teorii* [Sociology. Fundamentals of the General Theory]. Moscow: Norma, 2003.
19. Sedov L.A. Institut [Institution]. *Sovremennaya zapadnaya sotsiologiya: slovar'* [Dictionary of Modern Western Sociology]. Moscow: Politizdat, 1990.
20. Harre R. *Social Being*. Oxford: Blackwell, 1979.
21. Luhmann N. *Grundrechte als Institution. Ein Beitrag zur politischen Soziologie*. Berlin, 1965.
22. Turner J. *The Institutional Order*. New York: Longman, 1997.

Российско-казахстанское приграничье: социологический анализ*

Элиза Камчыбековна
БИЙЖАНОВА

Центр региональной социологии и конфликтологии Института социологии
РАН
117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
crs@isras.ru

Аннотация. В данной статье на основе исследований, проведенных Центром региональной социологии и конфликтологии ИС РАН, рассматриваются особенности приграничного сотрудничества России и Казахстана. Были проанализированы работы различных авторов, как западных, так и российских, для выявления основных подходов к изучению приграничного сотрудничества. Рассмотрено укрепление межнациональной, социально-экономической интеграции, а также приграничного сотрудничества на региональном уровне. Объектом нашего исследования стало приграничье как социальное явление; в фокусе исследования находятся местные сообщества, под которыми будут пониматься жители приграничных районов регионов РФ, непосредственно граничащих с соседними государствами. Это означает, что будут изучаться местные сообщества районов, расположенных на границах России с различными государствами – как с новыми, появившимися после распада СССР (например, Украина, Беларусь, страны Балтии на Западе, Казахстан на Востоке), так и с давно существующими «соседями» – Турцией, Китаем, Монголией и др. Для анализа была выбрана Оренбургская область, обладающая одной из самых протяженных линий границы с Казахстаном. Была сделана попытка выявить, может ли служить приграничье базой для создания успешного бренда региона на основе самоидентификации местных жителей, и тем самым повысить уровень социокультурного и социально-экономического развития региона за счет привлечения дополнительных туристических потоков и инвестиций в регион. В чем заключается специфика самоидентификации населения приграничных районов и насколько приграничные отношения могут стать инструментом для развития, не только социально-экономического, социокультурного, но и межгосударственных отношений в целом?

Ключевые слова: приграничье, российско-казахстанская граница, Оренбургская область, региональная интеграция.

* Выполнено при поддержке РНФ, проект № 15-18-00093 (рук. А.В. Дмитриев).

Приграничная территория Российской Федерации включает в себя пограничную зону, российскую часть вод пограничных рек, озер и иных водоемов, внутренних морских вод и территориального моря Российской Федерации, где установлены пограничный режим, пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации, а также территории административных районов и городов, санаторно-курортных зон, особо охраняемых природных территорий, объектов и других территорий, прилегающих к государственной границе Российской Федерации, пограничной зоне, берегам пограничных рек, озер и иных водоемов, побережью моря или пунктам пропуска [Вардомский, 2008].

Огромные пространства России оказались в положении пограничных, сформировав так называемую зону нового приграничья. 24 субъекта России оказались в положении приграничья впервые, 3 субъекта РФ приобрели дополнительные границы со статусом государственных. В недалеком прошлом они имели абсолютно прозрачный характер, являясь по основным параметрам формальными. В настоящее время в связи с изменением их политического статуса открытость границ резко понизилась, а барьерная функция возросла, что привело к изменению условий и факторов социально-экономического развития территорий «нового приграничья» России.

При изучении приграничных территорий стоит отметить, что их исследованиями занимались сторонники различных подходов, в том числе западных, таких как геополитический – К. Хаусхофер, С. Хантингтон, Э. Шопрад [Хаусхофер, 2001; Хантингтон, 2003; Chauvage, 2013]. Стоит также отметить работы сторонников теории рации-

онального выбора, в частности П. Робертса и М. Ллойда [Roberts, Lloyd, 2000]. Среди работ российских ученых наибольший интерес представляют работы В.В. Маркина, И.А. Халий, Л.Б. Вардомского.

К особенностям российско-казахстанского сотрудничества можно отнести: наиболее протяженный участок государственной границы, свыше 7,5 тыс. км, – это треть российской сухопутной границы; 13 из 27 субъектов Российской Федерации, расположенных по границе с государствами СНГ, граничат с Казахстаном; упрощенное пересечение российско-казахстанской границы жителями приграничных регионов двух стран. Данные факторы придают особую актуальность расширению и углублению приграничного сотрудничества между Россией и Казахстаном, а также способствуют развитию социально-экономических отношений, наиболее тесному сотрудничеству в сфере среднего и малого предпринимательства, культуры, науки, образования и спорта [Приграничное сотрудничество, 2012].

В 2011 г. по репрезентативной выборке нами было проведено исследование общественного мнения населения приграничных районов Оренбургской области. Всего в опросе приняли участие 496 жителей Адамовского, Кваркенского, Ясененского и Светлинского районов. Из числа опрошенных 43% мужчин, 57% женщин. Из общего числа респондентов молодые люди в возрасте 18–30 лет составили 29%; в возрастной категории 31–40 лет – 23%; 41–50 лет – 22%; 51–60 лет – 17%; старше 60 лет – 9%; имеющих высшее образование – 20%; среднее специальное – 45%; незаконченное высшее – 9%; среднее общее – 20%, неполное среднее – 6%. Если рассматривать респондентов по роду занятий, то наибольшее их количество было из категории рабочих (без

указания конкретной должности) – 21%, за ними следует гуманитарная интеллигенция (журналисты, работники сферы образования, культуры) – 18%, пенсионеры – 15%, временно безработные – 10%, студенты – 6%.

В ходе исследования была сделана попытка выявить, отличается ли специфика самоидентификации местного населения, как жителей приграничного региона, от самоидентификации жителей других регионов, не относящихся к зоне приграничного пояса России. Основные вопросы, поставленные в исследовательских задачах, имели своей целью определить: имеется ли положительное мнение о приграничье; может ли выступать приграничье брендом Оренбургской области; насколько сказывается близость границы на социально-экономическом развитии исследуемых районов.

Как показали результаты опроса, позитивное восприятие приграничья с Казахстаном наряду с другими ассоциациями, характеризующими образы Оренбуржья, показали более 46% опрошенных. В то же время исследование выявило бренд Оренбуржья как приграничного форпоста, региона-стены (*таблица*).

Понимание приграничья как неотъемлемой части социального пространства российского общества предполагает охрану государственной границы с ее одновременным социально-экономическим развитием, учитывающим интересы государства, региона и местного приграничного населения. В условиях современного постоянно меняющегося мира приграничье для успешного регионального развития не должно быть «ничьей землей», а должно стать «пространством встречи», обладающим собственным набором культурных образцов.

Слова, вызывающие наиболее позитивные ассоциации

Слово	Процент от числа опрошенных
Зерно	77,2
Газ	64,6
Целина	63,8
Граница	46,3
Черномырдин	39,4
Комаров	38,6
Гагарин	32,3
Золото	31,3
Озеро	30,3
Асбест	29,1
Дороги	24,2
Охота	22,0
Пушкин	20,5
Никель	20,1
Ракеты	19,1
Аркаим	17,1
Чапаев	16,3
Пугачев	14,4
Дикие гуси	13,8
Казаки	13,4
Космос	10,6
Аксаков	9,8
Родимцев	8,5
Зыкина	8,3
Фламинго	7,9
Толстой	6,1
Дутов	5,1
Сарматы	2,2

И это мнение вполне логично, поскольку, помимо заработной платы и пенсий, почти 35% опрошенных имеют дополнительный заработок за счет социально-экономических отношений с казахскими соседями. У трети опрошенных имеются родственники и близкие друзья по ту сторону границы. Из этого можно сделать вывод, что тесные отношения российских граждан с казахстанскими основаны не только на торгово-экономических связях, но и на более глубоких – родственно-дружеских.

Однако в действительности это далеко не всегда так, как хотелось бы. К сожалению, приграничные области – не самые

экономически сильные субъекты Российской Федерации. На их уровень развития могут влиять существующие местные ресурсы – объекты материальной и духовной культуры, создающие основу для разработки бренда приграничья и развития туристического бизнеса. Значимым фактором социально-экономического развития являются также пограничные и таможенные учреждения, если таковые имеются. Стоит отметить, что уровень развития районов весьма различен: сравнительно развитые соседствуют с почти вымирающими, отсутствуют рабочие места, вследствие чего происходит отток населения. Последнее вызывает социальное напряжение на грани взрыва или депрессивного состояния оставшегося населения и создаёт дополнительные риски для обеспечения безопасности границы [Халий, 2014: 23-33].

Бренд территории, по мнению И.С. Важениной, – «это совокупность уникальных качеств, непреходящих общечеловеческих ценностей, отражающих своеобразие, неповторимые оригинальные потребительские характеристики данной территории и сообщества, широко известные, получившие общественное признание и пользующиеся стабильным спросом потребителей данной территории» [Важенина, 2008: 49-58].

Что касается успешного приграничного сотрудничества, организуемого региональными властями, то здесь мнения опрошенных разделились практически поровну: поддерживают его – 30,6%; сомневаются в пользе приграничного сотрудничества для области – 35,4%; затруднились ответить – 33,4%. Возможно, это связано с предвзятым мнением, что вмешательство власти может, с одной стороны, осложнить связи, налаженные посредством личных контактов, а с другой стороны, использовать сотрудничество в неких «корпоративных» интересах.

Вероятно, здесь проявляется отмеченная В.В. Маркиным тенденция трансформации современного российского общества, в том числе и на региональном уровне, происходящей прежде всего в сфере крупного бизнеса, корпораций и так называемых «элит». Он пишет: «*Региональная власть оказывается между молотом и наковальней (имеются в виду крупный бизнес и население), тем более что именно корпорации формируют свои структуры влияния в органах власти и продвижения своих представителей в эти органы. Население же оказывается слабоструктурированным и практически не имеет институциональных “лоббистов”*» [Маркин, 2014: 137-143].

Успешное пограничное сотрудничество должно строиться с учетом взаимодействия населения с обеих сторон, традиций, родственно-дружеских связей и т.п. Несмотря на неоднозначность мнений касательно успеха приграничного сотрудничества, российско-казахстанское приграничье является особым социокультурным пространством для евразийской интеграции. Как видно из данной выше таблицы, позитивные ассоциации можно использовать в качестве платформы для формирования если не единой, то общей постсоветской евразийской идентичности.

На данный момент ситуация вокруг пограничного сотрудничества России и Казахстана складывается достаточно благоприятно. Однако существует некая диспропорция в его региональном распределении. Наиболее развиты отношения с Казахстаном у пяти областей: это Омская, Курганская, Челябинская, Оренбургская и Астраханская. На эти регионы приходятся основные доли общего товарооборота. Тогда как менее развитыми остаются отношения сопредельных территорий Алтайского края и Новосибирской области. Сокращение этих диспропорций

поддерживается как Российской Федерацией, так и особенно Республикой Казахстан. Выступая в июле 2011 г. на Экономическом форуме в Астане, Президент Казахстана Н. Назарбаев подчеркнул, что в то время, когда другие страны отвечают на кризис закрытием своих границ, отгораживаясь от окружающего мира, Казахстан призывает усугублять региональную кооперацию [Тощенко, 2014: 60-73].

Оренбургская область – исторически сложившийся центр межкультурных коммуникаций и «мост» между странами Центральной Азии и регионами Российской Федерации с тюркскими этносами. Это определяет стратегическую важность Оренбургской области как субъекта РФ, а задача преодоления недостатков пространственного положения региона должна позиционироваться не только как региональная, но и как федеральная [Мишарин, 2008: 12-17].

Взаимодействие носителей различных культур порождает пространство сравнения ценностей. Поскольку ценности современных российских жителей оказываются под сомнением, неуверенность в своей культуре у части населения порождает напряженность при взаимодействии с носителями «чужой» культуры и трактуется как угроза. По этой причине возникают противоречивые социальные мифы – коллективные представления, интерпретирующие сопредельный Казахстан как возможную угрозу национальным интересам россиян. Поэтому формирование евразийского контента новой идентичности населения приграничья должно сочетать в себе соединение российских и казахстанских социокультурных ценностей.

Граница, будучи политическим проектом государства, обуславливает необходимость особого социокультурного развития приграничных территорий. Граница предполагает наличие отношений между двумя

сторонами, неважно каких – конфронтации или кооперации. Граница современного государства предполагает парадокс: разделяя людей, она вызывает их взаимодействие, порождает новые солидарности, формирует свое новое социокультурное пространство, в котором «встречаются» разные культуры.

Этому способствует территориальная близость приграничных районов с обеих сторон. Способствует развитию не только социально-экономических отношений, но и культурных связей. Ведь в первую очередь начинают сотрудничать районы, расположенные в непосредственной близости от границы и при этом друг от друга [Ойдуп, Кылгыдай, 2012].

Уже сейчас можно отметить, что Россия столкнулась с феноменом уязвимости своих границ и трансформацией приграничного буферного пространства. Новая идентичность позволяла бы обеим сторонам развиваться в условиях происходящих в мире процессов без ущерба для территориальной целостности как России, так и Казахстана, но и без чрезмерной оглядки на центр. Примером формирования такой идентичности может стать приграничное сотрудничество между Россией и Казахстаном. Причем Россию здесь можно и нужно понимать как часть Европы. Таким образом, Оренбуржье и другие приграничные регионы могут считаться «окнами в Азию» не только России, но и всей Европы и в этом случае межцивилизационные различия не становятся «камнем преткновения».

В целом в приграничных отношениях России и Казахстана присутствуют позитивные тенденции к дальнейшему развитию. Особенно, если привести в пример экономические отношения России с другими странами СНГ. В частности, российско-казахстанский товарообмен развит намного больше, чем с другими странами – бывшими союзными республиками.

Более того, 7,5 тысячи километров российско-казахстанской границы сами по себе достаточно серьезный повод для строительства качественных взаимоотношений, которые имеют паритетный интерес двух государств. Курс российских лидеров на развитие и укрепление конструктивного партнерства и сотрудничества с Казахстаном можно считать одним из крупных достижений отечественной внешней политики. Действенный путь устранения реальных и потенциальных угроз — полноценное социально-экономическое развитие. Развитие механизмов культурного посредничества во встречных направлениях является наиболее естественной функцией приграничных регионов и одним из главных факторов их развития.

Исследуя повседневное поведение жителей приграничья, можно понять, как формируется это новое приграничное пространство диалога, как функционируют его элементы, какие правила определяют пове-

денческие стратегии населения и институтов, какую роль играет в этих процессах новая граница. Взаимные потребности и интересы, как объективно существующие, способствуют культурному обмену, стимулируя разные региональные культуры с их национальным компонентом перенимать друг у друга все положительное.

Приграничные регионы Оренбургской области в силу своего геоэкономического положения выступают в качестве естественных «мостов» социально-экономического сотрудничества с Казахстаном; при этом их развитие в наибольшей степени зависит от характера экономических и политических взаимоотношений на межгосударственном уровне, от соотношения контактных и барьерных функций границ. Межрегиональное сотрудничество, являясь низовым уровнем взаимодействия, представляет важную форму наполнения реальным содержанием формирующийся Евразийский союз [От Азии до Европы, 2014].

Литература

1. Важенина, И.С. Имидж и бренд региона: сущность и особенности формирования / И.С. Важенина // Экономика региона. — 2008. — №1. — С. 49-58.
2. Вардомский, Л. Приграничный пояс России: проблемы и тенденции развития / Л. Вардомский // Приграничное сотрудничество: опыт и перспектива. — Оренбург, 2008.
3. Маркин, В.В. Региональная социология и региональное управление: формат и механизмы взаимодействия / В.В. Маркин // Гуманитарий Юга России. — 2014. — №2. — С. 137-143.
4. Мишарин, А.И. Инвестиции в Оренбуржье: перспективы и проблемы / А.И. Мишарин // Перспективы Оренбургской области : материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Оренбург, 12–13 мая 2008 г. — Оренбург, 2008. — С. 12-17.
5. Ойдуп, Т.М. Особенности межэтнических связей населения тувино-монгольского приграничья / Т.М. Ойдуп, А.Ч. Кылгыдай // Социологические исследования. — 2012. — №6. — С.136-140.
6. От Азии до Европы [Электронный ресурс] // Российская газета. — 2014. — 29 мая. — URL: <http://www.rg.ru/2014/05/29/poezdki.html> (дата обращения: 17.07.2014).
7. Приграничное сотрудничество [Электронный ресурс] / Минрегион России. — URL: http://www.minregion.ru/Cross-border_coop/Kazakhstan?locale=ru (дата обращения: 17.07.2014).
8. Тощенко, Ж.Т. Постсоветское пространство: как жить вместе, живя врозь / Ж.Т. Тощенко // Евразийская интеграция: сб. науч. трудов: ежегодн. — СПб.: СПбГУП, 2014. — С. 60-73.
9. Халий, И.А. Современное российское приграничье: общие характеристики / И.А. Халий // Вестник Института социологии. — 2014. — №11. — С. 23-33.
10. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М.: АСТ, 2003. — 603 с.
11. Хаусхофер, К. О геополитике: работы разных лет / К. Хаусхофер. — М.: Мысль, 2001. — 250 с.

12. Chauprade, A. *Chronique du choc des civilizations* / A. Chauprade. – Paris: Chronique Dargaud Editions, 2013. – 271 p.
13. Roberts, P.W. *Regional Development Agencies in England: New Strategic Regional Planning Issues?* / P.W. Roberts, M.G. Lloyd // *Regional Studies: Journal of the Regional Studies Association* – 2000. – Vol. 34. – №1. – P. 75-80.

Сведения об авторе

Элиза Камчыбековна Бийжанова – научный сотрудник, Центр региональной социологии и конфликтологии Института социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, crs@isras.ru)

Biizhanova E.K.

Russia-Kazakhstan Border-Zone: Sociological Analysis

Eliza Kamchybekovna Biizhanova – Research Associate Center for Regional Sociology and Conflictology Studies of the Institute of Sociology of RAS (24/356 Krzhizhanovskii Street, Moscow, 117218, Russian Federation, crs@isras.ru)

Abstract. The article, based on the research conducted by the Center for Regional Sociology and Conflictology Studies of the Institute of Sociology of RAS, discusses the features of cross-border cooperation of Russia and Kazakhstan. It considers works of Western and Russian scientists to identify major approaches to the study of cross-border cooperation. It discusses strengthening of inter-ethnic and socio-economic integration and cross-border cooperation at the regional level. The borderland as a social phenomenon is an object of our study; the research is focused on local communities, understood as residents of Russian regions bordering with neighboring countries. This means that the research is devoted to local communities of the areas, located on Russia's borders with different states – with the new neighbors, which appeared after the USSR collapse (e.g., Ukraine, Belarus, the Baltic States in the West, Kazakhstan in the East) and the long-existing ones – Turkey, China, Mongolia, etc. For analysis we select the Orenburg Oblast, which has one of the longest border lines with Kazakhstan. We make an attempt to identify whether the border-zone can serve as a frontier base for the creation of a successful brand of the region based on the self-identification of local people and thereby increase the level of socio-cultural and socio-economic development of the region through the attraction of additional tourist flows and investment in the region. What is the specificity of self-identification of the border region population and how can border relations become a tool for development of socio-economic, socio-cultural and inter-state relations?

Key words: border-zone, Russia-Kazakhstan border, Orenburg Oblast, regional integration.

References

1. Vazhenina I.S. *Imidzh i brend regiona: sushchnost' i osobennosti formirovaniya* [Image and Brand of Region: Essence and Features of Formation]. *Ekonomika regiona* [Regional Economy], 2008, no. 1, pp. 49-58.
2. Vardomskii L. *Prigranichniy poyas Rossii: problemy i tendentsii razvitiya* [Border Zone of Russia: Problems and Development Trends]. *Prigranichnoe sotrudnichestvo: opyt i perspektiva* [Cross-Border Cooperation: Experience and Prospects], Orenburg, 2008.
3. Markin V.V. *Regional'naya sotsiologiya i regional'noe upravlenie: format i mekhanizmy vzaimodeistviya* [Regional Sociology and Regional Governance: Format and Mechanisms of Cooperation]. *Gumanitarii Yuga Rossii* [Humanitarians of the South of Russia], 2014, no. 2, pp. 137-143.

4. Misharin A.I. Investitsii v Orenburzh'e: perspektivy i problemy [Investment in the Orenburg Oblast: Prospects and Problems]. *Perspektivy Orenburgskoi oblasti : materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Orenburg, 12-13 maya 2008g.* [Prospects of the Orenburg Oblast : Materials of all-Russian Research-to-Practice Conference, Orenburg, May 12–13, 2008]. Orenburg, 2008, pp. 12-17.
5. Oidup T.M., Kylydai A.Ch. Osobennosti mezhetnicheskikh svyazei naseleniya tuvino-mongol'skogo prigranich'ya [Specifics of Inter-Ethnic Relations of the Population of the Tuva-Mongolian Frontier]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2012, no. 6, pp.136-140.
6. Ot Azii do Evropy [From Asia to Europe]. Rossiiskaya gazeta [The Russian Newspaper], May 29, 2014. Available at: <http://www.rg.ru/2014/05/29/poezdki.html> (Accessed July 17, 2014).
7. Prigranichnoe sotrudnichestvo [Cross-Border Cooperation]. *Minregion Rossii* [Ministry of Regional Development of Russia]. Available at: http://www.minregion.ru/Cross-border_coop/Kazakhstan?locale=ru (Accessed: July 17, 2014).
8. Toshchenko Zh.T. Postsovetskoe prostranstvo: kak zhit' vmeste, zhivya vroz' [Post-Soviet Space: How to Live Together, Living Apart]. *Evraziiskaya integratsiya: sb. nauch. trudov: ezhegodn* [Eurasian Integration: Collection of Scientific Papers: Yearbook]. Saint-Petersburg: SPbGUP, 2014, pp. 60-73.
9. Khalii I.A. Sovremennoe rossiiskoe prigranich'e: obshchie kharakteristiki [Modern Russian Frontier: General Characteristics]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2014, no. 11, pp. 23-33.
10. Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsii* [Clash of Civilizations]. Moscow: AST, 2003. 603 p.
11. Haushofer K. *O geopolitike: Raboty raznykh let* [On Geopolitics: Works of Different Years]. Moscow: Mysl', 2001. 250 p.
12. Chauprade A. *Chronique du choc des civilizations*. Paris: Chronique Dargaud Editions, 2013. 271 p.
13. Roberts P.W., Lloyd M.G. Regional Development Agencies in England: New Strategic Regional Planning Issues? *Regional Studies: Journal of the Regional Studies Association*, 2000, vol. 34, no. 1, pp. 75-80.

Специфика дачной субурбанизации в России на примере Московского региона

**Александр Валерьевич
РУСАНОВ**

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 46,
3-й учебный корпус
Rusanovmsu@gmail.ru

Аннотация. В число актуальных проблем, связанных с планированием развития городских агломераций, входят учет и прогнозирование изменений пригородных территорий в процессе социально-экономического развития, одним из проявлений которого является урбанизация, которая применительно к крупным городам сменяется субурбанизацией. Наибольшее развитие процесс субурбанизации получил в Северной Америке и Западной Европе. Научные исследования подтверждают, что большинство крупных городских агломераций переживают стадию субурбанизации. Темпы субурбанизации в мире различны – органы власти отдельных стран, регионов или городов зачастую принимают меры, направленные на ее ограничение или упрощение, такие как реконструкция центральных городов, ограничение строительства в периферийных зонах и т.д. В России процесс субурбанизации получил свое бурное развитие только после социально-экономических преобразований 1990-х гг., которые привели к появлению свободного рынка жилья и земли. Цель работы заключается в определении специфики субурбанизации в России на примере Московского региона. Субурбанизация в России имеет преимущественно сезонный характер, поэтому в работе рассматривается специфическая российская дачная субурбанизация, связанная с размещением населения и его хозяйственной деятельностью в пригородной зоне. Популярной разновидностью такой деятельности в России является ведение садоводства, огородничества и дачного хозяйства в поселениях, расположенных на специально отведенных для этих целей землях. В работе рассматриваются факторы, детерминирующие субурбанизацию в Московской области, показано действие этих факторов на примере двух ключевых районов. Научная новизна работы состоит в уточнении содержания факторов субурбанизации применительно к Московскому региону, рассмотрении развития дачной субурбанизации, выделении ее характерных черт

на примере Московского региона, рассмотрении современных закономерностей распределения дачных поселений различных типов на примере ключевых районов.

Ключевые слова: субурбанизация, дачи, дачное расселение, второе жилище, институциональные факторы, социально-экологические факторы, география населения, Московская область.

Одним из компонентов современных российских агломераций являются дачные поселения, окружающие практически все крупные города и формирующие новые взаимоотношения с пригородами. В российской науке системно рассматривают этот вопрос А.Г. Махрова, А.И. Трейвиш, Т. Нефедова и др.; подход российских исследователей несколько отличается от зарубежных, рассматривающих загородные дома в контексте рекреационного туризма или риэлторского анализа [8]. Важной частью изучения пригородной зоны является определение характера субурбанизации, т.е. опережающего по сравнению с центром роста пригородов.

Пригород как место проживания за границами города, характеризующееся неплотной застройкой, существует с глубокой древности, однако сегодня нечеткость границ города затрудняет определение самого понятия «пригород», долгое время имевшего негативный оттенок. В США лишь в середине второго десятилетия XIX в. начинается превращение бывших трущоб в респектабельное место жительства, откуда совершаются поездки на работу в город [12], и сегодня под пригородом здесь понимается кольцо урбанизированной территории вне центрального города (suburb) с делением субурбий (предместий) на группы («автомобильные», «плановые», «калифорнийские», «внешние», «белые», «черные» и пр.) [16]. Подобное использование пригородной территории представляет собой вариант классической субурбанизации, т.е. переезда в пригороды на постоянное проживание.

Эмпирические данные показывают, что загородные поселения горожан не только существуют во всем мире, но и характеризуются более-менее схожими процессами развития. Во Франции дачи когда-то окружали Париж, а сейчас их относят все дальше – на побережье, в горы. В Великобритании многие собственники городских домов имеют еще и сельский домик [2]. В Швеции первые садовые участки возникли в конце XIX в., когда сельские жители массово переезжали в города в поисках работы. В 1906 г. власти Стокгольма выделили первые земельные наделы – до 0,01 га, которые образовали маленькие поселения-колонии. После Второй мировой войны эти наделы помогли стране решить продовольственную проблему, и в 1970-е гг. размеры участков увеличились до 0,07 га, поскольку их экономическая функция потеряла свою актуальность, уступив место рекреационной [15]. В Финляндии существуют «kesamokki» (*кесамёкки* – летняя дача) – небольшие дома, часто на берегу водоема с пристанью и лодкой, используемые для летнего проживания и отдыха, и «ruutarhamokki» (*руутархамёкки*) – небольшие участки под сады и огороды с маленьким садовым домиком типа российской бытовки, грядками и плодово-ягодными кустарниками, располагающиеся на окраинах городов и предназначенные для выращивания ягод, овощей и фруктов [14]. В Германии крошечные, до 0,02 га, участки земли со скромными сарайчиками появились в конце XIX в. и были названы «Schrebergarten» (*шребергартен*) в честь Морица Шребера, пропагандировавшего здоровый образ жизни и любовь к

природе; сегодня их называют также «Kleingarten» (*кляйнгартен*) – маленький сад, «Familiengarten» – семейный сад, «Heimgarten» – домашний сад, «Grundstueck» (*грундштюк*) – земельный участок. Здесь можно посадить цветы, овощи, ягодные кусты, фруктовые деревья и поставить готовый (но не построить) домик-сарайчик, проживание в котором запрещено, также запрещены и другие постройки [13]. В Польше неким аналогом российской дачи считается «działka rekreacyjna» (*дьяляка рекреацыйна*), которая появилась в период Польской Народной Республики, выполняла функции, подобные советским дачам, и сегодня является самостоятельным субъектом загородной недвижимости [16].

Однако в научной среде дача, как правило, рассматривается как специфический российский феномен, как «*особая форма пространственной организации жизнедеятельности человека, одновременно являющаяся частью городского, пригородного или сельского ландшафта*» [3] и как социокультурный институт имеет долгую историю, отражающую процесс урбанизации России.

Цель работы состоит в выявлении специфики дачного расселения как особого проявления субурбанизации в России на примере Московского региона. В соответствии с целью работы поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть особенности и характерные черты дачного расселения как специфического российского проявления субурбанизации.

2. Выявить основные группы факторов, влияющих на специфику дачной субурбанизации в Московском регионе.

3. Определить на примере ключевых районов, как основные группы факторов детерминируют дачную субурбанизацию.

Особенность российской субурбанизации заключается в сезонности загородного

жилья, расположенного преимущественно в дачных поселениях различного типа, что позволяет говорить о специфической дачной субурбанизации [6].

Динамика дачной субурбанизации детерминируется факторами, которые можно объединить в несколько групп:

- 1) институциональные – связанные с государственной политикой регулирования размещения населения по территории страны и поддержкой определенных категорий населения;

- 2) социально-экологические – связанные с экологической обстановкой пригородных зон, демографической ситуацией, социальной стратификацией и мобильностью населения;

- 3) экономико-технологические – связанные со снижением издержек производства прежде всего из-за более низкой стоимости земли в пригородах, обусловленной рентными отношениями, внедрением научно-технических достижений и развитием транспорта, позволяющим создать городскую инфраструктуру в пригородах.

История субурбанизации в России имеет ярко выраженные особенности. Во-первых, сверхконцентрация населения в столицах сочеталась с редкой сетью периферийных городов, что способствовало центростремительности постоянной миграции из села и центробежности миграции сезонной [4]. На огромных просторах страны российская субурбанизация вылилась в такую специфическую массовую форму, как второе сезонное жилье горожан [5]. Во-вторых, традиционные экономические, географические, демографические и технологические факторы субурбанизации в России жестко детерминировались факторами институциональными, т.е. принципиальным разрешением либо запретом со стороны государства использовать земли под дачные поселения. Уже в XVII

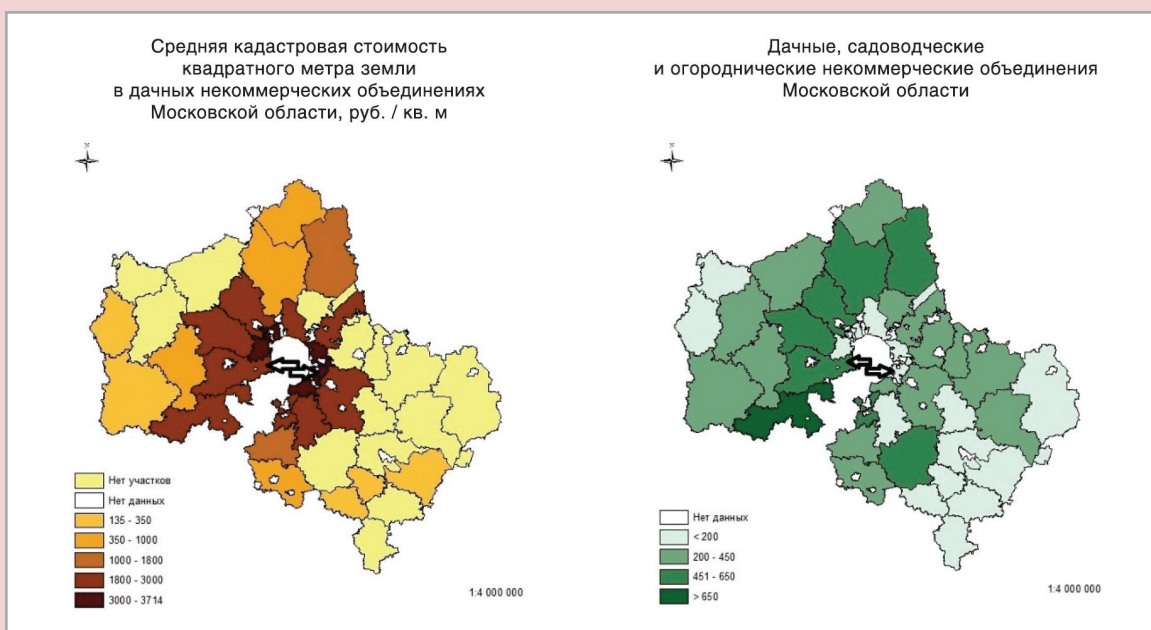
в. слово «дача» применялось для обозначения земельного и лесного участка, полученного от государства, т.е. «дарового», что сразу придало самому понятию некий оттенок избранности, существующий в определенной степени до сих пор [8]. Это предопределило и потенциальную правовую неоднозначность дачных поселений, сохраняющуюся на протяжении всей «дачной истории» России: например, в советский период позволялось ввести официальные ограничения на тип и размер дачных построек или вообще отобрать участок за несвоевременную его обработку, а сегодня происходит фактическая передача дачных функций поселениям, формально сохраняющим статус сельских, что в значительной степени затрудняет учет проживающего в них населения.

Как и классическая субурбанизация, дачная субурбанизация неоднородна — доминирование разных факторов приводит к

возникновению разных типов «дачных местностей», т.е. территорий, которые могут выполнять дачные функции [1, 11]. В результате специфика дачной субурбанизации, например в Московской области, оказывается разной даже в районах со схожими экономико-географическими характеристиками, такими как близость к границам города, инфраструктура, численность населения и пр. (рис. 1); это видно на примере непосредственно граничащих со столицей районов Московской области — Люберецкого на юго-востоке и Одинцовского на западе (таблица).

Дачная история Московского региона позволяет сделать вывод о том, что период от появления «дачных местностей» до формирования на них коттеджных поселков (КП) как высшего иерархического типа дачных поселений можно рассматривать как «полный цикл» развития дачного расселения [7]. Спонтанно возникающая или

Рисунок 1. Количество дачных поселений по районам Московской области и кадастровая стоимость земли в них

Источник: составлено автором по данным информационного портала «Северный дачник» за 2014 г. (<http://sotok.net/>).

Сравнительная характеристика Люберецкого и Одинцовского районов
 Московской области (на 01.01.2015 г.)

Показатели	Люберецкий район	Одинцовский район
Год основания	1929	1965
Площадь, км ²	122,31	1289
Численность постоянного населения, чел.	291510	321673
Плотность населения, чел./км ²	2383,37	249,55
Доля городского населения, %	98	66,8
Число городских поселений	5	7
Средняя кадастровая стоимость 1 м ² земли в дачных поселениях всех типов, руб.	2809,41	1815,13
Количество дачных поселений всех типов	45	544
Источники: составлено автором на основе данных официального портала Люберецкого района (http://www.lubreg.ru/); официального сайта Одинцовского района (http://odin.ru/); интернет-портала «Северный дачник» (http://sotok.net/); данных Федеральной службы государственной статистики (http://www.gks.ru/).		

специально выделенная из окружающей территории дачная местность постепенно преобразуется либо в дачные поселения, либо в город, причем доминируют в этих случаях разные факторы. Включение дачной местности в городскую черту означает полную деградацию дачного расселения, но оно становится возможным только под абсолютным воздействием институциональных факторов, т.е. административно-территориальных преобразований города. Это процесс регулируемый — за всю дачную историю Москвы поглощение дачных окрестностей столицей происходило около 20 раз и всегда в соответствии со специальными указами [17]. Таким образом, можно считать, что институциональные факторы детерминируются на макроэкономическом (общегосударственном) уровне и одинаково влияют на дачное расселение во всех ближайших пригородах.

Социально-экологические и экономико-технологические факторы гораздо больше зависят от микроэкономических (районных) составляющих и во многом определяются местными возможностями. Именно под их воздействием формируются дачные поселения, которые могут менять свои функции, иногда даже с сохранением типа: например, поселение будет иметь формаль-

ный статус деревни, садового некоммерческого товарищества (СНТ), но фактически представлять собой дачное некоммерческое товарищество (ДНТ) или КП с круглогодичным проживанием.

Одним из главных социально-экологических факторов развития дачных поселений являются природные рекреационные ресурсы Московской области (разнообразие ландшафтов, наличие лесов, водоемов и пр.) и экологическая обстановка, которая характеризуется «свободным зеленым западом» и «плотным дымным востоком».

Люберецкий район находится на юго-востоке лесопаркового пояса Москвы и входит в Центральную зону Московской области, представляющую собой практически полностью преобразованную техногенную систему с развитой промышленностью и транспортной сетью. Район расположен в границах одного ландшафта — Московской Мещеры, по характеру естественной растительности район относится к зоне сосновых лесов с включением лиственных пород, но леса значительно вырублены. По уровню загрязнения окружающей среды район относится к неблагоприятным: уровень загрязнения воздушной среды наиболее распространенными вредными веществами (диоксид азота и серы,

взвешенные вещества, оксид углерода) может в два раза и более превышать ПДК. Одним из существенных источников загрязнения почв и водоемов явилось применение в качестве удобрения иловых осадков с Люберецкой станции аэрации. Состояние почв в районе считается критическим из-за наличия тяжелых металлов и вторичного загрязнения ими атмосферного воздуха. По уровню загрязнения и по другим качественным показателям почв ландшафты района не справляются с техногенной нагрузкой. Поверхностные водные источники также крайне загрязнены, качество воды в водоемах, используемых в рекреационных целях, часто не отвечает санитарным требованиям из-за сточных вод промышленных объектов и агрокомплексов [20]. На картах экологической обстановки районов Московской области Люберецкий район обозначен как кризисный [18].

Одинцовский район в соответствии с эколого-экономическим районированием Подмосковья входит в состав Смоленско-Московской зоны, расположенной на северо-западе Московской области. Степень техногенного преобразования природной среды территории района невысока. Район обладает большим запасом природных ресурсов, благоприятных для отдыха, здесь преобладает сельскохозяйственная и лесохозяйственная деятельность, а промышленность развита слабо. В связи с этим, а также учитывая наличие лесопарковой зоны, выполняющей защитные функции, район можно отнести к экологически благополучным районам Московской области. Лесные массивы, выполняющие водоохраные, санитарно-гигиенические и оздоровительные функции, отнесены к первой группе. Уровень загрязнения воздушной среды основными вредными веществами (диоксид азота и серы, взвешенные вещества, оксид углерода) по району

не превышает ПДК. Фоновый уровень загрязнения атмосферы благоприятный. Экосистемы района сохранили достаточный потенциал для самоочищения от промышленного, транспортного и сельскохозяйственного загрязнения. В основном в районе преобладает удовлетворительная и благоприятная экологическая обстановка для проживания и отдыха населения, поэтому он относится к «элитным» местам Подмосковья. Ландшафты здесь способны к самовосстановлению при выполнении природоохранных работ и соблюдении режима использования территории особо охраняемых природных и историко-культурных памятников [20]. На картах экологической обстановки районов Московской области Одинцовский район обозначен как «достаточно чистый» [18].

Другой составляющей социально-экологических факторов субурбанизации является привлекательность дачной местности для населения. Исторически дачное освоение Люберецкого и Одинцовского районов началось во второй половине XIX в., после строительства железных дорог. Через Люберцы в 1860 г. прошла одна из первых российских железнодорожных веток (Рязанское направление), вдоль которой сразу же сформировалось множество дачных местностей с соответствующей инфраструктурой. Часть из них (Вешняки, Выхино и др.) еще в начале XX в. вошли в состав Москвы, потеряв дачные функции, более дальние Малаховка и Красково в довоенное время закрепили свой дачный статус, а сейчас относятся к категории стародачных поселков. Летом 2014 г. мини-опрос 20 респондентов, проживающих в таких поселках Люберецкого района, показал, что наибольшее опасение вызывает «наступление города» на традиционные дачные поселения, создающее «мозаику» из малоэтажных и высотных кварталов. Современная

массовая застройка меняет внешнюю картину ландшафта, перед дачными домами возводятся типовые многоэтажки, рядом создаются промышленные зоны. Традиционных сельских пейзажей остается все меньше, они с большим трудом «вписываются» в территорию, иногда создавая опасность для жизнедеятельности. В районе практически не осталось сельских жителей, а заметный прирост численности населения происходит за счет новых горожан (см. таблицу; рис. 2).

В Одинцовском районе благодаря его природной уникальности «дачный промысел» быстро стал доминировать над другой деятельностью, а местное население – ориентироваться исключительно на дачного потребителя. В результате сегодня СНТ, ДНТ и КП занимают около 10% его суммарной площади, причем их размещение имеет определенные закономерности: КП тяготеют ближе к границам Москвы, их плотность увеличивается вдоль р. Москвы, Можайского и Минского шоссе. Самые дорогие и элитные КП расположены вдоль р. Москвы и Рублево-Успенского шоссе –

еще в советский период здесь располагались «кремлевские» дачи и престижные загородные резиденции в Барвихе, Горках, Горках-10, Николиной Горе и окрестностях [10]. ДНТ имеют в целом похожие закономерности размещения, но при этом часть их тяготеет к железной дороге Белорусского направления. СНТ распределены наиболее равномерно, но при этом их концентрация значительно увеличивается в пределах доступности железной дороги.

В сельском поселении Жаворонки летом 2014 г. было проведено 20 проблемно ориентированных интервью с жителями, которые отмечали социальные и территориальные изменения, произошедшие в процессе дачного освоения после 1960-х гг. Все опрошенные говорили, что по мере замещения дачных поселков коттеджными на их территории альтернативой сельскохозяйственному землепользованию становится рекреационное, а природные ландшафты фрагментируются. Сохранившиеся очаги лесов, болот, полян загрязняются, становясь мусорными свалками, а те, что находятся в хорошей транспортной доступности, за-

Рисунок 2. Динамика численности населения Люберецкого района

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики за 2015 г. (<http://www.gks.ru>).

страиваются, несмотря на опасность пожара. Особенно остро это воспринималось в период аномально жаркого лета: *«Перегородили речку по дороге на тридцатый километр, а теперь бывшее болотце перед леском, куда раньше за грибами ходили, вот-вот задымится...»* Местные жители и дачники «со стажем» жаловались на невозможность доступа к лесам и водоемам из-за огораживания и запрета прохода по охраняемым КП. На смену традиционному сельскому ландшафту средней полосы России пришла геометрически структурированная картина с высокими заборами вдоль автодорог, за которыми *«никто ничего не выращивает — только лужок и беседка...»* Обслуживанием обитателей коттеджных поселков занимаются преимущественно мигранты, заселившие окрестные деревни, освободившиеся в результате естественной убыли или переезда коренных жителей в столицу.

Сложившаяся структура дачных поселений способствует стабилизации численности населения района и сохранению заметной доли сельских жителей в нем (см. таблицу; рис. 3).

Влияние экономико-технологических факторов на подмосковную дачную субурбанизацию проявляется прежде всего через транспортную доступность загородного дома. Для обитателей дачных субурбий ближних пригородов стабильная доступность рабочих мест становится едва ли не главным аргументом при решении вопроса о возможности круглогодичного проживания, поскольку это позволяет работать в режиме маятниковой миграции. Важным становится развитие не просто транспорта, а современных видов транспорта общественного, способного сыграть роль, аналогичную роли железной дороги в конце XIX в. Сегодня это метро. Однако в плотнозаселенных районах с «мозаичным» дачным расселением метро может способствовать замещению их массовыми жилыми комплексами, как это и произошло в Люберецком районе. В Одинцовском районе строительство метро в обозримом будущем не предполагается, однако с 1998 г. обсуждается вопрос о ликвидации однопутной железнодорожной ветки Кунцево — Усово для строительства дублера Рублево-Успенского

Рисунок 3. Динамика численности населения Одинцовского района

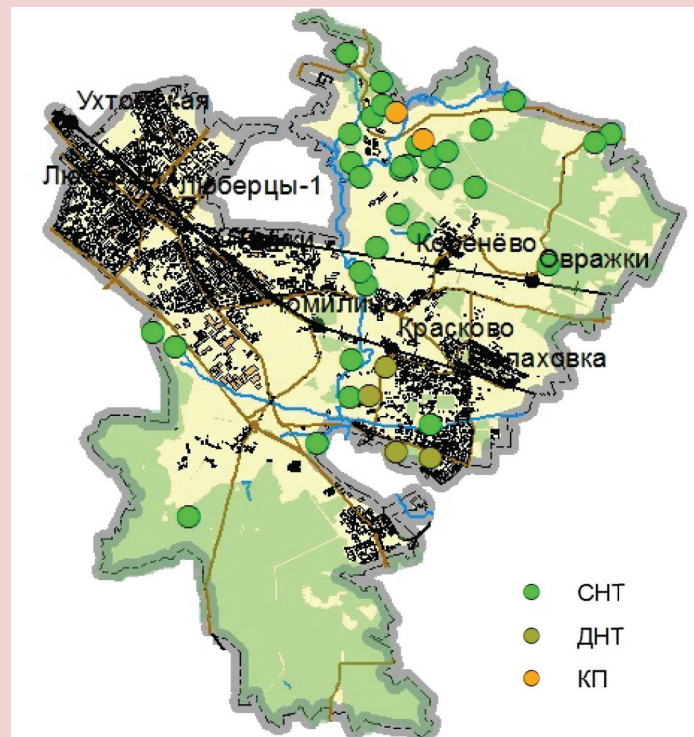
Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики за 2015 г. (<http://www.gks.ru>).

шоссе, ведущего в самое пафосное предместье столицы. В Подмосковье уже известен пример полного демонтажа железных дорог в связи со строительством коттеджных поселков на бывших путях — в 2008 г. это произошло в Красногорском районе между станциями Нахабино и Павловская слобода.

Как видно из рис. 4, структура современного дачного расселения Люберецкого района отражает его крайне высокий уровень урбанизированности — под дачными и садоводческими объединениями занято всего 0,13% площади района. Большинство садовых товариществ, имеющих организационно-правовую форму СНТ, располагается в северной части района в некотором отдалении от железной дороги, а традиционные дачные местности вдоль железной дороги

Рязанского направления значительно изменены сплошной многоэтажной застройкой. В стародачных поселках Томилино, Красково, Малаховка, образующих сплошную зону, уходящую дальше на юго-восток, в Раменский район, в настоящее время насчитывается лишь небольшое число СНТ и ДНТ, которые могут соседствовать как с многоэтажными домами, так и с промышленной застройкой. Система дачного расселения района, схожая в начале своего развития с классическими «железнодорожными» субурбиями и пережившая расцвет в довоенное время, в последующие годы была изменена вследствие роста Москвы: традиционные дачные местности стали городскими спальными районами. До настоящего времени лишь Красково сохранил официальный статус дачного поселка, но и

Рисунок 4. Структура дачного расселения Люберецкого района

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (wikimapia.org, mosposelok.ru).

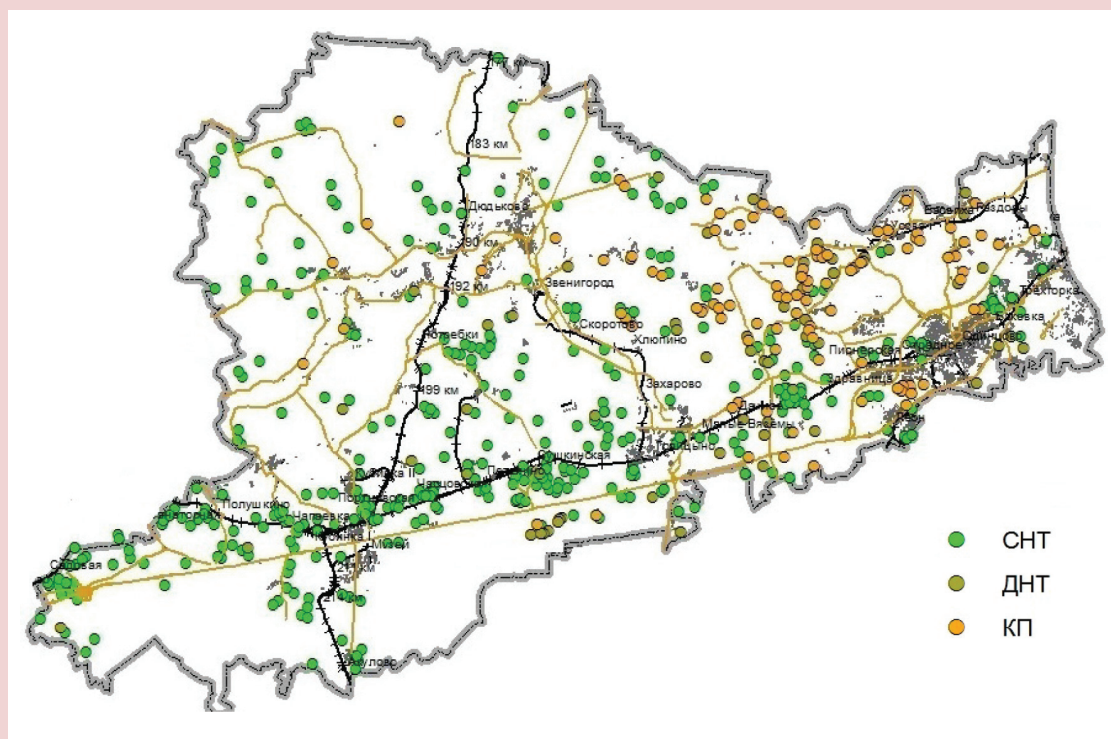
он уже в значительной степени видоизменен многоэтажной жилой застройкой. Перспективной зоной для появления современных типов дачных поселений – КП – может считаться северная часть района, однако там этот процесс затруднен неблагоприятной экологической обстановкой.

Как видно из *рис. 5*, система дачного расселения Одинцовского района формируется из большого числа дачных поселений различного типа, которые широко представлены по всей территории. Вследствие этого возникают конфликты не только из-за растущей многоэтажной застройки на территории традиционных дачных местностей, но и из-за появления новых КП, нарушающих традиционный дачный уклад жизни. Перспективным процессом в системе дачного расселения района может

стать появление новых относительно недорогих КП эконом-класса, которые в своем размещении, в отличие от более дорогих, четче ориентированы на транспортную доступность железной дороги Белорусского направления.

Проведенное исследование на примере ключевых районов ближайшего Подмосковья показывает, что дачное расселение столичной области представляет собой вариант российской субурбанизации, принципиальное отличие которой от классического аналога состоит в сезонности пригородного жилья. Факторы дачной субурбанизации обуславливают неоднородность этого процесса, формирование разных типов дачных поселений и разных перспектив даже в районах с общими исходными характеристиками.

Рисунок 5. Структура дачного расселения Одинцовского района

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (wikimapia.org, mosposelok.ru).

Люберецкий и Одинцовский районы Московской области в этом смысле интересны тем, что оба они являются ближайшими пригородами столицы и в качестве импульса дачного развития имеют дореволюционное железнодорожное строительство. Однако в Люберецком районе доминирование экономико-технологических факторов, т.е. развитие промышленности и соответствующей транспортной инфраструктуры, привело к деградации дачного расселения и постепенному поглощению дачной местности городом. Система дачного расселения здесь, пережившая расцвет в довоенное время, начиная с 1960-х гг. постепенно угасает за счет включения дачных местностей в территорию Москвы и их массовой многоэтажной застройки. Прессинг со стороны столицы продолжается, чему способствует развитие современного скоростного транспорта, однако дачное расселение еще сохраняется в виде нескольких десятков локальных стародачных поселков, мозаично расположенных в северной части района, где не так велико влияние Москвы.

Доминантой системы дачного расселения Одинцовского района являются социально-экологические факторы, т.е. его уникальные природные условия и рекреационная привлекательность. На обширной территории района расположено более

полутысячи дачных поселений различного типа, среди которых хорошо заметны элитные КП, играющие «дачеобразующую» роль для окрестной дачной местности. В силу этого дачные поселения более низкого уровня испытывают давление не только со стороны многоэтажной городской застройки, но и в результате появления новых КП. В настоящее время в районе наблюдается довольно четкое зонирование КП, ДНТ и СНТ, что свидетельствует об их эволюции, но будущее дачного расселения здесь зависит от массовости и локализации коттеджного строительства.

В теоретическом аспекте данная работа может быть использована для анализа проблем пригородного расселения и субурбанизации в российских общественно-экономических условиях исходя из факторов дачного расселения.

Практическая значимость работы определяется ее двойным характером: эмпирическим и прикладным. Эмпирический аспект связан с идентификацией конкретных факторов, детерминирующих дачную субурбанизацию в России на примере Московского региона. В прикладном аспекте работа может быть использована для разработки алгоритма модели универсального характера для моделирования развития произвольных пригородных территорий.

Литература

1. Аксельрод, К.И. Подмосковная дача в советской культуре (на примере поселков творческой и научно-технической интеллигенции) / К.И. Аксельрод : дис. ... канд. архитектуры. — М. : НИИТАГ РААСН, 2002.
2. Журенков, К. Дачный ренессанс [Электронный ресурс] / К. Журенков // Коммерсантъ.ru. — Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2539155>
3. Летягин, Л.Н. Усадебный металандшафт России / Л.Н. Летягин // Русская усадьба. — 2003. — №10. — С. 9-18.
4. Махрова, А.Г. Особенности стадийного развития Московской агломерации // Вестник МГУ. Сер. 5 География. — 2014. — №4. — С. 10-16.
5. Нефедова, Т.Г. Российские дачи в разном масштабе пространства и времени [Электронный ресурс] / Т.Г. Нефедова, А.Г. Махрова // Демоскоп Weekly. — 2015. — №657-658. — Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0657/tema07.php>

6. Нефедова, Т.Г. Второе загородное жилье горожан в России и Украине: эволюция дач и тренды их современных изменений / Т.Г. Нефедова, И.Г. Савчук // Известия РАН. Сер. Географическая. – 2014. – №4. – С. 39-49.
7. Русанов, А.В. Эволюция дачного расселения Подмосковья как элемент российской субурбанизации // Проблемы региональной экологии. – 2014. – №6. – С. 127-134.
8. Трейвиш, А.И. Дачная мобильность, дачный менталитет и дачеведение [Электронный ресурс] / А.И. Трейвиш // Демоскоп Weekly. – 2015. – №655-656. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0655/tema07.php>
9. Топорина, В.А. Типология дворянских усадебно-парковых комплексов центральной России по размещению в ландшафте / В.А. Топорина // Экология урбанизированных территорий. – 2011. – №1. – С. 60-65.
10. Саянов, А.А. Концепция ландшафтно-экологического проектирования коттеджных поселков // Экология урбанизированных территорий. – 2013. – №4. – С. 65-69.
11. Шаповалов, С.С. Типологическое разнообразие дачных поселений как фактор формирования пригородной зоны [Электронный ресурс] / С.С. Шаповалов // Архитектура и современные информационные технологии : Международный электронный научно-образовательный журнал. – 2010. – №3(12). – Режим доступа: <http://www.marhi.ru/AMIT/2010/3kvart10/shestopalov/abstract1.php>
12. Ebner, M.H. Creating Chicago's North Shore. A Suburban History. Chicago-L. / M.H. Ebner. – 1988. – 368 p.
13. Gerold, J. Kleingärten zur Armutsminderung – Schrebergärten in Cagayan de Oro / J. Gerold, A.W. Drescher, R. Holmer // Südostasien. – 2005. – №21(4) – S. 76-77.
14. Hiltunen, Mervi Johanna, Rehunen, Antti. Second home mobility in Finland: Patterns, practices and relations of leisure oriented mobile lifestyle / M. Hiltunen, J. Rehunen, Antti // Fennia 192. – 2014. – №1. – P. 1-22.
15. Lovell, S. Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000. Cornell University Press. – 2003. – 275 p.
16. Więclaw-Michniewska J., Krakowskie suburbia i ich społeczność, IGiGP UJ, Kraków, 2006.
17. Из истории административно-территориального деления Москвы // Сайт Главного архивного управления г. Москвы. – Режим доступа : http://mosarchiv.mos.ru/uslugi/spravochniki_po_fondam/Putevoditel-1/prilozhenie.htm
18. Карта экологической обстановки районов Подмосковья [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zemer.ru/ekologiya-podmoskovya.php>
19. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям // Сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3abf6e
20. Экология Москвы и Подмосковья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ecoanaliz.ru/cat-ecomoscow.html>
21. Информационный портал «Северный дачник» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sotok.net/>

Сведения об авторе

Александр Валерьевич Русанов – младший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 46, 3-й учебный корпус, Rusanovmsu@gmail.ru)

Rusanov A.V.

Russian Specifics of Dacha Suburbanization Process: Case Study of the Moscow Region

Aleksandr Valer'evich Rusanov – Junior Research Associate, Lomonosov Moscow State University (1, building 46, academic building 3, Leninskie Gory, Moscow, GSP-1, 119991, Russian Federation, Rusanovmsu@gmail.ru)

Abstract. Topical issues related to the planning of urban agglomerations development include registration and analysis of changes in suburban areas in the process of socio-economic development. It is manifest, among other things, in urbanization, which in relation to larger cities is replaced by suburbanization. Suburbanization process has been developing to the greatest extent in North America and Western Europe. Scientific research confirms that the majority of large urban agglomerations are in the stage of suburbanization. The pace of suburbanization in the world is different – the authorities of individual countries, regions or cities often take measures to limit or simplify it: they reconstruct central cities, set limits to the construction in peripheral areas, etc. In Russia, the process of suburbanization started to develop rapidly only after the socio-economic transformation of the 1990s that led to the emergence of the free market of housing and land. The aim of the present work is to determine the specifics of suburbanization in Russia on the example of the Moscow Region. Suburbanization in Russia is mainly seasonal; therefore, the paper examines suburbanization specific for Russia and related to the distribution of population and its economic activities in the organized summer house settlements in suburban areas, i.e. in dachas. A kind of this activity popular in Russia is gardening and vegetable and fruit farming in the settlements located on specially designated lands. The paper examines the factors determining suburbanization in the Moscow Region, and demonstrates the influence of these factors taking two key areas as examples. Scientific novelty of the work consists in the fact that it clarifies the content of suburbanization factors as applied to the Moscow Region; in addition, it considers the development of dacha-related suburbanization, highlights its characteristics on the example of the Moscow Region, examines current distribution patterns of dacha settlements of different types on the example of key areas.

Key words: suburbanization, dachas, dacha housing, second home, institutional factors, socio-environmental factors, population geography, Moscow Oblast.

References

1. Aksel'rod K.I. *Podmoskovnaya dacha v sovetskoj kul'ture (na primere poselkov tvorcheskoi i nauchno-tehnicheskoi intelligentsii): dis. ... kand. arkhitektury* [Dacha in the Suburbs of Moscow in the Soviet Culture (Case Study of the Settlements of Creative and Scientific-Technological Intelligentsia): Ph.D. in Architecture Thesis]. Moscow: NIITAG RAASN, 2002.
2. Zhurenkov K. Dachnyi renessans [Dacha Renaissance]. *Kommersant*.ru. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2539155>
3. Letyagin L.N. Usad'benyi metalandschaft Rossii [Country Meta-Landscape of Russia]. *Russkaya usad'ba* [Russian Country Estate], 2003, no. 10, pp. 9-18.
4. Makhrova A.G. Osobennosti stadial'nogo razvitiya Moskovskoi aglomeratsii [Specific Features of Staged Development of the Moscow Metropolitan Area]. *Vestnik MGU. Ser. 5 Geografiya* [Lomonosov Moscow University Bulletin. Series 5 Geography], 2014, no. 4, pp. 10-16.
5. Nefedova T.G., Makhrova A.G. Rossiiskie dachi v raznom masshtabe prostranstva i vremeni [Russian Dachas at Different Scales of Space and Time]. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], 2015, no. 657–658. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0657/tema07.php>
6. Nefedova T.G., Savchuk I.G. Vtoroe zagorodnoe zhil'e gorozhan v Rossii i Ukraine: evolyutsiya dach i trendy ikh sovremennykh izmenenii [Suburban Second Homes of Citizens in Russia and Ukraine: Evolution of Dachas and the Trends in Their Contemporary Changes]. *Izvestiya RAN. Ser. Geograficheskaya* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series Geography], 2014, no. 4, pp. 39-49.
7. Rusanov A.V. Evolyutsiya dachnogo rasseleniya Podmoskov'ya kak element rossiiskoi suburbanizatsii [Evolution of Dacha Resettlement in the Suburbs of Moscow as an Element of Suburbanization in Russia]. *Problemy regional'noi ekologii* [Regional Environmental Issues], 2014, no. 6, pp. 127-134.
8. Treivish A.I. Dachnaya mobil'nost', dachnyi mentalitet i dachevedenie [Dacha Mobility, Dacha Mentality and Research on Dachas]. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly], 2015, no. 655-656. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0655/tema07.php>

9. Toporina V.A. Tipologiya dvoryanskikh usadebno-parkovykh kompleksov tsentral'noi Rossii po razmeshcheniyu v landshafte [Typology of the Manorial Estate and Park Complexes in Central Russia According to Their Distribution in the Territory]. *Ekologiya urbanizirovannykh territorii* [Ecology of Urbanized Territories], 2011, no. 1, pp. 60-65.
10. Sayanov A.A. Kontseptsiya landshaftno-ekologicheskogo proektirovaniya kottedzhnykh poselkov [The Concept for Ecological Landscape Design of Single Family House Settlements]. *Ekologiya urbanizirovannykh territorii* [Ecology of Urbanized Territories], 2013, no. 4, pp. 65-69.
11. Shapovalov S.S. Tipologicheskoe raznoobrazie dachnykh poselenii kak faktor formirovaniya prigorodnoi zony [Typological Diversity of Dacha Settlements as a Factor in the Formation of Suburban Areas]. *Arkhitektura i sovremennye informatsionnye tekhnologii: Mezhdunarodnyi elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal* [Architecture and Modern Information Technology: International Electronic Scientific and Educational Journal], 2010, no. 3 (12). Available at: <http://www.marhi.ru/AMIT/2010/3kvart10/shestopalov/abstract1.php>
12. Ebner M.H. *Creating Chicago's North Shore. A Suburban History*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1988. 368 p.
13. Gerold J., Drescher A.W., Holmer R. Kleingärten zur Armutsminderung – Schrebergärten in Cagayan de Oro. *Südostasien*, 2005, no. 21 (4), pp. 76–77.
14. Hiltunen Mervi Johanna, Rehunen Antti. Second Home Mobility in Finland: Patterns, Practices and Relations of Leisure Oriented Mobile Lifestyle. *Fennia* 192, 2014, no. 1, pp. 1-22.
15. Lovell S. *Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000*. Cornell University Press, 2003. 275 p.
16. Więclaw-Michniewska J. *Krakowskie suburbia i ich społeczność*. IGiGP UJ, Kraków, 2006.
17. Iz istorii administrativno-territorial'nogo deleniya Moskvy [From the History of Administrative-Territorial Division of Moscow]. *Sait Glavnogo arkhivnogo upravleniya g. Moskvy* [Website of the Main Archive Administration of the City of Moscow]. Available at: http://mosarchiv.mos.ru/uslugi/spravochniki_po_fondam/Putevoditel-1/prilozhenie.htm
18. *Karta ekologicheskoi obstanovki raionov Podmoskov'ya* [Map of the Environmental Situation in the Districts of Moscow Suburbs]. Available at: <http://www.zemer.ru/ekologiya-podmoskovya.php>
19. Chislennost' naseleniya Rossiiskoi Federatsii po munitsipal'nym obrazovaniyam [The Population of Municipal Formations of the Russian Federation]. *Sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Website of the Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce
20. *Ekologiya Moskvy i Podmoskov'ya* [Ecology of Moscow and the Moscow Oblast]. Available at: <http://www.ecoanaliz.ru/cat-ecomoscow.html>
21. *Informatsionnyi portal "Severnyi dachnik"* [Information Portal "Northern Dachnik"]. Available at: <http://sotok.net/>

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ. НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

DOI: 10.15838/esc/2015.6.42.16

Рецензия на монографию

Анализируя прошлое, думать о будущем /

под науч. рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. — 336 с.

**Вячеслав Вениаминович
ЛОКОСОВ**

доктор социологических наук, профессор
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН
117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32
info@isesp-ras.ru

Издание посвящено двадцатипятилетию Вологодского Института социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН). Начав свое существование как Отдел Института экономических проблем Кольского научного центра РАН по изучению проблем социально-экономического развития Вологодской области, Институт прошел большой путь творческого развития и приобрел широкую известность в России и за рубежом высококлассными (и в ряде случаев уникальными) исследованиями регионального развития на примере Вологодской области.

В книге обобщаются успехи ИСЭРТ РАН на пути научного, организационно-технического и административного развития ИСЭРТ РАН. Двадцать пять лет — большой срок в жизни научного учреждения, тем более что история его берет начало в беспокойное для России время. На примере ИСЭРТ РАН (и это хорошо показано в настоящем

издании) можно увидеть, как сквозь хаос разрушения начинают формироваться черты нового — частью придуманного самостоятельно, частью заимствованного за рубежом, частью на основе опыта развития академической науки последних десятилетий. Главной идеей, вокруг которой разворачивалась деятельность нового молодого коллектива, стало развитие региона.

Осмысление собственной истории — важный этап развития любого научного коллектива. Исторический анализ обретает особую актуальность, когда удается уяснить, каким образом перспективное видение реальности включает в себя прошлое и настоящее научного сообщества, как определяется его будущее. Двадцатипятилетие ИСЭРТ РАН — прекрасный повод подведения итогов и разработки новых планов. Само название монографии — Анализируя прошлое, думать о будущем — в этом смысле весьма символично.

В книге рассматривается история института, предпосылки его создания, основные этапы в развитии и главные события. Издание также показывает структуру учреждения и описывает основные направления деятельности ИСЭРТ РАН.

В монографии большое внимание уделяется деятельности руководителей ИСЭРТ РАН, многосторонней помощи в становлении и развитии института со стороны Отделения общественных наук РАН, научному и политическому вкладу академического сообщества, федеральных и региональных органов власти в деятельность коллектива; рассматриваются ключевые аналитические и академические направления исследований, вклад ИСЭРТ РАН в общественно-политическую жизнь региона.

В издании представлена информация об основных партнерах и международных связях института, использованы фотоматериалы, отражающие двадцатилетнюю жизнь ИСЭРТ РАН, а в приложениях содержится обширный фактологический материал, освещающий историю института и кадровый состав его сотрудников.

Уместно отметить, что с самого начала Институт ставил перед собой масштабные задачи по изучению социально-экономического развития вологодского региона и общих вопросов развития территорий, и предлагал конструктивные решения практических проблем экономической и социальной сферы. Эта работа стала ответом тем, кто в последнее время высказывает сомнения в нужности академических исследовательских организаций, и демонстрацией понимания долга перед страной, конструктивного отношения к власти и социальной ответственности.

ИСЭРТ РАН всегда стремился не столько к количественному росту, сколько к возможности усиления общественного влияния организации. Это достигалось тща-

тельным отбором научной тематики и продуманностью задач, на которых сосредотачивалась его деятельность. Сохранение высоких научных стандартов – важнейшая и вовсе не абстрактная задача для коллектива.

Показательно в этом смысле пятнадцатилетнее исследование здоровья и развития детей, проводимое ИСЭРТ РАН при методологической поддержке Института социально-экономических проблем народонаселения РАН. Суть исследования заключается в том, чтобы на протяжении многолетнего периода проследить изменения, происходящие в здоровье детской популяции на территории региона. Специальное мониторинговое исследование динамики здоровья и его факторной зависимости в режиме реального времени является уникальным не только для Вологодской области, но и для России. Оно позволяет увидеть трансформацию этих изменений в зависимости от непосредственно и опосредованно влияющих на них факторов. Исследование позволяет ответить на широкий круг чрезвычайно важных вопросов здоровья детей: каково качество здоровья при рождении; в чем состоят причины нездоровья детей; какова динамика качества здоровья после рождения (в сторону ухудшения или улучшения); если здоровье меняется, то под влиянием каких факторов это происходит и т.д. Как отмечает руководитель проекта д.э.н. А.А.Шабунова, «по мере осуществления мониторинга его результаты становились все более и более значимыми, требующими более глубокой интерпретации. Оглядываясь назад, мы можем отметить, что тот потенциал, который изначально был заложен в мониторинге детского здоровья, спустя 15 лет проявил себя в полной мере. Сегодня очевидно, что данные, выявленные в ходе исследования, оказались своевременными,

востребованными и новаторскими. Они открыли широкие перспективы для сохранения и укрепления человеческого потенциала».

Другим примером масштабных долгосрочных исследований ИСЭРТ РАН является изучение динамики социальной структуры региона и связанной с ней проблематикой социального неравенства. В процессе исследования удалось решить такие задачи, как оценка масштабов социально-экономического неравенства населения Вологодской области (на основе данных не только официальной статистики, но и результатов специально организованных социологических опросов); идентификация нормальной и избыточной составляющих неравенства населения, а также его особенностей; были предложены направления реформирования социальной политики на федеральном и региональном уровнях.

В целом большинство разработок института ориентированы на решение практических задач, касающихся обоснования социальнодемографической политики, прогнозов развития населения и жизненного уровня.

Подводя итог изложенному, следует констатировать, что в монографии «Анализируя прошлое, думать о будущем» успешно осуществлена попытка комплексного рассмотрения истории становления, текущей и перспективной работы талантливого и плодотворного научного коллектива. Книга, несомненно, вызовет интерес у ученых-обществоведов РАН, экономистов, социологов, государственных служащих, аспирантов и студентов, а также всех лиц, интересующихся проблематикой изучения региональной экономики и социальной сферы.

Сведения об авторе

Вячеслав Вениаминович Локосов – доктор социологических наук, профессор, директор, Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32, info@isesp-ras.ru)

Lokosov V.V.

Review of the Monograph: While Analyzing the Past, to Think about the Future / under the scientific supervision of Doctor of Economics, Professor V.A. Ilyin. –

Vologda: ISEDТ RAS, 2015. – 336 p.

Vyacheslav Veniaminovich Lokosov – Doctor of Sociology, Professor, Director, the Institute of Social and Economic Studies of Population at the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimov Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation, info@isesp-ras.ru)

Список статей, опубликованных в 2015 году

	№	Стр.
От главного редактора		
Ильин В.А. Настораживающие тенденции	1	9-15
Ильин В.А. На пути к четвертому президентскому сроку	2	9-15
Ильин В.А. Несистемные решения системных проблем	3	9-19
Ильин В.А. Экономическая политика Правительства продолжает противоречить интересам основной части населения страны	4	9-20
Ильин В.А. Проблемы перехода к новому этапу российской государственности	5	9-19
Ильин В.А. Эффективность государственного управления и накапливающиеся проблемы социального здоровья	6	11-29
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	1	16-29
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	2	16-22
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	3	20-27
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	4	21-32
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	5	20-26
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	6	30-35
Стратегия социально-экономического развития		
Гулин К.А. Межрегиональное сотрудничество в формирующемся Евразийском экономическом пространстве	5	44-53
Козырева П.М. Малое предпринимательство в России: повседневные проблемы и трудности развития	1	43-58
Кульков В.М. Завершился ли переходный период в экономике России?	4	45-59
Поварова А.И. Пассивное поведение правительства. Бюджетные проблемы регионов нарастают	3	39-55
Проворова А.А., Губина О.В., Смиреникова Е.В., Кармакулова А.В., Воронина Л.В. Методический инструментарий оценки эффективности реализации государственной социально-экономической политики развития регионов России	3	56-70
Романова О.А., Сиротин Д.В. Новый технологический облик базовых отраслей промышленных регионов РФ	5	27-43
Тореев В.Б. Трудовые стратегии россиян	2	90-103
Ускова Т.В., Разгулина Е.Д. О роли инвестиций в социально-экономическом развитии территорий	2	72-89
Ускова Т.В., Селименков Р.Ю., Асанович В.Я. Оценка реализации стратегии развития региона	1	30-42
Ускова Т.В. Социально-экономические проблемы территорий в фокусе внимания вологодских ученых	4	33-44
Чайка Л.В. Приоритеты модернизации энергетической инфраструктуры в сельской местности Республики Коми	2	104-115
Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Калачикова О.Н. Дети и молодежь в России: глобальные вызовы современности	6	36-57
Вопросы теории		
Галимов Э.М. Может ли быть успешным проект ФАНО–РНФ?	3	32-38
Губанов С.С. Системный кризис и выбор пути развития России	2	23-41
Ильин В.А., Морев М.В. Новый этап российской истории: тенденции, особенности, перспективы	2	42-71
Полтерович В.М. Реформаторам науки недостает квалификации	3	28-31
Промышленная политика		
Гулин К.А., Ермолов А.П. Национальная промышленная политика России в рамках неоиндустриального вектора развития: концептуальные подходы	6	58-77

Отраслевая экономика

Бурцева И.Г., Тихонова Т.В. Социально-экономические и экологические проблемы горнорудной промышленности Республики Коми	3	100-110
Васильев А.М. Основные направления повышения эффективности внешнеэкономической деятельности рыбной отрасли Европейского Севера	4	74-87
Гончарова Л.И., Ларичкин Ф.Д., Переин В.Н. Потенциал техногенного минерального сырья в России и проблемы его рационального использования	5	104-117
Лаврикова Ю.Г., Аверина Л.М. Стратегические основы реализации потенциала импортозамещения на примере железнодорожного машиностроения	3	85-99
Лаврикова Ю.Г., Суворова А.В., Котлярова С.Н. Учет мультипликативного эффекта как обязательный элемент оценки последствий реализации социальных программ	6	123-138
Мазилов Е.А., Гулин К.А. Организационно-экономический механизм управления промышленным комплексом как инструмент развития экономики региона	3	71-84
Мироненко Н.В. Государственное регулирование развития агропромышленного комплекса региона: проблемы оценки и совершенствования	5	118-134
Селин В.М. Методологические аспекты анализа и оценки среднелюдиного потребления рыбы и морепродуктов населением РФ	6	139-152
Селин В.С. Современные тенденции и проблемы развития арктических морских грузопотоков	4	60-73

Региональная экономика

Гаджиев Ю.А., Акопов В.И., Канев В.Н. Динамика инвестиций в основной капитал экономики северных регионов	1	59-71
Калашников К.Н. Ресурсное обеспечение российского здравоохранения: проблемы территориальной дифференциации	1	72-87
Красова Е.В., Ма Инсинь. Свободный порт Владивосток: условия развития, перспективы, риски	6	108-122

Социальное развитие

Аксютин С.В., Овсянкина Н.М. Актуальные вопросы алкогольной безопасности региона	1	117-133
Афанасьев Д.В. К исследованию роли социального капитала регионов в условиях социально-экономического кризиса	4	88-109
Важенина И.С. Возвышение потребностей: противоречивая трансформация	2	129-142
Гринчель Б.М., Назарова Е.А. Типология регионов по уровню и динамике повышения качества жизни	3	111-125
Дзуцев Х.В., Дибирова А.П. Проблема наркомании в молодежной среде Республики Северная Осетия–Алания Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации	1	99-116
Кабанов В.Н. Оценка эффективности государственных инвестиций в увеличение продолжительности жизни	5	75-88
Касимов Р.А. О нормативной модели здорового образа жизни	2	161-172
Крошилин С.В., Леонова Ж.К., Медведева Е.И., Иванова В.М. Типологические особенности экономического развития регионов России в условиях развития непрерывного образования	6	78-90
Курушина Е.В., Дружинина И.В. Демографические трансформации регионального пространства России	3	126-140
Морев М.В. Опыт региональных социологических исследований	5	54-74
Павлов Б.С. Учащаяся молодежь города и села на Урале: проблемы социально-поселенческой ассимиляции	1	88-98
Панов М.М. Анализ миграционных потоков населения районов Вологодской области	4	124-138
Панов А.М. Эффективность регулирования рынка труда региона (на примере антикризисных мероприятий)	6	91-107
Пасовец Ю.М. Риски бедности населения в современных российских условиях	2	143-160
Силин А.Н. Социологические аспекты вахтового труда на территориях севера Западной Сибири	4	109-123
Фокин В.Я. Классификация муниципальных образований региона по структуре и уровню доходов и потребительских расходов населения	5	89-103
Шабунова А.А. Двадцать лет мониторинга детского здоровья: организация, результаты, выводы	2	116-128
Шматова Ю.Е., Морев М.В. Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований	3	141-162

Общественные финансы		
Печенская М.А. Исследования функционирования бюджетной системы региона	5	147-158
Поварова А.И. Региональный бюджет 2015–2017: бездефицитность или отказ от развития?	1	150-170
Поварова А.И. Исполнение территориальных бюджетов в 2014 году: напряжение не спадает	2	187-210
Экономика и социология общественного здоровья и здравоохранения		
Шабунова А.А., Фахрадова Л.Н. Причины и факторы распространения сердечно-сосудистых заболеваний в Вологодской области (по данным исследования ЭССЕ-РФ)	1	134-149
Проблемы развития муниципальных образований		
Чекавинский А.Н., Ворошилов Н.В. Территориальное общественное самоуправление как институт развития на муниципальном уровне	6	153-168
Проблемы управления в территориальных системах		
Верба Ю.С., Иванов И.Н. Устойчивое развитие и управление проектами: задачи и результаты интеграции	5	135-146
Актуальные проблемы экономики		
Мазикова Е.В., Юманова Н.Н. Инвестиции банков в ценные бумаги: сущностный аспект тенденции развития в современных условиях	6	185-202
Инновационное развитие		
Гусаков М.А., Федорова А.В. Выявление характерных черт структурных изменений научно-инновационного процесса	6	169-184
Козицина А.Н., Филимоненко И.В. Стратегическая взаимосвязь инновационного развития и управления кадровым потенциалом региона	1	171-181
Экономика природопользования		
Михайлова Г.В., Ефимов В.А. Социальное измерение особо охраняемых природных территорий	4	151-164
Тихонова Т.В. Оценка эффективности направлений развития особо охраняемых природных территорий Республики Коми	1	182-195
Экономика агропромышленного комплекса		
Иванов В.А., Терентьев В.В., Пономарева А.С., Иванова Е.В. Основные направления ускорения модернизации аграрного сектора сельской периферии Севера (на примере Республики Коми)	3	163-178
Семьяшкин Г.М., Поздеев Д.В., Семьяшкин Е.Г. Рациональное размещение сельскохозяйственного производства на территории региона	2	173-186
Чекавинский А.Н. Резервы роста молочного скотоводства в Вологодской области в контексте решения стратегических задач государства по освоению Арктики	4	139-150
Зарубежный опыт		
Гао Мэй. Низкоуглеродное производство: проблемы и выбор пути (на примере провинции Цзянси)	4	171-179
Грибоедова И.А. Анализ и адаптация опыта диверсификации мировой продовольственной системы в Республике Беларусь	1	196-213
Киреева А.А. Дифференцированные организационно-экономические механизмы индустриально-инновационной модернизации регионов Казахстана	1	214-229
Кун Фаньбинь, Ли Чжимэн. Механизм экологической компенсации в водоохранной зоне (на примере реки Дунцзян)	3	179-190
Мао Чжиюн. Модернизация сельского хозяйства и устойчивое развитие в условиях ресурсных ограничений и необходимости охраны окружающей среды	2	211-220
Пагано Р., Шиеди А. Парадигма педагогической герменевтики в подготовке управляющих учебными заведениями	3	191-203
У Фэнган. Исследование устойчивого развития процесса урбанизации в Китае	4	165-170
Чжан Ихун. Изучение интеграции экономики и экологии в провинции Цзянси: подход к устойчивому развитию региона	5	173-181
Чэнь Нин. Исследование участия общественности в охране окружающей среды Китая	6	203-213

Дискуссионная площадка

Третьякова О.В. Продвижение научного журнала в международном информационном пространстве: проблемы и решения	3	204-223
Третьякова О.В. Развитие национального индекса цитирования как условие формирования системы оценки результатов научной деятельности	1	230-245
Третьякова О.В. Рейтинг научных журналов экономических институтов РАН	5	159-172

Молодые исследователи

Белехова Г.В. О методологических подходах к исследованию сберегательного поведения населения	1	246-263
Бийжанова Э.К. Российско-казахстанское приграничье: социологический анализ	6	224-231
Короленко А.В. Динамика смертности населения России в контексте концепции эпидемиологического перехода	4	192-210
Козырева О.В. Феномен социального института и его теоретическое определение	6	214-223
Лавриненко П.А., Рыбакова Д.А. Сравнительный анализ региональных различий в сферах здоровья населения, экологии и здравоохранения	5	198-210
Маковеев В.Н. Совершенствование механизма управления инновационной деятельностью в обрабатывающей промышленности	4	180-191
Русанов А.В. Специфика дачной субурбанизации в России на примере Московского региона	6	232-245
Чекмарева Е.А., Панов М.М. Проблема оценки трудового потенциала сельских территорий	2	221-239
Шишкина М.А. Влияние особенностей репродуктивного поведения населения Республики Коми на функционирование института родительства	5	182-197

Научные обзоры. Научные рецензии. Отзывы

Ласточкина М.А. Научная жизнь: исследование социокультурной модернизации регионов России	5	211-222
Локосов В.В. Рецензия на монографию «Анализируя прошлое, думать о будущем» (под науч. рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина)	6	246-248
Рецензируется: Д.Л. Константиновский, Е.Д. Вознесенская, Г.А. Чердниченко «Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие»	4	211-214

Юбилей

Сычеву Михаилу Федоровичу – 80 лет	5	223-225
------------------------------------	---	---------

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Предлагаемые статьи должны содержать результаты исследований, обладающие новизной и практической направленностью, являться доступными по форме изложения для широкого круга читателей, соответствовать научной направленности журнала (экономические и социологические науки).

Статья должна, как правило, содержать следующие аспекты: цель работы; метод и методологию проведения работы; её результаты; область применения результатов; выводы. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, предложениями, гипотезами, вытекающими из содержания статьи. При представлении в статье результатов социологических исследований необходимо указать следующую информацию: сведения о методологии и методике; дату, место (территорию) и организацию, проводившую исследование; структуру генеральной совокупности; тип, объем и ошибку выборки; описание методов сбора и анализа данных. Данную информацию следует изложить в одном из следующих вариантов: в специальном разделе (параграфе) статьи; непосредственно в тексте; в сноске. При оформлении таблиц важно пояснить, как считаются проценты: от числа ответивших на данный вопрос или от совокупности опрошенных. Пристатейный список литературы должен быть представительным, демонстрировать профессиональный кругозор и качественный уровень исследований авторов. Работы в пристатейном списке располагаются в алфавитном порядке сначала на русском, затем на английском (или любом другом — на латинице) языке. При ссылке в тексте даётся номер работы в квадратных скобках.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений, а также за то, чтобы в статье не содержалось данных, не подлежащих открытой публикации.

Приводимые в таблицах (графиках) стоимостные показатели, относящиеся к разным временным периодам, представляются, как правило, в сопоставимой оценке. Если в таблицах (графиках) содержатся сравнительные данные по отдельным территориям, видам экономической деятельности и т.п., то они представляются в ранговом порядке с указанием периода, по которому производится ранжирование.

Объём статьи — не более 40 000 знаков (1 а.л.), включая пробелы и сноски, для докторов и кандидатов наук (в том числе при соавторе, не имеющем учёной степени) и не более 20 000 знаков (0,5 а.л.) — для остальных авторов. Исключения по объёму возможны только по предварительной договорённости с редакцией.

Автор представляет текст статьи и сопроводительные сведения в печатном виде по почте (один экземпляр, на одной стороне листа) и идентичные материалы по электронной почте. Печатный вариант обязательно подписывается автором (авторами).

Текст статьи направляется в формате MS Word в соответствии со следующими параметрами: гарнитура Times Roman, размер шрифта — 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5, сноски в порядке упоминания в тексте в конце текста арабскими цифрами. Графики и диаграммы для электронного варианта статьи выполняются в программе MS Excel и даются отдельным файлом, который должен содержать не только сами графические материалы, но и исходные данные (таблицы). Блок-схемы оформляются в формате MS Word или MS VISIO-2003.

Статье должен быть присвоен **индекс УДК** (располагается до заголовка статьи).

Статью должны сопровождать **аннотация** (200 — 250 слов; предполагается описание следующих позиций: формулировка проблемы, указание методики исследования и источников информации, характеристика основных результатов исследования, варианты решения проблемы) и **ключевые слова на русском и английском языках, библиографические списки**.

К статье прилагаются (отдельным файлом) **сведения об авторах статьи**, содержащие: заголовок статьи (**на русском и английском языках**), фамилию, имя, отчество (полностью),

учёную степень, учёное звание, полное название и адрес организации – места работы, занимаемую должность, телефон и факс, адрес электронной почты, почтовый адрес для переписки.

К электронному варианту статьи прилагается **цветная фотография автора (авторов)** размером 4 × 6 см в формате tif (предпочтительно) или jpeg разрешением 300 dpi.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и редакцией журнала должен быть заключён Лицензионный договор с приложением к нему Акта приёма-передачи произведения. Эти документы, составленные по приведённой ниже форме и подписанные всеми авторами статьи, представляются в редакцию вместе с текстом статьи. Подписанный редакцией экземпляр договора будет направлен авторам по почте вместе с авторским экземпляром номера журнала.

Рукописи следует направлять **Почтой России** по адресу: 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН, редакция журнала, с пометкой «для публикации в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», а также **на электронный адрес: common@vscc.ac.ru.**

Факс: 8(8172)59-78-02. Тел.: 8(8172)59-78-31.

При полной или частичной перепечатке рукописей в другом издании обязательна ссылка на журнал.

Все рукописи подлежат рецензированию. Если у рецензента возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Датой поступления статьи считается дата получения редакцией окончательного варианта статьи. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений и сокращений, не искажающих смысла статьи.

С 2010 года в журнале открыта рубрика «Молодые исследователи», в которой публикуются рукописи аспирантов. Статья должна быть без соавтора, заверена научным руководителем, рекомендована научной организацией, за которой закреплён аспирант.

Внимание! В случае несоблюдения указанных требований статья редакцией не рассматривается.

С электронной версией журнала можно ознакомиться по адресу: <http://esc.vscc.ac.ru>.

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ИСЭРТ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

АКТ
приёма-передачи произведения

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «**Лицензиат**», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «**Лицензиар**», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «**Сторона/Стороны**», составили настоящий акт о том, что Лицензиар предоставил Лицензиату Произведение _____ в печатной/электронной версии для использования в соответствии с подписанным сторонами Лицензионным договором № _____ от « ____ » _____ 20__ года.

Передал
Лицензиар:

Принял
От Лицензиата:

_____ / _____
подпись

_____ / _____
ф. и. о. полностью

_____ / _____ / _____ / _____
подпись

М. П.

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вам оформить подписку на журнал
«**Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз**».

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН» (ИСЭРТ РАН).

В журнале публикуются результаты исследований по оценке эффективности функционирования региональных социально-экономических систем Северо-Западного федерального округа России, секторов экономики субъектов округа и муниципальных образований по направлениям:

- стратегия развития;
- региональная экономика;
- социальное развитие;
- внешнеэкономические отношения;
- информационная экономика;
- проблемы расширенного воспроизводства и др.

Журнал включён в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России №6/6 от 19 февраля 2010 года журнал включен в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Главная цель издания – предоставление широким слоям научной общественности и практическим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения региональной экономики, принимать участие в обсуждении этих проблем.

Редакционная коллегия, осуществляющая независимую экспертизу научных статей, состоит из ведущих ученых ряда регионов России.

Журнал выходит 6 раз в год.

Существует несколько способов оформления подписки на журнал «Экономические и социальные перемены: факты тенденции, прогноз»:

- **Подписка на журнал на Почте России.**

Самый простой и традиционный способ — это подписка на Почте. Подписка на журнал осуществляется через объединенный каталог «Пресса России». Подписной индекс журнала «Экономические и социальные перемены: факты тенденции, прогноз» - **41319**.

Поиск журнала по печатному каталогу на Почте довольно прост: по тематике, по алфавиту, по индексам. При оформлении подписки на журнал на Почте России Вы найдете данное издание в разделе «Экономика. Статистика» каталога «Пресса России».

- **Подписка в редакции.**

Наш менеджер будет рад проконсультировать Вас по вопросам подписки.

Журнал можно приобрести за безналичный расчет по договору.

Менеджер: Бушманова Анна Станиславовна

Телефон: 8 (8172)59-78-10 (доб. 387)

e-mail: bushmanova@vscc.ac.ru

- **Онлайн-подписка.**

На сайте <http://www.aks.ru> Вы легко сможете оформить онлайн-подписку на журнал.

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	И.А. Головина

Подписано в печать 25.12.2015.
Дата выхода в свет 30.12.2015.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 30,3 . Тираж 500 экз. Заказ № 346.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and social changes: facts, trends, forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-60248 от 19 декабря 2014 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru